ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ завѣдываніемъ Е. В. БАРСОВА.

1884

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

1884.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815 — 1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ, пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицъ Анны Іоановны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. 1878 г, Ц. 1 р. 50 коп.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р. перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. БАРСОВА.

1884

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
Страстномъ бульварѣ
1884.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

КІЕВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ СВ. ВЛАДИМІРА

ВЪ ДЕНЬ

ПОЛУВѢКОВАГО СЛУЖЕНІЯ ЕГО НАУКѢ

И

РУССКОМУ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

АДРЕСЪ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Кіевскому Университету св. Владиміра въ день его пятидесятилѣтняго юбилея.

8 Сентября 1884 года.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ съ сердечною радостію привѣтствуетъ Императорскій Университетъ Св. Владиміра съ наступившею полувѣковою годовщиною его славнаго служенія Наукѣ и Русскому Просвѣщенію во Владиміровой Руси, въ той священной и святой Кіевской области, гдѣ наша дорогая, могучая Русь впервые зародилась въ исторической славѣ и силѣ и впервые просвѣтилась истинною Вѣрою, положившею въ первыхъ Русскихъ святыхъ книгахъ первое начало и научному просвѣщенію такъ достохвально и самобытно отразившемуся въ написаніи первой нашей Лѣтописи.

Самобытно и независимо Кіевская древняя Русь держала свое грамотное просвѣщеніе, претворяя въ Русское сознаніе все въ этомъ отношеніи пришлое и чужеплеменное, все, что по необходимости должна была усвоивать и заимствовать отъ иныхъ странъ для просвѣщенія своего ума, для укрѣпленія своего знанія. Памятники древняго Русскаго письма и слова—лучшіе свидѣтели, что таково именно было направленіе первоначальной просвѣтительной дѣятельности Владиміровой Кіевской Руси.

Да хранитъ на долгія времена и вѣка Университетъ Св. Владиміра достославно держимый имъ полвѣка святой его завѣтъ: самобытно и независимо свѣтить Владиміровымъ Солнцемъ Русскому просвѣщенію, озарять исторію священнаго Кіевскаго края новыми и новыми изслѣдованіями на утвержденіе и укрѣпленіе Русскаго сознанія, какъ озарила и просвѣтила это Русское сознаніе наша первая Лѣтопись, написанная на тѣхъ же Кіевскихъ святыхъ горахъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ въ ознаменованіе свѣтлой памяти о полувѣковой просвѣтительной дѣятельности Университета Св. Владиміра, о его первомъ профессорѣ и ректорѣ М. А. Максимовичѣ, какъ дѣятельнѣйшемъ членѣ Общества, именно въ то время, когда самые труды Общества, при помощи его приснопамятнаго секретаря О. М. Бодянскаго, съ особеннымъ вниманіемъ посвящались обслѣдованію и разработкѣ Южно-Русской и преимущественно Кіевской исторіи и такимъ образомъ родственно связывали ученые интересы и ученыя силы Кіева и Общества Исторіи,—въ свѣтлую память о той многолѣтней и многоплодной дѣятельности Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ посвящаетъ нынѣ свою новую книгу **Чтеній**, собранную изъ матеріаловъ и изслѣдованій о Южно-Русской старинѣ, въ числѣ которыхъ изслѣдованіе о Словѣ о Полку Игоревомъ да послужитъ напоминаніемъ о блистательныхъ первыхъ лекціяхъ въ Университетѣ Св. Владиміра, читанныхъ о томъ же Словѣ первымъ профессоромъ Русской Словесности М. А. Максимовичемъ, свѣтлая личность котораго да будетъ памятна во вѣки.

ОПИСАНІЕ АКТОВЪ

АРХИВА МАРКЕВИЧА,

ОТНОСЯЩИХСЯ

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Е. В. Барсова.

ОПИСАНІЕ АКТОВЪ

АРХИВА МАРКЕВИЧА,

ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

I. Кіевопечерская Лавра.

1. Отношеніе Аѳанасія Милославскаго архимандрита Печерскаго къ гетману съ жалобой на стародубскаго полковника, который, «завзявши не афектъ противъ обители святопечерской и ставши крѣпко при своемъ упорѣ насильно обираетъ власный ґрунтъ Печерскій». За подп. архим. 1714 г.

2. Грамота Петра, Великаго Кіевопечерской Лаврѣ на имя архимандрита Іоанникія Сенютовича 1720 г. на разныя права и угодья. Здѣсь интересно описаніе бывшаго здѣсь пожара въ 1718 г. «Та печерская обитель з допущенія Божія отъ огня вся кругомъ раззорилась и во оной церковь святая соборная Успенія Пресв. Богородицы со всѣми утварми и иконнымъ украшеніемъ, съ ризницею и всею казною денежною, и прочія церкви, печатный домъ со всѣми книгами и инструментами типографическими, библіотека, кельи, къ тому жъ и крѣпости и жалованныя грамоты наподанные на свѣщу неугасимую, на ладонъ и вино и на милостыню братіи и на монастыри приписнія, а именно на Бранскій, Свѣнскій, Трубчевскій, Чолнскій, Зміевскій, Сенянскій, Онбышскій съ вотчинами и со всѣми угодьями, на вотчины на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и Десны въ малой Россіи и

въ державѣ Полской будучіи, мѣстечка, села, деревни и инія угодія, да грамоты жъ на волной и безденежной пропускъ чрезъ мостъ Днѣпровій монахомъ, послушникомъ и поданнымъ тоя обытели за Днѣпръ и изъ-за Днѣпра, такожде и плотамъ и судамъ монастырскимъ внизъ и вверхъ чрезъ мостъ проходячимъ; да грамоты жъ святѣйшихъ патріарховъ Константинопольскихъ ставропигіальные—всѣ погорѣли. Важны также для исторіи Лавры выписки изъ другихъ грамотъ, какъ-то: Госуд. Алексѣя Михайловича отъ 1654 г. авг. 11 дня отъ 1658 г. авг. 31 дня, Θедора Алексѣевича отъ 1680 г. мая 9 дня, Петра I отъ 1695 г. мая 25 дня; равно какъ и выписки изъ писцовыхъ книгъ Θедора Стремоухова, да подъячего Ивана Якимова; изъ этихъ документовъ видны права и владѣнія Лавры, устройство и состояніе приписныхъ монастырей и отношеніе къ нимъ Лавры... Копія 1738 г. завѣрена Бучуковымъ; подлинную принялъ назадъ игуменъ Омбинскаго монастыря Варлаамъ Уманцъ.

3. Такая же грамота подъ № 2670 о пожарѣ 1718 и о томъ, что истреблено огнемъ, какіе монастыри были къ Лаврѣ приписными; вклады на свѣщу неугасимую, на ладонъ и вино дары царей; помощь отъ Государя 5,000 р. и присылка изъ Москвы архитектора. Особое приложеніе.

4. Грамота Государя Петра I-го, по поводу того же пожара; Государь повелѣваетъ соборную церковь Успенія Богородицы обновить по прежнему, а для того строенія послать изъ Москвы нарочно архитектора, а на строеніе дать изъ казны пять тысячъ рублей, а что къ тому церковному строенію и каменной колокольни денегъ еще будетъ потребно, гетману Ивану Скоропадскому сдѣлать смѣту и то число собрать съ полковниковъ, съ старшины полковой, съ сотниковъ, съ старшины городовой и съ знатныхъ козаковъ. 1720 г. окт. 16, въ копіи.

5. Прошеніе Кіевопечерской Лавры къ бригадиру Вельяминову о томъ, чтобы не брать съ нее пчелиной десятины; подписались архим. Іоанникій, намѣстникъ Антоній, соборные старцы Елисей и Яковъ, экономъ Пахомій, уставщикъ Венедиктъ, экклесіархъ Иліодоръ, іеросхимонахъ Михаилъ, блюститель пещеръ препод. Θеодосія Іоаннъ. 1722 г. 15 октября.

6. Донесеніе Полуботка Савича и Жураковскаго въ малороссійскую коллегію о томъ, чтобы Θедору Чуйковичу, сборщику пчелиной десятины въ Переяславскомъ полку, давано было по 10 человѣкъ козаковъ; распоряженіе это послѣдовало потому, что городничій Кіевопечерской

маэтности села Вишневки взялъ у атамана тамошняго пчелиную десятину и Чуйкевичу оной не отдалъ. За подписью означенныхъ лицъ 1722 г. окт. 11.

7. Донесеніе князя Ив. Трубецкаго г-ну бригадиру (Наумову) съ извѣщеніемъ, что Кіевопечерскій архимандритъ Іоанникій съ братіею подалъ ему доношеніе, чрезъ которое объявляетъ принужденіе къ сбору пчелиной десятины подданныхъ ихъ монастырскихъ отъ присланнаго Чуйкевича, чего у нихъ никогда не бывало. 1722 г. Кіев. 18 сент. За подп. кн. Трубецкаго.

8. Грамота того же Государя, на имя того архимандрита, по челобитью Лаврскихъ монаховъ Патермуфія и Самсона, коею высочайше утверждаетъ за Лаврой купленный ею грунтъ Куровшина. 1723 г. авг. 2 дня.

9. Отношеніе архимандрита Кіевопечерской Лавры Іоанникія съ братіею въ генеральную войсковую канцелярію на жалобу жены сотника Ивана Чернолужскаго въ томъ, что ей нанесли безчестіе монастырскіе подданные и истребили ея греблю, которая простиралась отъ ея грунта до грунта монастырскаго: «о томъ всемъ, пишетъ архимандритъ, надлежало было, не турбуючи вашего благородія, бить челомъ самому мнѣ, гдѣ бы по розыску учинена была слушная управа, что показанную ея греблю давно бы надлежало раззорити, и предлагаетъ, не похочетъ ли она половинную часть всякой корысти отъ этой гребли и устроенной на ней мельницы до дворца монастырскаго вступити». За подписью архимандрита Кіев. 1726 г.

10. Жалоба коммиссара Черниговскаго Ѳедора Посудевскаго гетману о своихъ маэтностяхъ, деревняхъ Оснякахъ и Боркахъ, пожертвованныхъ дѣду и прадѣду его еще до державы лядской королевскими привилегіями, и о притѣсненіяхъ со стороны Кіевопечерскаго городничаго Пакульскаго изъ-за сосѣднихъ съ нимъ монастырскихъ маэтностей. 1728 дек. 1.

11. Прошеніе Кіевопечерскаго намѣстника Вассіана объ отдачѣ въ Кіевскій магазинъ фуража и провіанта; проситъ, чтобы при пріемахъ не было притѣсненій, отчего «бѣдніе люди и скотъ з голоду и холоду великую претерпѣваютъ нужду». 1737 г. генв. 17 д.

12. Отношеніе графа фонъ-Миниха къ генералъ-аншефу графу Румянцеву о томъ, что пріемъ полковыхъ лошадей съ Кіевопечерскихъ маэтностей отъ архимандрита Иларіона порученъ барону фонъ-Левендалю. 1738 г. нояб. 7 дня.

13. Отношеніе Кіевопечерскаго архимандрита Иларіона къ А. И. Румянцову съ увѣдомленіемъ, что 50 лошадей, слѣдующихъ Кіевопечерскихъ маэтностей—для драгуновъ, представлены имъ въ Кіевѣ г-ну бригадиру Шипову въ Ново-Троицкій полкъ. 1738 г. нояб. 22. За подписью самого Иларіона архим. Кіевопеч. Лавры...

14. Квитанція Шипова Кіевопечерскому монастырю въ полученіи лошадей; при ней опись и въ каждомъ изъ нихъ дворовъ и маэтностей Лавры; скрѣплена перводіакономъ Лукою. 1738 г. окт. 25 дня.

15. Отношеніе Иларіона, архимандр. Кіевопечерскаго, въ войсковую генеральную канцелярію о наборѣ лошадей, годныхъ въ драгунскую службу. 1738 г. окт. 6.

16. Прошеніе Луки, архимандрита Кіевопечерскаго, гетману о подорожной отъ Глухова въ Кіевъ для священнослуженія, въ Лаврѣ въ день восшествія на престолъ. 1758 г. нояб. 16.

17. Отношеніе фельдмаршала графа К. Разумовскаго къ генералъ-аншефу П. Стрѣшневу по жалобѣ Кіевопечерской Лавры на несправедливое размѣщеніе квартирующихъ войскъ въ Кіевопечерскихъ маэтностяхъ, въ волостяхъ Бобовицкой и Попогорской, и на утѣсненія ими Лаврскихъ подданныхъ.

18. Отъ него къ нему же о томъ же, 1760 г. дек. 22.

19. О томъ же дѣлѣ. Изъ этихъ бумагъ видно, что въ монастырскихъ маэтностяхъ, въ Новомѣской сотнѣ, въ волостяхъ Бобовицкой и Попогорской, находившихся при самой границѣ безпрерывно квартировали «форпостніе и другіе пограничніе команды»—въ селѣ же старыхъ Бобовичахъ много годовъ безвыходно проживали солдаты числомъ около ста и больше, посылаемые отъ Кіевскаго гарнизона для жженія извести и заготовленія лѣсныхъ припасовъ; въ селѣ Вишковѣ—также при обывательскихъ квартирахъ постоянно проживали таможенные служители съ гарнизонной командой; кромѣ того съ 1758 г. въ селѣ Вишковѣ сталъ на квартиры «штапъ драгунскаго полку съ командою и служителями, въ старыхъ Бобовичахъ устроился лазаретъ, а въ селахъ Неглюбкѣ, Забори, Летехахъ и слободѣ Свяцкой четыре роты, да въ деревнѣ Антоновкѣ резервная команда и 58 казаковъ Стародубскаго полка. Эти военные постояльцы жгли лѣса, выдѣлывали известь въ чужихъ горахъ безъ платы, выгоняли обывателей изъ домовъ, такъ что послѣдніе принуждены были жить въ баняхъ и въ клѣтяхъ; лѣнясь ходить за дровами, солдаты жгли постройки, опустошали огороды, скашивали сѣнокосы, насильно брали подводы, отнимали и пор-

тили «возы, колеса, лантухи, мишки, сокиры; строили насильно сараи, отнимали барановъ, свиней, птицъ, медъ; заставляли обывателей служить имъ, войтовъ сѣкли плетми» и т. п. Хотя графъ Разумовскій и дѣлалъ распоряженія, чтобы штапъ выступилъ изъ села Высикова и расположился въ раскольничей Стародубской слободѣ Зибкой равно и лазаретъ былъ перенесенъ въ раскольническую слободу Шаламахи, но эти распоряженія не исполнились. 1760 г. дек. 4. Глухово; за подписью графа Разумовскаго.

20. Прошеніе архимандрита Кіевопечерской Лавры Луки къ П. И. Стрѣшневу о выводѣ штаба и лазарета изъ Лаврской Лищицкой экономіи въ другія мѣста (см. 1011). 1760 г. дек. 20. За подписью арх. Луки.

21. Его же къ П. И. Стрѣшневу о противораскольномъ стѣсненіи монастырскихъ маэтностей несправедливымъ размѣщеніемъ Московскаго Драгунскаго полка по квартирамъ 1760 г. нояб. 9. За подп. арх. Луки.

22. Жалоба Кіевопечерскаго арх. Луки къ гетману о необыкновенномъ отягощеніи Лаврскихъ Стародубовскихъ крестьянъ постоемъ и о насиліяхъ и противозаконныхъ поборахъ, производимыхъ постояльцами. 1760 г. сент. 29 дня.

23. Судіи полковника Зиновія Барсука къ гетману Кириллу Разумовскому о томъ же. 1760 г. іюля 30.

24. Того же Барсука, полковаго писаря Миткевича и эсаула Шума къ тому же гетману объ исключеніи Лаврскихъ крестьянъ на зимніе мѣсяцы отъ постоя. 1760 г. апр. 1.

25. Полковника Дарагана, судіи Барсука, писаря Миткевича и эсаула Шума къ гетману о томъ же.

26. Вѣдомость о томъ, какіе именно консистенты и другія команды Стародубскаго полка стоятъ на квартирахъ въ обывательскихъ и монастырскихъ въ Кіевопечерскихъ волостяхъ Боровицкой и Попогорской. 1760 г. сент. 28.

27. Грамота Императрицы Елисаветы, коею позволяется Кіевопечерской Лаврѣ выбрать 28 или 38 достойныхъ кандидатовъ, находящихся въ Кіевопечерской Лаврѣ или въ другихъ Кіевскихъ обителяхъ по древнему обычаю соборнѣ въ присутствіи Кіевскаго митрополита Арсенія. 1761 г. іюля 5.

28. Отношеніе Зосимы архимандр. Кіевопечерскаго графу Румянцову о томъ, что копіи съ его предписаніемъ объ употребленіи

всѣхъ средствъ къ поимкѣ злодѣевъ, о предосторожностяхъ отъ огня и о недопущеніи къ хожденію нищихъ по міру, разосланы во всѣ приписные Лаврѣ монастыри; относительно нищихъ прибавляется, что для нихъ имѣется учрежденная отъ Лавры богадѣльня и въ оной пребываютъ на всемъ Лаврскомъ содержаніи нищихъ 35 душъ, а бываетъ и больше. 1777 г. дек. 11 дня.

29. Жалобы повѣреннаго Кіевопечерской Лавры іеромонаха Амфилохія въ Малороссійскую коллегію на то, что артиллерійскій полкъ фузелеровъ незаконно переведенъ изъ Подольскихъ въ Лаврскія села и деревни, какъ-то: въ Хотовъ, Пироговъ, Романовку, въ Кожуховку и Мишаловку; проситъ вывесть полкъ на старыя мѣста. 1779 г. дек. 9 д.

30. Прошеніе архимандрита Кіевопеческой Лавры Зосимы къ графу Румянцову о томъ, чтобы Лаврскіе подданые Давидовичь и Скляренко принятые въ военную службу безъ вѣдома Лаврскаго собора и потомъ снова бѣжавшіе въ Лавру исключены были изъ полку. Дѣло это началось тѣмъ, что офицеръ легкоконнаго Черниговскаго полка, проѣзжая по Кіеву, встрѣтилъ на дорогѣ наборщика Лаврской типографіи означеннаго Давидовича и «ободравъ до рубашки, какъ бѣглеца забилъ въ колодки и затѣмъ, прибѣжавши въ настоятельскую келью, съ крикомъ и шумомъ, съ похвалками и угроженіями требовалъ другаго Лаврскаго подданнаго, Скляренко». 1781 г. сент 13. За подписью арх. Зосимы.

2. Петропавловскій Глуховскій монастырь.

1. Универсалъ гетмана Выговскаго на имя Глуховскаго игумена Уріила Ивановича на право владѣнія селами Холопковымъ и Баничами съ мельницею Стрѣльницкою. 1658 г. генв. 1 д.

2. Универсалъ Ивана Брюховецкаго на тѣ же села и тотъ же млинъ на р. Клевену. 1664 г. сент. 16 д. На имя игумена Иннокентія Быковскаго.

3. Демьяна Игнатовича многогрѣшнаго—на тѣ же села и ту же мельницу. 1669 г. март. 9 д.

4. Его же на Мацьково и на Мутанскій перевозъ. 1669 г. Марта 9 д. На имя того же игумена.

5. Ивана Самуиловича на Будыще, Везонку и озера на Сейму. 1672 г. сент. 26 д.

6. Его же на имя того же игумена на мельницу на р. Шобецѣ. 1672 г. сент. 27 г.

7. Ивана Мазепы на имя игумена Сильвестра Климкевича на тѣ же села и угодья. 1687 г. окт. 11 д.

8. Его же на имя того же игумена и на тѣ же угодья. 1692 г. ноября 28 д.

9. Его же на имя игумена Мелетія Трофимовича на тѣ же права. 1707 г. окт. 29 д.

10. Ив. Скоропадскаго на имя того же игумена о томъ же. 1710 г. мая 25 д.

11. Жалованная грамота Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей Глуховскому Петропавловскому монастырю на имя игумена Сильвестра по его челобитью на монастырскія села Холопково, Баньчи, Мацьково, Ратавку, Бородавку, Ховзовку, Будыща, Чернецо, на крестьянъ, марта 10, за скрѣпой дьяка Василья Бобынина.

12. Отношеніе Рафаила Заборовскаго къ гетману Даніилу Апостолу о производствѣ Іоиля въ Глуховскіе Петропавловскіе игумены согласно его ходатайству; проситъ въ нуждахъ монастырскихъ вспомоществованія являти, отъ налагаемыхъ городовыхъ на вотчины того монастыря Глуховскаго тяжести милостивно защищати да и отъ помѣщичихъ утисненій заступать». 1731 г. сент. 19 д.

13. Мазепы на имя того же игумена 1707 г. сент. 3. о Мутынскихъ озерахъ. 1707 г. сент. 3.

14. Скоропадскаго на имя того же игумена на половину рыбныхъ ловель въ Мутынскихъ озерахъ. 1709 г. окт. 29.

15. Купчія: 1) на озеро Гортомлю 1724 г. нояб. 21 д. 2) на Дубровку; 3) на ту же Дубровку; 4) на озеро Саманъ; 5) на озеро Бичиводи 1725 г. іюля 15 д. 6) на урочище Быстрее 1725 г. апр. 10 д. 7) на то же урочище 1725 г. авг. 8 д. 8) на огородъ съ садкомъ въ селѣ Мутинѣ 1724 г. мая 10 д. 9) на озеро Тростянецъ 1724 г. іюля 1 д.

16. Выпись изъ Мѣсскихъ Глуховскихъ книгъ 1724 г. іюня 16 дня.

17. Собственноручное писмо игумена Луки къ тому же гетману съ увѣдомленіемъ, что оглашеніе жидовъ обратившихся въ христіанство и присланныхъ для сей цѣли въ монастырь поручено было іеромонаху Иннокентію уставнику, который двѣ недѣли пріучивалъ ихъ къ «обрядамъ первоналежащимъ». 1729 г. мая 23 дня.

18. Писмо игумена Луки къ гетману Даніилу Апостолу съ просьбою, чтобы игуменомъ на его мѣсто былъ сдѣланъ намѣстникъ Михаиловскаго Златоверхаго монастыря. 1730 г. авг. 9 дня.

19. Писмо игумена Іоиля къ тому же гетману о селѣ Басмани въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря; жалуется, что 7 сент. Степанъ Микрошевскій, наѣхавши въ обитель святую со слугами и нашедши на келью игуменскую, соборнихъ старцевъ безчестними ругалъ словами и, собравъ своихъ поданныхъ до 100 человѣкъ, нахаломъ изстарѣ владѣеміи нами изки порубилъ, самоволіемъ, безправно; проситъ суда. 1732 г. ноября 29 дня.

20. Писмо того же игумена и тому же гетману съ жалобой на казаковъ и ихъ командировъ, порубившихъ монастырскую завѣтную рощу; вырубили 100 громадныхъ дубовъ, 1269 березъ и 53 липы' кромѣ того множество мелкихъ деревьевъ. 1732 г. мая 4 дня.

21. Универсалы (въ копіяхъ): Брюховецкаго. 1664 г.

22. Многогрѣшнаго 1669 г.

23. Самоиловича 1672 г.

24. Мазепы 1686 г.

25. Его же 1692 г.

26. Скоропадскаго 1710 г.

На тѣ же монастырскія владѣнія и привилегіи.

27. Грамоты: 1) Царя Алексѣя Михайловича игумену Иннокентію на село Холопково да на деревню Баничамы со всѣми угодьями, да на три деревни, поселившіяся вновь на монастырской землѣ Везонку, Ховзовку и Будища 1768 г. сент. 11. 2) Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей игумену Сильвестру на тѣ же угодья и права 1689 февр. 20. 3) Тѣхъ же царей на тѣ же владѣнія и мельницу на р. Клевенѣ и на Мутинскій перевозъ. 1693 г. мар. 10 д.

28. Писмо гетмана Скоропадскаго къ уставщику монастыря Петропавловскаго по жалобѣ Грицка Пасѣчника, котораго монахи схватили въ тюрму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ пасѣкѣ одинъ улей пчелъ; этого еще не довольно, але еще и сына јего хлопца черезъ тыжневъ дни розгами быто, всякаго дня даючи по сто розокъ, допрашаючи, чи не скажетъ того злодійства на своего батька. За подписью гетмана и печатью.

29. Прошеніе Луки, игумена Петропавловскаго монастыря, къ гетману о мельницѣ на р. Клевенѣ со греблею, которая изстари была во владѣніи монастыря, но которою въ 1720 г. завладѣлъ староста князя А. Д. Меньшикова будто бы для князя; проситъ возвратить ее монастырю

и прилагаетъ акты: 1) Грамоту Царя Өедора Алексѣевича 1688 г. апр. 4 д. 2) Крѣпость на владѣніе, учиненную окольничимъ Неплюевымъ по Государеву указу и 3) грамоту Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей на то же. Рукою игумена въ концѣ приписано: «слово въ слово списано».

30. Прошеніе въ Войсковую генеральную канцелярію о выдачѣ паспорта для проѣзда въ Кіевъ къ митрополиту Варлааму Ванатовичу ради монастыркихъ нуждъ.

31.—къ генеральному писарю Симеону Савичу по поводу крестьянина Бугая, искавшаго казачества.

32. Прошеніе намѣстника іеромонаха Варлаама гетману о томъ, чтобы доходъ, собиравшійся съ торговцевъ въ праздникъ Петра и Павла, за мѣсто, за изрубъ лѣса и пустошеніе травъ, обращенъ былъ, согласно старинному обычаю, въ пользу монастыря; «нынѣ тотъ доходъ невѣдомо для чего отнятъ у насъ паки и собираютъ Глуховскіе завѣдовцы»......

33. Его же прошеніе въ Войсковую генеральную канцелярію съ жалобою на жителей села Богдановки и слободки Василенковихъ, что они не помогали устроять гребли и мостовъ на р. Шосцѣ, хотя пользуются переѣздомъ; проситъ, чтобы означенные жители устроили хотя одинъ мостъ яловій. 1736 г. ноября 9 д.

34. Отношеніе игумена Никифора къ генералъ-аншефу А. И Румянцову о фуражѣ и провіантѣ съ монастырскихъ вотчинъ 1738 г., мая 10 д.

35. Его же генералъ-губернатору Московскому И. Ө. Барятинскому объ отягощеніи подводами монастырскихъ селъ; проѣзжаютъ многонародно, безъ прогоновъ; отъ показанной тягости иніе люди прочь разарѣлись и всѣ намѣрены разбрѣстись. 1746 г. іюля 28 д.

3. Монастырь Макошинскій (Никольскій).

1. Копіи актовъ на разныя права и угодья.

1. Адама Киселя 1650 г. 19 іюля (на польск. языкѣ).

2. Его же 1660 г. 14 авг.

3. Яна Казимира 1654 г.

4. Его же 1664 г.

5. Его же 1664 г. апр. 20 д.

6. Выпись съ книгъ Минскихъ 1664 г. апр. 20 д. на польскомъ языкѣ.

7. То же 1665 г. мая 2 д.

8. Выпись изъ книгъ Сосницкихъ 1676 г. 20 авг.

9. Тоже 1665 г. іюня 12 д.

10. То же 1661 г. апр. 15 д.

11. То же 1699 г. марта 14 д.

12. Универсалъ Брюховецкаго игумену Виктору Бубличовичу на тѣ же маэтности. 1663 г. іюля 3 д.

13. Универсалы его же на тѣ же маэтности. 1664 г. окт. 31 д.

14. Грамота ц. Алексѣя Михайловича игумену Пафнутію на угодья съ землями и озерами. 1668 г. сент. 15 д.

15. Универсалъ Демьяна Игнатовича многогрѣшнаго тому же игумену на владѣніе перевозомъ на р. Деснѣ. 1671 г. апр. 5.

16. Универсалъ его же на млины и перевозы Змѣтневскіе, Сохачевскіе, Работинскіе. 1669 г. 24 апр.

17. Универсалъ Ив. Самойловича подтвердительный на права, на озера, млины и перевозъ. 1672 г. 27 іюля.

18. Мазепы игумену Пафнутію Кондратовичу. 1679 г. 20 мая.

19. Мазепы ему же на млинъ на Сосницкой греблѣ на рѣкѣ Убелѣ. 1687 г. окт. 22 д.

20. Его же подтвердительный универсалъ на грунты и разныя угодья. 1698 г. 26 апр.

21. Его же о томъ же. 1694 г. іюля 21 д.

22. Его же на млины, озера и перевозъ Пафнутію Кондратовичу. 1687 г. дек. 19 д.

23. Его же о томъ же. 1688 г. ноября 29 д.

24. Его же о томъ же. 1689 г. ноября 19 д.

25. Его же—1700 г. ноября 29 д.

26. Его же—1701 г. сент. 24 д.

27. Скоропадскаго по прозбѣ Никодиму, еп. Призрѣнскому 1709 г янв. 11 д.

28. Его же—1709 г. февр. 18 д. по просьбѣ тоже Никодима.

29. Отвѣтъ Макошинскаго игумена князю Шаховскому на запросъ объ актахъ, въ силу которыхъ монастырь владѣетъ перевозомъ на рекѣ Деснѣ; здѣсь упоминается о пожарахъ въ монастырѣ, о его постройкахъ, о нѣкоторыхъ церковныхъ принадлежностяхъ, о двухъ грамотахъ 1658 и 1660 г., уцѣлѣвшихъ отъ пожаровъ и универсалахъ, конформованныхъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ.

30. Прошеніе Нила, игумена Макошинскаго, гетману о пожалованіи монастырю Малеустечка. Преосвящ. Рувимъ, съ дозволенія пре-

оовящ. Никодима, завладѣлъ «футоромъ» Макошинскаго монастыря купленнымъ за «сто золотыхъ» и вручилъ Никодиму свое рукописаніе, что, по смерти своей, онъ завѣщаетъ его тому жъ Макошинскому монастырю со всѣмъ его устройствомъ и сѣнножатью; между тѣмъ еще до смерти онъ устроилъ здѣсь монастырецъ Сосницкій, и передалъ его въ Кіевопечерскую Лавру. «Я будучи въ Нѣжинѣ на посвященіи церкви, созданной отъ преосвященнаго Яворскаго, перекладалъ архимандриту Печерскому при всѣхъ архіереяхъ присутствовавшихъ тое жъ той футоръ, которій з монастыремъ своимъ Сосницкимъ, подавъ въ область обители Печерской епископъ Рувимъ нашъ есть власній». Но когда Никодимово рукописаніе сгорѣло въ Кіевопечерской Лаврѣ, Рувимъ сдѣлалъ Сосницкой монастырь не зависимымъ отъ всѣхъ малоросіийскихъ архіереевъ и учредилъ самовольную ставропигію; поэтому Нилъ проситъ въ замѣну великаго Устя дать въ Макошевъ маленкое Устя; извѣщаетъ, что монастырь сталъ расширяться», построилемъ Цегелню и цеглы килка десять тысячей здѣлавъ настроеніе пекарни и погребовъ обетшалихъ, а не маю (Богъ свидѣтель) надъ тридцать подданныхъ тяглихъ; въ Сосници построилемъ дворъ, въ семъ году, въ которомъ, если прилучится видати куфу якую горѣлки: прошу, вельможный добродѣю мой, свободне его содѣлати од покуховщины; бо не маемъ откуду чого и взяти.....»

31. Экстрактъ съ крѣпостей на монастырскія владѣнія въ 1650 г. іюля 19 по 1728 г. 13 апр. Всѣхъ бумагъ, здѣсь описанныхъ 95; кромѣ жалованныхъ грамотъ и гетманскихъ универсаловъ, здѣсь значатся купчія, вкладныя и поступныя писма.

32. Прошеніе Дмитрія Бѣлинскаго игумена гетману о подтвержденіи универсаломъ правъ его на маэтноти въ сотняхъ Месской и Сосницкой, на деревню Бутовку, футоръ Буротля, на млины, перевозы и озера Риботинскіе, Змѣтневскіе, Сохачевскіе, Конятненскіе. 1732 г. 19 авг.

33. Прошеніе намѣстника, іермонаха Зосимы князю Шаховскому ради высоко-княжей фамиліи утвердить универсаломъ права монастыря на владѣніе всѣми своими угодьями безъ всякаго препятствія въ потомственныя времена 1735 г. февр. 20 д.

4. Монастырь Красногорскій—Гадецкій, Святоникольскій.

1. Мазепы игумену Іосифу Крейнѣцкому на село Будища.
2. Богдана Хмѣльницкаго о томъ, чтобы монастырю въ его

владѣніяхъ не было причиняемо притѣсненій «сурово тебѣ напоминаемъ и приказуемъ».... 1656 г. апр. 10 д.

3. Его же на Книшовку (выше 16).

4. Универсалъ Мазепы ему же на село Сѣновку. 1699 г. апр. 28 дня.

5. Его же ему же на село Іосковци. 1689 г. іюля 16 д.

6. Мазепы игумену Іосифу Крейнецкому на село Будища 1687 г. ноября 10 д.

7. Его же игумену Гавріилѣ Величковскому на село Книшовку 1697 г. авг. 23 д.

8. Скоропадскаго подтвердительный универсалъ на села Будища и Книшовку съ млинами и перевозомъ на р. Пелѣ. 1711 г. мая 23 д.

9. Скоропадскаго то же, 1687 г. ноября 15.

10. Скоропадскаго Мартину Штишевскому асаулу Гядяцкому на село Харнувцы. 1712 г. мая 10 д.

11. Его же Ивану Пирятинскому на селцо Подставки. 1710 г. генв. 27 д.

12. Его же Роману Корицкому, сотнику Опошанскому на село Дадакаловку. 1711 г. ноября 18 д.

13. Подтвердительный на то же село. 1716 г. генв. 17 д.

14. Его же Александру Ситенскому на селцо Середьявки 1718 г. окт. 21 д.

15. Грамоты и универсалы Петра В. Михаилу Милорадовичу о возведеніи его въ чинъ полковничества Гадячскаго. 1718 г. 21 марта.

16. Ему же на имѣнье Бутовку полученную имъ отъ своего тестя Бутовича. 1718 г. 21 марта.

17. Роману Бороховичу на потомственное владѣніе мельницами, грунтами, полями пахатномы, сѣножатями, лѣсами, лугами, дубровами, рыбными ловлями и всѣми принадлежащиму къ нимъ угодьями изображенными въ универсалѣ Ив. Скоропадскаго. 1718 г. іюля 7 дня.

18. Универсалъ Скоропадскаго пану Василью Велецкому полковому судіи на село Сѣневки съ принадлежащими къ нему млинами.

19. Ему же на село Іосковци. 1713 янв. 30 д.

20. Ему же на село Бровацки. 1717 г. окт. 4 д.

21. Ему же на «всѣ добра» Броварку, Іосковци и Сѣновку. 1721 г. окт. 17 д.

22. Реестръ грамотъ и универсаловъ относящихся къ владѣніямъ Красногорскаго монастыря 1724 г. 27 ноября.

23. Апостола на село Будища и Книшовку 1730 г. іюня 29 д.

Серѣпа: съ подлинными универсалами водилъ того же монастыря игуменъ іеромонахъ Товія Зубъ и расписался.

24. Іермонахъ, игуменъ Кипріянъ къ гетману съ прозьбою о выдачѣ универсала на «млины», купленыя у Бутовичевой за 2165 золотыхъ и объ освобожденіи ихъ отъ воинской повинности. 1715 г. ноября 29 д.

25. Прошеніе намѣстника Луки къ гетману о подтверженіи прежнихъ универсаловъ на монастырскія грунты владѣнія.

26. Игумена Веніамина ко гетману о томъ же.

27. Его же ко гетману объ освожденіи «поромца отъ поборовъ, поневажъ нужды великія и тяжкія; ограда вся пала, монастырскій скотъ почти весь подохъ. 1730 г. сент. 10 д.

5. Монастырь Скельскій.

1. Универсалъ Мазепы на сельцо Павловочка въ уѣздѣ Грунскомъ. 1691 г. іюля.

2. Скоропадскаго игумену Гервасію на то же сельцо. 1708 г. 23 дек.

6. Монастырь Троицкій Ильинскій.

1. Егоже писмо къ гетману въ Москву, въ коемъ онъ поздравляетъ его съ новорожденнымъ сыномъ Александромъ. 1719 г. сент. 26 д.

2. Челобитная Гербая Кононовича къ гетману о «подтопѣ монастырскихъ мельницъ паномъ Бончучнымъ. 1720 г. дек. 2 д.

3. Донесеніе Германа Кононовича гетману съ извѣщеніемъ о своемъ примиреніи съ паномъ бунчучнымъ Силенкомъ согласно волѣ гетмана и съ просьбою, чтобы этотъ панъ «выправленіемъ универсаловъ въ неэгодное время не турбовалъ». 1721 г. окт.

4. Его же жалоба гетману о подтопѣ монастырскихъ мельницъ на р. Снови Яковомъ Лизогубомъ.

5. Прошеніе гетману: его же о помощи обители по случаю пожару, при которомъ сгорѣли «погребня варевная и баня подъ крестами»: «ясневельможность Вашу патрона и благодѣтеля слезнымъ очесамъ моимъ представляюши псаломское словеса вѣща: тебѣ оставленъ есть нищій и сиру ти буди помощникъ и т. д. 1731 г. окт. 6 д.

6. Его же жалоба гетману на то, что жена генеральнаго обоза Якова Лизогуба хитростію купила у Ройской сотнѣ Гавриен-

ченки въ Грабовской пущѣ грунтъ, тогда какъ сюда входитъ часть и монастырскихъ владѣній. 1733 г. іюля 10.

7. Челобитная его же гетману о томъ, чтобы панъ Бончужній учинилъ вознагражденіе за подтопъ монастырскихъ мельницъ.

8. Челобитная о тѣхъ же Носовскихъ мельницахъ на р. Сновѣ, на мѣстѣ, купленномъ и пожертвованномъ въ монастырь Лазаремъ Барановичемъ; изъ этой бумаги видно, что монастырь этотъ устроенъ былъ Черниговскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ.

9. Предписаніе гетмана Апостола коимъ вызывалъ архимандрита Германа Кононовича въ Глуховъ по тяжбѣ о млинахъ съ Лизогубомъ 1729 г. іюля 8 д.

10. Собственноручное писмо архим. Германа гетману, въ которомъ поздравляетъ его съ новымъ годомъ и желаетъ счастливаго пути при поѣздкѣ его въ Москву. 1728 г. генв. 8 д.

11. Челобитная монастыря гетману о принятіи мѣръ къ тому, чтобы монастырскому депутату при составленіи равномѣрнаго расписанія «указныхъ порцій и рацій драгунскимъ полкамъ, на всѣхъ малоросійскихъ обывателей, дано было дѣйствительное участіе, а не на бумагѣ только». 1734 г. нояб. 6 д.

12. Его же писмо гетману, въ которомъ извѣщаетъ что сынъ Семена Демьянова попа однаго изъ монастырскихъ селъ заключенъ въ тюрму за недостачу денегъ; проситъ, нельзя ли недостающихъ денегъ съ него не взыскивать, потому де что насильственно назначенъ былъ въ сборщики податей. 1748 г. генв. 8 д.

13. Доношеніе правителя монастыря іеромонаха Θеодосія къ Любецкому сотнику Василію Соличу и значковому товарищу Гаврилу Красковскому; объясняется здѣсь, что требуемыя съ монастыря брусья, дранѣ, лошади съ возами и упряжью, вещи, будтобы пограбленныя у полковницы вдовы Троцкой, были задержаны собственно у ея крестьянъ, бунтовавшихъ въ монастырскихъ владѣніяхъ и затѣмъ дается отчетъ, на какихъ правахъ монастырь владѣетъ деревней *Песнопалахъ*. 1761 г. авг. 18 д.

14. Реестръ, сколько съ какого монастыря должно собрать денегъ для поѣздки въ Москву повѣреннаго по общимъ дѣламъ монастырей.

7. Монастырь Новгородъ-Сѣверскій.

1. Писмо архимандрита Нила гетману: Егда чувственная весна токмо начало пріятъ, а мысленная жатва уже совершенна дви-

ся, егда класъ зрѣлій на камени гробнѣмъ израсте; не подави зерна пшеничнa—Христа терніе, вне же положенъ и умерый многъ плодъ сотвори, убо отъ того зерна, хлѣбъ ангельскій, при хлѣбѣ вещественномъ во дни Пасхальныя приносимъ ясновельможности Вашей; его же пріими Ваша рейментарская милость отъ усердныхъ богомольцевъ приносима, яко патронъ твой святый Даніилъ пріятъ обѣдъ отъ Аввакума; сей хлѣбъ духовный укрѣпитъ сердце ясневельможности Вашея, не боятися зіянія львовъ видимыхъ и не видимыхъ чрезъ многолѣтное правленіе малороссійскаго отечества, еже Вышній и милость монастыря вручи тебѣ; на коемъ достоинствѣ обилуй во благихъ крупицами щедротъ и насъ богомольцевъ своихъ питати не забуди, всесмиренно молимъ. 1729 г. апр. 14 д.

2. Письмо его же гетману, въ которомъ проситъ отъ Янпольскаго сотника Михаила Оболонскаго «правной сатисфакціи»; этотъ сотникъ возмутилъ Жиховцевъ противъ монастыря, приказывая бить до смерти каждаго, кто изъ монастыря покажется въ селѣ»: и намѣстника де и архимандрита бійте за ровно; и до нынѣ дворовъ нѣсколько жиховскихъ осталось не покоривыхъ, а взяти ихъ и представити суду нельзя, понеже вооруженни косами кріются днемъ въ Пущи, а въ ночи пришедши въ село возмущаютъ смирившихся людей. 1730 г. іюля 22 д.

3. Писмо Геннадія гетману съ просбою о защитѣ обители отъ 4-хъ пановъ ее обижающихъ.., Прошу покорнѣ, покажитѣ милость свою панскую, повѣлете ихъ милостямъ пану Корсаку, пану Кунгусскому, пану Григорью Полковниченку, пану сотнику Воронежскому должное святой обители отдати безъ жадной отмовки; я теперь болѣзную, милостивый пане, смертно, еще и въказъ на Москву ѣхатѣ, Богъ же знае, куди судьбами своими святими повелитъ поѣзжати; прошу повторнѣ слезно вельможности Вашей милостивой на св. обитель рейментарской ласки: не дайдте ей поругаемой быти; стократнѣ, слезнѣ молю и з братіею и кланяюсь до стопъ рейментарскихъ. 1720 г. іюля 19 д.

4. Писмо Геннадія гетману, въ коемъ давая отчетъ о томъ какимъ образомъ майданъ Обыгаевскій «поступилъ во владѣніе монастыря, жалуется не Обычаиху и мужа ея Яворскаго: слезно прошу, писалъ онъ, защищенія обители св. отъ напастника безсовѣстнаго пана Яворскаго, не пострадала бы отъ него въ чемъ впредь. 1719 г. авг. 29 д.

5. Писмо Геннадія гетману, коимъ проситъ утвержденія монастырскихъ правъ на «млины Кирѣевскіе» и при этомъ представляетъ «универсалы гетмана Брюховецкаго на всѣ монастырскіе села

и грунты, Демьяна Игнатовича и Мазепы на три части Кирѣевской мельницы»: огорчеваюся, пишетъ онъ, въ доношеніи о обидахъ монастырскихъ, свѣдетель есть Богъ; не волею сія творю; послушаніе святое повелѣваетъ. 1714 г. сент. 17 д.

6. Письмо архимандрита Геннадія съ просьбою о защитѣ отъ Кирѣвцевъ, которые отнимаютъ двѣ войсковыя части на мельницѣ, издавна принадлежащей монастырю. 1714 г. ноября 6 д.

7. Челобитная архимандрита Іосифа Гугуревича въ Генеральную канцелярію, въ которой, выставляя на видъ, что изъ монастырскихъ маэтностей велѣно не умѣренно противъ другихъ державцевъ выправлять подводъ подъ Царицинъ, проситъ крестьянамъ облегченія. 1724 г. іюля 19 д.

8. Его же отвѣтъ гетману на запросъ относительно возвращенія бѣглыхъ великороссійскихъ крестьянъ оказавшихся въ монастырской деревнѣ Дегтяровкѣ, прежнимъ ихъ помѣщикамъ; «понеже давно, пишетъ онъ, (близъ ста лѣтъ) въ живыхъ ни самого Саввы Турбика (который и породы невѣдано якой былъ) ни сыновъ его нѣсть; прето внуковъ и внуковъ внучатъ со всѣмъ обоего пола родствомъ надлежитъ или отдавать? Отчего Дехтяровка въ великое умаленіе, а св. обитель въ значный убытокъ пріидетъ.1723 г. іюня 2 д.

9. Жалоба его же гетману на казаковъ Нѣжинскаго полка села Мельни, имѣвшихъ отчины въ монастырскихъ грунтахъ въ томъ, что они «противяся жалованнымъ правамъ» отказались давать монастыря «медовую сдачу», равно какъ и на сотника Батуринскаго въ присвоеніи имъ монастырской мельницы.

10. Писмо архим. Нила, въ которомъ отстаиваетъ права монастыря на Кирѣевскія мельницы на р. Убедѣ. 1731 г. дек. 2 д.

11. Писмо его же гетману, въ которомъ жалуется на то, что, вопреки закону, его челобитная не была принята въ судебной конторѣ и отправлена въ Генеральную канцелярію; «велѣно въ генеральномъ судѣ, пишетъ онъ, обще великороссійскимъ и малороссійскимъ персонамъ судить; однакъ нынѣ вижу една персона мимо президента и другихъ господъ судей, что хочетъ. дѣлаетъ. Начинается это писмо такъ»: На струяхъ Іорданскихъ отъ явившагося во плоти слова Божія, слово обильное скудними сусиди сердца нашего почерпше.... предъ Вашею ясневельможностію тожде изливаемъ съ желаніемъ таковымъ: Выше всякого чудесе воплотившійся, Богъ слово, чюдноиспаливый водою огнедышущія зміевы главы, да удивитъ на ясневелможности Вашей благодать свою». 1733 г. генв. 9 д.

12. Его же писмо гетману, въ которой выставляетъ на видъ, что во 1-хъ съ пріѣзжихъ торговцевъ на преображенскую ярморку «не сбиралось никогда торговое, кромѣ что за мѣсто брано до монастыря; и во 2-хъ, съ людей въ селахъ монастырскихъ мешкаючихъ и робячихъ горелку обычная показенщина взималась на обиходъ монастырской, между тѣмъ заводовцы Новгородской сотни собирали ее насильно въ чью казну, не извѣстно; заключаетъ: «Понеже и ясневельможность Ваша, начимъ жъ меньшій въ Малороссійскихъ владыкахъ, того ради респектъ здавна бывый и нынѣ да не престаетъ, такожъ Новгородскіи завѣдовци забранные прошлогодскіе деньги да возвратятъ».

13. Его же жалоба гетману на пана Холодовича, который занялъ у монастыря 67 червонцевъ еще при Геннадіѣ Стефановичѣ (1715 г.) и на пана Журавко, который также занялъ 20 червонцевъ и оба не отдаютъ долга.

14. Его же жалоба гетману на жителей села Мельнѣ, Батуринской сотни, которые, вопреки тремъ указамъ, не плотятъ въ монастырь медовой дани. О происхожденіи этой дани здѣсь есть слѣд. свѣденія: «Отъ самаго основанія Новгородъ Сѣверскаго монастыря грамотами великихъ князей присвоены ему «бортная отчина и озера во многихъ уѣздахъ, что подтверждено было и грамотами Царей Московскихъ; во время гетмановъ помянутая отчина и озера «отъ монастырской власти отъяты и раздѣлены въ полкахъ Нѣжинскомъ, Черниговскомъ и Стародубскомъ многимъ казакамъ и посольству въ за вѣдованіе подъ такимъ претекстомъ: абы всякъ имѣющій за собой монастырскую отчину отбувалъ за тую повсягодно до обители уреченную дачу медомъ или деньгами, что безъ отреченія исполнялось понеже поважними ихъ универсалами (якіе и нынѣ у насъ суть) многократно тое подтвержано, помысливших воспротивитися и смиряно»

15. Его же жалоба гетману на урядъ, угнетавшій монастырское сельцо Собычь въ уѣздѣ Воронижескомъ; кромѣ того, что до двору Вашего рейментарскаго дрова возятъ (чого не знавали маетности монастырскіе) помянутый урядъ, аки бы вовсе уже онымъ сельцомъ завладѣвши, мимо вѣдома монастырскаго употребляютъ людей на работи. 1729 г. 24 февр.

16. Писмо его же гетману съ просьбою о защитѣ по поводу иска пана Швыковскаго о бѣгломъ его крестьянинѣ, жившемъ въ монастырскихъ маетностяхъ. 1728 г. 23 генв.

17. Доношеніе архимандрита Созонта гетману о насиліяхъ, причиняемыхъ селу Собичь Воронежскимъ урядомъ; войсковая канцелярія занята дѣлами государственными, до Нѣжина далеко, а урядъ по раздраженой завзятости своей тое село во всякихъ случаяхъ изобижаетъ нестерпимо; проситъ, что бы Собичь изъ сотни Воронежской перечислили въ сотню Новгородскую. 1738 г. авг. 23 д.

18. Челобитная Якова Черняка Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на Новгородъ Сѣверскихъ монаховъ въ томъ, что они его раззорили и едва совсѣмъ не сгубили; къ челобитной приложенъ реестръ обидъ, побоевъ и денежныхъ убытковъ. 1737 г.

19. Просьба архимандрита Ѳаддея гетману о подтвержденіи имъ универсаловъ Игнатовича (1669) Мазепы (1690) на право монастыря владѣнія перевозомъ на рѣкѣ Деснѣ. 1733 г. 18 дек.

20. Челобитная архимандрита Іосифа Гугуревича на нововписныхъ казаковъ, вышедшихъ изъ повиновенія монастырю; отсюда видно, что Новгородъ-Сѣверская обитель св. Спаса основана была Великороссійскими Государями за пять сотъ лѣтъ тому назадъ и лишше обезпечена была жалованными грамотами Царей Ивана Васильевича, Алексѣя Михайловича и защищаема Малороссійскими воеводами; по многихъ мятежахъ приходила въ запустѣніе, но не однократно обновлялась; дарованныя ей пустопорожнія земли сдѣланы слободами, особенно же благодаря стараніямъ Михаила Можайскаго; нынѣ она упадаетъ; архимандритъ проситъ о защищеніи ея отъ произвола и насилій нововписныхъ казаковъ.

21. Писмо того же архимандрита къ эсаулу генералу и Бунчучному по тому же дѣлу 1723 г. дек. 24.

22. Доношеніе архимандрита Нила гетману о самовольствѣ сотника Янпольскаго Михаила Оболонскаго, который разъѣзжая по монастырскимъ селамъ въ Дмитровской волости (Новгор. уѣзда) приписывалъ монастырскихъ подданныхъ въ свой казацкій компутъ, и о бунтахъ крестьянъ противъ монастырской власти, возбужденныхъ означеннымъ сотникомъ; намѣстника, іеромонаха Герасима Михайлова избили до полусмерти; когда въ кандалахъ, едва живаго привезли его къ атаману Петру ткачу, сама атаманиха вслухъ всѣхъ жалѣла и называла бунтовщиковъ дурнями, что не убили его до смерти; такая же участь постигла и другихъ лицъ, посланныхъ въ села для разъясненія возмущенія.

23. Отношеніе архимандрита Іосифа гетману по дѣлу о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ (Дегтяровскихъ) помѣщику Шагорову; присылая на генеральный войсковой судъ означенныхъ крестьянъ, архимандритъ выставляетъ на видъ поступки Шагорова, при прежнемъ веденіи дѣла, которые обличаютъ незаконность его притязаній. 1723 г. окт. 2 д.

8. Монастырь Елецкій.

Писмо архимандрита Нила гетману, въ коемъ онъ поздравляя его съ Рождественскими праздниками, проситъ разрѣшенія на право винокуренья и шинкованья въ монастырскихъ селахъ. 1721 г. генв. 2 д.

9. Монастырь Крупицкій—Батуринскій.

1. Писмо игумена Θеодосія Хоменскаго къ гетману Скоропадскому, въ коемъ, привѣтствуя его съ полпоприщемъ великаго поста, жалуется, что монастырскіе люди, жувущіе въ Спасскомъ и Божновѣ, не могутъ долѣе содержать солдатовъ и коней и проситъ по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы это содержаніе распредѣлено было совокупне съ казаками. 1719 г. февр. 19 д.

2. Писмо игумена Варсанофія къ войсковому подканцеляристу Павлу Ладинскому, въ коей благодаритъ за содѣйствіе его монастырю «при справѣ съ черницами» и между прочимъ пишетъ «Понеже монастырь Батуринскій между многими скудостями своими сію наибольшую скудость и трудность имѣетъ, же не имѣетъ здавна ни господаревъ, ни благодѣтелей, ни игуменовъ тщательныхъ, кромѣ единаго Бога, ясневельможного пана гетмана 1730 г. іюля 5 д.

3. Іеромонаха Никифора доношеніе въ войсковую генеральную канцелярію о томъ, что панъ Костенецкій и Якубинская не допускаютъ монастырь взимать половинной части съ млина въ селѣ Веровцѣ. 1725 г. вопреки грамотамъ и универсаламъ окт. 10 д.

4. Челобитная строителя Сильвестра въ войсковую генеральную канцелярію на пана Костенецкого и на Якубинскую о томъ же дѣлѣ. Отсюда видно, что право на половинную часть Веровскаго «млина» дано было монастырю Георгіемъ Осоленскимъ и канцлеромъ короны Польской, и закрѣплено монаршею грамотою (?) и универсалами Бог-

дана Хмѣльницкого. Въ 1723 г. когда объявленъ былъ гетманскій указъ пану Костенецкому Крупицкимъ іеромонахомъ, онъ сказалъ: «я симъ указамъ противлюсь и ни въ чемъ имъ слушать не слушаю и слагатись не буду; грабиты если мѣли бы мене дерзаты или въ дворъ мой находити, то не толко селомъ двигнуся, но и мѣстомъ Конопомъ; если правительство позволяетъ мя вамъ грабыть, то не хай развѣ отъ власты своея гработора пришлетъ.... всегда безъ бытности моея укази свои вамъ выдаютъ, а когда я въ Глуховѣ буваю, то не когды мя до сей трудности не извиняютъ». Якубовская согласна на все, уступитъ или не уступитъ Костенецкій; іеромонахъ проситъ по ихъ слову и хотѣнію (грабежа ради) двухъ казаковъ добрихъ прислаты 1725 г. марта 1. На оборотѣ резолюція Мануиловича и Потрибича Гречаного.

5. Челобитная строителя Сильвестра въ Войсковую генер. канцелярію о разрѣшеніи монастырю построить двухколесную мельницу на ставку въ с. Веровцѣ. 1725 г. февр. 23 д. Резолюція тѣхъ же.

6. Прошеніе его же въ Войсковую генер. канцелярію о милостивомъ рѣшеніи дѣла по тяжбѣ монастыря съ Костенецкими изъ за Веронскаго млина. 1725 г. февр. 17 д.

7. Прошеніе его же въ Войсковую генеральную канцелярію о томъ же 1725 г. генв. 29 д.

1790. Писмо игумена іером. Митрофана къ гетману; проситъ о размежеваніи земли монастырской въ селѣ Обмочевѣ. 1714 г. февр. 28 д.

8. Челобитная игумена іеромонаха Лаврентія къ гетману о выдачѣ подтвердительнаго универсала на монастырскіе маетности, грунта, озера и мельницы. 1730 г. іюля 25 д.

9. Грамоты, фундаши и универсалы:

10. Жалованная грамота Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей игумену Димитрію съ братіею и кто по немъ иніи игумена и братія будутъ, коею подтверждается грамота Царя Алексѣя Михайловича данная игумену Исихію на всѣ владѣнія и угодья, присвоенныя монастырю разными гетманами; (каковы владѣнія Пущею з Борми, почавъ отъ озера Стучокъ до Бортного Дуба съ сѣнными покосы и озерами, Старое, Заборошное, Кривое, Лозовицею и Осѣчу съ лѣсомъ по озеро Усорогъ, сельцо Обмачевъ со всѣми пожитки, Красній Боракъ съ мельницею въ Веровцѣ ставокъ съ арендарскою частію, да надъ рѣкою жъ Сеймомъ да Лицетовщину, шляхетская земля футоръ съ полемъ и съ сѣнными покосы и озеры, да на р. Ромнѣ мельницу Веп-

някъ со всѣми пожитки и съ лѣсомъ за Липовимъ и подъ тою рѣкою Кутъ къ той же мельницѣ съ сѣнными покосы и съ островомъ противъ Коренецкой; да въ селѣ Хмиловѣ сѣчь съ садомъ со пчелами, съ сѣнными покосы и пруды, да двѣ мельницы Вѣшняки съ прудами съ помѣрнимъ оброкомъ и съ лѣсомъ и около тѣхъ прудовъ на обѣхъ сторонахъ отъ Смѣлова и отъ Хмѣловѣ горою по пустую Гребелку, да село Хмѣлово со всѣми пожитки съ мельницами вешняками и съ арендою, да два сельца во Вруцкомъ повѣтѣ, торчинку и могильную землю и къ тѣмъ селамъ належащими мельницѣ и на р. Ушуруню, да всемилостиваго Спаса Старожитнаго монастира, который стоитъ надъ Сеймомъ же рѣкою; пуща зборами и сѣнными покосы, да вотчинами Любѣтовимъ заболотовъ, Озаричами со всѣми угодьи, да селомъ Спасского поля з Божкомъ и мельницами. 1689 г. марта 11 д.

11. Фундатъ Юрія графа Стенчина Осоленскаго, канцлера короны Польской на грунтъ Обмачевскій, на млинъ Веровскій, Борокъ красный, со всѣми угодьи, перевозъ Батуринскій. 1636 г. окт 29 д.

12. То же на Польскомъ языкѣ.

13. Подтвердительный универсалъ Богдана Хмѣльницкаго. 1656 г. мая 16 д.

14. То же его же. 1659 г. ноябр. 1 д.

15. То же Ивана Брюховецкаго. 1668 г. мая 10 д.

16. То же Демьяна Игнатовича. 1669 г. сент. 6 д.

17. Выпись изъ книгъ мѣсскихъ Батуринскихъ. 1664 г. 3 марта.

18. Подтвердительный универсалъ Скоропадскаго на имя игумена Митрофана Орловскаго. 1713 г. генв. 5 д.

19. Челобитная игумена Варсанофія Гуторовича гетману Даніилу Апостолу о томъ, чтобы Суличевскіе грунты, переданные прежнимъ игуменомъ Іоанномъ Іосифовичемъ Дивичьему монастырю, были возвращены, по крѣпостямъ, Крупицкой обители»; просимъ, пишетъ онъ, г-жѣ игуменьѣ отказать отъ нашихъ добръ и ее къ Москвѣ не пустити, покамѣсто отказомъ дѣло не вкончится. 1730 г. іюля 5 д.

10. Спасской-Рувимо-Ооснипкій монастырь.

1. Духовное завѣщаніе Епископа Рувима Ктитора обители. Вотъ это любопытное завѣщаніе»:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

Року 1719 г. мѣсяца окт. 10 д.

Азъ смиренный архіерей Рувимъ, видячи себе въ глубокой старостѣ суща, немощію объята, при сей моей духовницѣ, приручаю по смерти моей, монастырецъ мой убогій ясневелможному пану гетману Скоропадскому Иллѣчу и по премножайшемъ многолѣтномъ и щасливомъ его пановаию и инимъ паномъ гетманомъ вручаю, а не архимандриту Печерскому, а не митрополиту Кіевскому, а не архіепископу Чернѣговскому, а не жадному отъ духовнаго чину, но тилко самому ясневелможному пану гетману вручаю сію обитель начинающе, которая-то обитель началась строитися на власнихъ моихъ архіерейскихъ грунтахъ купленнихъ мною, такожде и на препитаніе къ сей моей убогой обители всякіе угодіе мною купленніе и отъ благодѣтелей наданніе село Малоеустякъ (?) со всѣми угодьями, такъ тежъ и въ замку Сосницкомъ чтиринадцять хатъ, и подъ симъ монастыремъ на горѣ Сосницкой пять дворовъ поданнихъ и въ самой Сосницѣ два ремесники ковалъ и гончаръ, и дворецъ монастирскій прозываемый Стрижаковскій и пляцъ, отъ пановъ Лизогубовъ и Якова и Симеона наданнів, такъ тежъ и другій пляцъ отъ пана Ивана Паливоди наданній, и оніе предрѣченніе оба два пляци посредѣ самой Сосницѣ, и млины водяніи единъ на Убедѣ рѣцѣ въ Масолаевцѣ, а другій такожде на Убедѣ и на Пѣснѣ рѣцѣ въ селѣ маломъ—устяку и з дворцемъ, и зо всѣми купленными грунтами и еденъ вѣтряниц млинъ край самаго монастыря, футоръ прозиваемый Яремовщина стоячись надъ озеромъ Берестовицею, такожде и сѣножатѣ, такъ и озеро наданное отъ вельможности вашей прозиваемое Береза, лѣси и пашенніе засѣви и всякіе угодья, на которіи вишше помненніи грунта и всякія угодья имѣю купчіи, въ кого за якую сумму купилъ, и тіи всѣ монастирскіе грунта и самій мой убогій монастирецъ вручаю и отдаю ясневелможному пану гетману и всесмиренно и архіерейско прошу ясневелможности вашей панской даби сего монастира по смерти моей не приворочали къ себѣ не архимандритъ Печерскій, и не митрополитъ Кіевскій и не тѣжъ архіепископъ Чернѣговскій, а не жадній отъ духовного чину, развѣ мною поставленнаго и освященнаго на священническій чинъ, такъ тежъ и на архимандритство всечестнаго г-на Іоасафа; той да будетъ моимъ архіерейскимъ благословеніемъ и вашей ясне велможности изволеніемъ начальникомъ и дозорцею убогаго моего монастира; и второе, велможности вашей панской наисмиреннѣйше архирейско прошу, даби моего сего убогаго жилища со оставшимися осиротѣлими моими чади въ работу ни кому не подали, но тилко ясневелможность ваша панская будетъ моей сей убогой обители строителемъ и фундаторомъ, а

за таковое строеніе и фундаторство велможности вашей панской да преподастъ вамъ небесній Творецъ и всея вселенныя строитель обитель вѣчную, цвѣти неувядающими украшенную, въ небесныхъ своихъ кровѣхъ. При семъ тѣжъ моей протекціи пишу сію мою духовницю въ добромъ разумѣ и при совершенной памяти и прошу ясневелможности вашей панской, по исходѣ моемъ душевномъ, тѣло мое грѣшное да не будетъ отвезенное въ Кіевъ или въ Чернѣговъ, но да погребется здѣ въ моей малой и худой обители, которая то обитель моимъ старческимъ и архіерейскимъ стараніемъ новосооруженна и созданна отъ убожества моего. При сей тѣжъ моей духовницѣ и суплѣку прекладаю ясневелможности вашой панской и трокротне просбу вносячи о семъ моемъ убогомъ монастирцѣ, даби не билъ нѣкому въ работу поданній, а аще би кто дерзнулъ сію мою духовницю касовати, таковій да разсудится со мною предъ архіереемъ вишнимъ на стращнемъ судѣ, и для лучшаго тѣжъ утвержденія, печатіею моею архіерейскою стверждаю и руку мою подписую». Далѣе собственноручная подпись.

2. Челобитная намѣстника іеромонаха Патрикія къ гетману Апостолу о взысканіи Рувимовскихъ денегъ съ пана Самуиловича въ пользу монастыря; отсюда видно, что епископъ Нишевскій Рувимъ прибылъ въ Малую Россію изъ Сербіи, сначала жилъ въ монастырѣ Лубенскомъ, а потомъ Макошинскомъ; съ благословенія Кіевскаго митрополита Іосафа Краковскаго и архіепископа Черниговскаго Антонія Стаховскаго, въ гетманство Іоанна Скоропадскаго, построилъ монастырь въ Сосницѣ, который и до нынѣ называется Рувимовскій; ѣздилъ по Малой Россіи до знатныхъ пановъ, до гетмана и прочихъ благодѣтелей за подаяніемъ; прожилъ въ своей обители 17 лѣтъ, потомъ взявши 1300 талеровъ, отправился къ Краклѣевскому сотнику, родомъ тоже Сербу Словуя и, оставя ему на сохраненіе эти деньги поѣхалъ къ полковнику Андрею Марковичу въ Ромень и тамъ умеръ; по смерти его преемникъ архимандритъ Зотовичь, будучи въ Москвѣ, гдѣ былъ и Словуй, спросилъ при Императорѣ объ этихъ деньгахъ. Словуй отвѣчалъ, что деньги эти были заняты Рувимомъ у митрополита Сербскаго и что онъ Словуй былъ порукою. Петръ Великій приказалъ сдѣлать розыскъ; оказалось, что епископъ Рувимъ не только не занималъ денегъ въ Сербій, но чрезъ своего архимандрита Макарія самъ посылалъ деньги въ Сербію; Государь велѣлъ взыскать ихъ съ Словуя; по взысканіи гетманъ Скоропадскій отдалъ ихъ на сохраненіе сотнику Глуховскому Ивану Маноиловичу; вмѣстѣ съ деньгами ему переданы были епитрахиль, евангеліе оправное и Пате-

рица; какъ деньги; такъ и эти вещи Патрикій съ братьей и требуетъ теперь отъ Мануиловича. 1732 г. генв. 4 д. Братство состояло изъ 4-хъ іеромонаховъ, 5 монаховъ и одного іеродьякона; кромѣ того жилъ здѣсь еще старецъ Даніилъ Ильичь Сербо-Славянинъ.

3. Прошеніе іермонаха намѣстника Мемнона Борозды Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о томъ, чтобы впредь, вопреки росписанію Войсковой генеральной канцеляріи, не брали двойныхъ порцій и раціоновъ съ маломощныхъ жителей монастырскаго села Устья, а перебраныя порціи и раціоны или были бы возвращены, или зачислены за слѣдующіе мѣсяцы. 1734 г. 20 дек.

11. Монастырь Благовѣщенскій Красно-Островскій Нѣжинскій.

1. Челобитная архимандрита Епифанія Тихорскаго къ гетману, въ коей объясняетъ ему, что прежде въ монастырскихъ селахъ исключительно шинковалась только монастырская горѣлка, а теперь з десятокъ шинковъ горѣлчаныхъ обрѣтается въ Талаевцѣ и въ Черняховцѣ, въ ущербъ монастырскимъ интересамъ; поэтому проситъ, чтобы покуховное сбиралось не до скарбу войскового, но до монастыря Благовѣщенскаго Нѣжинскаго. 1720 г. мая 9 д.

2. Доношеніе архимандрита Савы Шпакевского въ Малороссійскую коллегію, въ коемъ, увѣдомляя о своей поѣздкѣ въ Москву, по Высочайшей волѣ, требуетъ подводъ и прогоновъ. 1722 г.

3. Доношеніе того же архимандрита гетману на писаря магистрата Григорья и брата Іосифа пановъ Конѣсскихъ о завладѣніи крѣпостныхъ монастырскихъ мельницъ на р. Загоровцѣ.

4. Челобитная того же архимандрита гетману о томъ же дѣлѣ

5. Челобитная архимандрита Епифанія гетману о поддержаніи села Талалаевки, которое «точію именемъ монастырское называется, а вещію иніе многіе владѣютъ господа, отчего многіе крестьяне обнищались и разошлись»; далѣе объ освобожденіи монастырскихъ подданныхъ отъ податей почтовой, сторожовой и рмарочной, объ увольненіи мельника новомлинскаго отъ работъ, атамана Рибольского отъ повинностей, которыя мѣшаютъ ему быть исправнымъ.

6. Челобитная Савы Шпакевскаго гетману съ жалобой на войсковаго товарища Семена Шаула, который, вопреки рейментарскимъ указамъ, нанесъ безчестіе иноческому чину, прибивъ дубовымъ

бадожьемъ престарѣлаго старца и мучивъ служителя монастырскаго; проситъ, чтобы это безъ наказанія не оставлено было, чтобы и прочіи смотря вѣдали бы страхъ Божій впредь и власть рейментарскую зъ боязнію почитали и со страхомъ. 1729 г. сент. 26 д.

7. Доношеніе архим. Модеста Илнецкаго гетману, въ коемъ объявляя о вызовѣ своемъ въ Москву фундаторомъ обители Стефаномъ Яворскимъ, проситъ десяти подводъ для перевозки нѣкоторыхъ вещей преосвященному. 1717 г. дек. 29 д.

8. Писмо архим. Саввы Шпакевскаго гетману, въ коемъ ветхій и новый монастыри поручаетъ вмѣстѣ съ братіей его милостямъ. 1729 г. 23 окт.

Крѣпости монастыря Нѣжинскаго *Новаго Назарета* Благовѣщенскаго.

Универсалы гетмановъ:

9. Универсалъ гетмана Брюховецкаго на мѣстечко Дѣвицу Солятикову съ перевозомъ на р. Деснѣ, со озерами, со двумя мликами, на р. Загоровцѣ, на село Блиставу, Столную, Волосковичи, на село Степановку. 1667 г. 14 маія.

10. Скоропадскаго Игнатію Яворскому, игумену Красно-островскому на села Талалаевку и Черняховцы со всѣми угодьями, на млины въ Загоровцѣ, Степановцѣ, на перевозъ Красноостровскій, на озера Сонечное, Сумовъ, Мѣсячное, Пулку, Горшковъ, Губаровъ, Рѣчище новое, старое и Мерлю, на дворы единъ великій противъ церкви св. Николая, другой на пробытой улицѣ и третій Керембетовскій за церковію Успенія Пресв. Богородицы... 1710 г. марта 6 д.

11. Писмо графа Гаврилы Головкина гетману, съ увѣдомленіемъ, что Государь, согласно просьбѣ Стефана Яворскаго, разрѣшилъ отдать пустую землю Дмитрія Максимовича и мельницу на р. Острѣ во владѣніе построенной Яворскимъ каменной церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ г. Нѣжинѣ. 1714 г. генв. 13 д. Спб.

12. Писмо его же ко Яворскому съ извѣщеніемъ, что вышеозначенная просьба его Государемъ уважена и указъ выданъ архимандр. Лопатинскому. 1714 г. генв. 14 д.

13. Универсалъ Скоропадскаго на млинъ и пустую землю Дмитрія Максимовича; изъ него видно, что отъ имени Государя объ уступкѣ этихъ угодій во владѣніе монастыря повторено было еще въ 1716 г. вицеканцлеромъ барономъ Петромъ Павловичемъ Шафировымъ. 1717 г. іюля 21 д.

14. Купчая крѣпость на футоръ, на греблѣ Овдѣевской, у млина Красянова, купленный игуменомъ Карлистомъ за полтораста золотыхъ. 1689 г. генв. 3 дня.

15. Универсалъ Скоропадскаго на угодья, принадлежавшія до того обозному полковому Черниговскому.

16. Универсалъ его же на дворъ, называемой Коровченковъ. 1716 г. 27 ноября.

17. Универсалъ его же, коимъ, согласно просьбѣ игумена Игнатія Яворскаго, монастырскіе грунты и перевозъ Дѣвицкой ограждаются отъ насилій и стѣсненій. 1710 г. марта 5 д.

18. Универсалъ его же архимандр. Епифанію о томъ, чтобы мещане Дѣвицкіе поддерживали переправы черезъ рѣчки и перепалки.

Крѣпости на греблю Кучевскую, на р. Острѣ монастыря Нѣжинскаго Рождества Богородицы:

19. Ив. Брюховецкаго. 1760 г. авг. 3 д.
20. Василья Игнатовича. 1760 г. іюля 10 д.
21. Ив. Скоропадскаго. 1714 г. апр. 5 д.
22. Его же. 1715 г. мая 5 д.
23. Его же. 1717 г. февр. 27 д.
24. Его же. 1721 г. мая 3 д.
25. Указъ войсковой канцеляріи. 1725 г. іюня 10 д.
26. Розыскной распросъ Новаковича. 1725 г. мая 27 г.
27. » » Игнатія сотника Ноцевскаго. 1721 г. генв. 3 д.
28. Указъ генеральной войсковой канцеляріи 1727 г. авг. 5.
29. Доношеніе Ѳедора Потребоча гетману.
30. Универсалъ Даніила Апостола 1729, іюля 10.
31. То же, іюля 26.

12. Монастырь Троицкій-Черниговскій.

1. Писмо Иродіона гетману о томъ, чтобы или дозволено было монастырю на Мринской греблѣ брать по три деньги съ тяжолаго воза, а съ порожняка по полушкѣ, или же чтобы эта гребля была гачена Мринскими казаками. 1729 г. авг. 7.

2. Его же гетману о томъ же.

3. Писмо архимандр. Іоиля къ гр. Румянцеву—поздравительное: «благословившій подвиги Ваши побѣдами, а побѣды вожделѣннымъ миромъ увѣнчавый, да благословитъ жизнь Вашу здравіемъ и вси пред-

пріятія совершенствомъ да увѣнчаетъ». Въ припискѣ проситъ принять книжки, отъ типографіи обители посылаемыя... 1775, іюля 10, изъ Чернигова...

13. Монастырь Харлампіевскій-Гамалѣевскій.

1. Грамота Петра Великаго соизволительная на устройство женскаго монастыря, согласно желанію жены гетмана Анастасіи Марковны Скоропадской—на рѣкѣ Шосцѣ, въ Харлампіевой пустынѣ—на ея иждивеніе. 1714, генв. 25.

2. Жалованная грамота Петра Великаго гетману Скоропадскому женѣ его Настасьѣ Марковнѣ и дочери его Ульянѣ Ивановнѣ на села и хутора: Коропъ, Краснополье, Рожественское, Бѣлка, Городище, Бахмачъ Поросючка, Сосиновка, Линовица, Вороньки, Веприкъ Козацкое, Красное Усовка, Комышная, Бѣлоцерковецъ, Быковъ, Макіевка, Евминка Рудьковка, Кучаробка, Потаповка, Сопичъ, Новый Ропскъ, Старый Ропскъ, Лобановка, Сачковка, Тимоновичи, Карповичи, Брювничи, Соловенька, Хоромное, Кропивна, Ваганичи Бѣлоусъ, Володимеровка со всѣми посполитыми людми и угодьями—въ вѣчность. 1718, мая 12.

3. То же 1722, мая 16.

4. Его же—грамота подтвердительная на исчисленныя владѣнія, пожертвованныя гетманшей въ новоустроенный ею монастырь. 1718, іюля 7 д.

5. Писмо игумена Германа Конашевича гетману по жалобѣ монастырскаго подворчанина на шинкаря села Локотковъ, который у него заграбилъ коня и работаетъ имъ. 1733, ноября 12.

6. Доношеніе того же архимандрита Александру Ив. Румянцеву о томъ, что 28 сент. за полночь монастырь сгорѣлъ, такъ что и пропитанья монахамъ и работникамъ взять не откуда; по этому поводу проситъ разрѣшить въ монастырѣ винокуреніе, хотя на два котла. 1738, окт. 6.

7. Отношеніе архимандрита Софронія Михалевичева въ Воинскую генеральную канцелярію по поводу драки монаховъ съ Воронежскими обывателями; проситъ, чтобы слѣдствіе было производимо при духовныхъ депутатахъ и не въ Воронежѣ, а въ томъ мѣстѣ, «гдѣ яковая драка была». 1739, марта 11.

8. Писмо архимандрита Пахомія Витвицкаго къ первому члену Воинской генеральной канцеляріи о двухъ старостахъ Марчишино-

бадянскомъ Семенѣ Величковскомъ да Мутинскомъ Моисеѣ Пенусѣ, ограбившихъ монастырскую казну и сбѣжавшихъ,—изъ коихъ одинъ, какъ видно, скрывался въ Глуховѣ; 1749, окт. 15.

9. Челобитная архим. Пафнутія въ Генеральную войсковую канцелярію на генер. судью Горленко, чтобы онъ монастырскаго поля къ купленному своему владѣнію насильно не провлачалъ; онъ отнялъ монастырскихъ воловъ и ими же для своей корысти заоралъ монастырскую землю. 1750 г. авг. 4.

14. Омбышскій монастырь.

1. Доношеніе игумена Гимнасія, въ коемъ жалуется на отягощеніе постоемъ монастырскаго «небольшаго дворика въ Нѣжинѣ, гдѣ проживалъ управляющій церковнослужитель Семенъ Мохиръ. 1779. ноября 5.

2. Открытый вѣрующій листъ іеромонаху Амфилохію—съ полномочіемъ хлопотать по означенному дѣлу. 1779, ноября 5.

3. Отъ магистрата въ коллегію рапортъ—не утѣснять монастырскаго подворья постоемъ. 1779, ноября 29.

15. Межигорскій монастырь.

1. Вѣрующій листъ архим. Гавріила іеромонаху Пантелеймону на испрошеніе, чтобы утвердили универсалъ гетмана Скоропадскаго, по которому монастырь уволенъ отъ поставки дровъ для военныхъ. 1778 г. сент. 19. Приложенія:

2. Доношеніе—его же въ коллегію;

3. Гетманскій универсалъ;

4. Отказъ коллегіи, по повелѣнію графа Румянцева.

16. Рыхловскій монастырь.

1. Просьба черниговскаго духовенства къ гетману о назначеніи архипастыря по случаю отбытія Антонія Стаховскаго въ Тобольскую эпархію; назначенъ Иродіонъ Жураховскій. Подписались настоятели монастырей: Троицко-Ильинскаго—Германъ Кононовичъ, Никольскаго—Нилъ, Любецкаго—Зосимъ, Домнацкаго—Іоанникій, Рыхловскаго—Германъ, каѳедральный намѣстникъ Шпаковскій и 9 монаховъ. 1721 г. окт. 1.

2. Челобитная тѣхъ же лицъ по о томъ же

17. Каменскій монастырь.

Донесеніе игумена Герасима гетману о произведенномъ слѣдствіи въ церквахъ Рыковской и Бугриновской, гдѣ престолъ былъ сдвинутъ съ мѣста, хитонъ и антиминсъ были изрѣзаны.

18. Монастырь Кіевобратскій—Богоявленскій.

Донесеніе іеромонаха Іосифа, игумена и ректора Кіево-Могилянскаго братскаго училища, гетману, въ коемъ на запросъ людей для генеральной войсковой канцеляріи, знающихъ польскій, нѣмецкій и латинскій языки, отвѣчаетъ: «отнюдь таковаго человѣка изобрѣсти въ насъ не возмогаемъ, наиборзѣй же бы кто нѣмецкаго языка къ переводу не толко былъ искусенъ, но ниже и отчасти свѣдомъ, понеже въ насъ языка нѣмецкаго не учатъ, въ латинскомъ же и польскомъ языку видно запевне ижъ и канцелярія войсковая искустныхъ, честныхъ и неподозрительныхъ людей имѣетъ довольно, а ту студента отъ школы отдорвати, аще самъ добровольно не похощетъ, не такъ есть удобно». 1724 г. нояб. 4.

19. Черниговскій Пятницкій женскій монастырь.

1. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича игуменьи Анастасіи на села, дарованныя монастырю Юріемъ Хмѣльницкимъ 1660 — Рудки, Берцовки, Мохнатина, Яновки, Кошовки — съ млиномъ на р. Бѣлоухѣ и со всѣми угодьями. 1661, февр. 5.

2. Универсалы о томъ же Юрія Хмѣльницкаго на Рудки, Юрьевки, Рыжиковъ, Березовки. 1660 г.

3. Ивана Выговскаго 1658 г. іюня 17.

4. Его же о томъ же. 1657, нояб. 17.

5. Брюховецкаго 1663, авг. 5.

6. Самоиловича 1672, авг. 5.

7. Мазепы 1689, нояб. 9.

8. Скоропадскаго 1710 мая 17.

9. Челобитная игуменьи Фотиніи гетману о подтвердительномъ универсалѣ на три купленные монастырскіе млина, утвержденные Ив. Скоропадскимъ. Одинъ отъ Молявки въ концѣ Рудки, другой также въ Рудкѣ и третій въ Яновцѣ—съ перевозомъ.

10. Челобитная той же игуменьи къ гетману о Звонченкѣ, отыскивавшемъ козацкаго званія, тогда какъ съ давнихъ лѣтъ и дѣдъ и отецъ его мужиковали въ монастырской деревнѣ Березовки. 1729, генв. 29.

11. Жалоба той же игуменьи гетману на Бѣлоусскаго сотника Василья Корсикова, который въ 1728 въ декабрѣ возмущалъ противъ монастыря крестьянъ, записывалъ монастырскихъ подданныхъ въ козаки и приказывалъ «ижъ бы они обыкновенной осеньщины на монастырь не отдавали, жадной повинности не отбували и на консистентовъ не давали з другими подданными монастырскими».

12. Челобитная Тавифы Затырневичевой о хуторѣ, въ деревнѣ Черторицы, завѣщенномъ ей матерью ея инокиней Ефросиніей, который оттягалъ у ней швангеръ ея панъ Моисей Нестеренко.

13. Челобитная игуменьи Фотиніи о томъ же Звонченкѣ. 1729, марта 3.

20. Новомлинскій женскій монастырь — Святоустенскій-Бобриковскій.

Челобитная игуменьи Анисіи Чуйкевичовны къ гетману о возвращеніи монастырю Чеплѣевскихъ мельницъ; въ 1711 году эти мельницы отнялъ князь Григорій Өедоровичъ Долгоруковъ, а по смерти его завладѣлъ ими сынъ его Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, и хотя монастырь въ 1724 г. жаловался на это насиліе, но въ теченіе трехъ лѣтъ дѣло тянулось безъ успѣха, между тѣмъ какъ на взятки потрачено 410 золотыхъ, на разные протори—359 золотыхъ; въ 1727 году вышла инструкція до прикащика Чеплѣевскаго, чтобы онъ до тѣхъ млиновъ не интересовался, но тотъ прикащикъ старицъ изъ села выгналъ съ великимъ поруганіемъ... Коллежскіе члены и подъячіе побравши тіе многіе датки жадной пользы не учинили.

21. Андрониковскій монастырь — Брецкій (на р. Брецѣ).

1. Челобитная игумена Іоанна Дубенскаго къ гетману о подтвердительномъ универсалѣ на монастырскія владѣнія; приложенія въ копіяхъ; 1732, 4 ноября.

2. Фундашъ гетмана Мазепы, по просьбѣ игумена Андроника Васильевича—на грунты, отведенные монастырю Яковомъ Лизогубомъ, полковникомъ Черниговскимъ. 1691 г. іюля 22.

3. Универсалъ Скоропадскаго на имя игумена Пахомія Бѣлокриницкаго—на тѣ же грунты. 1709 г. окт. 19.

4. Его же—объ увольненіи монастырской слободки отъ постоевъ, провіанта и фуражу и всякихъ «издирствъ». 1714, окт. 27.

22. Густынскій-Прилуцкій монастырь.

1. Челобитная игумена іермонаха Гавріила къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о томъ, чтобы не требовать въ войсковой скарбъ процентовъ съ монастырскихъ доходовъ; объясняется, что промысловъ при монастырѣ нѣтъ, что только въ три праздника, на Троиценъ день, Успеньевъ и десятую пятницу—бываютъ сборы съ пріѣзжихъ торговыхъ людей,—но и этотъ сборъ по гетманскимъ универсаламъ служитъ къ пропитанію братіи и на устроеніе церковныхѣ потребъ; монастырь основанъ на землѣ князей Вышневецкихъ. 1735 г. 14 мая.

23. Ладинскій монастырь.

336. Фундатъ Раины Могилянки Михайловой Корибутовой Вишневской, коимъ она, по просьбѣ Густынскаго игумена Исаіи, позволила монастырь Ладинскій Подгорскій фундовати на монастырь дѣвичій и передала его въ вѣчное владѣніе сестрѣ Исаіи, игуменьѣ Александрѣ со всѣми грунтами и пожитками, съ селомъ Ладиномъ и рѣкою Ладинкою. 1619 г. генв. 10 д.

2. Ея же о томъ же. 1619 г. генв. 12 д.

3. Ея же о томъ же. 1619 г. генв. 19 д.

4. Листъ благословенный Петра Могилы о назначеніи въ монастырь побожной инокины г-жи Аѳанасіи Смолковны съ прочими законными сестрами. 1638 г. окт.; подтвержденъ Сильвестромъ Косовымъ.

5. Универсалъ гетмана Іоакима Сомко о томъ, чтобы кривды и и утиску обители не наносили. 1661 г. іюля 30 д.

6. — Григорья Дорошенко о томъ же. 1668 г. окт. 1 д.

7. — Юрія Хмѣльницкаго о томъ же. 1660 г. генв. 4 д.

8. Наказъ Лазаря Горленно Михаилу Стасенкову, мельнику Варвинскому, чтобы онъ «не важился черницъ ганити». 1670 г. дек. 13 д.

9. Дмитрія Горленко универсалъ, утверждающій за монастыремъ млинъ на греблѣ Варвинской купленный игуменьей Харитиной у Михаила Стасенка за 320 золотыхъ Литовской лигой. 1695 г. авг. 30 д.

10. Челобитная игуменьи Иннокентіи гетману о томъ, чтобы монастырь безпрепятственно могъ владѣть селомъ Ладиномъ и чтобы со Сваричовскаго млина шла войсковая часть, по прежнему, на старицъ.

11. Доношеніе игуменьи Александры Масюковны гетману о томъ, что слуга гетманши Анастасьи Марковны Андрей Хоньзеровскій завладѣлъ монастырскимъ селомъ.

12. Ея же челобитная гетману объ уменьшеніи порціоновъ съ обывателей села Ладина; порція состояла по 12 золотыхъ; отъ этого налогу, противу другихъ селъ, обитель пришла въ великую нищету и убожество.

13. Розыскъ, по какимъ актамъ монастырь владѣетъ Переволочанскою мельницею; игуменья Иннокентія Андрузская и намѣстница Евлампія показали, что въ 1709 г. по просьбѣ игуменьи Евросиніи гетманъ Скоропадскій универсаломъ утвердилъ за монастыремъ войсковую часть этого млина, что въ 1715 г. эта игуменья переѣхала на игуменство въ Гамалѣевскій монастырь и увезла съ собою универсалъ, который неизвѣстно, куда дѣвался послѣ ея смерти.

14. Донесеніе Прилуцкаго полковника Игнатія Галагана гетману Апостолу.

24. Елецкій Успенскій монастырь—Успенія Пресвятыя Богородицы.

1. Универсалъ гетмана Скоропадскаго по просьбѣ архимадрита Евстратія о томъ, чтобы въ монастырскихъ маэтностяхъ никто не смѣлъ шинковать горѣлки, кромѣ казаковъ, тамо живущихъ; да и тѣ покухонную повинность должны плотить не до скарба войсковаго, а до обители Елецкой. 1719 г. мая 12 д. Копія завѣренная архим. Тимофеемъ.

2. Челобитная архимандр. Тимоѳея гетману Даніилу Апостолу о томъ, чтобы Авдѣевскій перевозъ, на р. Деснѣ, въ силу монаршихъ грамотъ и гетманскихъ универсаловъ, оставался въ спокойномъ владѣніи монастыря. 1729 г. дек. 9 д. Отсюда видно, что Елецкій монастырь основанъ благовѣрнымъ княземъ Черниговскимъ Святославомъ Ярославичемъ и тогда же отданы во владѣніе его село Авдѣевка, въ полку Черниговскомъ, означенный перевозъ на р. Деснѣ и проч. маэтности съ перевозами и разными угодьями, что утверждено было затѣмъ грамотами Царя Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича. 1729 г. дек. 9 дня.

3. Челобитная того же архимандрита и тому же гетману, въ которой, выражая признательность за подтвердительный универсалъ на монастырскія владѣнія, проситъ распространить подобную же милость на прочіе монастырскіе грунты, на озеро прозываемое Старуха Уступного, на грунты Моравейскіе, купленные одинъ 1690 г., другой 1687 г. и третій 1710 г. Интересно начало этой бумаги: «Развѣ бы сей имѣлъ твердѣйшое надъ діаментъ сердце, иже бы отъ високихъ лицъ благодѣтельскую получилъ милость, аще не дарами, то рабскою не рекомпенсовалъ покорностію... 1732 г. мая 15.

4. Челобитная архимандрита Тимофея гетману о подтвержденіи прежнихъ универсаловъ на монастырскія владѣнія. 1732 г. апр. 10 д.

5. Жалоба настоятелей монастырей Елецкаго архимандрита Тимоѳея, Троицкаго архимандрита Ираклія, каѳедральнаго намѣстника Феофила и духовника іеромонаха Нектарія маэоръ лебъ-гвардіи Измайловскаго полку генералу Ивану Аѳанасьевичу на то, что Черниговская полковая канцелярія не приняла поставленныхъ въ оную драгунскихъ лошадей. 1738 г. ноября 3 д.

6. Доношеніе его же гетману о самовольномъ шинкованіи горѣлки посторонихъ людей съ просьбою о запрещеніи. 1739 г. дек. 16 д.

7. Отношеніе. Черниговской каѳедры къ генеральнымъ старшинамъ, въ которомъ утверждается, по поводу притязаніи на грунтъ Козлянскій тамошнихъ козаковъ, что этотъ грунтъ собственность Черниговской каѳедры, что видно изъ универсаловъ Скоропадскаго 1714 и 1716 и гетманскаго листа до преосвящ. Антонія въ 1716 г. 1715 г. іюля 16 д. За подписью намѣстника Паѳнутія, іеромонаховъ Варлаама и Тимоѳея, Лаврентія и Германа.

25. Нѣжинскій монастырь Троицкій-Густинскій мужской.

1. Жалованная грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевича игумену Авксентію на село Деймановку, въ полку Прилуцкомъ въ сотнѣ Сребранской, съ мельницами и разными угодьями. 1674 г. февр. 21 д.

2. Брюховецкаго — тому же игумену на млинъ подъ Варвою. 1618, окт. 7.

3. Универсалы Іоанна Самоиловича тому же игумену Авксентію Акимовичу на млинъ Давиденковъ, на р. Удаи, и млинъ подъ Варвою на той же рѣкѣ. 1672, авг. 4.

*

4. Дорошенки—на млины подъ Варвою и Деймановскій. 1668, іюля 5 д.

5. Дем. Игн. Многогрѣшнаго тому же игумену—на тѣ же млины. 1670 г. мая 9.

6. Самоиловича—на млинъ Варвинской. 1673 г. дек. 10.

7. Мазепы—тому же игумену на село Деймановку и на млины въ селѣ Валкахъ и подъ Варвою. 1687 г. окт. 9.

8. Докладъ игумена іермонаха Гавріила гетману Даніилу Апостолу о положеніи и нуждахъ монастыря; во 1-хъ говорится, что отъ начала своего основанія монастырь, подъ покровительствомъ гетмановъ процвѣталъ, а нынѣ въ остатное приходитъ раззореніе, ограда кругъ монастыря упалая, кельи и прочее строеніе требуютъ обновленія, между тѣмъ благодѣтелей не является, доходовъ не имѣется; бываетъ праздничный доходъ—въ Троиценъ день и въ Успеньевъ, но онъ весь расходуется на церковныя потребы,—рыба, соль, елей и все нужное для братіи покупается на тотъ же приходъ; съ трехъ монастырскихъ маэтностей, кромѣ хлѣба и работоры подданической нѣтъ прибыли; ни рыбныхъ ловель, ни перевозовъ, ни выгодныхъ угодій нѣтъ во владѣніи монастыря; проситъ, чтобы праздничный доходъ исключительно принадлежалъ монастырю, иначе братія «скудости ради пищи и одѣянія» всѣ разойдутся. Далѣе, проситъ универсала на млинъ, на р. Удай, въ 1701 г. пожертвованный монастырю Татьяной Григорьевой, жителкой сельца Новой Гребли, и наконецъ въ 3-хъ проситъ истребовать съ гетмана Дм. Горленка 1000 золотыхъ, занятыхъ имъ у монастыря, отъ уплаты коихъ онъ уклоняется.

9. Челобитная игумена Гавріила гетману — на пана Кензеровскаго и на панну Марію Носенкову, которые отказывали монастырю въ его правахъ на млины, стоящіе на р. Удай. 1728 г. дек. 21 д.

10. Доношеніе Прилуцкаго полковаго судіи Михаила Ядельнецкаго и писаря Голенковскаго къ князю Іоанну Ѳедоровичу Барятинскому о двухъ монастырскихъ дѣлахъ, съ просьбою о дозволеніи рѣшить ихъ въ присутствіи бунчуковыхъ товарищей Ѳедора Марковича и Данилы Покорскаго. 1-е дѣло: Іермонахъ Густынскій Логвинъ и монахъ Харлинскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили Васильи Карпенка въ его собственномъ домѣ, въ Ольшаной маэтности, привезли въ монастырь и по самой сорочкѣ били шелепами, т. е. плетьми толстыми, гораздо такъ, що и кровь кругъ сорочку показывалося и оный Карпенко въ томъ же монастырѣ по томъ же бою и умре. Другое дѣло о покражѣ въ Ладинскомъ монастырѣ 700 рублей козакомъ и

жителемъ Прилуцкимъ Школкою; хочай и били Школку доволно по голомъ тѣлу плѣтми, онъ Школка въ полковомъ судѣ не сознался. 1737 г. авг. 3 д.

11. Отношеніе Прилуцкаго войта Леонтія Васильева къ пану Севастьянову по розыску относительно горѣлки; панъ Новецкій показалъ, что на Густынской ярмаркѣ о Св. недѣлѣ покупалъ пузументъ золотій и сукно себѣ и слугамъ; Ѳотій Прокоповичь не былъ допрошенъ, ибо онъ находился при капитанѣ Корсаковѣ-Римскомъ въ высылкѣ на полонъ Днѣпра; другіе свидѣтели умерли. 1738 г. марта 4.

12. Подлинный экстрактъ о маэтностяхъ Прилуцкого полка, кто по какимъ крѣпостямъ владѣетъ; подписанъ Игнатіемъ Галаганомъ и всей старшиной генеральной и полковой; отсюда видно, что Гостынскому монастырю принадлежали: 1) деревня Мецѣевка (1619), Деймановка, Ладинъ, Бурумка, Шиловичи.

26. Максаковскій монастырь.

Инквизиція. По повелѣнію гетмана Мазепы розыскъ о грунтѣ, находящемся между Степановкою, селомъ Архіерейскомъ и Сидоровкою, деревнею монастыря Максаковскою; въ приложеніяхъ:

1) Фундатъ воеводы Кіевскаго Киселя па маэтности, на польскомъ языкѣ.

2) Грамота Яна Казимира

Елпидифоръ Барсовъ.

РОСПИСНОЙ СПИСОКЪ

ГОРОДА (КРѢПОСТИ) КІЕВА 1677 ГОДА.

Лѣта 7185 Генваря въ 30 день. По государеву цареву и великого князя Θеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца указу бояринъ и воевода князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ съ товарыщи отдали боярину и воеводамъ Михаилу Ивановичу Морозову, околничему Алексѣю Петровичу Головину да думному дьяку Григорью Богданову да дьякомъ Борису Ертусланову, Ивану Кучецкому: образъ Пресвятые Владычицы нашіе Богородицы христіанскіе Помощницы Живоносного Источника, на поляхъ окладъ серебреной гладкой золоченъ, вѣнцы и на поляхъ около иконы Пресвятые Богородицы обнизано земчюгомъ болшимъ въ одно зерно, кіотъ оклеанъ бархатомъ червчетымъ, пелена отласная червчетая, около круживо золотное, кованое; образъ преподобнаго отца нашего Сергія Радунежскаго Чудотворца, окладъ серебрянной чеканной, золоченъ, вверху и на поляхъ и около ризы обнизано земчюгомъ въ одно зерно, кіотъ оклеанъ бархатомъ червчетымъ; Великого государя полковое знамя, писано по зеленой камкѣ на обѣихъ сторонахъ: образъ Пресвятые Богородицы да Преподобныхъ Отецъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ, около поля писано мѣстами золотомъ и серебромъ и красками, древко деревяное писано золотомъ и красками, на древкѣ крестъ серебреной, на знамяни сукно красное; да городскіе жъ и городовые ключи и по городу нарядъ и въ казенныхъ погребахъ зелье и въ онбарехъ пушки и пушечные и всякаго полковаго строенья припасы, ядра, свинецъ и фетиль и гранаты и ружье, мушкеты и корабины и пистоли и на житномъ дворѣ и въ ямахъ хлѣбные всякіе запасы и соль и въ приказной избѣ великого государя указныя грамоты и всякія дѣла и денежную казну и приходные и расходные денежной и всякой казнѣ и хлѣбнымъ запасомъ и соли книги и что нынѣ великого государя въ Кіевѣ ратныхъ всякихъ чиновъ людей

имянные списки, а сколко чего на лицо отдано, и то писано въ семъ росписномъ спискѣ порознь по статьямъ ниже сего.

Въ приказной избѣ на столѣ книга великого государя Соборное Уложенье.

Да Кіевъ верхней, болшой и меншой городы.

И тѣхъ городовъ ключи,
Меншова города:
Кіевскихъ воротъ 2 ключа.
Болшого города.
Печерскихъ воротъ 2 ключа.
Золотыхъ воротъ 2 ключа жъ.
Лвовскихъ воротъ 1 ключь.
Да разныхъ калитокъ 9 ключей.
Городка, что на Печерской горѣ, 1 ключь.

Да по разсмотрѣнію боярина и воеводы князя Алексѣя Андреевича Голицына съ товарищи великого государя ратные люди здѣлали въ Кіевѣ въ болшомъ городѣ поперечною земляною валу вновь.

Отъ золотыхъ воротъ до Михайловскаго выводу валу и съ выводами длиною 415 сажень.

Около Михайловскаго монастыря валу же и съ выводами въ длину 350 сажень.

Всего здѣлано 765 сажень

По Меншому городу наряду:

На Соѳейскомъ выводѣ 5 пищалей мѣдныхъ, въ томъ числѣ одна мѣрою 4 аршина 2 вершка, къ ней 164 ядра, вѣсомъ по 6 гривенокъ, а сколко пудъ того невѣдомо, для того, что въ Кіевѣ терезей такихъ нѣтъ и привѣсить было не на чемъ а на ней вылита подпись: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи лѣта 7133, мастеръ Григорій Наумовъ»; станокъ и колеса окованы.

Другая мѣрою 4 аршина безъ 7 вершковъ, вѣсу въ ней 20 пудъ, къ ней 216 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, на ней вылита подпись: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Миха-

ила Θеодоровича всеа Русіи лѣта 7131, мастеръ Алексѣй Акимовъ»; станокъ и колеса окованы.

Да три пищали мѣрою по 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ нихъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ, къ нимъ по 216 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки, на одной пищали вылитъ крестъ, да на ней же вылита подпись: «лилъ Стеѳанъ Кузминъ, а на двухъ пищалехъ кресты вырѣзаны, станки окованы, въ томъ числѣ одни колеса окованы, а подъ двемя пищалми на колесахъ по 5 отбоймицъ.

Отъ Соѳѣйского выводу на право на наугольномъ выводѣ пищаль мѣдная мѣрою 2 аршина 2 вершка, вѣсу въ ней 17 пудъ, 4 гривенки, къ ней 50 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки; станокъ и колеса окованы.

На Петровскомъ выводѣ пищаль мѣдная мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ, на ней вылитъ крестъ, къ ней 216 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки; станокъ и колеса окованы.

На ивановскомъ выводѣ 2 пищали мѣдныя галанскія, мѣрою по 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, на нихъ подпись вырѣзана; «пищаль, ядро пудъ 7 гривенокъ, вѣсу 197 пудъ 35 гривенокъ, вылито на нихъ образъ Святаго Георгія, а по латыни на нихъ же вылито подписи: «лѣта 1635, мастеръ Эвергардусъ Сплинтеръ, литы въ городѣ Энгузіѣ»; къ нимъ по 200 ядеръ, вѣсомъ по пуду по 7 гривенокъ; станки и колеса окованы.

Да пищаль мѣдная мѣрою 4 аршина 2 вершка, вѣсу въ ней 35 пудъ, а на ней вылита подпись: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи слита сія пищаль лѣта 7137, мастеръ Кандратей Михайловъ»; къ ней 68 ядеръ вѣсомъ по 4 гривенки; станокъ и колеса окованы.

На Рожественскомъ выводѣ 2 пищали, одна мѣрою 4 аршина 2 вершка, вѣсу въ ней 35 пудъ, на ней вылита подпись: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи, лѣта 7131, мастеръ Алексѣй Акимовъ»; къ ней 68 ядеръ вѣсомъ по 4 гривенки, станокъ окованъ, а на колесахъ по 6 обоймицъ да по 4 обруча желѣзныхъ.

Другая желѣзная мѣрою 3 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсу въ ней 34 пуда, къ ней 151 ядро, вѣсомъ по пол—2 гривенки, станокъ окованъ.

Въ Кіевскихъ проѣзжихъ воротехъ тюфякъ мѣдной болшой, мѣрою 2 аршина, вѣсу въ немъ 18 пудъ.

На Воздвиженскомъ выводѣ 2 пищали галанскіе, мѣдные, мѣрою по 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, на нихъ подпись вырѣзана; пищаль ядро пудъ 10 гривенокъ, въ одной вѣсу 208 пудъ 20 гривенокъ, да на ней же вылитъ образъ Святаго Георгія, да на ней же вылита подпись по лотыни: «лѣта 1634, мастеръ Эвергардусъ Сплинтеръ въ городѣ Энгузіѣ».

Другая пищаль галанская, на ней подпись, пищаль ядро пудъ 10 гривенокъ, вѣсу 202 пуда 20 гривенокъ, на ней вылитъ образъ Святаго Георгія, на ней же вылита подпись по латыни: «лѣта 1634, мастеръ Аверусъ Ростеръ, въ городѣ Амстердамѣ»; къ нимъ по 200 ядеръ, вѣсомъ по пуду по 10 гривенокъ, станки и колеса новые окованы.

Третья пищаль желѣзная вѣстовая, мѣрою 3 аршина 5 вершковъ, вѣсу въ ней по подписи 48 пудъ; къ ней 164 ядра вѣсомъ по 6 гривенокъ, станокъ окованъ, колеса старыя, на нихъ три обоймицы да 2 обруча желѣзныхъ.

По лѣвую сторону Миколаевской калитки пищаль мѣдная скорострѣлная, мѣрою 2 аршина, вѣсу въ ней 10 пудъ, на ней вылитъ орелъ двоеглавной, а надъ главами у него три коруны съ крестами, а въ правой ногѣ держитъ яблоко съ крестомъ, а въ лѣвой ногѣ держитъ скипетръ, на ней же вылиты по латыни имяна: «полковникъ Миколай Бовмонъ, да Яганъ Ѳангоренъ, лѣта 1602, мастеръ Германъ Энниинкъ, слита въ городѣ Гонбурры»; къ ней 50 ядеръ вѣсомъ по 3 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

По правую сторону Миколаевской калитки пищаль мѣдная мѣрою 4 аршина безъ 7 вершковъ, вѣсу въ ней по подписи 22 пуда, ядро въ 2 гривенки, къ ней 216 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ по 6 обоймицъ да 7 обручей желѣзныхъ.

На выводѣ, что за Дьячьимъ дворомъ 2 пищали мѣдныя скорострѣлныя, мѣрою по 2 аршина, вѣсу въ нихъ по 10 пудъ, на одной подпись вылита по латыни: «приказалъ дѣлать Яганъ Ѳангеренъ, мастеръ Никласъ Визе, лита въ Либкѣ городѣ лѣта 1660, на вертлюгѣ; станокъ окованъ, колеса не окованы.

А на другой вылитъ орелъ двоеглавной, а надъ главами у него 3 коруны съ крестами, а въ правой ногѣ держитъ яблоко съ крестомъ, а въ лѣвой ногѣ держитъ скипетръ, на ней же вылиты по латыни имяна: «полковникъ Миколай Бовманъ да Яганъ Ѳангоренъ, лѣта 1602, мастеръ Германъ Эннцинкъ въ городѣ Горбуры; къ нимъ по 49 ядеръ вѣсомъ по 3 гривенки, станокъ старой окованъ.

На воеводцкомъ выводѣ пищаль мѣдная мѣрою 4 аршина безъ вершка, вѣсу въ ней 24 пуда, на ней вылита подпись по латыни: «лѣта 1529; на ней 2 герба, по лѣвую сторону орелъ одноглавной, по правую сторону человѣкъ на конѣ, въ рукѣ держитъ полашъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ.

На Михайловскомъ выводѣ пищаль мѣдная мѣрою 4 аршина безъ чети, вѣсу въ ней 24 пуда, на ней вылито по латыни: «лѣта 1525; да на ней же гербъ орелъ одноглавной, къ ней 830 ядеръ вѣсомъ по гривенкѣ; станокъ и колеса окованы.

Да 3 пищали мѣдныя жъ, мѣрою по 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ нихъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ, къ нимъ по 217 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки, станки новые окованы, въ томъ числѣ одни колеса новыя, на нихъ по 6 обоймицъ да, по 2 обруча желѣзныхъ, а на другихъ колесахъ 4 обруча желѣзныхъ, третьи колеса новыя не окованы.

Въ болшомъ городѣ:

На выводѣ, что противъ Михайловскаго монастыря, пищаль мѣдная мѣрою 2 аршина безъ вершка, вѣсу въ ней 8 пудъ 16 гривенокъ, на ней вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами у него 3 коруны, къ ней 49 ядеръ вѣсомъ по 3 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ по 4 обруча желѣзныхъ.

Другая мѣдная жъ мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ ней 8 пудъ 36 гривенокъ, на ней вырѣзанъ крестъ, къ ней 217 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя не окованы.

Въ деревянномъ выводѣ пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсу въ ней 8 пудъ, на ней вырѣзанъ крестъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

На углу противъ Малова городка, что на Печерской горѣ, пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсу въ ней 8 пудъ, на ней крестъ вырѣзанъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

По лѣвую сторону Архангельскаго выводу пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ ней 8 пудъ 36 гривенокъ, на ней крестъ вырѣзанъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колоса не окованы.

На Архангельскомъ выводѣ 5 пищалей, въ томъ числѣ одна желѣзная мѣрою пол-3 аршина съ вершкомъ, вѣсу въ ней 25 пудъ 30 гривенокъ, къ ней 164 ядра, вѣсомъ по 6 гривенокъ, станокъ окованъ, колеса не окованы.

Другая мѣдная, мѣрою 4 аршина безъ 2 вершковъ, вѣсу въ ней 24 пуда, на ней вылита подпись по латыни: «1529», на ней 2 герба, по лѣвую сторону орелъ одноглавной, по правую сторону человѣкъ на конѣ, держитъ палашъ, къ ней 213 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя, на нихъ по 4 обруча желѣзныхъ.

Да 3 пищали мѣдныя жъ, мѣрою по 2 аршина безъ 5 вершко.въ вѣсу въ нихъ по 9 пудъ, на одной вылитъ крестъ, да на ней же вылита подпись: «лилъ Ѳедоръ Ивановъ, а на другой крестъ вырѣзанъ, къ нимъ по 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станки окованы, въ томъ числѣ одинъ станокъ новой, а колеса новыя не окованы, а подъ двемя пищалми колеса не окованы.

На Печерской башнѣ пищаль желѣзная вѣстовая, мѣрою 2 аршина съ вершкомъ, вѣсу въ ней 22 пуда 16 гривенокъ; къ ней 186 ядеръ, вѣсомъ по 12 гривенокъ, станокъ окованъ, на колесахъ по 4 обруча желѣзныхъ.

На Печерскомъ выводѣ 2 пищали, одна желѣзная, мѣрою пол-3 аршина з 2 вершки, вѣсу въ ней по подписи 29 пудъ 35 гривенокъ, къ ней 49 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя, на нихъ 6 обоймицъ да по 2 обруча желѣзныхъ.

Другая мѣдная мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя не окованы.

Въ Печерскихъ проѣзжихъ воротехъ тюфякъ мѣдной, мѣрою аршинъ пол-7 вершка, вѣсу въ немъ 6 пудъ 23 гривенки, станокъ и колеса окованы.

Да пищаль мѣдная мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ, на ней крестъ вырѣзанъ, къ ней 217 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя, на нихъ по 2 обоймицы да по 2 обруча желѣзныхъ.

Къ золотымъ воротамъ по стѣнѣ пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 8 пудъ 27 гривенокъ, на ней вылитъ крестъ, да на ней же вылита подпись: «лилъ Өедоръ Ивановъ, къ ней 151 ядро, вѣсомъ по пол-2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ, по 2 обруча желѣзныхъ да по 2 обоймицы.

На Троецкомъ выводѣ 2 пищали мѣдныя мѣрою по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ нихъ по 9 пудъ, къ нимъ по 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станки окованы, въ томъ числѣ одни колеса новыя, на нихъ по 6 обоймицъ да по 2 обруча желѣзныхъ.

Подлѣ золотыхъ воротъ по лѣвой сторонѣ пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ, на ней вылитъ крестъ да на ней же вылита подпись полатыни: «лилъ Стеөанъ Кузминъ»; къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ по 2 обруча желѣзныхъ.

На выводѣ, что у Золотыхъ воротъ, пищаль мѣдная вѣстовая мѣрою 4 аршина з 2 вершки, а сколко пудъ того не вѣдомо для того, что въ Кіевѣ терезей такихъ нѣтъ и привѣсить было не на чемъ, а на ней вылита подпись: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Русіи лѣта 7131, мастеръ Григорей Наумовъ»; къ ней 164 ядра, вѣсомъ по 6 гривенокъ, станокъ окованъ, колеса новыя, на нихъ по 6 обоймицъ да по 4 обруча желѣзныхъ.

Другая питаль мѣдная жъ, мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершковъ, вѣсу въ ней 8 пудъ 36 гривенокъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

Третья пищаль мѣдная жъ мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ ней 8 пудъ 27 гривенокъ, къ ней 151 ядро, вѣсомъ по

пол-2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя, на нихъ по 6 обоймицъ да по 2 обруча желѣзныхъ.

Да у тѣхъ же воротъ тюфякъ мѣдной, мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, на немъ вылита подпись: «князь великій Иванъ Васильевичъ господарь всея Русіи, дѣлалъ Яковъ»; ложа окована желѣзомъ, колеса новыя, на одномъ колесѣ 2 обруча желѣзныхъ, вѣсу въ немъ 3 пуда 20 гривенокъ.

На Георгіевскомъ выводѣ пищаль желѣзная, мѣрою 3 аршина 5 вершковъ, вѣсу въ ней по подписи 49 пудъ 35 гривенокъ, къ ней 164 ядра, вѣсомъ по 6 гривенокъ, станокъ окованъ, на колесахъ по 2 обоймицы желѣзныхъ.

Да двѣ пищали мѣдныя мѣрою по 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ нихъ по 8 пудъ по 27 гривенокъ, къ нимъ по 151 ядру, вѣсомъ по пол-2 гривенки, станки окованы, въ томъ числѣ одни колеса окованы, другія не кованы.

На Сергіевскомъ выводѣ 2 пищали мѣдныя, одна вѣстовая мѣрою 4 аршина 2 вершка, къ ней 164 ядра, вѣсомъ по 6 гривенокъ, сколко пудъ, тою не вѣдомо, для того, что въ Кіевѣ терезей такихъ нѣтъ, привѣсить было не на чемъ, а на ней вылита подпись: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Русіи слита сія пищаль лѣта 7138, мастеръ Алексѣй Акимовъ»; станокъ и колеса новыя, окованы.

Другая, мѣрою 3 аршина безъ полу вершка, вѣсу въ ней 12 пудъ, къ ней 51 ядро вѣсомъ по пол-2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ, по три обруча желѣзныхъ.

На Всесвяцкомъ выводѣ, что противъ пробитова валу 5 пищалей, 3 пищали желѣзныя, 2 мѣрою по 3 аршина по 5 вершковъ, въ одной вѣсу по подписи 49 пудъ 25 гривенокъ, въ другой вѣсу по подписи жъ 49 пудъ, къ нимъ по 164 ядра вѣсомъ по 6 гривенокъ, станки окованы, въ томъ числѣ одни колеса новыя, на нихъ по 6 обоймицъ, да по 3 обруча, одно колесо старое окованo, другое не оковано, старое.

Третья, мѣрою 3 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ ней 27 пудъ 20 гривенокъ, къ ней 150 ядеръ, вѣсомъ по пол-2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ по 3 обоймицы желѣзныхъ.

Четвертая пищаль мѣдная мѣрою пол-2 аршина безъ вершка, вѣсу въ ней 8 пудъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, а колеса не окованы.

Пятая пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ, къ ней 150 ядеръ, вѣсомъ по пол-2 гривенки; станокъ окованъ, колеса не окованы.

Во Лвовской башни пищаль желѣзная, мѣрою 3 аршина 5 вершковъ, вѣсу въ ней по подписи 48 пудъ 2 гривенки, къ ней 164 ядра, вѣсомъ по 6 гривенокъ, станокъ и колеса окованы.

Отъ той башни по стѣнѣ въ выводѣ пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ, на ней вылитъ конь, къ ней 217 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ 4 обоймицы да 4 обруча желѣзные.

Другая пищаль мѣдная жъ, мѣрою аршинъ 7 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ 20 гривенокъ, къ ней 151 ядро, вѣсомъ по пол-2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ 7 обручей желѣзныхъ.

Третья пищаль мѣдная жъ, мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ ней 8 пудъ 36 гривенокъ, на ней вылитъ крестъ да на ней же подпись вылита: «Воинъ»; къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя, на нихъ по 6 обоймицъ да по обручу желѣзному.

Отъ того выводу на новомъ выводѣ пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ, на ней вылитъ крестъ, да на ней же вылита подпись: «лилъ Ѳедоръ Ивановъ»; къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя, на одномъ колесѣ 3 обоймицы да обручъ желѣзной.

Въ обрубѣ, что надъ колодеземъ 2 пищали, одна желѣзная, мѣрою 3 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсу въ ней по подписи 29 пудъ, къ ней 68 ядеръ, вѣсомъ по 4 гривенки, станокъ и колеса новые, окованы желѣзомъ.

Другая мѣдная, мѣрою 2 аршина безъ 5 вершковъ вѣсу въ ней 9 пудъ, на ней крестъ вырѣзанъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, на колесахъ по 3 обруча, 4 обоймицы желѣзныя.

На стѣнѣ, что во рву противъ Кожемяцкой слободы 2 пищали мѣдныя, одна мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсу въ ней 8 пудъ 36 гривенокъ, на ней крестъ рѣзной, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

Другая мѣрою аршинъ 7 вершковъ, вѣсу въ ней 9 пудъ 20 гривенокъ, къ ней 49 ядеръ, вѣсомъ по 3 griванки, станокъ окованъ, на колесахъ по 2 обоймицы да по 2 обруча желѣзныхъ.

У приказной избы:

Пищаль мѣдная мѣрою 4 аршина, а сколко пудъ тою не вѣдомо для того, что въ Кіевѣ такихъ терезей нѣтъ и привѣсить было не на чемъ, а на ней подпись: «повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, при бытіи въ Кіевѣ боярина и воеводы Кіевского и намѣстника новогородцкого князя Юрьи Петровича Трубецкого, вылита пушка сія въ Кіевѣ лѣта 7183 мѣсяца генваря въ 30 день»; станокъ и колеса новые не окованы.

Въ ружейномъ анбарѣ:

2 пищали мѣдныя, мѣрою по 2 аршина съ четвертью, вѣсу въ нихъ по 5 пудъ по 20 гривенокъ, на нихъ вылита подпись по латыни: «Христоѳоръ Ѳанкендорѳъ, тѣ пищали слиты лѣта 1570»; а гербъ на нихъ по три крыла, къ нимъ по 81 ядру, вѣсомъ по чети гривенки, станки окованы, подъ ними по 4 колеса, окованы желѣзомъ.

2 пищали мѣдныя жъ скорострѣлныя, одна мѣрою 2 аршина, вѣсу въ ней 10 пудъ, на ней вылита подпись по латыни: «приказалъ дѣлать Яганъ Ѳангоренъ, мастеръ Никласъ Визе, лита въ Либкѣ городѣ лѣта 1660»; къ ней 49 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя не окованы.

Другая мѣрою 2 аршина, вѣсу въ ней 10 пудъ, на ней вылита подпись по латыни: «Яганъ Ѳангоренъ, лѣта 1661»; къ ней 68 ядеръ, вѣсомъ по 4 гривенки, станокъ окованъ, подъ станкомъ 4 колеса, 3 окованы, четвертое не оковано.

Да пищаль мѣдная, мѣрою 3 аршина пол-9 вершка, вѣсу въ ней по подписи 22 пуда, на ней подпись; пушка длина 3 аршина 7 верш-

ковъ, ядро въ 2 гривенки, къ ней 217 ядеръ по 2 гривенки, станокъ и колеса новые не окованы.

Пищаль мѣдная мѣрою 2 аршина, вѣсу въ ней 5 пудъ, на ней вылита подпись: «Іоанъ Божіею милостію государь всея Русіи въ лѣто 7007»; въ ложи окована обручми желѣзными.

Пищаль мѣдная скорострѣлная, мѣрою 2 аршина, вѣсу въ ней 10 пудъ, на ней гербъ орелъ двоеглавной, въ правой ногѣ держитъ яблоко съ крестомъ, а въ лѣвой ногѣ держитъ скипетръ, къ ней 49 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

Пушка болшая верховая мѣдная, а на ней вылита подпись: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Дмитрея Ивановича, всея великія Росіи самодержца въ первое лѣто государства его здѣлана бысть сія пушка въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7114 мѣсяца сентября въ 27 день, мастеръ Андрей Чеховъ, дѣлалъ пушечной мастеръ Проня Ѳедоровъ»; а сколко въ ней пудъ, того невѣдомо для того, что въ Кіевѣ такихъ терезей нѣтъ, привѣсить было не на чемъ, къ ней 97 гранатъ болшихъ по 12 пудъ.

Пушка верховая мѣдная жъ, вѣсомъ 20 пудъ, на ней подпись вылита: «Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Росіи слита сія пушка лѣта 7141, мастеръ Микиѳоръ Ѳедоровъ»; къ ней 88 гранатъ середнихъ.

Другая пушка верховая жъ мѣдная, вѣсомъ 18 пудъ 20 гривенокъ, на ней вылита подпись: «мастеръ Михайла Ѳедоровъ»; къ ней 88 гранатъ середнихъ.

Въ Печерскомъ монастырѣ:

Пищаль мѣдная, мѣрою аршинъ 10 вершковъ, вѣсу въ ней 10 пудъ 13 гривенокъ, къ ней 49 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки, станокъ окованъ, подъ станкомъ 4 колеса, окованы желѣзомъ.

Въ нижнемъ городѣ на ратушномъ дворѣ:

2 пищали мѣдныя скорострѣлныя, мѣрою по 2 аршина, вѣсомъ по 10 пудъ, на нихъ вылиты орлы двоеглавые, а надъ главами у нихъ по 3 коруны съ крестами, а въ правыхъ ногахъ держатъ яблоки съ крестами, а въ лѣвыхъ ногахъ держатъ скипетры, на нихъ же вылиты полатыни имяна: «полковникъ Микулай Боувманъ,

да Яганъ Ѳэнгоренъ, лѣта 1602, мастеръ Германъ Энниинъ, литы въ городѣ Гербурье»; къ нимъ по 49 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станки окованы, колеса не окованы.

Въ маломъ городкѣ, что на Печерской горѣ:

Въ воротехъ пищаль мѣдная, мѣрою 2 аршина 2 вершка, вѣсу въ ней 11 пудъ, къ ней 217 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса новыя не окованы.

Въ выводѣ пищаль желѣзная, мѣрою 3 аршина безъ чети, вѣсу въ ней 29 пудъ, къ ней 10 ядеръ, вѣсомъ по пол-4 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

Въ другомъ выводѣ пищаль мѣдная, мѣрою пол-3 аршина, вѣсу въ ней 11 пудъ 10 гривенокъ, къ ней 217 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки, станокъ окованъ, колеса не окованы.

И изъ того числа по приказу боярина и воеводъ князя Алексѣя Андреевича Голицына послано въ Чигиринъ къ пушкамъ по рознымъ Чигиринскимъ кружаломъ 200 ядеръ, а по чему ядро вѣсомъ и то писано въ записной книгѣ у сотника московскихъ стрѣлцовъ у Семена Вишина, которому приказаны оружейные анбары.

Въ казенныхъ погребахъ:

2946 пудъ 6 гривенокъ зелья пушечного, въ томъ числѣ при бояринѣ и воеводахъ при князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Голицынѣ съ товарыщи здѣлано вновь на зелейномъ дворѣ изъ селитры да изъ сѣры 46 пудъ 10 гривенокъ зелья пушечного да изъ подмоченаго зелья изо ста пудъ, которое принято по росписному списку у боярина и воеводъ и князя Юрьи Петровича Трубецкого съ товарыщи, перекручено вновь 45 пудъ зелья пушечнаго; 716 пудъ 6 гривенокъ зелья ручного, въ томъ числѣ при бояринѣ и воеводахъ при князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Голицынѣ съ товарыщи вновь здѣлано на зелейномъ дворѣ изъ селитры да изъ сѣры 69 пудъ 15 гривенокъ зелья ручного, да вновь же перекручено изъ подмоченого зелья, которое писано выше сего 53 пуда зелья ручного.

2598 пудъ 30 гривенокъ свинцу да изъ того числа по приказу боярина и воеводы князя Алексѣя Андреевича Голицына послано въ Чигиринъ 30 пудъ свинцу.

778 пудъ 8 гривенокъ ѳетилю, въ томъ числѣ при бояринѣ и воеводахъ при князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Голицынѣ съ товарыщи

здѣлано изъ пенки вновь фетилю 210 пудъ 32 гривенки, да изъ того числа по приказу боярина и воеводы князя Алексѣя Андреевича Голицына послано въ Чигиринъ 30 пудъ фетилю.

1074 пуда 27 гривенокъ пенки, въ томъ числѣ при бояринѣ и воеводахъ при князѣ Алексѣ Андреевичѣ Голицынѣ съ товарищи куплено пенки 1016 пудъ.

212 пудъ 26 гривенокъ селитры не литрованной.

4 пуда 32 гривенки селитры литрованной.

Въ ружейномъ анбарѣ:

59 затинныхъ пищалей на станкахъ, въ томъ числѣ на станку 10 пищалей.

261 стволъ мушкетныхъ.

180 стволовъ мушкетныхъ положены на 5 станкахъ.

6470 мушкетовъ худыхъ и добрыхъ.

50 пищалей съ прикладами и съ замками.

31 каробинъ.

188 каробинныхъ стволинъ.

16 паръ съ полупарою пистонныхъ стволинъ.

1242 пары латъ.

1110 оплечковъ.

243 карваша.

1135 титаковъ.

290 бандеперъ съ ремнями цѣлыхъ.

2940 бандеперъ худыхъ и оборваныхъ.

199 ремней бандеперныхъ худыхъ и оборваныхъ.

40 проталановъ.

1222 лядунки драгунскихъ худыхъ безъ ремней.

2 пары пистолей.

1553 шпаги.

67 паръ олстрь пистонныхъ худыхъ безъ ремней.

120 ремней каробинныхъ съ пряшки и съ крюки.

450 полупикъ.

247 списъ долгихъ.

550 полъ латныхъ.

10 знаменъ рейтарскихъ лазоревой камки и съ бохрамами шелковыми, въ томъ числѣ 1 бѣлый камки.

2 пары литавръ.

3 знамя киндязныхъ болшихъ изодраныхъ.
12 знамянъ салдацкихъ таѳты бѣлой и красной, побиты.
4 знамя стрѣлецкихъ, таѳты черной и желтой.
9 ѳурмъ мѣдныхъ мушкетныхъ, въ томъ числѣ 1 изломлена.
5 фурмъ желѣзныхъ мушкетныхъ.
12 знаменъ стрѣлецкихъ таѳтяные, побиты.
199 кирокъ желѣзныхъ.
224 лопатъ желѣзныхъ цѣлыхъ и ломаныхъ.
Богоръ пожарной.
3 лома.
179 заступовъ худыхъ.
50 буравовъ, въ томъ числѣ 1 изломленъ.
2 ополоника желѣзныхъ
19 мѣшковъ коженыхъ пороховыхъ.
5 борабановъ худыхъ.
57 топоровъ цѣлыхъ и порченыхъ.
27 якорей желѣзныхъ.

Фетилного дѣла заводу:

Котелъ мѣдной, что фетиль варятъ.
2 колеса съ веретенами желѣзными.
7 крюковъ желѣзныхъ.
8 векшъ деревеныхъ.
Крюкъ желѣзной выемной.
2 стана, что конаты и фетиль спускаютъ.
4 ступы съ пестами, что пенку толкутъ.
Зелейного дѣла заводу:
Котелъ мѣдной, что силитру варятъ.
2 корыта.
3 лопатки, 2 желѣзныхъ, 1 мѣдная.
2 сита, 2 рѣшета.
5 ступъ съ пестами, что зелья толкутъ, песты окованы мѣдью.

Въ ружейномъ анбарѣ:

19 пудъ 18 гривенокъ сѣры горючей.
4 пуда 12 гривенокъ дроби пушечной.
Тереза на чомъ вѣсятъ зелья и свинецъ и ѳетиль.
3 гривенки 4 золотника канѳары въ вѣсу съ мѣшкомъ.

3 гривенки съ полугривенкою воску.

4 пилы, что дерево трутъ, въ томъ числѣ 1 изломлена.

31 рогожа худыхъ.

330 картузъ бѣлого желѣза худыхъ.

3 пуда перцу въ вѣсу съ мѣшкомъ.

40 протазановъ, въ томъ числѣ 20 протазановъ обшиты сукномъ красным анбурскимъ и съ кистями шолковыми, суно на нихъ побито.

375 треубокъ гранатныхъ деревяныхъ.

16 лукошекъ барабанныхъ худыхъ и цѣлыхъ.

34 капрала бѣлого желѣза худыхъ.

447 бердышевъ, въ томъ числѣ 16 бердышевъ ломаныхъ.

120 полупичныхъ желѣзцовъ.

55 желѣзцовъ спись.

21 пудъ 18 гривенокъ пуль литыхъ свинцовыхъ.

40 дестей картузной бумаги.

Матыка.

4 молотка маленькихъ.

3 клещи.

125 картузъ накладныхъ съ пулеми свинцовыми.

3779 аршинъ холсту посконного.

57 мѣшковъ городыхъ худыхъ по 2 аршина мѣшокъ.

11 мѣшковъ болшихъ, холсту въ нихъ мѣрою 44 аршина 18 оковъ съ шестовъ.

3 косаря, въ томъ числѣ 1 изломленъ.

Котелъ желѣзной.

Рѣзецъ.

9 кадокъ, въ томъ числѣ 2 окованы желѣзомъ.

Долото болшое желѣзное, что пушки чистятъ, мѣрою полу 2 сажени.

Въ ружейномъ же анбарѣ.

85 листовъ бѣлого желѣза.

83 граната приступныхъ болшихъ.

32 граната приступныхъ середнихъ.

2502 ядра на чѣпяхъ.

3030 ядеръ на роздвижныхъ прутьяхъ.

2555 ручныхъ гранатъ не накладныхъ.

4 крюка желѣзныхъ въ томъ числѣ 1 изломленъ.

Мѣхъ худой кузнечной.

Наковалня кузнечная жъ.

16 станковъ пушечныхъ старыхъ окованыхъ.

5 пудъ 20 гривенокъ железа съ пушечныхъ станковъ обломковъ.

300 гранатъ полутора-пудовыхъ.

71 пудъ 6 гривенокъ желѣза.

43 пуда 2 гривенки пушечной горѣлой мѣди.

329 ядеръ скляничныхъ гранатныхъ порожнихъ.

45 козъ городовыхъ желѣзныхъ, здѣланы вновь при бояринѣ и воеводахъ при князѣ Алексѣ Андреевичѣ Голицынѣ съ товарыщи.

Трои шоры.

6 уздъ, въ томъ числѣ 2 худыя.

3 куба оптекарскихъ мѣдныхъ.

Драгурскаго строю у полковника инженера у Микулая Ѳанзалена въ козенномъ погребѣ гранатъ нарядныхъ приступныхъ и ручныхъ:

11 гранатъ 13-пудовыхъ.
10 гранатъ 5-пудовыхъ.
37 гранатъ 3-пудовыхъ.
430 гранатъ ручныхъ.
3 ядра огненныхъ.
10 гранатъ 2-пудовыхъ.

У Микулая жъ Ѳанзалена въ козенномъ онбарѣ не нарядныхъ приступныхъ и ручныхъ желѣзныхъ и скляныхъ гранатъ:

11 гранатъ 5-пудовыхъ.
11 гранатъ 3-пудовыхъ.
11 гранатъ 2-пудовыхъ.
151 гранатъ желѣзныхъ ручныхъ.
109 гранатъ ручныхъ стеклянныхъ.
На башняхъ 2 колокола вѣстовыхъ.
2 погреба зелейныхъ.

У головы Московскихъ стрѣлцовъ принято.

У Максима Лупандина:

10 пудъ 18 гривенокъ ѳетилю.
6 пудъ 28 гривенокъ свинцу.

138 ядеръ пушечныхъ вѣсомъ по 2 гривенки.
34 мущкета цѣлыхъ.
4 ствола мушкетныхъ.
У Ивана Нармацкаго:
46 пудъ 14 гривенокъ зелья ручного съ деревомъ.
56 пудъ 4 гривенки свинцу.
39 мушкетовъ цѣлыхъ.
15 мушкетовъ худыхъ.
1 мушкетъ разорванъ.
1068 ядеръ гранатъ порожнихъ ручныхъ.
228 ядеръ пушечныхъ вѣсомъ по 2 гривенки ядро.
40 ядеръ пушечныхъ же вѣсомъ по гривенкѣ ядро.

У Матвѣя Вишнякова.

102 пуда 37 гривенокъ зелья ручного съ деревомъ.
48 пудъ 22 гривенки свинцу.
15 пудъ 10 гривенокъ пуль литыхъ свинцовыхъ.
1164 ядра ручныхъ гранатъ порожнихъ желѣзныхъ.
33 мушкетныхъ стволинъ.
264 ядра вѣсомъ по 2 гривенки пушечныхъ.

Въ приказной избѣ Велекаго Государя казны денегъ и золотыхъ червонныхъ и соболей на лицо московской присылки, что на хлѣбную покупку прислано:

Денегъ серебряныхъ 7036 рублевъ 3 алтына.

Полскихъ денегъ чеховъ 1265 рублевъ 2 алтына 3 деньги.

Червонныхъ золотыхъ 5090 золотыхь по цѣнѣ по 40 алтынъ, итого на 7080 рублевъ.

Кіевскихъ доходовъ польскихъ денегъ чеховъ 31 рубль 31 алтынъ пол-6 денегъ.

Да остаточныхъ Московскіе присылки денегъ, что осталось отъ раздачи ратныхъ людей, серебряныхъ 555 руб. 22 алт. 5 денегъ.

Всего денегъ и золотыхъ червонныхъ Московскіе присылки и Кіевскихъ доходовъ пятнадцать тысячь девятьсотъ шесдесятъ восемь рублевъ, двадцать шесть алтынъ полшесты денги.

Соболей.

5 паръ, по 3 рубли пара.

11 паръ, по 2 рубли по 25 алтынъ пара.

9 пара, по 2 рубли съ полтиною пара.

11 собольихъ пупковъ, цѣною по 11 алтынъ по 4 деньги пупокъ.

Сукна польскаго 7 аршинъ.

Таѳты розныхъ трехъ цвѣтовъ 126 аршинъ.

А деньги серебряные и золотые червонные и чехи и соболи и таѳта у меня Ѳедки Никовалнина въ пріемѣ сполна.

Подлинникъ этого акта находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, копія же имѣется въ нашемъ рукописномъ собраніи—въ бумагахъ Амвросія—автора «Исторіи Россійской Іерархіи».

Сообщилъ **Елпидифоръ Барсовъ.**

ОПИСАНІЕ АКТОВЪ

АРХИВА МАРКЕВИЧА

ОТНОСЯЩИХСЯ

КЪ ИСТОРІИ СТАРОДУБСКИХЪ СКИТОВЪ.

Е. В. Барсова.

Съ картою скитовъ и ихъ владѣній.

ОПИСАНІЕ АКТОВЪ АРХИВА МАРКЕВИЧА,

ОТНОСЯЩИХСЯ

КЪ

ИСТОРІИ СТАРОДУБСКИХЪ СКИТОВЪ.

---

1. Прошеніе Стародубскихъ старшинъ Царю Петру Великому на раскольниковъ. Вселенеся въ Стародубовскій уѣздъ ругатели креста Господня раскольники въ дняхъ Гетманства Самуиловича мучимы и гонимы были ради прельщенія благочестивыхъ и превращенія, однакожъ за временемъ послѣ того не суть искоренени: помѣщикамъ своимъ, на которыхъ грунтахъ укутилися, такожде и въ городѣ Стародубовѣ, подати отдавали и во всякихъ случаяхъ помоществовали, ажъ до 1714 г. Но въ сѣхъ годѣхъ, когда подъ державу Царскаго Величества подписани застали, множество келлій въ монастыру раскольническомъ своемъ набудовали, грунта тягліе, з которыхъ люди нати твоихъ драгуновъ довольствовали, насилно себѣ позабирали и забираютъ, различнымъ видомъ утиски и грабительства граду, деревнямъ и селамъ дѣлаютъ, начали небоязненно, самовольствіемъ, з укоризною и паруганіемъ православной нашей вѣры, прельщеніемъ и превращеніемъ правовѣрныхъ на свое злочестіе наклоняютъ, и сего ради яко свободніи драгуновъ не провіантуютъ и никакихъ нуждъ и подводъ въ интересахъ Государственныхъ не отбуваютъ. Таковой свободи извѣстни будучи з нашихъ странъ и нашей малороссійской породи з самаго города,

изъ селъ приходятъ до нихъ, жительствуютъ на городскихъ и сельскихъ грунтахъ.

2. Донесеніе Стародубскаго полковника Лукьяна Жоравко—Гетману Скоропадскому—о бытѣ раскольниковъ: по розыску Г-на маіора Протасова съ паномъ Корецкимъ и Покорскимъ прошлой сей весны» раскольщики гдѣ бы мѣли смиряться, а не разширатися; еще тогда заводящійся ихъ строити монастырецъ, теперь не якійся раскольщикъ Сергій, перешовша съ подъ Гомля съ за границы, съ своими врагопостриженными черноризцы, обширне реставруетъ и фундуѐтъ, о семъ целій построили, трапезу скончили, на часовню много дерева навозили и приготовалися закладати, стайнѣ, инбары оподаль поставили и дуброви людской не мало рострагали, такъ крипко предстателемъ своимъ дьяволомъ укореняются, же всѣ угодья лѣсовія и дуброви окольничихъ селъ заобладати тщатся: зачимъ дабы подселившоюся ихъ вражою прелестію въ конецъ полкъ мой не узналъ гнищенія, прошу дать намъ руку помощи, на которую едину надежду полагаемъ. 1717 г. 21 Ноября. Резолюція: Если и се не явная діется кривда всимъ полчанамъ, грунтовъ собѣ отъ часу расколщики привлащаютъ, а жолнѣровъ пресвѣтлѣйшой монархини мало не хотятъ контентовати служебничого предлагаю..

3. Жалоба Стародубскаго полковника Лукьяна Жоравко на раскольниковъ, вторгавшихся въ его владѣнія. Указывая на поддержку раскольниковъ, со стороны Кіевскаго Губернатора и войсковаго хорунжаго пана Сулимы, прибавляетъ: «и если раскольщикамъ, яко теперь разщирятися въ полку нашемъ допущено будетъ, много з полчанъ отъ утиску ихъ чуратися жилищъ своихъ мусятъ, поневажъ они самоволне, що хотятъ, чинямъ, а справедливости нихто на ихъ поискати не можетъ, чого самъ дознавалемъ и дознаю. 1717 г. 30 Авг.

4. Жалоба Андрея Миклашевскаго Генеральной старшинѣ на раскольниковъ, завладѣвшихъ грунтомъ, прозываемымъ Товкачи и съ давнихъ поръ принадлежавшимъ къ его селу «Понуровка. Въ 1720 г. слобожане раскольничьей слободы Воронка вторгнулись было въ этотъ грунтъ, но слѣдствіе его челобитья, по распоряженію тогдашняго Кіевскаго Губернатора Петра АлексѣевичаГолицина—плацъ-маіоръ Илья Васильевичъ Сбруевъ—раскольникамъ отказалъ отъ этого грунта вовсе «и що оные раскольники насилно засѣвы селянъ его Понуровскихъ пожали,

а сѣножати покосили онъ плацъ маіоръ велѣлъ селянамъ, яко свое властное побрати» Въ 1723 г. «тыи жъ раскольники—людей его Понуровскихъ съ властныхъ ихъ сѣножатій и розроботковъ збили, а сами сѣно покосивши, пахатное поле житомъ засѣяти усилуютъ». Миклашевскій жаловался на то Стародубскому Коменданту, но тотъ, хотя и имѣлъ власть надъ раскольниками отсылалъ его въ Кіевскую Канцелярію—къ Кіевскому Губернатору кн. Ив. Юрьевичу Трубецкому—а самъ не хотѣлъ «повстягнути самовольниковъ». Обращаясь, съ жалобою, въ Генеральную Канцелярію, онъ проситъ отнестись въ Малороссійскую Коллегію, да благоволитъ выдать указъ до Г-на Коменданта «о повстягненю отъ таковаго самовольства раскольниковъ—и впредъ бы имъ, яко никогда не имѣвшимъ въ этотъ грунтъ жаднаго уступу и дѣла, не вторгати и не интересоватись. 1723 г. 24 Іюля.

5. Отношеніе Иродіона Жураковскаго къ наказному Стародубскому Полковнику Корецкому—о присланномъ изъ Синода іермонахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ, коему Иродіонъ придалъ еще нѣсколько товарищей; увѣдомляя что штрафныхъ денегъ, по указу. они не собираютъ, ибо тамъ сказано, что деньги тѣ собирать «особымъ персонамъ» опредѣленнымъ отъ управителей свѣтскихъ, предлагаетъ Корецкому придать отъ себя чиновниковъ ко іермонаху Іосифу Рѣшилову для сбора денегъ. 1723 г. Февр. 3 д.

6. Писмо Іосифа Рѣшилова къ Черниговскому полковнику Павлу Полуботку, въ коемъ между прочимъ пишетъ, что «раскольщики не такъ держатся за свое зловѣріе раскольническое, яко за интересъ и что онъ уже сообщилъ «до Преосвященнаго о хотящихъ въ Греческій законъ вступити». 1723 г. 21 Мая.

7. Донсеніе Ивана Кокошкина въ Войсковую Генеральную Канцелярію о «вспоможеніи іермонаху Рѣшилову». Февр. 28 Рѣшиловъ для описи и увѣщанія ихъ раскольщиковъ, полковаго Асаула и хоружаго Данченка, да значковыхъ нѣсколько и 400 казаковъ рядовыхъ;—они были уже готовы, но промеморіею Стародубскаго Камендaнта Пашкова были удержаны; 3-го Марта отправлено было ко Рѣшилову только 30 казаковъ съ хоружимъ и значковыми товарищами. Кокошкинъ спрашиваетъ канцелярію, если впредь Рѣшиловъ будетъ требовать отправки казаковъ, «до коликаго числа оныхъ высылать, и ежели паче чаенія отъ раскольщиковъ будетъ какая противность, яко з ними поступать», 1724 г. 6 д.

8. Жалоба того же Миклашевскаго Гетману Апостолу на раскольниковъ слободы Еліонки—жителей Дубровы, завладѣвшихъ его землею, принадлежавшихъ селу Нижнему: сего 1731 г. въ настоящемъ мѣсяцѣ Іюлѣ, когда я былъ въ Глуховѣ, пишетъ онъ, они» все село мое нижнее такъ сотѣснили, что крайнего сподѣватись въ грунтахъ Нижнеевскихъ раззоренія. А понеже раскольщики въ Стародубовскомъ и Черниговскомъ полкахъ поселившись о починенныхъ собою Малороссіянахъ обидахъ подлежатъ судовѣ ясне-веломжности Вашей, того ради прошу, чтобы они села моего Нижняго не постошили и на поле не расдрабляли, а уже раздробили, о томъ бы было розыскано и, что слѣдуетъ, сколько до села моего привернено. 1731 г. 20 Іюля.

9. Отвѣтъ Григорья Наумова на писмо Гетмана, коимъ тотъ требовалъ «обстоятельной выписки о раскольникахъ изъ Кіево-Губернской Канцеляріи. Извѣщая, что здѣсь нѣтъ подобной выписки, Наумовъ пишетъ: «по различію селъ ихъ, различны были выписки, толко ни изъ которой не вижу оседлости ихъ фундамента, кромѣ прежде данныхъ имъ отъ малороссійскихъ помѣщиковъ или владѣльцевъ позволителныхъ писемъ, каковы каждая слобода у себя имѣть должна; и указомъ позволено жить на тѣхъ мѣстахъ, не привлащая къ себе излишнихъ грунтовъ. 1731 г. 21 Дек.

10. О томъ же—отвѣтъ на писмо Гетмана отъ 26 Ноября 1731 г.; отсюда видно, что оные раскольники описаны были въ 1715г. посланными для сыску бѣглыхъ Великороссійскихъ крестьянъ Полковникомъ Ергольскимъ да дворяниномъ Безобразовымъ—при Гетманѣ Скоропадскомъ 1 Дек. 1731 г.

11. Донесеніе А. Дурова Гетману о поимкѣ разбойниковъ Соколовъ и объ укрывательствѣ ихъ—нѣкоторыми раскольниками слободы Еліонки да слободы Лужка. 1732 г. Генв. 10.

12. Дѣло по жалобѣ Могилевецкихъ жителей на Климовскихъ раскольниковъ въ нанесенныхъ имъ побояхъ изъ-за спорной земли: раскольники напали внезапно, многимъ числомъ, съ цѣпами, дубинами и иными оружіи разбойнически, до полу смерти многихъ поприбивали, а прочіе отъ того побою поуходили, однако отъ страху еле живы остались. Слѣдствіе произведено было капитаномъ Брапчаниновымъ и жалоба осталась не доказанною: послѣдніе заперлись, а первые не представили свидѣтелей. 1732 г. окт. 12.

13. Указъ за подписью Миниха—князю Шаховскому о размѣщеніи раскольниковъ внутри Россіи, взятыхъ изъ села Вѣтки, выведенныхъ изъ Польши и друг. мѣстъ; имъ предписывается—монаховъ и монахинь и прочихъ пустынножителей разослать въ монастыри, пожитки ихъ отобрать и содержать въ добромъ смотрѣніи; мірскихъ же раскольщиковъ—отослать со всѣми ихъ пожитки на прежнія жилища, а кои прежнихъ жилищъ воихъ не упомнятъ, тѣхъ всѣхъ отослать въ Спбургъ для поселенія въ Ингерманландіи.. Книги и церковную утварь отослать въ Синодъ и содержать ихъ пока, въ надлежащемъ смотрѣніи... Любопытны подробности—этой мѣры: монаховъ и монахинь предписывается—размѣстить въ каждомъ монастырѣ по два или по три человѣка, содержать ихъ здѣсь въ обоихъ кельяхъ—въ мирскомъ а не монашескомъ платьѣ, притомъ близъ Властительскихъ келій, такъ чтобы не только сами власти, но и прочія монахи и монахини и даже монастырскіе служители надъ ними всегда наблюдать могли; изъ тѣхъ келлій ихъ не выпускать и къ нимъ никого не допускать, а пищу имъ давать изъ убылыхъ монашескихъ и монахинскихъ порцій; двумъ персонамъ—одну или полторы порціи-какъ можно, увѣщевать ихъ и склонять ко соединенію правовѣрныхъ, обнадежа ихъ, что ежели они отъ того расколу обратятся, то содержимы будутъ такъ, какъ и другіе тѣхъ монастырей монахи; а кто дѣйствительно пожелаетъ быть въ монашествѣ, такихъ по усмотрѣнію постригать вновь, а далече за монастырь ихъ не выпускать.... а куда разосланы будутъ мірскіе раскольщики, за ними накрѣпко смотрѣть въ посадѣхъ бурмистромъ, и всѣмъ гражданамъ, въ дворцовыхъ, государственныхъ и монастырскихъ волостехъ управителямъ, прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ, въ помѣщиковыхъ самимъ—помѣщикамъ, прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ, дабы они правовѣрныхъ не склоняли, а ихъ самихъ всякими способами увѣщевать къ обращенію, обнадеживая ихъ облегченіемъ податей. 5 Ноябр. 1735 г.

14. *Экстрактъ изъ предъидущаго дѣла.* 18 Мая 1735 года Азовскаго полку полковникъ Сытинъ прислалъ къ Г. Генералу... кн. Шаховскому при писмѣ своемъ вѣдомость церковнымъ рухлядямъ, забраннымъ въ польской области, въ слободѣ Вѣткѣ, въ раскольническомъ монастырѣ и др. подобныхъ пустыняхъ. Въ этой вѣдомости показано:

А именно:

Въ настоящей Церкви въ олтарѣ на престолѣ 3 Евангелія; первое на зеленомъ бархатѣ, Евангелисты серебряные и вызлоченые; второе на красномъ бархатѣ—Евангелисты серебряные и вызлоченые; третье—на красномъ же бархатѣ, Евангелисты серебряные и вызлоченые; за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Володимерскіе, риза кованая, серебряная и вызлочена, вѣнецъ и ожерелье низаны земчугомъ, три серги двойчатки, при одной серги, копейка старая серебряная, семь крестовъ серебряныхъ; въ томъ числѣ четыре вызлочены; на другой сторонѣ онагожъ образа написанъ образъ Николая Чюдотворца въ окладѣ серебряномъ и гривна серебряная, вызлоченая, крестъ запрестольной изображенъ на древѣ; на немъ вѣнецъ и гривна серебряные, вызлочены; двѣ лампады мѣдные, на зеленыхъ цѣпяхъ,—одна вызлочена; на жертвенникѣ два сосуда, одинъ серебряной, вызлоченъ, другой мѣдный, въ срединѣ вызлоченъ же; дискосъ съ звѣздою серебряные, вызлочены; двѣ тарелки серебряные, позлоченые; двѣ ложки серебряные внутрь и по конецъ вызлочены кадило серебряное, вызлочено—на серебряныхъ цѣпяхъ; шесть кадилъ мѣдныхъ; четыре на мѣдныхъ цѣпяхъ, два на железныхъ; крестъ серебряной, вызолоченъ съ мощами въ футлярѣ кипарисномъ, выбитъ бархатомъ краснымъ; сундукъ за печатью, а въ немъ полотняная рухлядь и прочая; въ немъ же мѣшечикъ за печатью при ерлыкѣ съ ломомъ, серебромъ и съ прочимъ, какъ значитъ на ерлыкѣ; да въ бумажкѣ 4 креста серебряные, въ томъ числѣ одинъ не вызлоченъ; бохрамы серебряной—аршинъ, позументу золотого съ аршинъ; въ ризнечей шесть—шендаловъ мѣдныхъ, два оловянныхъ, ендова мѣдная, горшекъ мѣдной съ крышечкою, кубганъ оловянной одинъ; три крапила—одно съ серебряною оправой, вызлочено; шапка Епискупская съ каменьями въ ѳутлярѣ зеленомъ, въ сундукѣ за печатью все одѣеніе Епискупское, что принадлежитъ; ризъ праздничныхъ разныхъ цвѣтовъ десять; пять потраѳилей разныхъ цвѣтовъ, оплечья ризная серебромъ и золотомъ вышито—одно; поручей празднечныхъ разныхъ цвѣтовъ десять; поясовъ священническихъ нитныхъ—четыре; два улоря диаконскихъ; ризъ будничныхъ, выбойчетыхъ и прочихъ четырнадцать; стихарей и подризниковъ десятъ; шесть потраѳилей кумачныхъ и бумажныхъ; три уларя діаконскихъ; поручей бумажныхъ

восемь; коверъ персидской одинъ; пеленъ разныхъ цвѣтовъ деветьнадцать, сорочица престолная одна; убрусъ съ прорѣзнымъ кружевомъ серебрянымъ одинъ. Въ Церкви иконъ мѣстныхъ, въ началѣ Спасителевъ образъ и Богородицы съ вѣнцами и гривнами серебряными, вызлачеными; образъ Покрова Пресв. Богородицы—на немъ три вѣнца и три гривны; другой Покрова жъ Пресв. Богородицы—крестъ серебряной, вызлоченъ съ мощами, лампада маленькая мѣдная; одно поникадило мѣдное большее, внизу кисть бисерная. Да въ шаѳѣ книгъ большихъ и малыхъ петьдесятъ двѣ; въ предѣлѣ на правой сторонѣ—образъ Пресв. Богородицы Казанскіе—вѣнецъ и гривна серебряная, вызлочены; при немъ же образъ серги съ жемчугами и каменьями красными одни; крестъ серебряной съ винисью одинъ; паникадило мѣдное небольшое; образъ Николая Чюдотворца, на немъ вѣнецъ серебряной, кованой, вызолоченъ; въ предѣлѣ на лѣвой сторонѣ Спасителя образъ—вѣнецъ и гривна серебряные, кованые, вызлочены; образъ Іоанна Предтеча, на немъ вѣнецъ серебряной, кованой, вызлоченъ; лампада оловянная, маленькая, одна; образъ Пресвятыя Богородицы—запрестольной—на немъ два вѣнца и гривны серебряные, кованые, позлоченые; убрусъ низанъ жемчугомъ и каменьемъ; четыре лампады мѣдные, оловянная, небольшая одна; да протчей монастырской утвари: колоколовъ большихъ и малыхъ двадцать, часы железные, боевые, одни; забранныхъ въ кельяхъ и въ пустыняхъ иконъ съ окладами шестьнадцать; кадило мѣдное маленькое одно, колокольчикъ маленькой мѣдный одинъ, блюдъ оловянныхъ шестьнадцать, тарелокъ оловянныхъ разнаго монеру двадцат четыре, шендаловъ мѣдныхъ два, стопа оловянная одна, перечницъ оловянныхъ двѣ, кубгановъ мѣдныхъ два, кубганъ оловянный одинъ, ендовъ мѣдныхъ двѣ, ножей столовыхъ двѣнадцать, одѣяло козиное одно, одѣяло овчиное одно, ковчегъ священническій черной, окованъ жестью, съ двумя оловянными ѳляшечками, одни рукавицы волчьи, килимъ новой полосатый одинъ, подушка коженая одна, въ лукошкѣ клею рыбьяго девять кусковъ, топоровъ двадцать девять, лукошко съ мѣшечками, въ котерыхъ ярь, купоросъ, цѣлибуха; ремней сыромятныхъ сорокъ, упоки двое, скатертей восемь; снурковъ нитныхъ десять мотковъ; соборныхъ мантій двѣ; въ скрынѣ кованой въ одномъ мешкѣ сто рублевъ крупной монеты, въ другомъ мешкѣ рублевиковъ шестьнадцать, мелкихъ шестаковъ восемьдесятъ восемъ, шелеговъ десятъ фунтовъ; изъ оныхъ денегъ повелѣно порудчику Кашину для черн-

цовъ покупать провіантъ; крашенины сверточекъ одинъ; китайки обрѣзки, мамсы вишневой конецъ одинъ, чернаго краснаго кумачу и китайки три конца; скрыня большая съ пряниками одна; въ бумажкѣ гребневъ костяныхъ четыре; въ мѣшечкѣ ножей складныхъ одинадцать, лукошко съ перцомъ, съ инбиремъ и со пшеномъ сорочинскимъ, кулекъ ладону, горчицы два мѣшечка, кулекъ клею мездринного, котловъ мѣдныхъ съ крышками пять, сковородка мѣдная одна, воску полтора фунга, посуды оловянной—стакановъ четыре, молочницъ съ крышками двѣ, четвертинка маленькая мѣдная одна, уксусникъ одинъ, ковшъ мѣдный одинъ, судокъ оловянной одинъ, ломпадовъ малыхъ пятнадцать, сѣчекъ капустныхъ тринадцать, кожа возовая одна, руковицъ яловичныхъ пятнадцать паръ, наковальня косная съ отбойнымъ молоткомъ одна, кузнечной снасти наковальней съ клещами и молотами двѣ, железа и всякихъ железныхъ инструментовъ три пуда, лошадей мелкихъ пятьдесятъ восемь, коровъ пятьдесятъ одна.

А Октября 14 дня сего 1735 г. оной же полковникъ Сытинъ прислалъ при писмѣ своемъ отобранныхъ въ Вѣтковскомъ монастырѣ у чернцовъ книгъ, которыхъ по описи его показано 682.

Да особливо разныхъ мелкихъ книжекъ и поминаней полтора мешка, доставленныхъ грамотъ поповскихъ за печатми—2.

О вышеписанной рухляди, которая по прежней его полковника Сытина вѣдомости, показано присылкѣ (кромѣ Евангели съ Евангелисты мѣдными и книгъ) отъ него полковника Сытина не имѣется и гдѣ оныя нынѣ, извѣстія въ Канцеляріи министерской нѣтъ.

1972. Рапортъ коллесскаго сов. Новикова П. А. Румянцеву съ вѣдомостію о находившихся въ его управленіи въ Малой Россіи описныхъ раскольническихъ слободъ съ описаніемъ всѣхъ подробностей. Вотъ самая вѣдомость:

1715 г. по именному вѣчно достойныя славы и памяти Государя Императора Петра Великаго указу на докладныя бывшаго Кіевскаго Губернатора Голицина пункты велѣно живущимъ въ тѣхъ слободахъ раскольникамъ на тѣхъ же малороссійскихъ грунтахъ жить, на которыхъ они поселились, а владѣльцамъ отъ тѣхъ грунтовъ отказать и ими отнюдь не владѣть и податей съ нихъ не имать и никакими дѣлами ихъ не вѣдать, а сколько на тѣхъ грунтахъ поселившихъ раскольническихъ слободъ и во оныхъ написанныхъ

по бывшей 1765 г. ревизіи (за исключеніемъ выпущенныхъ по указу Сената на поселеніе въ разныя мѣста) мужеска пола душъ и по скольку оныя подушныхъ и др. казенныхъ податей платятъ— и о прочемъ значится подъ симъ:

Названіе слободъ.	Число душъ.	Названіе слободъ.	Число душъ.
Въ Стародубскомъ полку:		*На земляхъ Кіевопечерской лавры:*	
Климовка	933		
Мишковка	702	Въ святской	246
Зыбкая	888	Въ Ардонѣ	115
Шеламы	328	Въ Тимошкинѣ перевозѣ	80
Деменка	179		
Злынка	574	*Въ Черниговскомъ полку:*	
Клинцы	937		
Осокины	5	Добрянка	923
Еленка	610	Радуль	210
Воронокъ	624		
Лужки	540		
Чуровичи	178	Итого	8221
Млинка	149		

Съ вышеписанныхъ душъ ежегодно собирается по указу съ каждой по 70 коп. да сверхъ того новоположенныхъ по двѣ коп. съ рубля, которыя деньги по указу Сената отъ 19 Мая 1769 г. равно какъ во всемъ государствѣ велѣно вносить за первую половину сначала Генваря по 1-е ч. Марта, а за вторую съ Октября по 16 ч. Декабря. Въ показанные термины отъ вышеписанныхъ слободъ взносятся и отсылаются въ Кіевскую Губернскую Канцелярію при народныхъ отдачикахъ.

При упоминаемыхъ раскольническихъ слободахъ находитс монастырей, въ коихъ жительство имѣютъ вышедшіе изъ-за границы, также и изъ слободскихъ обывателей, постригшіеся въ монахи.

1.

Монастырь, построенный въ описномъ *Митковскомъ грунтѣ*, называемый Покровскимъ, въ которомъ жительствующихъ монаховъ служителей ихъ по списку состоитъ сто три души.

2.

Монастырь дѣвичій состоитъ при *слободѣ Климовой*, въ коемъ по списку показано живущихъ монахинь и бѣлицъ семьдесятъ семь душъ.

3.

Монастырь мужской называемый Рождественской, построенный въ описномъ *Злынскомъ грунтѣ* въ разстояніи отъ той слободы осми верстъ при рѣкѣ *Ипутѣ*; во ономъ по списку жительствующихъ монаховъ и служителей находится двадцать два.

4.

Скитъ, *при слободѣ Добрянкѣ*; во ономъ жительствующихъ монаховъ находится двадцать два.

15. Донесеніе кн. Мещерскаго Его Сіятельству (?) о поимкѣ за Польской границей и отвозѣ въ Глуховъ въ Министерскую Канцелярію раскольническихъ учителей Іеромонаха Іова, Макарія Артемьева сына Попова, чернаго дьякона Герасима, монаха Варлаама, пономаря Исию, да въ пустышѣ жившаго монаха Серапіона, города Мурома Свѣтскаго попа Дмитрія Протодіаконова; для отправленія въ Глухово они переданы были Порутчику Суворову сего Марта 21 д. Иконы, книги и прочая церковная утварь еще ранѣе отправлены были въ Министерскую Канцелярію. 1736 г. 29 Марта.

15. Отношеніе кн. Алексѣя Иван. Шаховскаго между прочимъ объ отводѣ земель *для раскольниковъ* при украинской линіи 1735 г. Іюня 20.

16. Донесеніе Аѳанасія Радищева въ Канцелярію Малороссійскихъ дѣлъ—о присланныхъ отъ генералъ-маіора князя Репнина въ Полковую Стародубскую Канцелярію—раскольническихъ чернецахъ Варлаамѣ Ивановѣ и Моисеѣ Микулинѣ и двухъ черницахъ Надеждѣ Ивановой и Ѳедосьѣ Азаровой. 1736 г. Іюля 12.

885. О томъ же дѣлѣ. 1731 г. 12 Ноября.

17. Допросъ часовому о побѣгѣ черницы Екатерины. Мая 30 1736 г.

18. Указъ во всѣ полки о поимкѣ этой черницы. 30 Мая 1736 г.

19. Указъ о допросѣ о черицѣ Іовы и черницы Екатерины. Мая 1 1736 г.

20. Допросы Надеждѣ Ивановой и Θедосьѣ Азаровой. 1-я показала, что отъ роду ей 50 л., родилась въ Обоянскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Бѣгичевой за помѣщикомъ Семеномъ Ивановымъ Перевезинымъ; откуда ея родители, не помнитъ; по смерти ихъ 15 лѣтъ съ другою дѣвкою Θедосьей Назаровой отправилась на Вѣтку для постриженія въ черницы; лѣтъ 10 жили здѣсь бѣлицами у старицы Θеодосіи въ трудницахъ; лѣтъ 30 тому назадъ пострижены чернымъ попомъ Александромъ; по смерти этой старицы въ той слободѣ Вѣткѣ ходили по міру и жили у другой старицы по имени Екатерины; какъ не грамотная, не знала и не знаетъ разности между старою и новою вѣрою. Другая дѣвка Θедосья Назарова, родомъ оттуда же, 55 лѣтъ.

3588. Допросы тѣмъ же лицамъ и о томъ же. Іюля 3 1737 г.

21. Донесеніе Ивана Костюрина Гетману по дѣлу о завладѣніи Бунчуковымъ товарищемъ Миклашевскимъ раскольничьими землями. Мало того, что этотъ Миклашевскій у жившихъ въ селѣ Понуровкѣ раскольниковъ Безчастномъ обиралъ огороды, сѣно, лошадей: по его наказу войтъ Понуровскій заграбилъ еще трехъ лошадей, и вовсе выгонялъ изъ села Понуровки. Отсюда видно, что управителемъ раскольническихъ слободъ былъ въ то время Морозовъ, который и вступился за Безчастновыхъ. 1757 г. 20 Авг.

22. Донесеніе Θедора Воейкова П. А. Румянцову по дѣлу крестьянина села Кузминичь Дороθѣева съ раскольникомъ Крашенинниковымъ. Губернатору Могилевскому Коховскому было предписано учинить взысканіе съ раскольника, но тотъ отвѣчалъ: «хотя де и употреблялъ онъ въ томъ стараніе свое, но что пока до рѣшенія другаго дѣла приступить къ тому взысканію не возможно». 1774 г. 12 Дек.

Къ сему прилагается «Карта Стародубскихъ скитовъ», принадлежащія нашему Рукописному Собранію.

Елпидифоръ Барсовъ.

II.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

ОПИСАНІЕ

НѢКОТОРЫХЪ

ЮЖНО-РУССКИХЪ И ЗАПАДНО-РУССКИХЪ РУКОПИСЕЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ

ВЪ РУКОПИСНОМЪ СОБРАНІИ

Е. В. Барсова.

ОПИСАНІЕ

нѣкоторыхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ рукописей, находящихся въ рукописномъ собраніи Е. В. Барсова.

1. Псалтирь.

въ л. полууст. 1543 г. на 177 лл.

На обор. 167 л. запись писца: «По҇ лѣ҇ Бо҇ наро҇ аѳмг рокоу индй а авгоу҇ и доконѵана е҇ сїа псалтырь ꙁ роскаꙁана его м҇ати, велможного пана ивана михаиловича старосты пинского, и кобрынского клецкого, городецкого, рогачекского, державцы выховского и селецкого. Писалъ Парѳенъ.

Текстъ Псалтири представляетъ переводъ доктора Франциска Скорины. Единственный экземпляръ этого перевода, изданнаго въ видѣ отдѣльной Библейской книги въ 1517 году въ Вильнѣ, находится въ библіотекѣ А. И. Хлудова [1].

Въ нашемъ спискѣ, какъ и въ означенномъ печатномъ изданіи, псалтирь раздѣлена на каѳизмы и «славы»; покаянныхъ стиховъ и молитвъ между каѳизмами также нѣтъ. Текстъ разбитъ на стихи, которые отдѣлены другъ отъ друга красными точками; счета стиховъ также не положено. На поляхъ указаны параллельныя мѣста

---

[1] См. статью объ этомъ изданіи А. Е. Викторова, подъ заглавіемъ: «Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ». (Бесѣды въ Обществѣ любителей Россійской Словесности. М. Вып. 1. 1867 г., стр. 1—27).

и читаются объясненія, писанныя киноварью, разныхъ словъ и рѣченій, встрѣчающихся въ текстѣ и казавшихся Скоринѣ непонятными для простыхъ читателей. Текстъ Псалтири окончивается на 167 л.; затѣмъ слѣдуютъ десять обычныхъ библейскихъ пѣсней, изъ коихъ въ нашемъ спискѣ уцѣлѣло только семь.

Отличія же нашего списка отъ печатнаго изданія Скорины состоятъ въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, вмѣсто «предисловія» написаннаго Скориной о высокихъ достоинствахъ книги Псалмовъ, нашъ списокъ открывается предисловіемъ къ Псалтири Никиты Ираклійскаго, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Събраніє толкованіємъ ѿ различны стых оцъ. и оучтль. и въ книгоу псалмовъ собрано. ѿ стѣйшаго митрополита Ираклїйскаго. кѵръ никитїа. иже и сєрскїи. сказаніє къ сто и патьдесатъ псалмовъ. потрєбножь є сїє вѣдати ѡ искомоє различноє сказаніє.

Нач. «Предлежить оубо на сщенны псалмовъ сказаніє.

Статья эта встрѣчается при псалтиряхъ очень рѣдко. Она читается между прочимъ въ Синодальномъ спискѣ Толкованія на Псалмы Аѳанасія Александрійскаго XVII в., лишь съ разностію въ языкѣ.

л. 31. Всємъ иже рекноуа стымъ. по вѣрѣ живущимъ хотащїи наути канон свой.

л. 36 об. Чинъ како подобати пѣти псалтири. Здѣсь между прочимъ читается слѣдующая молитва: «всєстаа трцє бє всего мира. поспєши и направи срцє моє. нати сразоумо. и конуати дѣлы багыми богодховныа сїа книги, ю стыи дхъ оусты двы ѿрнгиѹ. и юже азъ ѡкушаюса гати.

Оканчивается этотъ чинъ слѣдующими словами: лѣпши є слнцоу престати ѿ лоунного теченїа. нежели ѿ оустъ инокоу псалтыри престати.

Во 2-хъ, въ нашемъ спискѣ предъ каждымъ псалмомъ положены надписанія, которыхъ нѣтъ въ означенномъ печатномъ изданіи Скорины. Трудно сказать, были ли эти надписанія въ томъ подлинникѣ,

съ котораго Скорина издавалъ Псалтирь, или онѣ сдѣланы уже послѣ какимъ нибудь южно-русскимъ или западно-русскимъ ученымъ. Во всякомъ случаѣ эти надписанія не лишены своего значенія для исторіи языка и потому мы приводимъ ихъ вполнѣ.

Къ псалме пръкомъ, выписоуеть поуть коу спенїю вечномоу.

Ѱло҃. в҃. Мо́вить ѡ ты̑ которыи мокы чинать противкъ цр҃твоу хр҃а га҃, а̑ его повышенье̑ и̑ до҃нистко которое пророкъ выписуеть въдх҃у и мови҃.

Ѱло҃ г҃. Ѻ къмоу̑ченїю и̑ ѿ воскре҃нїю х҃а г҃а. е҃ ч҃лкъ х҃с и дивуется то̑ дла чего такъ много противнико҃ на себе маеть и̑ мо́вить къ б҃гу ѿц҃у г҃ла.

Ѱло҃ д҃. напоминаетса м҃у справе҃дливыи к до́бры̑ дъло҃ а со́ть слова цр҃кви к печали боудоуи.

Ѱло҃ е҃. молить ѿ ты̑ реча҃ которыми можеть прїи҃ти въ цр҃тво пребывающое̑ о̑ вечно҃ блв҃нїи̑.

Ѱло҃ ѕ҃. прр҃къ на̑поминае҃ грѣшного ко покаанїю страхо҃ соуду боудучего, страшенъ е҃ грѣшникъ оу̑ множестве грехо҃ свои̑ а стра҃ боудоучого соуда̑ оу̑зъявлаеть и̑ м҃лтса абы вѣкы непогнѣвленъ былъ гдв҃и.

Ѱло҃ з҃. Моу̑ справе҃дливыи м҃литса выз҃воленъ быти ѿ все҃ противностей и̑ такъ мовить г҃ла.

Ѱло҃ и҃. прр҃коуеть двѣ ѿ высокости и̑ ѿ велебности х҃ве и̑ те҃ разширее̑ цр҃кви его.

Ѱло҃ ѳ҃. Мовить прр҃къ ѡ силе соудного дн҃а г҃а і҃са и̑ ѡ антихр҃те.

Ѱло҃ і҃. оу̑чить прр҃къ ѿвѣтъ давати. гонителе҃ которыи̑ силоють вѣрныхъ в невѣрїе свое̑ прекрати҃.

Ѱло҃ аі҃. Молитса прр҃къ ѿ злого свѣта того выз҃воле҃ бы҃.

Ѱло҃ ві҃. Желанїе҃ ст҃ы о҃цовъ которое мѣли къ пришествїю г҃а х҃а, прр҃къ вло́бїи праведнаго мови҃.

Ѱло҃ гі҃. Чпоминаеть прр҃къ жидо҃ которыиж҃ь х҃оу г҃оу, иже оу̑весь свѣтъ наоу̑чилъ, вѣрити не хотели. и мови҃.

Ѱло҃ ді҃. Поведаеть прр҃къ хтобы въправе҃ въжикотѣ се҃ б҃гоу слоужилъ. и̑ хтобы въ боудоуче҃ свѣте ѿпоучиноути с ни҃ хотѣлъ.

ѱалóмъ є҃і. мовить прркъ ѡ въскрениїю хвѣ. гла хвъ.

ѱалѡ ѕ҃і. есть ѡ матке хве которою са молилъ ѡцѹ за себе и за свою црквъ. гла члка ха.

ѱалѡ з҃і. ѡ веселїю въскренїа хва мовить прркъ. гла хвъ кѹ памети, та великого блгодеанїа глюще.

ѱалѡ н҃і. Мовить прркъ ѡ воплощенїю га іса.

ѱалѡ ѳ҃і. зде прркъ дотыкаєть бжтво хво и цртво єго.

ѱалѡ к҃. Мóвить прркъ ѡ хво двоє прироженїю бжтвѡ и члчтво. мовить наперє ѡ члченстве хве глще.

ѱалѡ к҃а. прркъ мовить ѡ вмѹченью и ѡ воскренїю хвє. хс члкъ все прєвидевъ ѩко пошѡ с прибли́жеа своєго на вмѹченье. и мовить къ бгоѹ ѡцѹ.

ѱалѡ к҃г. ѡ млосрдїю бжїе гла црквн, котораа вѣрить и оумоѹче-нїе хвы спена є. а матїю крещенїа ѡбновлена, и въ веселїи поєть глагола.

ѱалѡ двѣ к҃г. Мови прркъ славоѹ хвѹ а ѡ направлєю члка ѩспо-ведоуєть нжь хс є гь всеи землн.' ѩко ни ѡдинъ ѿ лѣстка є небы взатъ. такъ те ѿ его ни ѡдинъ бы не былъ ѿдѣленъ.

ѱалѡ к҃д. оучить прркъ моужа правеного, абы въ протнв-ны реча не роптал. но ждалъ помощи ѿ ба. прркъ к подобїи црквн глеть.

ѱалѡ к҃е. Молитва справеливый абы ѿ срыды зли могъ выйтн.

ѱалѡ к҃ѕ. в нежє моу правеный желаєть ѿ бга млти, абы на то свѣте воюючи премогъ напроти враго дшевны. и пришолабы въ цртво нбное. прркъ възвѣвлає абы са нпеного члка не боалъ два того нжь ѿ бга єсть ѡсвацронъ и мовить.

ѱалѡ к҃з. Єсть гла христовъ ѡ вмоучении и ѡ воскресенїи є.

ѱалѡ к҃н. напоминаєтса вѣрны, абы ѡфсрова бѹ ѡферѹ дшевную.

ѱалѡ к҃ѳ. к которо прркъ ѡ въскренїю хве. хс члкъ дави чинить за свое въскресенїе, и глеть.

ѱалѡ л҃. напоминаєтса правеный абы на себе не оупова ѡ марди бжїи. гла сна бжїа подлоугъ члчтва мовить ѡ всє ѿци.

ѱло҃ ла. Мовить прркъ ѿ покаянїи, а то напрѣке гле.

ѱло ҃лв. напоминаєть пррк а бы вѣрни хву въздавали бгу.

ѱло҃ лг. Мовить пррк ѿ премененїи старой ѿвѣры в новую. гла҃ пррка в подобїи всѣхъ волныхъ.

ѱло҃ лд. Єсть ѿ вмоученїи хве. гла ха чака на жиды жалоуючи и вкносте просящи дла и великое противности.

ѱло҃ ле. Объявлаєть и все злое на приписано маєть быти. а доброе все гоу бгоу. двои бо соуть грѣшници. єдины вѣроуюещи законв дла немощи телєной што закон велить того не чинать. иные пакъ грѣшїє єжє змыслоу бе всего срамоу и боазни грешать ѿ тых мове гле.

ѱло҃ лѕ. Оувлаєтса, и щастья злых людей гладати и жадати не имамы. невиїи во были иже видаще. злы щастье имѣюще а добры в нещастьи, и глхоу и всакїє рєчи на то свѣте пригожаютса пободны, а незколи бжїєи соуть, проти томоу блоудв мовить прркъ, гла.

ѱло҃ лз. наоукв даєть кающомоуса вѣрномв абы мѣл на памати грехы и жалова прошлы. а выстерегаса боудвщи, гла кождого кающегоса и глєть.

ѱло҃ ли. наоукв дасть моужв праведнв абы чака нароугатела и неправдивого не прилвчалса. и коу азыкв сварливомоу и многоглаголивомв не приставалъ. сице глєть моужъ праведный.

ѱло҃ лѳ. Цркв дакоуєть воплощенїа сна бжїа. цркв вподобїи стых ѿцовъ которыи ѡжидали пришествїа хва, и гла.

ѱло҃ м. Мови прркъ ѿ вмвченью хве и ѿ воскрнїю єго.

ѱло҃ ма. внєже напоминаєтса хртїанинъ, абы єго за смоученьа свѣта не ѿвратили ѿ желанїа вєчного живота. гла хртїанина желающего гда бга.

ѱло҃ мв. напоминаєть на прркъ а быхо оусмвтко не мешкали. єгда моужъ вѣрный неправостми того свѣта вваздаєть. а небесны желанїє боудоучи запаленъ, глаголеть.

ѱло҃ мг. оутвръженїє чини прркъ хртїано немощны, который са диввють почто бгъ ако са и видить ѿпоустна мочкы свои. писано бо и ѿци старыи иеколи выхкодалъ, а дла того вподобїи мнко прркъ припоминає благодеанїє оучиненое ѿцо стары. гле та.

ѱлō м̃д. нѣ̃ есть хвалы жениха и невѣсты есть х̃а и ц̃ркви.

ѱлō м̃е. Мовить пр̃ркъ ѡ пришествии х̃ве, еже ѐ вѣрны̃ единно прибѣжище. пр̃ркъ вѝобін вѣрны̃ мовить, нжь ничого са боати не ймамы.

в̃а, з̃. ѱлō м̃ѕ. внеже вынисуеть, абы вси вѣрніи хвалили б̃га. пр̃ркъ віюбін ст̃ы ап̃лъ г̃ле, ѩко многое бл̃годеаніе в̃а оу̃чинилъ б̃ъ.

ѱлō м̃з, розлнуне са выхвалаеть здѣ ц̃рквъ б̃жіа, пр̃ркъ же хвалить место ц̃ркви. напрѣвен хвалить здостойности того хто ей сътворилъ и ѡсновалъ, г̃лще.

ѱлō м̃и. оу̃чить на̃ а выхо̃ всю славу и сладо̃ живота инѣйшего ни вѣуто покладали ѩко не вѣчно ѐ. пр̃ркъ же учи̃ на̃ а выхо̃ синатность̃ послухали: еже г̃ти и маеть и г̃ть.

ѱло м̃ѳ. Мови̃ пророкъ ѡ обое̃ пришествіи х̃ве.

ѱлō п̃. пр̃ркъ приводить грѣшны̃ на покааніе. г̃ла.

ѱлō п̃а. вне̃ же са потвр̃жніе даеть вѣрны̃ проти̃ антихрыста и помоучнико̃ его, пр̃ркъ въ д̃хѹ смотрить на антихрыста зо всѣ тѣло его и зо всѣми затрачоными, знаючи еже к самой злости похвалати̃ боу̃ть, з нѣкки̃ пригроженіе̃ примова емоу г̃лще ѡ антихрысте.

ѱлō п̃в. внейже оу̃тешаеть пр̃ркъ вѣрны̃ вѣскрбе̃ еже трпать и г̃ть.

ѱлō п̃г. вне̃ же наоука са даеть моужоу правенѹ абывъ противности оу̃мѣлъ хвалити б̃а и сице мл̃нтса пр̃ркъ впобіи моужа праведного г̃лще.

ѱлō п̃д. вне̃ же ѐ въспоминаніе оу̃моученіа х̃ва. г̃ласъ х̃въ вподобіи раба г̃ть.

ѱлō п̃е. вне̃ же са даеть оу̃твръженіе люде̃ вѣрны̃ противоу насилія еже трпать ѡ злы̃, г̃ла ц̃ркви̃ ѩже мл̃нтса б̃гѹ. абы вѣрніи не были в насиліи ѡто враговъ и г̃ть.

ѱлō п̃ѕ. ѡ вмученіи и ѡ въскр̃ніи х̃ве а к не̃ же са на̃ ѡзнаменуеть наоука мл̃твы ст̃ое.

ѱлō п̃з. к се̃ псалме засмуается злоба жи̃вская ѐ всли на х̃а. ѡво ѡ не̃ г̃лще ѡкоже рассуждающе а к то̃ пр̃ркъ напоминае̃ повсюду всѣ̃ вѣрны̃, абы правено мовили и правѣно судили. и моуще.

ѱлō п̃и. напоминаеть пр̃ркъ а бы жаный х̃оу не противиса г̃ла х̃въ и его всѣ̃ оу̃довъ еже ѡ непреателей су̃ ѡг̃ны. сице г̃ть.

ѱлѡ йѳ. кнѣ же наоука са даеть а быхомъ ѡпустнѣшн дїавола и прилоучилися къ хѹ црю. пррѣкъ слово людоу еже прѣжними беззаконии были звазаны дакве за навращенїе и глще.

ѱлѡ ѯ. напоминаеть пррѣкъ коу хвале бжїей. гла цркви желающе а бы сїа мтка оуслышана была и глє.

ѱлѡ ѯа. напоминаеть пррѣкъ а быхо ѡпоустивши рѣчи мимо идѹщїе. а мыслили ѡ вѣчнѣ аще бо члкъ грехы ѡпоустившїи а гѹ бгѹ поработаеть тотъ противкоу себе лю телесные въздвигнеть хотащїи его ѡбратити. а напокїе своемоу животѹ привести. дла того пррѣкъ кпобїи доброго къ телесны глть. почто мa искѹшаете. почто мa истръгноути мыслите. почто дшоу мою извести къ адъ хощете.

ѱлѡ ѯв. напоминаеть на, а быхъмо добре жили межи народо ѡвращенны а злы. црко к наслїи того свѣта боудѹщи глть.

ѱлѡ ѯг. напоминанїе а бымо къ скрбе мѣли надѣю къ га, гла хвъ кпобїи члка глє.

ка, ѳ. ѱлѡ ѯд. оутешаеть вѣрны пррѣкъ, еже выгнаны соуть на сей свѣтъ соуетный. покладаючи и надѣю, яко да навращени боуть кгорнїи їерли. пррѣкъ в пшбїи всѣ потащися на се свѣте глє.

ѱлѡ ѯе. здѣ глеть пррѣкъ ѡ велїи воскрнїа хва, гла црквн.

ѱлѡ ѯѕ. напоминае пррокъ кѹ хвале бжїей и къ добры дѣло.

ѱлѡ ѯз. глеть пррѣкъ ѡ высокости и хвале хвой, и ѡ вланенью противлащися емо. пррѣкъ к нажи просить въскренїа хва черезъ его же бы попраны былй враѕи его, и мови такъ.

ѱлѡ ѯи. мови пррѣкъ ѡ оумченїи хве, гла сна къ ѡцѹ в подобїи члка.

ѱлю ѯѳ. напоминае пррокъ а быхо на самого бга надеалися и имъ са оутешали. гла пррка вп'обїи всее цркви, котораа здѣ покою доскона́лого мѣти не можеть. але к наслїи боудѹчи живота того глє на помощь бжїю сице.

ѱлѡ о. напоминае а быхо на вса ча всю надѣю нашоу къ ге покладали, гла всако праведно.

ѱлѡ оа. ведеть к томоу а быхо ха га, право члка и правого

бга выѕнали и вѣрнали, пррк ко ѡцоу бгу мовить гла. ѡ бже ѡче оучини то, еже ми еси оуѕъявилъ боудоущего.

ѱло ов. напоминаеть пррк, а быхо вѣчныи рѣчи любили а ѡ нихъ бга хвалили.

ѱло ог. напоминаеть пррк, а быхо ѡпустившии рѣчи мимо идущіи, а вѣчныи наслѣдовали идръжали. пррк въ гнѣвѣ глеть на ропътаніе людеи іилтескиі сице.

ѱло од. оучить на пррк, абы жсакіи впышности на себе не выносилъ. и тѣ кажни кнокоре а бы са не повыша. пррок оуп віи люду жид кского, которы имѣли вѣрити оу ха, глеть.

ѱло ое. в не же хвалитса гь бь ѕъ милостива добра, еже на учинить. гла црквн прѣвеѣ нежели са оуѕъави и оказалъ гь бь на ѕемли.

ѱло оѕ. напоминаеть пррк, а быхо желаніе и сладо свѣта топтали а иного собѣ напрѣ полагали ѡдно бга, ѿ него всѣ рѣчи су.

тоу конець полови. іны, ци псалтыре. аллуіа.

ѱло оз. напоминаютса людіе, абы не бывали не вдачни божески добродеяніи, гла бжіи иже моусеѡ ѕако кыда жидо.

ѱло ои. плачеть пррк на разрушеніе іерлское еже са стало ѕа цра антиѡха, ѡ не же ѡнъ дхо прѣвидѣвъ бо учщее сее. и жалосливе плачеть, гла.

ѱло оѳ. напоминаеть на пррк, а быхо са кполешеніе ѕмѣнили, а ко хоу са направи.

ѱло п. напоминаеть пррк, а быхо ѡвръгше ѕемскіе рѣчи. и къ нбныи доступити мыслили, гла црквн.

ѱло па. напоминае, а быхо вѣрили ха га, правого быти чака и бга.

ѱло пв. в не же напоминаеть правѣны къ трьпенію, пррк проѕрѣ хвалоу многоую в неи же маеть пріити на соу, въ гнѣве и гле.

ѱло пг. ѕдѣ напоминаеть к любви вѣчныхъ благъ, пррк в по віи црквн еже коу вѣчномоу и грънемоу іерлму желаеть пріити. и глть.

ѱло пд. напоминаеть, а быхо к вѣре приступили къ хоу, и дошли е кленіа. пррк будоущіе рѣчи маеть прѣ собою и мови, бе ѡче еже нѣколи бла еси ѕемлю ѕа грѣхъ пръвого члка. иже.

ѱало пе. зде напоминаеть коу млтве хс вподобїи раба, гдть.

ѱало пѕ. Все напоминаеть, а быхо вса срцеы зрели к горнему їерлиу глагола. сице.

ѱало пз. зде хс гь въ зраце раба млнтса и глаг сице.

ѱало пи. зде напоминаеть, а быхо не надеали на себе но на га бга, пррк мовить гла.

ѱало пѳ. напоминаеть коу ѡставленью старого. а коу млрдїю нового живота, пррк в подобїи црквн глеть.

ѱало ч. напоминаеть, а быхо нскоушенїа премагаан, подобїе ха, гла пррка.

ѱало ча. зде напоминаеть, а быхо вто животе деланїа много делали, а быхо пото оутешалнса во вено бгословенстве.

ѱало чв. напоминае зде пррк хвалоу христовы.

ѱало чг. напоминае к терпенїю, гла пррка вподобїи црквн глеть.

ела ѱало чд. привоть а быхо бга вдаyне и набожне хвалили и гдть.

ѱало че. напоминаеть коу хвале бжїей затворенїе храу дшевного, гла пррка глеть.

ѱало чѕ. зде напоминаеть ко вътешенїю. и глеть.

ѱало чз. напоминаеть крастн и ко втешенїю заеже хс кнз са прнблнжи, и верою своею нас ѡсвети.

ѱало чи. напоминаеть коу хвале и уги хвон.

ѱало чѳ. напоминаеть, а быхо га во велїн хвалили. а за грехы нши жалостне плакали.

ѱало р. напоминаеть, а быхо добры реуе жадали а злы ѡметалнса.

ѱаломъ ра. зде напоминаеть, а быхо ѿвръгше грехы свон и печали. желали ѿ га бга млрдїа а дла того пррк мови вподобїи кающегоса, гдть сице.

ѱало рв. напоминаеть, абы верїи въ срца своихъ хвалоу воздавали гдоу бгоу.

ѱало рг. напоминаеть пакы къ хвале га бга дающи на то истинныи прнуины.

ѱло҃ рд. напоминаеть прркъ коу хвалѣ божїей, с припоминанїе различныхъ благодеанїи его. и гать сице.

ѱло҃ ре. напоминаеть коу ѿдкоенному ѿглашенїю хвалы и тежь грехо҃.

ѱло҃ рѕ. припоминаеть многаа и бесчисльнаа бл҃годеанїа и мл҃рдїа бж҃їа вчинено людоу і҆нл҃тьскоу.

ѱло҃ рз. напоминаеть прркъ къ добры҃ деанїе и кѹ дакованью гоу бгоу и гл҃ть.

ѱло҃ рй. и҆зменение ѿ вмоучен га і҆ѵ҃ хл҃ а наболшен ѩко зра҃жо былъ ѿ і҆юды еже бы҃ веденъ коу его смрти. сребролюбїемъ ненависТїю жидокскою.

ѱло҃ рѳ. вне҃ же напоминае прркъ, а выхо҃ были рабы гоу ѩко бгѹ и члкѹ, гл҃а пррка гл҃щего.

ѱло҃ рї. напоминае, а выхо҃ хвалили бга зтакъ прекного бл҃годеанїа. и дх҃овною пищею насытилъ на҃ на памать все҃ дневныхъ свои҃ дѣлъ.

ѱло҃ раі. зде мови҃ ѿ бл҃веню члка, еже емоу бъ даеть по дѣло҃, а на боле мл҃рдїе, зъ его҃ мае га хвали҃.

ѱло҃ рві. напоминае ко чхвалѣ божїей, еже инзкръжены на҃ возвигнѹлъ.

ѱло҃ рг. кие же напоминаеть прркъ коу хвале бж҃їей, сты҃ бл҃годеанїа еже е҃ оучинилъ люде҃ своимъ когда вывелъ и изъ египто҃.

ѱло҃ рді. приводи прркъ коу хвале бж҃їей за выколее всакое скрби дш҃ное и телесное в се҃ вѣце.

ѱло рєі. напоминае прркъ коу хвале бж҃їей за дараванїе ѿсщнїа оу вѣре.

ѱло҃ рѕ. напоминаютса погании живе и вси ѩзыци, кѹ хвале бж҃їей, за пришествїе га і҆са.

ѱло҃ рз. к то҃ напоминаеть прркъ коу хвале божїей къзывлаючи ха га еже е҃ камень оугоныи ѿ жижыри҃ неизрено, оуставленыи сниже пото҃ ѿславлены, и гле.

ѱло҃ рйі. к се҃ псалме даеть доскона҃лаа наоука, к насшю бл҃вниа и вто҃ житїи надежоу и к боудоуще вдѣле и къ правде. прркъ гле҃ сице.

ѱло рѳі. здѣ молитса правѐный избавитиса ѿ печали свѣта сего. и гла҃ть сице.

ѱло ҃ рк. напоминаеть прр҃къ. а бых҃ зрѣніе и прибѣжище имѣли къ бг҃оу нб҃номоу во своей помощи. знающіе еже есмо ѿстоупили ѿ него нбса помощь кв ним ѩко никогда на высокы покышоны боудоутъ. и гл҃е.

ѱло ҃ рка. вне же напоминаеть, а бых҃ желали ѡбители нб҃ные и по ней тоужили.

ѱло ҃ ркв. приводи на прр҃къ ко поспешенію цнотъ, желающіе млостии ѿ б҃а и выжволела мръзостний. еже прихоть на лю за съгрешеніа.

ѱло ҃ ркг. оузъѩвлаеть, ѩко ксакое доброе гдоу бг҃о, ѿ немъ писано маеть быти.

ѱло ҃ ркд. здѣ оузъѩвлаетса и ксакъ члкъ маеть надеати на г҃а. велика бо мза надѣющиса на мать его.

ѱло ҃ рке. здѣ напоминае ко втешенію людей, ихже гь б҃ ѿ смоутковъ изводи, и гле сице.

ѱло ҃ ркѕ. напоминае прр҃къ, абы жадный не приписыка того своей силе, что в собе доброго знае, але оутеюще к добро каждый мае приписывати гдоу бгоу, бе него же не поучитаеса ничто доброго, а ни же пребывае.

ѱло ҃ ркз. привоть ко боязни бж҃іей подле ѡбычаю закона старого. ѡбецоуючи боащиса б҃а телесне щасный речи.

ѱло ҃ ркн. оучи прр҃къ дакова а хвалу къздавати знасніа а противности. в нихже того часоу пребывають верніи.

ѱло ҃ ркѳ. к се е млтва каюшегоса, который просить избавленіа ѿ греховъ.

ѱло ҃ рл. наоука са даеть моужоу правеномоу, которое смиреніе маеть имѣти, а бы са не ѡмрьзнлъ бгоу ѩко двъ.

ѱло ҃ рла. напоминае, а бымо сами себе и ины побигали о хра бжи.

ѱло ҃ рлв. оухвалае ласко и мать о братіи, и гле и е велика лака ѡсе.

ѱло ҃ рлг. глетса зде неѩкое привденіе коу хвале бж҃іей.

ѱло ҃ рлд. напоминае прр҃къ, а бых҃ хвалили б҃а з превысоко моцы его достойности.

ѱло̂ рл҃е. на́поминае̂ пррк҃ъ коу хваленію г҃а б҃а за бл҃годѣаніе оу҆чиненое всей вселенней, а҆ наболеи людѐ і҆и҃лтески.

ѱло̂ рл҃ѕ. внѣ̂ же на́поминае̂ коу плака̂ю запродо̂же̂в мешка́нья живота то́го и за ѿдаленіе нѣ̂ное ѿбнтеди.

ѱло̂ рл҃з. на́поминае̂, а҆ быхо̂ хва̂у бг҃оу воздали за и҆збавленіе, е҆же є҃ на̂ оу҆чинилъ чере̂ х҃а г҃а н҃шего.

ѱло̂ рл҃и. в то̂ пса́ме на́поминае́ть, а҆ быхо̂ ѿ г҃а бг҃а не ѿхо́ди но́-немоу са на́враˇчали ѿ гневливого к̾ покойномо́, а҆ є҃ гл҃а ты.ѿ ни вызнавали грехы свои, и҆ въсташа въ правде боудоуи м҃ти бж҃іи.

ѱло̂ рл҃ѳ. зде на́поминае̂, а҆ быхо̂ са часто молили бг҃оу проти покуса̂ то́го света.

сл҃а ѱло̂ р҃м. внемже пррк҃ъ позна̂, и҆же є҃ съгрешилъ паденіем ѧ҆зыка. и҆ м҃лится г҃оу бг҃у а҆ бы е҆моу то ѿпоусти̂ просаще, а҆бы са пото̂ на то не навраˇчалъ и г҃ле.

ѱло̂ рм҃а. на́поминае̂ ты̂ и҆же соуть въ стаснеиьи живота того абы прибегали къ бг҃оу м҃лаща̂ дабы и҆ потешилъ.

ѱло̂ рм҃в. напоминае́ть пррк҃ъ ку покаянію и҆ м҃лтве и҆ г҃ть.

ѱло̂ рм҃г. зде пррк҃ъ на́поминае́ть, а быхо̂ звитеженьа на̂ не-пріятели собѣ не приписоу́вали, но бг҃оу. е҆моу̂ хва̂у а быхо̂ въздавали и҆ молбоу чинили, занже дьяво̂ врагъ нашъ е҆го мо́щію с҃тою ѿ насъ побеженъ быва́еть.

ѱло̂ рм҃д. пррк҃ъ хвало̂ бг҃оу дае́ть бл҃женіи, а҆ ктомоу те̂ и нищихъ на́поминае́ть.

ѱло̂ рм҃е. на́поминае̂ пррк҃ъ, а҆ быхо̂ не вповали на лю̂ вни̂ собѣ надежоу и҆мѣющіе. но ср҃це свое вз̾носили къ г҃оу бг҃оу и внемъ по-кладали наде́жоу и се́ хвалили, и г҃леть.

ѱло̂ рм҃ѕ. на́поминае̂ на̂ пррк҃ъ ко̂ хвале г҃а б҃а, ктомо̂ приводить ра̂личныи причины, и г҃ть.

ѱло̂ рм҃з. здѣ г҃ть пррк҃ъ ѿ возделаніи і҆ер҃ма днѣвного ц҃ркви с҃тое, приводащи е҆е коу хвале бж҃іе.

ѱло̂ рм҃и. здѣ приводи̂ все сътвореніе почо̂ ѿ връхъни̂ а҆ в̾дол-нѣнши̂, абы хвалили г҃а б҃а.

ψлб рпѳ. ꙁдѣ глеса хвала ꙁвитажеа послѣнѥ, ѥ ꙁ коли бжїєй маю мати скѹванїє грѣшницы в днь сѹдныи.

ψлб рн. хвала бжїа ꙁ дарованїа того єже во славе ѹчинилъ стхъ свой.

сеи пслб ѡсобно писанъ дкъ, и внѣ чисма, книга єдинъ са ида ше оуєнти голаао. ꙗко пишеть ѡ то въ пръвы книга ѡ то црткъ. цреи інлкы.

2. Евангеліе (тетръ)

въ л. полууст. 1604. на 283 л. Съ лицевымъ изображеніемъ Евангелиста Матѳея. Предъ каждымъ Евангеліемъ раскрашенныя заставки и большія заглавныя буквы. на обор. послѣдняго листа запись писца:

«Дописана бы сїа книга стаа єѵлїа вcре. мца фе єї днь. на стго апла ѡписнма. врокж ,ахд. преславешного пана семиѡна. дїака дѹбецкагѡ на те уа николѣ дѣти оучащагѡ. слава и хвала гѹ бж втрци славимомѹ й ми да вдобрѡ ꙁдровю почати и доконуати сїє стоє єѵлїє тетрь. По листамъ, начиная съ 91, вкладная запись: Сію книгу рекому Еваглїе стое тетрь купилъ Бгобойный ракъ Божій Василей Марецчинъ сынъ старшій за злотыхъ полсема у Симеона писаря Дубецкаго и предалъ сію Евглію стую съ стой црьви въздвиженія чтнаго и животворящаго креста вѣчными часы до села Волѣ посяицкой, а кто бы хотѣлъ сію книгу отдати отъ стой црькви тады будетъ съ нимъ судъ имѣти Василій предъ Млостивымъ Бгомъ въ день судный. А кто будетъ стое Евглїе читати, аще попъ или діаконъ повиненъ будетъ просити Гда Бга за отпущеніе грѣховъ раба Божго Василія и жену его Анну и за преставльшихся рабъ Бжіихъ, за раба Божья оца его и матери его Марью, Григорья и Ирины. Тѣнъ запись чинился при оцѣ Феофанѣ Валянскомъ Посянскомъ и при памари Ѳедорѣ Худису мца Февр. кꙁ днь на ст. ѡц. прокопіа.

При нѣкоторыхъ зачалахъ приписано: капитулъ ꙁ, капитулъ ї, капитулъ ні и т. п. Видно, что это Евангеліе употреблялось при Богослуженіи въ Уніатской Церкви и пріурочено было къ Уніатскому Богослуженію.

Въ началѣ «сказаніе пріємлющеє всего лѣта число єѵльскоє или такъ называемый столпъ Евангельскій. Затѣмъ предъ каждымъ Евангеліемъ оглавленіе и предисловіе Феофилакта Болгарскаго. Въ концѣ Съборникъ ві мцемъ, сказуя зачала каждому Евангелію. Правописаніе болгарское, смѣшанное съ русскимъ; юсы употребляются неправильно; глухіе при плавныхъ *л* и *р* въ большинствѣ случаевъ стоятъ послѣ нихъ, а не передъ ними, л. 56 жрънові, л. 68 блъши. 70 длъжень. Въ концѣ словъ—ь употребляется вм. ъ (л. 55 об. петрь) 69 спь, 70 дарь. л. 254 мирь, № 102 об. призвакь. Отмѣтимъ нѣкоторыя болѣе замѣчательныя особенности мѣстнаго говора и своеобразныя грамматическія формы и обороты рѣчи.

ѫ употребляется вм. ѹ: ѫроде вм. уроде (л. 24) ѫдицѫ вм. удицу (л. 25).

а вм. ѣ: само вм. сѣмо (л. 32).

ѫ вм. а: ѫможе вм. аможе (л. 31 об.).

ѫ вм. ѹ: имѫщюмѫ вм. имущему (л. 46 об.).

є вм. о: пльзевался (л. 50) вм. ползовался.

о вм. є: оустромися вм. устремися (л. 32 об.).

а вм. о: оутапати вм. утопати (49).

и вм. ѣ: свидтѣство, свидтѣстваи (л. 225 об.),

Достойно также вниманія употребленіе: ѿ тѫждихъ вм. отъ чюждыхъ (к. 55 об.).

чловека (л. 34) чловеко (л. 175 об.).

оумеръмый (246).

Замѣчательны грамматическія формы:

въ домохъ (л. 38).

мы оставлѣемо (л. 26 об.).

ищате же (л. 28).

просѣте (л. 28 об.).

имѣти имаєши (л. 189).

Въ прошедшемъ вр. въ 3 л. мн. ч. ѫ весьма часто замѣняется звукомъ а; такъ рядомъ съ формами:

въздежааххж (л. 33) капокаахж здаахж,

читаются:

дивлахаса въси народи (л. 41 об.).

зоваха глюще (л. 63).

мазаха елеѡ (л. 103).

его же прошааха (л. 204 об.).

и жены, ꙗже плакаахаса и рыдааха его.

припадааха (л. 95 об.).

Словосочиненіе также своеобразно:

кто прикоснж ризж мой. (Мрк. V, 30).

Переводъ представляетъ такія особенности, которыхъ не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ Евангельскихъ списковъ. Такъ напр. здѣсь читаемъ:

Лук. XXIII, 17. жаждж имѣаше ἀνάγκην δὲ εἶχεν. Во всѣхъ другихъ Евангеліяхъ, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ это выраженіе переводится или потребоу или же ноуждоу имаше.

Іоан. XIV, 27. смиреніе мое даж вамъ. Во всѣхъ другихъ Евангеліяхъ читается εἰρήνην—δίδωμι—міръ даю вамъ.

Удерживаются и чтенія древнѣйшихъ Евангелій. Такъ, Марк. XXIV, 11. и ꙗвишѧ прѣ ними ꙗко блаꙇ глн й. Тоже чтеніе и въ Галицкомъ Ев. 1144 года; въ другихъ-же читаются: лъжа глн ихъ.

3. Сборникъ,

писанный на Волыни, въ л. полууст. XVII в. на 404 л.

На послѣднемъ листѣ читается слѣдующая лѣтопись: В лѣто Бжїа нарожена тїсеча шес со четвертого нацѧ мца феврала И дна на памѧ стго великомнка Феодора Стратилата написана бы сїа книга нарицемаа соборникъ почен ѿ недли о мытари и фарїсеи до недели всѣ сты рꙋкою многогрѣшного последнего во сщнцѣ феодора презвитера Божовскаго в Божовн на волыню, повеленїе пна моего Его м князa Стефана Соколского во имению его оу божеви. за держава вѣ корола По Жикгимонта третего. и за сна его м Владїслава нареченнаго кнзa Московскаго. а за пасткїною нареченнаго мїтрополїты

Кіевского и всея руси Кѵръ Іωсифа Велїаминя ржцъкого и за нареченаго парафїана Божовского клки володимерскаго и берестескаго Їлїи мороховскаго. Вы же о гдн ѿцы и братїа чтущі сїю кнїгу. аще гдѣ будu ѡписался своимъ неразоумїемъ, и вы исправлѧй. а мене грѣшнаго не кленѣте.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ поученій Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василья Великаго, Григорья Богослова, Анастасія Синайскаго, Тимоѳея пресвитера Іерусалимскаго, Кирилла Александрійскаго, Георгія Никомидійскаго, Епифанія Кирпскаго, Григорія Антіохійскаго, Діонисія Александрійскаго, Леонтія пресвитера Константинопольскаго, Василія Епископа Исаврійскаго, Прокла Епископа Константинопольскаго, Іоанна Дамаскина, Іоанна Экзарха Болгарскаго и др.

4. Путникъ до граду Іерусалиму

въ 4-ю, Малороссійскою скороп. первой четверти XVIII в. на 103 л.

Описанное здѣсь путешествіе—было совершено въ 1722 году Іеромонахомъ Рыхловской обители Сильвестромъ, который по возвращеніи изъ святыхъ мѣстъ самъ описалъ его и посвятилъ его какому-то южно-русскому архіерею. Къ сожалѣнію начало посвященія въ нашемъ спискѣ, который пока является единственнымъ, не сохранилось; и потому трудно сказать, кому именно изъ южно-русскихъ архіереевъ—путешественникъ посвятилъ свой трудъ.

«Путникъ начинается слѣдующимъ предисловіемъ: «Обычно есть человѣкови всякую вещь мимотекущую имѣти предъ очима или во умѣ своемъ написовати, или паче всего на хартіяхъ изображати ю прилично; подобнымъ образомъ сицевимъ предсудихомъ мы наше путешествіе или странствованіе во память себѣ и во объявленіе всѣмъ подати; не тщеславія ради, да не будеть; но поощряючи всякаго слушателя или читателя; побужаючи совѣсть и разгрѣваючи, во общеніе приводя, да возможетъ по силѣ своей всякъ трудъ предъ очима имѣти, и свободнимъ путемъ, плѣняюще умъ въ послушаніе Христово, путемъ странствованія или инимъ образомъ каковимъ, любо страдбу Христа ради понести совѣтуемъ; ибо и ми не себе ради

возвѣщая вамъ сія написахомъ, но точію Іисуса Христа ради и Сего распята, изволихомъ сіе путешествіе на себе, аки нѣкое бремя, возложити: якоже предложенная исторія возвѣститъ».

Въ концѣ просвященіе, въ коемъ между прочимъ читается: «Азъ же рабъ, послѣдуя волѣ Владыцѣ Своему, яснѣ въ Богу Преосвященству Вашему отъ убогаго труда моего, сію малую книжицу Путникъ составивши приношу въ даръ».

«Благоволи яснѣ въ Богу Преосвященство Ваше отеческимъ рукопріятіемъ любезнѣ в себе имѣти ю, и многочастнѣ чтуще, на преизящнѣйшую гору вишній Іерусалимъ, всегда мисленно восходити, за что небесній Архіерей Христосъ Господь да вселитъ яснѣ въ Богу Преосвященство Ваше тамо неизреченнихъ того красотъ, свѣтлости же трисіяннаго Троичнаго свѣта и сладкихъ Ангельскихъ пѣсній наслаждатися: сыя получити яснѣ въ Богу Преосвященству Вашему *буди, буди*, усердствую, желаяй есмъ недостойный іеромонахъ Силвестръ, Іеросалимита убогой обители Рихловской игуменъ Палестинскихъ странъ и протчіихъ гажей».

Е. Барсовъ.

ЛЕКСИСЪ

СЪ ТОЛКОВАНІЕМЪ

СЛОВЕНСКИХЪ МОВЪ ПРОСТО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Д. Чл. О. Архимандрита Амфилохія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтъ пять тому назадъ мною пріобрѣтена Острожская Библія 1581 г. у торговца старопечатными и рукописными книгами Г. Шишкова. Библія эта замѣчательна объясненіями XVII в. на поляхъ содержанія нѣкоторыхъ главъ Библейскихъ равно какъ и отдѣльныхъ мыслей и словъ. А на пустыхъ листахъ вплетенныхъ въ началѣ и въ концѣ Библіи написаны разныя замѣчанія, объясненія, пасхалія и другія замѣтки, интересовавшія любознательнаго владѣльца сей Библіи. Предъ книгою Іисуса Навина написано предисловіе къ сей книгѣ и въ концѣ предисловія на 4-хъ языкахъ надпись на крестѣ: Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій, по Еврейски, Гречески, Римски и Русски. Всѣ надписи писаны Русскими буквами. Въ концѣ Библіи на 7-ми вплетенныхъ листахъ написанъ замѣчательный словарь названный составителемъ лексисъ, съ толкованіемъ словескихъ словъ просто. Владѣлецъ этой замѣчательной рукописи, судя по множеству приписокъ на поляхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, жилъ въ западныхъ губерніяхъ, между поляками и жидами. Такъ напр. во 2-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, въ 5-й главѣ: противъ словъ, предъ судомъ Христовымъ, на полѣ написано: „предъ судомъ Панскимъ“. Мѣсяцы въ мѣсяцесловѣ названы по жидовски русскими буквами: Сентябрь: по жидовски тишрѣ; Октябрь: мар-

хєшвни; Помбрь: внїлєкъ и такъ далѣе.—Нѣкоторымъ словамъ составитель его не нашелъ толкованія и оставилъ безъ объясненія; другимъ же—давалъ два объясненія, но не всегда вѣрно. Настоящій словарь едва ли не древнѣйшій опытъ Украинскаго Азбуковника.

Архимандритъ **Амфилохій.**

Лексис

съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто.

а.

по словеньскы	просто.
Апостолъ	посланникъ.
анѳи	цвѣтя.
анна	благодатель.
антилохій	около потаенъ.
агапи	любовь.
агапка	
аѳиногенъ	во аѳинехъ рожденъ.
агнецъ	баранокъ.
агница	овца молодая.
аканние	постъ.
абие	заразъ.
аще	если.
алекто́	петелъ пѣвенъ.
аѳе́рон	проходъ ісподнѣй
адъ	пекло, тма.
астрономиа	звѣздозаконие.
адана́	Господь.
астра	звѣзда.
астрологъ	звѣздословъ.
агакъ	свидитель.
аввакумъ	отецъ востания.
аврамъ	приходень.
агаѳонъ	благъ.
акесолом	отецъ покою.
авраамъ	отецъ многимъ.
азъ	я.
авва̀	отецъ.
аѳанасій	бесмертенъ.
аннла	орелъ.
алексе́й	пособитель.
александе́ръ	помощъ мужемъ
антони́й	вмѣсто иного купленъ.
андре́й	мужественъ.

андроникъ	мужемъ побѣдитель.	а҆хитриклӣ	старшій подчашій або подключій.
аксиѡнъ	достоинъ.		
апо́лоні́й	губителенъ.	аминь	право, воистинну:
арсені́й	мужественъ.	ангелъ	вѣстникъ, повѣдалъ.
архипъ	началникъ конемъ, конюшій.	аера	
амвросимъ	безсмертенъ.	алмание	постъ.
адамимъ	сентебръ мѣсяцъ.	а҆химахі́	гетманъ.
аминодавъ	отцевское кролевство.	а҆хистратигъ	воевода, царь.
аллилѹ́їа	фала живому Богу.	асиѳа	рыцерство.
арамата	масти дорогие.	анкиры	котвы или кормы.

Б.

бе̑дѹнствиѧ́	безъ добрыхъ дѣлъ.	блюдѹ	стерегу.
бе̑мо́лствовали	безъмовенья.	блюди	стерези.
бе̑ѡвѣта	безъ отказу.	блюдение	остереганіе.
бл҃гослови	добро речи̇.	блюдо	миса.
бл҃гокоре̑но̑	добре основаномъ.	бдѣте	чуйни будьте.
бы̑	былъ.	бодръ буди	неоспалый буди.
бе̑человѣчество		балиѡ	сномъ сказители.
бренние	калъ, грязь.	больми	болше.
бл҃гость	доброть.	болі́	болшій.
бл҃годенствие	добрый день.	воле	паче.
бѹ̑	дурный.	брашно	покормъ.
брашаса	боролися.	блаженъ	щасливъ, почтенъ.
бисе́	перла.	блаже̑ство	щасливость.
бѹбреги	почки, нырки.	брона	панцырь.
бл҃года̑	ласка.	бораше	воевалъ.
		борѹщі́	воюющій.

бра́дами	
божное	болшее.
ботѣеть	тучѣетъ.
блажу	словы пофаляю.
бл҃годаренiе	дъякованне.
бл҃годарю	дьякую.
бл҃годаренъ	вдяченъ.

В.

вещественная	
во́ревну́те	
вящьше	болше.
вначаще вначале	на початку.
внезапу	знагла.
востужиша	зафрасовали.
всуе	надаремнѣ.
во удале плачевне	в долине пекла.
вспять	назадъ.
во языцѣ	в народѣ.
выну	всегда.
вина	причина.
вины	причины.
во та́йни	во скрытости.
воскую	порожне.
во ужасе моѐ	во улякнени моемъ.
во́зврани	заборони.
всяческая	всѣ речи.
вонзоша	увязли.
во стогна́	во улицахъ.
вну́тръ иду храмину	внутри дому.
вожделѣе	похочеть.
внѣграда	за мѣстомъ города.
внѣуду	знадворья
вня	на дворѣ
васнь	гнѣвъ, храпъ.
вну́трь града	вмѣсте.
всяческий	
вонепщевахъ	зрозумѣлъ.
возвещаеть	ознаймуеть.
возвещаю	повѣдаю.
вонми	разумѣй собѣ.
во́зглашаю	волаю або зову.
вопретó	въ ратушу.
временствующя	
временникъ	лѣтописецъ, кроника.
во́змездие	заплата.
волхвъ	ворожбитъ.
врачъ	лѣкарь, докторъ.
вредъ	зопсованье.
вреженне	нарушеніе.
вопию	волаю.
врежахуся	нарушахуся.
вопль	воланье.
вѣтвие	голье, розки.
ве́бушъ	ужище толстое.
во́деление	пожедание.
въ весь	въ село.
во́неслъ	вывышилъ.
вишний	з верхнихъ.

внѣшнии	надворный.
выспрь	высокъ.
выспры	высокости.
водрѹженъ	ущипаленъ.
водрѹжаю	ущепляю.
выꙗ	шия.
весма	всяко.
врата	ворота.
врата́	воротный.
са́дникъ	возница, або человѣкъ на коню.
вынмемъ	
водосланенъ гро	водою посланный гробъ.
вретище	жалобная плахта.
видение	вѣдомость.
вѣжство	цвиченье.
вѣжа	чвичный.
вселе́нѣ	по землѣ всей.
восклѣкнѣте	радуйтеся.
востѣканы	в рѣзаанияхъ.
владѣеши	обладаеши.
в селѣ	в домьхъ.
восхищаю	пориваю.
вѣси	вѣдаешѣ.
влагалище	мешокъ.
вѣварьство	
востребовахо	
висекстъ	отъ штукъ или отъ годинъ збиранный день.

восклицание	купование.
восасти	тучный.
в югѣ	от полудни.
вѣдѣлъ	мѣстъ.
в рабѣ мѣсто	во слугу мѣсто.
восорь	плоть.
во̑чецъ	зелье бодакъ.
внꙋшите	вшима позоруйте.
во матернсѣ	во утробѣ.
во врема оно	оного часу.
внезапꙋ	знагла.
вражда	вороговане або гнѣване.
врагъ	ворогъ.
возыскание	шукание.
возыскаю	шукаю.
возыщꙋ	шукать буду.
ветепъ	роспалина земленая или каменная.
во ѿсенающихъ	во множествѣ людей.
всеѡбра́но	всѣмъ шталтомъ.
восвѣсле́	вшатду.
в кострѣхъ	селѣхъ.
виссонꙋ	льну.
вгалилоѡѳъ	до могилъ.
в месакъ	до войска.
вѣтрила	парусы.

Г.

гл҃ю	мовлю.
гаданіе	загадка.
гананіе	гаданіе.
гобзующій	обритый.
гобзованіе	гойностъ.
градъ	мѣсто.
го́гофа	лобное.
граду	иду.
голотъ	гололедица.
глезна	голенка.
гра́данинъ	мещанинъ.
гажденіе	угоженіе.
гнмо҃	гетманъ.
гередѣеко	соколово.
галактискъ	тученъ.
гдь воцарися	господь царствуетъ.
го́знетъ	втечетъ.
гла и труба	
го́тань	горло.
го́дый	болшій.
голо́	вода змерзлая, гололидица.
горе	бѣда.
грехощуся	рѣюхъся.
геена	огненная мука.

Д.

де́жава	владностъ.
да взыщетъ	шукаетъ.
дрзлъ	смутенъ.
дрзлость	смутокъ.
де́зновеніе	смѣлостъ.
де́зы	смѣлый.
дщи́	дочка.
де́заю	смѣю.
дщица	таблица.
дебелъ	грубый толстый.
древодѣлство	теселство.
древодѣля	тесля.
дѣлъма	для.
доблъ	крѣпокъ або мужественъ.
дово́но ми есть	до сыта маю на томъ.
дѣтище	дѣтина лѣтъ 6.
диадима	шата кролевска.
десная	мѣстце правое.
десница	правая рука.
до́деже	ажъ пакы.
дѣлма	ради.
доблесть	крѣпость.
димонии	бѣсы.
дѣтво́	оболгатель.
да потребятся	да вымажутся.
да насладятсе	приятна будутъ.
догмы	мандаты.
догматы	науки.
догму	ученіе.

до коснѧ	до замешканя.	дꙋшествꙋете	
достои̑	годенъ.	древле	перве.
де́ка	ѳаска.	дивъмꙋ̑нство	дивные справы.
да некако впа-дешѝ	а бысть не впалъ.	до го́ливости	

Є.

ело́	Богъ, Господь.	елико	колико.
естество	прирожиние или натура.	ерихо̑	вохождение.
		еже	которое.
ериѡкламие	муринове.	ерꙋдъ	шата греческая.
еде̑	рай.	емманꙋи́	еммаусъ, съ нами богъ.
елма	колко или понеже.	евнꙋ̆	валахъ.
егда	кгды.	ехи́на	ящерка.
егда сотвориши	чи учиняши	елицы	которые.
етеръ	другій.	епа́хъ	

Ж.

желаю	жадаю.	жестокна	
желание	хтивость	жа́дꙋ	прагну пити.
жестокъ	твердъ	жена вѣха	баба.
жꙋпелъ	сѣрка	жи́ница	спиѳарня.
жи́ница	стодола		

Ѕ.

ѕѣло	барзо, велми.	заме́ле̑, закосне̑	омешкалемъ.
здание	учинене.	зми́на	неистление.
зодемъ		зе́лѧ слатина	земля слоная.
заꙋщаѧ		запинаю	застановляю.
защити мѧ	заслонитъ мя.	ѕѣлость ревните̑	

ѕапа̑ со̑нца — заходъ солнца.
ѕаклепы — затворы.
ѕнаменине — знакъ.
ѕабрало — парканъ.
ѕаемлю — позычаю.
ѕане — або бѣмъ.
ѕаколенине — зарезане.
ѕакалаю — зарезаю.
ѕо̑ — злый, злостивъ.
ѕабвенъ — забытъ.
ѕраино — выборно.
ѕыблюся — киваюся.
ѕлаучная. . .

И.

и невеществе̑
и бе̑звещественаго
искаӕщение — скорчение.
ису̑ — святъ, спасъ.
їринове̑ — изгнанъ.
изящества — зацности.
изящны — выборный, вызванный.
исполи̑ — силный богатырь.
софиматы — злохитрьствы.
искрены́ — ближный.
иоа̑ — посланецъ или благодать господня.
иоѳелеони̑ — повѣдницы.
иегмону — пустыни.
источникъ — крыница.
истьненъ — истонченъ або зопсованъ.
иже — который.
їлишетко — избытокъ.
їевстивиеся

исходище во́ное — росплытие водное.
истязаю — пытаю.
изстязаеть — довѣдоваетъ.
измѣнена — розна.
искусное — досветчоное.
истатти
истощаю — выпорожняю.
иллирикъ — словянинъ.
иго — ярмо.
и ѡблачи ѿ ни́ цр҃а
изму́ — выйму его.
и на не пръ мо — оно мой.
ӥ вещение — оповедание.
изящно, выбо́но — изрядно.
извѣтъ вина — причина.
извѣтомъ
иаерь
їринувъ — скинулъ.
їраиль — зряй Бога.
иде ѹбо — яко бы.
иерусали́ — виденне мира.

икон҄ъ	одинецъ.
изокграфовъ	иконописцовъ.
иноплеме́ны	чужоземецъ.
истука̑	вылитый болванъ.
истова	истинно, правдиве.
і̂вая҄ѧ	вырезаный болванъ.
і̂роднаѧ	
иссопа	
касиѧ	запахъ мира добраго.
икосъ	домъ.
коновъ	горнецъ мѣдяный.
і̂ въть твору̀	вымовну чиню.
і̂нурикъ	
ѡзревъ	
топазиѧ	дорогия камнее.
невещественно	не натуру природноую.

К.

кознь	скрытое а зрадливо́е ошукане.
крамола	
кипышинъ	микгъдалы.
коновъ	горшокъ мѣдяный.
карни̑	ракъ.
кли́цааше	тужаше.
каѧѣмъ	которымъ.
кѵвалъ	звонъ.
коваре̑	довстѣпенъ.
кичание	надутость.
качество	каковъ есть: чернъ, бѣлъ.
количество	колико есть мѣрою и числомъ.
кокрою	ниткою красною.
камо	где.
ковчегъ	корабль крутихъ.
ко́мила́це ко́ма	весло кораблево
кр гу́	крогулецъ.
коле́нница	возъ.
кушно̑, водоно̑	избанъ.
рати́	чаша.
кумиры	болвалы.
клевретъ	товарыщъ.
кровъ	домъ.
крамола	ненависть или брань
касиѧ	благоухание.
капи	ножницы.
ко́уазъ	
ка́женнуъ	
кощу́никъ	жартливый.
кі́	который.
ко́до	кожный.
касите́	свинецъ.
клосе̑	хромъ.

кидá	мракъ.	ркоса	наверхъ горы.
кокáстко	хитрость довстѣпъ.	крыны	зѣлья добраго, запахъ, цвѣтъ белый.
котора	сваръ или розорване, незгода.		

Л.

лүчше	лѣпшое.	лесть	зрада.
любодѣйствокаша	блудничили.	ликъ	танецъ.
лоза	виноградный прутъ.	лишъше	надъ-то.
ласкатé	похлебца.	лѣть	пристоитъ.
ласканиe	похлебство.	лишение	убытокъ.
лика	востокъ солнца.	лишаёса	
лáни	рокъ.	левъвити	
лүни	дубравный.	лишивше	
ланъ або плиѳы	цеглы, плигы.	лүкавствие	
лишүще	лишающе.	лүча	
лүдъ	безуменъ.	любовещина	
лүдү	дуру.	локавшими	хлебтевцими.
левъ	царь.	ликелы	описы.

М.

матéства	седилы.	молю тя	прошу тя.
матизма	одежда.	месть	помста.
мóва	обѣтница.	местникъ	мститель.
мáтка	прозба.	мощи	кости святыхъ.
мятé	замѣшане, трвога.	маслина	оливка.
миронъ	солнце.	могүство	множество.
месия	христосъ, помазанецъ.	мню	мнимаю.
		мило	кожухъ.
		мотыло	лаино.

малание	живание.
мо́ва	розрухъ.
мъзда	заплата.
милосе́дова	помилова.
минитъ	розумѣетъ.
мечка	медвѣдь.
мекота	роля.
маще́ха	мачеха.
ме́хиседекъ	король правди.
мшелоимецъ	

мрачно	темно.
мысле̑ная	
масчатъ	
ми́	што помазуютъ.
ми́	покой.
ми́	свѣтъ.
мышца	
малодушие	
многодушие	
мрежа	сѣть.

Н.

наслаждение	
неощутыша	
нетлѣ́ины	не зопсованных.
навѣты	
навѣсть	зрада.
навѣстникъ	зрадца.
нерадение	недбалость.
нужда	примушение.
неключаемы́	непотребный.
небо	або вѣмъ.
нѣ̂ра	пазуха.
нѣ̂раги	исподницы.
непщую	донимаю.
нужду	примушаю.
нужно	
неясы́	пеликанъ бусель.
норовъ	обычай.
небрегу	недбаю.
ныю	тощню.
неключаю	непотребую.

негли	нѣчто.
не пощади	непожалуй.
негодова	загнѣвался.
назаре́	освещенъ.
не пщуете	разумѣете.
не пщевание	довниманe и неслушное вымолвлене.
нѣсть	не есть.
нѣки́	нѣкоторый.
наздѣ	накровли.
насланѣ	на сернѣ.
наслѣдникъ	потомокъ.
на нырищи	на дому.
несекомы́	кременъ.
налягающе	накладаючи.
налязи	узгляни.
на патре̑	на празехъ.
недугуще́	хворающей.
несомнѣнным	
негодова̑е	гневане.

неприсѧщи	не чини кривды.
насаждение	
несвоиствено	неприсвоито.
нароки	порядки.
нарѹчитъ	
неистовнии	бесовании.
неподобенъ	
не постоѧненъ	
несѵмнѣныѧ	
неврѐно	
настоѧщее	
невгасающаѧ	жгучая и не светимая.
некменитъ	
нерастворено	. .
непщева̑	ожидахъ.
на аеръ	на воздухъ.
начинании	
наѕдаваетсѧ	будуется.
начинаемии	
на ѕдании	на сѣнехъ.
началницы	
нырище	съпѣску домокъ, ямка.
нѣгуеми	роскошуема.
невеще̂ствено	
на ѹвасле	на шапце.
на камиле	на паствии.

Ѡ.

ѡско́домъ	долотомъ.
ѡкре̂ть	около.
ѡграда	огорода.
ѡнашъ, ѡшибъ	хвостъ.
ѡпасно	осторожно.
ѡдръ	ловко.
ѡбрѣтаю	знахожу.
ѡчесо̂	о чомъ.
ѡсклаблюсѧ	осмехаюся.
ѡпло̂	плутъ.
ѡсѹщаю	почуваю.
ѡнагръ	оселъ, дивый-лось.
ѡхтаикъ	осмогласникъ.
ѡре̦стъ	угодныхъ.
ѡбилие	достатокъ.
ѡбщи́	посполитый або умѣсный.
ѡловина	пиво.
ѡглаго́лникъ	обмовца.
ѡдолею	перемогу.
ѡбоание	обмана.
ѡбавницы	заклинаю.
ѡбаваю	
ѡбоженомъ	
ѡглавление	
ѡгнипца	
ѡрѹжие	бронь.
ѡтреби	смете.
ѡдебѣлъ	отолстѣлъ.
ѡчеса	очи.
ѡбачеже	
ѡшаѧние	
ѡбра̑	форма або кашталтъ или фрикгура.

ѡбра̑но
ѡбыча́ — натура.
ѡтроковица — малая девице.
ѡбѣдание
ѡщꙋтивше — чуйными быти.
ѡнагры — ослы або кони дикие.
ѡбикновение — хоронение.
ѡбычное

П.

по стро́пинамъ — повысокомъ, што стромитъ.
поприще
присвоены — при собе, своихъ.
прилогъ
прилежание — пилнование.
привременный — до часныхъ.
пишество
пороче — подозренъ.
пучина — широкость воды.
пигина — вода.
паки — еще.
поне́ — хотя.
прямо — противу.
птенецъ — голопупъ-птаха.
поносъ — поношение, смѣвание.
поруга — возгорженъ.
подража — дражненъ.
поти — кубокъ.
пе́стъ — палецъ.
пе́сть — порохъ земленый.
послѣдже
постаси
прелестникъ
поревлетъ
прещение
пристанище
приличьно — свойственно.
прегра́е — предмѣстье.
плинфа — цегла.
понуждаю — примушаю.
прилагаю — прикладаю.
помаваю — покиваю,
помизаю — мругаю.
прозостве — пребачене.
приникну — заглядаю.
преварѧю — упережаю.
пришле — приходенъ.
полата — палацъ.
пакостникъ — шкодникъ.
полкъ — войско.
прокаже — струпливъ.
пища — потрава.
презящное — навыборнешее.
пререкание — сваръ, споръ, перервание мови.
повинуюся — поддаюся.
пира — торба або сумка.
по мнѣ — за мною.
пажить — пасовища.
приникни — призри.
превыспрении — превышнихъ.

помраѵило	потемнѣло.
примѣтатиса	бѣднымъ быти.
по̂ражаша	посмеваша.
по̂ражающе	подражаючи.
птица	воробей.
пре̂вариша	упередиша.
по̆щатисѧ	спѣшатися.
пр҃но	завжды.
праща	опорокъ.
побо́никъ	помощникъ.
посѣщу	навежу.
пострекание	
помавая	
помава̀ми	
поражающи̇сѧ	
преестесъсно естъ	надъ прирожене есть.
по̂кӣны́	скорый або не ленивый.
по̂виѯаетъ	
проны̇ливъ	прозорливъ, лукавъ.
прйча	приповесть.
пова́ня	кухня.
пока́	кухаръ.
поврежаетъ	псуетъ.
подобио	ровное тому.
подобнаѧ	
по̂комарою	
певчастники	участники.
прекословие	противное слово.
приѡбретение	прибытокъ.
прѵглъ	силнъ.
плищъ	гомонъ.
по̂ѯѹемсѧ	фолкумѣемъ.
печа́.	фрасунокъ.
пѣние	поѳала.
паче	болше.
прѵги	
поле̂наѧ	
предѣлъ	
полѵчъ	
прети̂	заказуетъ.
поѯоваёса	ѳолкгу мѣемъ.
приподобнемъ	
понеже	понева.
псо̂фе̂фанихъ	спасителемъ свѣта.

Р.

рекенникъ	студенецъ.
рама	высоко.
раѯви	кроми.
рукомыкъ	ручникъ.
риѯа	шата.
рабука	ты.
рака	деревище.
рашѵ	розвезую.
рвениѧ рети	посварки дѣяти.
рысчетъ	бѣгаетъ.
векгѵлѧ	правление.
ра̂свѣть	разделитъ.
ра̂ботѣю	разтучѣютъ.
ра̂рѵшение	роскиданние.
рододѣлы̆	

С.

свойственѣйшая	призвоилшая.	скудѣ	збанъ.
содѣтеленая		скуделникъ	гончаръ.
скино пигіно		сугубъ	двоякій.
сподобитися		свожня	росчѣлина.
строеніе	с правою або з готовиниемъ.	совѣтъ	рада.
		совѣтникъ	радца.
сошествие	схожение.	скимнъ	левъ.
смыслъ	чувства.	стеѳена	пѣснь высокая.
стихія	еламентомъ.	саваоѳъ	сили.
скотный нравъ	быдлячій обычай.	серафими	духа.
		стакта	заря.
свойство	властность.	сувы	справы.
супружница	жена шлюбная.	сохрани	сховай.
сапогъ	ботъ.	смиреніе	кротость.
сандалія	черевики.	смятеніе	
сѣмя	потомство.	сулица	рогатина.
существо	бытность.	з спирою	з ротою.
суетьство	марность.	скитары	хоругвы.
стира	пѣняжный людъ.	свина	сурма.
сирѣчъ	то есть.	свирию	свищу.
сноха	невѣстка.	стираніе	гармарокъ.
скимни	львенята.	сопѣ	пищикъ.
скнипы	блощицы.	стамна	ведро.
сосцы	сосуши.	слушетъ	
сиунницы	возники.	страсть	похоть злая или вада или утрапене или роспустная роскошь.
сата	мѣра.		
скорня	шапка.		
стогна	улица.		
сокровище	скарбница.		
сланый -		стуженіе	
сосуд скуделничъ	начине гончарское.	совѣсть	сумненье.
		стезя	путь.

сице	тако.	сотъ	плястръ меду.
сиве́	востокъ.	соутатися	
сикль	лотъ, три золотники.	селная	
		селение	жилище.
скиния	куща.	сѣнь	тѣнь.
со́	буза.	сроки	
свѣни	кроме воли.	станъ	обвозъ.
словесное		сѹпоста̑	противникъ.
снѡ̑	позорище.	сатрапъ	цыклярь.
скипетра	сцептрумъ или булава.	сѹмыаса	здумѣломъся.
		спекулато́	катъ.
составъ	стихъ.	сконца	урядникъ.
сти̑	сложение.	стрѹны	персты.
составити		спѹдъ	корецъ альбо нѣякая коробка.
составимъ			
свободихо́ся	волными стали.	сцептра	
сподоби̑		сопреди	надъчоломъ.
свѣрѣпие	дичие.		

Т.

тщаниа		тросто́	пырій.
тщание	спешение.	тектонъ	тесля.
то́жище	рынокъ.	тезоименій	текза.
тѹне	дармо.	твори̑	чинитъ.
то́жество	ярмарокъ.	тѣ́мже ти	протожъ-ти.
тѹ́дися	працую.	тоѹнло	плотъ.
тщеславі́	порожнии слова.	тѐние	репей.
тоѹ́є таковъ	подобенъ.	топѹща	туптасоще.
телецъ	теля, быкъ.	трѹща	смѣшенье.
тѹ́дій	чужій.	та́танъ	срокгая, мука́ зимная.
тщетно	порожне.		
тщѹса̑	спешуся.	тимъпа̑	бубонъ.
толъма	толко.	трапеза	столъ.
тина	болото.		

тѣмение	плюгавость або грязь, болото.	тряжнение	справа. или триумоъ.
тещи	бѣги.		

ȣ.

ȣхищрѧетъ		ȣкоснѣваемъ	замешкаемъ.
ȣпра́зднилъ	порожнимъ.	ȣглѹбоха	угразлъ есми.
ȣдобреине		ȣдобъ	лацно.
ȣподоблати		ȣꙁраше	преукрашение.
ȣстрѣлаѐсѧ	удавается.	ȣ̇сырена	
ȣстремѝсе	удався.	ȣꙁы	везене.
ȣдобе̑денъ	лацно здѣланъ.	ȣжинцы	вязни.
ȣнꙑ́	знидылъ.	ȣневестившысѧ	
ȣне	лепшей.	ȣꙗ̑влѧемо̑	зраненомъ.
ȣдо́	долина.	ȣнъшѝй	лепшій.
ȣспѣю	устигну.	ȣжикъ	приятель.
ȣнырѝ	укрыти.	ȣстроѐе	управлене.
ȣблажа́	возвеличатъ.	ȣрокъ	
ȣго̑ꙁлъ	утекъ.	ȣроуны́	
ȣдѣ	кудѣ.	ȣжнꙑѧ	
ȣена	котка.	ȣмащаютъ	
ȣдолѣваю	перемагаю.	ȣсе́дны	
ȣжа̑	улякненъ.	ȣстроѝ кѣсть,	управления.

Ѿ.

Ѿнѣдръ	отъ пазухи.	Ѿщетѝса	шкоду подойметъ.
Ѿѳелѧ̑	отъ полюдне.		
Ѿвѐже ха̑	откинулъ помазанца.	Ѿшаѧние	
		Ѿриинѹ	отвергу.
Ѿхȣдожнѐйшїй	отъ мудрыхъ.	Ѿрию	отжену.
Ѿра́личны́	отъ размаитыхъ.	Ѿтѹ̑дниша	

Ѿвращꙋ	отвергу.	Ѿшествие	отхожденіе.
Ѿчичъ	дѣдичъ.	Ѿриваю	отгоняю.
Ѿнюдъ	жаднымъ способомъ.	Ѿрожецъ	
		Ѿчаꙗние	
Ѿригаю	выпущаю.	Ѿвамы	в горы.

Ѡ.

ѡбаваніе	то есть.

Х.

хꙋдо̄никъ	ремесленникъ, въ писме мастеръ.	хламида	шарлатная шата
		хꙋла	ганба.
хꙋдожство	умное ремество.	хꙋлю	ганю.
хитрецъ	ремесникъ.	хо́мъ	пагорки.
хрѧблъ	сталый и моцный.	ходота́	премѣритель абоедначе.
хꙋдѣ̄шїи		хр҇тосъ	помазанецъ.
хꙋждшее		хиротонисанꙋ	поставляему.
хлѧбы	продухи воднии.	хꙋдѣ̄шее	никчемное.
хранию	стерегу.	хꙋсары	разбойники.
храмъ	домъ.	халꙋга	улица.
храни̑нница	спижарня.	хереѳѳини	стрѣлцы.

Ц.

целованіе	поздоровлене.	цѣща	ради.
целомꙋдрые	воздержливъ отъ блуда.	цатъ	галѣровъ.

Ч

чє́тогъ	ложница, упокой.	число	личба.
		чє́рвленица	шарлатъ.

чаю	сподеваюся.	чинъ	порядокъ.
чꙋ̑дъ	чужій.	чре̑ло	бокъ.
чли	читали.	чащь	гуща, лѣсъ густой.
чи̑ чинъ	чій порядокъ.		
чꙋвъствено	видомо.		

Ш.

шꙋменъ	пъянъ, або похмеленъ.	шлемъ	прилбица.
		шипокъ	

Щ.

щито	тарчъ.	щꙋжъ	щудъ.
щадитъ	жалуеть.	щади	борони.
щолокъ	лугъ.	щꙋдове	

Ю.

юноша	молодецъ.	юнъ	молодъ.
юнецъ	быкъ.	югъ	полудне.
юность	молодость.	юнотка	

СЛОВО

НА СОШЕСТВІЕ. СВ. ДУХА

СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

ВЪ КІЕВСКОМЪ КИРИЛОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ

въ 1693 году.

съ предисловіемъ

Е. В. Барсова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемое „Слово св. Дмитрія Ростовскаго“ находится въ рукописи принадлежащей Ростовскому потомственному гражданину Андрею Александровичу Титову. Рукопись въ листъ, писана скорописью XVIII в. на 591. По содержанію это сборникъ, состоящій изключительно изъ поученій, проповѣданыхъ и сочиненныхъ трудами святаго Димитрія, митрополита Ростовскаго, въ количествѣ 105. Въ числѣ ихъ есть нѣсколько проповѣдей, какъ значится въ самой рукописи, на Украинскомъ наречіи. Вотъ эти поученія:

л. 102, Въ недѣлю 7-ю по Пасцѣ, изъ текста: „*Се есть животъ вѣчный*“ .Нач.„То все щастіе христіанскаго человѣка.

л. 117. На сошествіе Св. Духа, изъ молитвы: „*Слава Отцу и Сыну и Св. Духу*“. Сказано въ Кіевѣ, въ Кирилловскомъ монастырѣ 1693 году. Нач. „Якъ сподобится з насъ кто коли бъ.

л. 127 об. На Святуюжъ Троицу Слово второе. Нач. „Я теды подлый а убогій умыслилемъ Божию помощію.

л. 267. Въ недѣлю 23-ю и на соборъ Св. Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. Слово это съ особымъ заглавнымъ листомъ, на которомъ полууставнымъ письмомъ выражено его содержаніе въ слѣдующихъ словахъ: «Брань стго Архистратига Михаила воеводы силъ нбныхъ і агглов

єго съ седмоглавымъ ӡміємъ. При дороѵномъ собора празднованіи въ бг҃оспасаємомъ градѣ Кієвѣ, в҆ цр҃квѣ Михаиловской ӡлатоверхой, проповѣдію слова божїа оголошеннаа к лѣто ҂ахчӡ, ноемвріа н҃ день. В҆ прилуѵнвшуюса тогда недѣлю к҃г, по сошествіи ст҃го дх҃а. «Ополчитса Аг҃гелъ Гд҃ень окрестъ боащихса Гд҃а. Изъ текста: Пришедшу Іисови к҃ страну гадаринсвую, Михаилъ ї аг҃глы его брань сотворнша с҃ ӡміємъ. Нач. „Давная небесныхъ духовъ на небѣ бывшая з люциперомъ война обновилася на земли. въ сторонѣ Гадаринской, слухачу презацній.

л. 498. Слово на Рождество Христово, изъ церковной пѣсни: Таинство странно вижу и преславно, небо сущу пещеру. Нач. „Выдался Богъ з секретовъ, з таинствъ, слышателіе православніи. Сказано въ Черниговѣ въ лѣто 1698.

Одно изъ этихъ поученій, именно на день сошествія Св. Духа, мы издаемъ, какъ образецъ литературнаго южно-русскаго языка XVII вѣка.

Поученія написаны по правиламъ Кіевской школы, съ примѣсью къ Малороссійскому нарѣчію словъ Польскихъ и западно-русскихъ.

Сравнивая эти поученія съ Великорусскими, нельзя не удивлятѣся, какъ скоро св. Дмитрій Ростовскій усвоилъ Велико-русское нарѣчіе и понялъ его духъ, и насколько въ силу того его поученія написанныя на этомъ послѣднемъ нарѣчіи превосходятъ его Украинскія произведенія, простотою, ясностью мыслей и художествомъ выраженій.

Е. Барсовъ.

СЛОВО

НА СОШЕСТВІЕ СВЯТАГО ДУХА СВ. ДМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

въ Кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1698 году.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

И якъ сподобится з насъ кто колибъ Бога во Троицы Единаго Отца и Сына и Святаго Духа славити со ангелами въ небѣ, теперь на земли, поки естесмо въ тѣлѣ, славмо его не лѣнивѣ, слышателие православни; и достойная рѣчь, абы Створитель отъ своего створения, Отецъ отъ милыхъ дѣтей своихъ, Сынъ отъ коханныхъ друговъ своихъ, Духъ Святый отъ любыхъ рабовъ своихъ былъ славенъ. Отецъ возлюбилъ насъ якъ своихъ дѣтей: тако возлюби Богъ миръ, и даде область чадый Божіими быти: Сынъ возлюбилъ насъ, яко же своихъ друговъ, и душу свою положилъ за ны: болши сея любве никтоже имать; Духъ Святый возлюбилъ душу нашу, яко обрученную себѣ невѣсту, обручихъ вый дѣву чисту, а яко источникъ благостынѣ, учинилъ насъ рабовъ Богу благихъ и вѣрныхъ: годна теды рѣчь, абы дѣти славили Бога Отца, яко своего Создателя, отъ небытиа въ бытіе приведшаго, избавленныи положенною за нихъ душею; братиа—Бога славили Бога Сына, не стыдящагося насъ братию нарицати; благіи рабыи и вѣрныи бы славили Бога Духа Господа всяческимъ, Егоже щедроты на всѣхъ дѣлехъ его:

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Але не досить Бога въ троици славити, словемъ же треба его славити, а самимъ скуткомъ, самимъ дѣломъ, а яко скутечни славити Бога должни, учитъ насъ учитель языкомъ святый Па-

велъ, пишучи до Коринфъ: прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, а въ душахъ вашихъ: яже суть Божия.

Въ нынѣшней теды подлой моей нравоучителной бесѣдѣ, поучимся мало хочь попросту, якъ Бога въ Троицы единаго, Отца и Сына и Святаго Духа славити въ тѣлесахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ, а ты о Пресвятая Троице Боже нашъ, помози намъ, славы ради имени святаго твоего!

Напрод прославмо Бога ведлугъ науки апостольской въ тѣлѣ нашемъ: прославите (глаголетъ) Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ.

Бога Отца во первыхъ яко въ тѣлѣ славити, радмося писма учителей. Пишется въ пророчествѣ Малахіи намъ, яковой Богъ отецъ потребуетъ отъ сына славы: аще убо отецъ есмь азъ то гдѣ моя слава, и аще Господь есмь азъ, то гдѣ моя боязнь.

Славити треба Бога Отца, але и боятися его: работайте Господеви со страхомъ; славити Отца во истину недоумѣемъ, его же трепещутъ и трясутся херувимы, и славословятъ ангельская вся воинства; ангельская воинства славятъ и трепещутъ, щожь мы, але радмося святыхъ учителей, гдымъ о славѣню Бога въ Троицы; мыслилъ былъ мнѣ съ книгами своими предъ очима наиславнѣйши церковныи учитель святый Іоаннъ Златоустъ, молилемъ его, бы мя научилъ якъ славити Бога, алитъ онъ въ бѣсѣдахъ своихъ, на Павлова послания повѣдалъ: сие есть славити Бога, еже не истязовати испытания. Щожъ то есть—не истязовати испытания? не падатися о Бозѣ, не дишкуровати: не истязуй, неиспытуй, таемницъ баства: а будешъ ты славити Бога. А яко жь, учителю святыи, будемъ знати Бога, ежели о немъ не будемъ испытовати, а за тымъ яко жь и спасемся? гды жь то есть вся надежда збавения нашего що знати Бога: сеже есть животъ вѣчный, да знаютъ тебѣ единаго истиннаго Бога и Его же послалъ еси Іисуса Христа? треба то тутъ запытати и вѣдати, что есть Богъ, которое есть существо которое естество его, треба подишкуровати, и довѣдатися самой истой правды. Златоустъ святый на то въ Маргаритѣ своемъ же, въ словѣ 1-мъ въ непостижимемъ тамо глаголетъ: взыдемъ прочее на небо, пощо жь тамъ? Будемъ же правѣ выбадоватися въ Бозѣ, и его существѣ и естествѣ, егда како суть тамо нѣцый вѣдуще, что существомъ есть Богъ, а и той же бы тамъ мѣлъ лѣпшъ знати надъ ангеловъ непрестани о Богови предстоящихъ, на него смотрячихъ, яко

въ нынѣшнемъ же евангеліи самъ Христосъ глаголетъ: ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго. Ихъ теды спросить вый о Бозѣ? Глаголетъ же Златоустъ: слышемъ ангеловъ, что уже, въ существѣ ли семъ (сіи есть Божіемъ) бесѣдуютъ и взыскуютъ? никако же; но что? славятъ, кланяются, побѣдныя пѣсни выну возсылаютъ со многимъ страхомъ. Тулки на небѣ дѣла, тулки оттоль и вѣдомости: славятъ, кланяются выну, поютъ со страхомъ.

Загаимосяжь тутъ, и стане не поступно цѣкавости людская, любячая тылко бадитися о Бозѣ, а не его благочестно знати и славити, охочая до дишкурсовъ, лѣнивая до славословия; ангели о Бозѣ ни дишкуруютъ, не испытуютъ; не испытуйже и ты, но вѣруй; не высокомудствуй, но бойся; вѣруй, слави, покланяися, благочестно, а не истязуй любопытно: ото слухай, яко съ тебе велики той учитель наглядается. Видѣлъ ли еси коликъ есть горѣ страхъ, колико же долѣ приобидѣние; оній (сіи есть ангели) славятъ, а сіи (си есть человецы) истязуютъ, они очи закрываютъ, сіи же любо препираются, безстуднѣ взираютъ ко неисповедимой славѣ. Дякуемъ тебѣ святыи Златоустъ за науку: не будемъ истязовати испытания, вдаватися въ дишкурсы, але тылко славити. Знаемъ въ правдѣ Бога, (слава Богу) знаемъ его, не яко въ себѣ есть, але яко въ васъ и намъ есть. Знаемъ его отчасти до спасения нашего належачой, знаемъ Его вѣрою святою просвѣщенныи, отъ святыхъ отецъ наставленныи, яко и отъ патрона сего святаго мѣсца отъ святаго великаго Афанасия Александрійскаго учителя церковнаго въ символѣ своемъ обширне насъ о Святѣй Троицѣ учащаго, знаемъ Бога столко, сколко можетъ быти намъ, доситъ на спасение наше, довлѣетъ намъ, а дале не дерзаѣмо: и сие есть славити Бога, еже не истязовати испытанія.

Выше воспомяненныи въ пророчествіи Малахіинемъ Божіи слова, «сынъ славитъ отца» святый Златоустъ (въ Маргаритѣ) читаетъ такъ, сынъ чтитъ отца, и рабъ господина своего боится, аще отецъ убо азъ есмъ, то гдѣ моя честь; едножь тото подобно, и славити и чтити; хто славитъ, тотъ чтитъ, хто чтитъ, тотъ славитъ. Але яко сынъ чтити отца долженъ? у людей то сыновъ, пана отца своего чтитъ, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, шапочку знявши, по словенску мовячи благоговѣйно; таковымъ кшталтомъ чтятъ Бога отца старши его сынове, святыи ангелы, яко о нихъ святыи Митрофанъ,

троичныхъ въ Октоиху каноновъ творецъ въ главѣ 3, възмѣкнуетъ: говѣютъ зѣло предъ неприступнымъ свѣтомъ, и пѣнием непрестанно вопиютъ, говѣютъ, зѣло, то есть учтивѣ, честно, опрятно, скромнѣ въ стыдахъ, и страхомъ шанаючи маестатіи Божіи, предстоятъ Богу; а такъ и человѣкъ въ тѣлѣ своемъ, Бога славити долженъ.

Благоговѣинство вышнихъ Богохвалцовъ описано у святаго Ісаіи: видитъ разъ тотъ пророкъ Господа Саваофа сѣдяща на престолѣ высоцѣ, и превознесеннѣ, а серафими стоятъ окрестъ, шесть крилъ единому шесть крилъ другому. Смотрѣмъ же: Зъ якимъ тыи Богохвалцы стоятъ благоговѣйствомъ: двѣма покрываютъ лица своя, двѣма же ноги, двѣма жь летаютъ и возываютъ; такъ говѣютъ предъ неприступнымъ свѣтомъ, а тожь маемъ образецъ благоговѣиства въ нашемъ тѣлѣ Богови предстаяню. Слухаимо о томъ святаго Златоустаго, научѣмся убо и мы, каковою боязнию, каковымъ стыдениемъ, и каковою честностию, приступати должны есмы къ Богу въ молитвахъ нашихъ, каковою кротостию и благоговѣйствомъ предстояти во славословленіи его.

Хто хочетъ яковаго научитися ремесла смотритъ на образецъ, на зрасъ, и на кшталтъ: чого дѣлаетъ маляръ, маетъ куншъ предъ собою, а будовничой абрисъ; хто хощетъ Бога славити благоговѣйно, щобы могло быти на твоей душѣ збудованіи, о томъ маешъ куншъ, отобрисъ — шестокрилни серафими коло Божиаго престола.

Не доситъ учневи на образецъ глядѣти по старему, треба ему и маистра, же бы указовалъ; не доситъ кому во славослови Бога на серафимскій кшталтъ смотрѣти, треба еще и учителя: сосежь и учитель святый Іоаннъ Златоустъ, а той въ словѣ 8 о серафимѣхъ проказуетъ; смотри жь умныма очима на образецъ, на серафими, услухай ушима досконалаго проказника святаго учителя: образецъ показуетъ — серафими на небѣ, а учитель проказуетъ мовячи, сия помышляй человѣче, востани и отъ земли премѣнися, и на небо взыйди; не поимуетъ того ученикъ, якъ то взыти на небо, вымовляется тяжкостью тѣла, влечетъ тѣло и принуждаетъ долу, радъ бы до неба, але тяжкое тѣло до землѣ тягнетъ, влечетъ тѣло, принуждаетъ долу; учитель улятвяетъ тою трудность, проказуючи выразнѣй: се возводятъ посты, легцѣ душевныи содѣловающе крылѣ, легко душевное сотворяюще бремя; попости а легокъ будешь, на небо вступишь; образецъ показуетъ Серафимовъ предъ

престоломъ Божіимъ стоячихъ поющихъ, а учитель проказуетъ: съ Серафими (и ты) стоиши, со Серафими (и ты) поеши, молишлися Богу, славословишьли Бога, уже то на небѣ стоишь межь Серафимами; во церкве стояще, на небеси стояти мнимся. Образецъ показуетъ Срафимовъ мѣючихъ крилѣ распростертыи овы до лица и ногъ закрываня, овы до летаня, а учитель учитъ, со онѣми (и ты) крилѣ распростри, со онѣми (и ты) летай, окрестъ престола царева, тако во еже мовитъ, и ты поимуй благоговѣиства, по серафимьску ставай предъ Богомъ, распростри крилѣ и летай, щобы тутъ были закрила. Святый учитель не объясняетъ подлинно, но хочетъ, абыся иншое догадывалися и сами, а знать тутъ разумѣетъ о крылахъ невещественныхъ, о которыхъ латво начинатися всюду: хто крылами духовными разумѣетъ быти постъ, молитву, хто любовь и вѣру, хто чистоту тѣла и духа, хто иныи яковы добродѣтели, а правѣ кождая добродѣтель есть крыломъ возносячимъ человѣка отъ земли къ небу; ведлугъ того антифона, Святымъ Духомъ всякая всеспасительная вина, аще бо коему сей по достоянию дхнетъ, скоро вземлетъ отъ земныхъ, восперяетъ, возращаетъ, и устрояетъ горѣ; кождая, мовитъ, причина спасения, кождая добродѣтель приписуется Духу Святому который гды на кого дхнетъ, тотъ человѣкъ станетъ крилатъ, добродѣтеленъ, и летитъ въ высоту небесную; а такъ що добродѣтель, то крило есть наше (форму иможъ тутъ добродѣтелный абѣ крила власнѣ до благогонства въ славослови Божомъ належачие напредъ); двохъ крилъ треба да лицы закрыетъ, а тыми бытъ разумѣти можемъ, завстыданеся предъ Богомъ своихъ грѣховныхъ спросностей и смирение, тое албо вѣмъ, обое умѣетъ лице закрывати человѣку; не треба лѣпшого тому доводу, надсамое досвѣдченіе видаемъ то, еже безстудие, гордость, высоко голову задираетъ, и выше лба очи носитъ. покора въ стыдѣ глядитъ въ землю: смиряетлися хто, голову осилитъ, лице долу мѣетъ; завстыдитлися хто, лице рукою, крыетъ, отколь и Давидъ: студъ лица моего покры мя. Обоихъ тыхъ крилъ пилно треба, гды хочемъ благоговѣйнѣ славити Бога. А вѣдаетежь, чимъ Мытарь покрылъ лице свое, гды пришелъ предъ Бога вслѣдъ за велехвалнымъ Фарисеемъ: въстыдомъ а смиренiемъ: вышло разомъ двоихъ человѣкъ до церкви Богови предстати, Фарисей и Мытарь, але не единако, одинъ без встыду, гордостно и не благоговѣйно, бо приступилъ блиско, якъ бы затоваришилъ з Тымъ, нань же не смѣютъ чини ангелсти зрѣти, а еще

велересуемъ хвалится; а други съ покорою глыбокою, бо сталъ издалече з встыдомъ, бо не хотяще и очию возвести на небо; въ студъ ему было предъ всевидящимъ окомъ Божіимъ, же сумнѣне мѣетъ грѣхами змазанное; правѣ, небы крилами яковыми, покорою а взтыдомъ крылъ предъ Богомъ лице свое. Смотрежь, якъ то ему удалося: и изыде сей оправданъ, паче онаго; не подобался Фарисей Богу, же не благоговѣнно не закрытымъ лицемъ ему явился и прето яко яковымъ безстуднимъ онымъ взгордилъ; подобался Мытарь, бо правѣ по серафимску благоговѣйно предсталъ лицу его, лицемъ закрытымъ. То уже мѣемъ двое крилъ на лице закрытые: въстыдъ а покоръ.

Аще до ногъ двоихъ крилъ треба, позѣ яко послѣднѣйшая тѣла нашего часть, всегда земли касаючаяся, въ болотѣ льнучая, есть знакомъ подлости нашой, яко и глава знакомъ честности. О горделивѣмъ итаку павѣ прявятъ же: гды на нози свои подліи глянетъ, упадаетъ. Гды до благоговѣйнства въ славословіи Божомъ, на закрытье ногъ нашихъ возмемъ себѣ за крыла двое сие, познанье подлости свои, и опасства осторожность надуфане въ себѣ самомъ. Первое возмемъ, тое з прикладу Авраама и Исаіи пророка: вдался разъ Господь Богъ, въ подуфалую размову съ слугою своимъ вѣрнымъ Авраамомъ, бесѣдуетъ съ нимъ лагоднѣ, якъ бы съ своимъ приятелемъ, не таячи предъ нимъ своимъ Божьскихъ секретовъ: «не потаю отъ Авраама раба моего еже азъ творю, глаголетъ Господь; осмерився тежь и Авраамъ беспечнѣ размовляетъ съ Богомъ: допутуется таемницъ: «не погубиши ли праведнаго съ нечестивыми, а въ тымъ разомся цофнулъ и яко клахся, и що первой дерзновение, то уже осторожне до Бога глаголетъ, и якъ бы съ початку речь свою начинаетъ: «нынѣ начахъ глаголати ко Господу моему»: азъ есмь земля и пепелъ жь; то есть, Авраамъ видѣ Бога, позна свое ничтожество, и исповѣда себе быти землю и пепелъ: глядячи Авраамъ на Бога, уважаючи его величество силы, глянулъ тежь и на свои ноги, то-есть взглянулъ въ свою подлость, въ свое ничтожество и постерогся, съ кимъ размовляетъ, съ Богомъ съ Творцемъ съ всемогущимъ, а онъ противъ него правѣ единое ничого, червь ползящий предъ величествомъ неприступныя его славы, и прето вызнаетъ себѣ быти землю и пепелъ, познавъ то свое ничтожество; то крило едино родячееся з познаня Бога—познане ничтожества своего. В тожь и пророкъ Исаиа, гды увидѣлъ Бога на маестате реклъ: О окаянный азъ, яко сподобихся чело-

вѣкъ сый, и нечистѣ усты имы Господа Саваоѳа видѣти очима моима; и той позна свое ничтожество, узрѣвши Бога: видяй Бога видитъ себѣ самаго, видитъ елико отстоитъ отъ Бога, коль мало и во истину коль ничтоже есть, и елико яснѣе видитъ Бога и себе самаго, толико множае чюдится Богу, и благоговѣйнѣ почитаетъ его: кто еси ты Господи, ктоже азъ? Ты бездна бытия, истинны и славы, азъ же бездна ничтожества, суеты и окаянства: до ногъ нашихъ крило едино, подлости своей познанье, друго крило да будетъ впаства и осторожности недуфаня въ собѣ, якѣ персть; глаголетъ апостолъ: мняся стояти, да блюдется, да не падетъ; стоишъ ли въ яковомъ добромъ дѣлѣ, варуйся, бы ся не послизнулъ и прето со страхомъ содѣвай свое спасеніе, совѣдшающе святынъ въ страсѣ Божіи. Быхмо теды благоговѣинѣ моглѣ стояти въ славослови Божіи, укрывваймо, яко бы украшаймо нозѣ свои тыми двама крилами познаваньемъ подлости нашеи и опаснымъ стояниемъ соблюдающимся отъ падежа.

Еще же двоихъ крилъ треба до летанья, а тыми суть у святаго Назианзена дѣяние и видѣніе, то-есть акція и контемпляція, простѣй мовячи, подвигъ въ молитвѣ, и богомысльность, альбо вниманіе въ молитвѣ, бы славословие Божіе было не безъ тѣлеснаго труда, ни безъ умнаго внимания; трудъ въ стоянъю, вниманіе въ читанью, подвигъ во всенощномъ бдѣніи, богомысленость въ поднесенью мысльми ко Господу: праца въ коленопреклоненіи, въ руку воздѣяніи, въ крестообразномъ на землю упанью, Боговидѣніе въ легленю ума въ неизреченную Божию славу, тый крила летаютъ высоко, бо праца небо заслугуетъ, а богомысленность къ небу возноситъ, въ тыя теды шесть реченій крила убираймося, бысмо въ тѣлѣ нашемъ Бога благоговѣйнѣ по Серафимску могли славити Бога и намъ служило пѣніе Дамаскиново: что васъ наречемъ святіи серафими, яко непрестанно прослависте его; хочемъ ли стати на молитву на славословие Божие въпредъ помысльмо о шпѣтности грѣховъ нашихъ, якъ маемъ явитися всевидящему его оку Божию, а зоплонѣмся лицемъ предъ нимъ, застыдимся и смирѣмъ гордостну мысль нашу, а то намъ будетъ яко крила лице предъ Богомъ закрывающий; уважмо предъ кимъ стати, съ кимъ въ молитвѣ размовляти мѣемъ: зъ Богомъ, которому нихто не годенъ, и познаймо нашу подлость, негодность, ничтожество, слабость и пользскость, статку нашего нестатечную; а безопаствомъ и страхомъ тому предстаймо, бы и тою есмо молитвою, которую разумѣю за рѣчь добрую,

не згрѣшили, бы з насъ кому немечеся: молитва его буди въ грѣхъ, —а то будетъ намъ яко крила нозѣ закрываючие, чи яко бы здобячие; умъ разсѣянный по свѣту вкупѣ зберемъ, до неба вперемъ, тѣло на молитвѣ утомѣмъ—а то намъ будетъ яко крила насъ до неба возносячие; таковымъ благоговѣйствомъ таковою честностью, гды ушануемъ, то маестати Божіи, и прославимъ Бога Отца въ тѣлѣ нашемъ. Що и хочь и цѣлой святой Троицы належитъ Богу Сыну и Богу Духу Святому, изряднѣе еднакъ первой въ Троици Святѣй персонѣ именованіе Отчее имѣючой такъ: аще рабъ еси, воздаждь Господеви боязни повиновеніе: аще сынъ еси, яви отцу чести благоговѣинства; властнѣ теды Богу Отцу въ молитвѣ нашей благоговѣйство прислушаетъ, которымъ должни есмы Его славити въ тѣлѣ нашемъ, по апостольскому увѣщанию, прославите Бога въ тѣлесехъ вашихъ.

Другую въ Троици Святой персону Бога Сына бысмо въ себѣ прославити мѣли, порадмося съ собою, чимъ наибарзѣй Христосъ Спаситель нашъ на земли съ людьми конверсуючи въсслався; заглянмо до евангелія святаго Іоанна, а тамъ услышимъ Господа нашего пречистыми и праведными усты, праведнѣ хвалячагося: нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися въ Немъ; уважаймось часъ прославления Сына Божия. Чий въ той часъ, гды чуда чинилъ, воду въ вино претворяетъ, болѣзни лечитъ слѣпымъ даетъ свѣтъ, глухимъ слухъ, хромымъ хожденіе, мертвѣца словомъ з гроба выводитъ; бы намнѣй хочь изъ того мѣлъ у людей значную славу, але онъ намнѣй не почиталъ то славу; сия жь, гды уже пошолъ на страсть волную, и уже ростается съ возлюбленными своими учениками, уже ихъ жедпаетъ: миръ мой даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ, и яко бы уже ногою вступуетъ до тиранской хатунѣ, на тотъ часъ глаголетъ: нынѣ прославися сынъ человѣческій; такъ Златоустъ на посланіе къ Евреемъ, слава (Христова) и честь—крестъ есть, яко же и самъ славу того нарицаетъ, глаголя: пріиде часъ да прославится сынъ человѣчески. О Христе Спасителю нашъ! ото уже Июда близко съ войскимъ, со оружием и дреколми поимати Тебе, зъ повязами связати Тебе, ото безчести Тебѣ тужь, ото уже готуютъ на Тебѣ каторскій инстружента, бичѣ, розги, а то тешутъ древо на крестъ, на срочитную со злодѣй смертъ: аще не бы былъ еси злодѣй, не быхомъ его тебѣ предали, возми—возми, распни. А сладчаиши нашъ Господь глаголетъ, теперь

моя слава, теперь моя честь, теперь мое надъ всѣхъ подвышени нынѣ прославися Сынъ человѣческій. А то яко объяснуютъ толковники писма святаго твердячи: же страданіемъ креста и смерти Христосъ Господь нашъ, на инавышшой степень славы и чести поступитъ, пилне з нихъ единъ отъ лица Христова на томъ мѣзсцу бѣсѣдуетъ: «аще Іюда изыде предати мя на убиеніе, убо приближися ко мнѣ крестъ и смерть, ею же не тако обезчещуся, яко же зѣло прославлюся, же мовитъ: страдание, крестъ, смерть выйдетъ мнѣ на инаболшую честь и славу, прето идучи на страсти на крестъ и смерть мовлю: нынѣ прославися Сынъ человѣческій. Слава Тебѣ премилосердый Господи!. Слава наша возносящая главу нашу! а тожъ видимъ же, крестомъ наибарзѣй прославися Господь нашъ, яко же во евангеліи пишется: яко тако подобаше пострадати Христу и внити во славу свою и въ Апостолѣ: видимъ Іисуса за приятие смерти славою и честію вѣнчанна, крестомъ бо и смертию не точию Сынъ человѣческій и человѣкъ, но и Сынъ Божій и Богъ познанъ буду; познается бо въ человѣчествѣ таящееся Божество, егда солнце померкнетъ, камение распадется, гробы отверзутся, мертви востануть, та и иная многая страшная чудеса покажутъ; яко Богъ страждетъ и смерть на крестѣ подъемлетъ Азъ же крестомъ порабощу себѣ весь миръ, бѣсы прожену, грѣхъ потерблю, смерть умерщлю, геэнну разорю, яко всѣхъ Господь и Владыка.

Если теды хочемъ Сына Божия въ тѣлѣ нашемъ прославити мѣемъ же Его прославити, крестомъ, страданьми; такъ Его въ тѣлѣ своемъ прославили святыи мученики, мученицы, вдавши себѣ за Христа на раны и многоразличныи смерти; овъ на мечное усѣченіе; другій на копіино прободеніе, а тои на крестъ, якоже и самъ Христосъ былъ распятый; а овъ живо въ землѣ погребенъ; тый проидоша огнь, а овій воду; пожжены, потоплены, вси пострадали славы ради имени Господа своего. Але речемъ, не можемъ мы такъ въ тѣлѣ нашемъ прославити Бога якъ мученицы; Хвала Богу, уже не имамы гонения за Христа на христианы. Колисъ то тутъ стояли болваны оныи Перуны, Волоси, Лады, Купалы, а теперь на тѣхъ мѣстѣхъ церкви святыи, слава Христова, Благодать Божия сияетъ, нѣсть уже и въ сторонахъ Грецкимъ и Римскихъ овыхъ Нероновъ, Диоклитиановъ, Максимиановъ, учителей, которыи бо до отвержения Христа, идолопоклонения принуждали и нехотячихъ отвергнутися мучили, забияли; единымъ сло-

вомъ, нѣтъ балвохвальства, ни мученичества, яко же датися за Христа на раны, на страдания, же бы въ тѣлѣ своемъ прославити Бога Сына.

Не фрасуимося, знаидется тужь межи нами и идолъ и мучитель; и идолопоклонникъ покажется много, а мучениковъ мало, разсужаимося тылко и разсмотремся межи собою. Златоустъ святый твердитъ: различныя суть идолослужения образы. Объясни жь намъ учителю святый и скажи хочь единаго идола, а быхмо его якъ колисъ въ Киевѣ Перуна сокрушили? Слушаиможь ено що намъ святый той учитель кажетъ: да не речеши ми сего, яко непокланяешися идолу златому но оно ми покажи, яко сихъ не твориши, яже повелѣваетъ злато; отожь маешъ идола—золото не наяковомъ холмѣ горъ Киевскихъ, але въ шкатулѣ, въ скринѣ, въ камарѣ. А идолопоклоненіе гдѣ? въ сердцѣ страсть до злата, и ради злата твориши, яже повелѣваетъ злато. Що жъ злато повелѣваетъ? Ищи мене, украдь, отъими, разбій, кривду учини ближнему; не респектуй и на Бога, бо и церковное вырви, былесъ мене набылъ до твоей шкатулы, албо рачей до не насыщеннаго твоего сердца; то злато повелѣваетъ, а ты послушаеши, отожь еси хрещенный идолопоклонникъ.

Хто изъ убогихъ речетъ дяковать Златоустому святому, же вытоснулъ балъхвальство въ богатыхъ; у насъ убогихъ того нѣтъ; злата не маемо, въ шкатулу не збираемо, едво маемъ чими напитати душу. Але не триумфаймо и мы убогие; знаидутся и въ нѣэе свои идолы; слухаимо ено тогожь учителя: различныи суть идолослужения образы; и овъ убо мамону вмѣняетъ господа, овъже чрево бога, инъ же другую похоть вселютѣйшую; а тожь маешъ, що страсть то и идолъ; но не пожираеши имъ волосъ, яко же Еллины, но много лютѣйше свою закалаеши душу; не прекланяеши колѣнъ, ни покланяшися (идоломъ), но со множайшимъ послушаніемъ твориши вся, яже тебѣ повелѣваетъ, и злато и чрево и похоти мучительство; отожь всюды полно балвохвалство, вси естесмо грѣшніи, многоразличными страстми порабощеніи, страстемъ идоломъ работаемъ. Мы разумѣли, же тылко Еллини были балвохвалцы скверныи, который страсти людскіи обоготворили, тѣлесность назвавше Венерою, гнѣвъ Марсомъ, піянство Бахусомъ, ажъ святый Златоустый, и насъ подобными, бо и горшими, идолопоклонниками чинитъ, гды ясно глаголетъ: аще не изливаеши идоловъ

ты, яко же они, но со многимъ усердиемъ тѣмъ подпадаеши страстемъ. удый Христови—уды блудничи творяй, и иными себе оскверняяй беззаконіи. Праву воистинну, не якъ пречити тому святому великому учителю. А тожь гды таковое въ насъ, знайдуется идолопоклоненіе, то тужь и пляцъ широкий до страдания, до мученичества, а за тымъ и до прославления въ тѣлѣ нашемъ Христа Бога. Що грѣхъ то идолъ; що страсть, що помшелъ и оказиа побужаючая и тягнучая до грѣха, то мучитель; а противитися имъ, не соизволяти превитяжати страсти, есть то мучительство едино и повседневное; зачимъ кождый грѣху сопротивляючися, себѣ превитяжаючи, есть мученикъ, славячи въ тѣлѣ своемъ Христа Бога повседневными страданми добрѣ. Тойже святый Златоустъ глаголетъ, можеши и ты аще восхощеши таковую (яко же мученицы) принесити (себѣ Богови) жертву, аще не огнемъ (вещественнымъ) сожжеши тѣло, то инымъ огнемъ можеши (сие сотворити), сирѣчь огнемъ нищеты волныя, огнемъ скорби Еже бо притрудное и горкое избыти житие, и тѣло умервщляти, нѣсть ли всесожение? Умертви тѣло твое, и распни (грѣхови) и и приимеши мученичества вѣнецъ; еже бо тамо мечь содѣловаетъ, здѣ усердие творитъ, яко бы реклъ: умучь тѣло твое, а будеши Богови жертва, по Апостолу: представите тѣлеса ваша жертву живу святу благоугодну Богови. Звитяжь вся, яже въ мирѣ, похоть плоти, похоть очесъ, гордость живота и будешъ мученикъ; умертви тѣло свое и поработи духови, а будешъ мученикъ; мертвѣ буди грѣху' а постанешься мученикъ; язвы Господа своего на тѣлѣ своемъ носи чрезъ умервщленіе плоти, будешъ мученикъ распни плоть свою со страстьми и похотми, будешъ мученикъ, и такъ прославишъ въ тѣлѣ своемъ Христа Бога, по научению Апостольскому: прославите Бога въ телѣсахъ вашихъ.

Третию въ Троицы Святой персону Бога Духа Святаго, яко прославити маемъ, порадмося святаго апостола Паула. Святыи апостоле Пауле! Увѣдомь насъ, що тежь мы естесмы Духу Святому? Вѣдаемъ, Богу Отцу естехмы дѣти присвоеннемъ: азъ буду вамъ во Отца, и вы мнѣ будите въ сыны и въ дщери, глаголетъ Господь Вседержитель. Вѣдаемъ, Богу Сыну естесмы члонки: телѣса ваша удове Христовы суть, а онъ намъ глава; глава церкви Христосъ, естехмо его рабы, неволники, а рабы купленые: куплени бо есте цѣною,.. нетлѣннымъ бо златомъ и сребромъ искупистеся, но честною кровию агнеца непорочна и нескверна Христа. А Святому Духу що? отъ-

повѣдаетъ Апостолъ: не вѣстели, яко тѣлеса ваша храмъ суть живущему въ васъ Святому Духу, его же имаете отъ Бога, храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ, то естесмо Богу Духу Святому церковью: такъ, есть вы есте церкви Бога живаго. И гдымъ нашимъ путежнымъ обычаемъ хто запыталъ, ащо за храмъ въ той церкви, отповидѣти бы, храмъ Духа Святаго, тѣлеса ваша храмъ есть живущему во васъ Святому Духу. А хто жъ священникомъ въ той церквѣ? повѣдаетъ же священникъ въ той церквѣ цѣломудрие, и мовитъ, вси храмы есмы Божій освятившу насъ Святому Духу; того храма церковникъ есть и священникъ — цѣломудрие, еже ничто же скверно или нечисто внутрь внести попускаетъ, да некогда Богъ (въ храмѣ томъ) обитаяй, обрѣтши престолъ свой оскверненный, опечатлится и отъидетъ (и оставитъ храмъ пустъ) Щожъ то сть цѣломудрие? цѣломудрие ведлугъ святаго Іоанна Лѣствичника, есть общее всѣхъ добродѣтелей именование, особлише еднакъ самой чистотѣ прислушаетъ и повинностию албо служеніемъ своимъ именемъ; повиностью же ничтоже скверно или не чисто внутрь храма тѣлеснаго, чили яснѣй мовячи сердечнаго, внести попускаетъ; именемъ же всюды по отъческихъ книгахъ самыми чисто звычайно цѣломудренными именуютъ или тѣхъ, которыи, и тѣло отъ дѣлъ скверныхъ и душу отъ оскверняющихъ помысловъ пилно ховаютъ, то простѣйшимъ именемъ той тѣлесной церкви священника чистотою зовемо; церковникъ и священникъ того храма чистота есть; потребна чистость въ тѣлѣ, бысмо тою прославили Духа Святаго, яко того, которій чистоту любитъ, и тамъ тылко живетъ, гдѣ чистость видитъ: чистотою теды маемъ Бога Духа Святаго прославляти.

Духа Святаго уподобляетъ святый Златоустъ пчелѣ: и якъ пчелы въ сосудѣ скверномъ не вселяются, такъ Духъ Святый въ нечистотѣ живущихъ не обитаетъ: не имать (мовитъ) Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ зане плоть суть. Духа Святаго молимъ: пріиди и вселися въ ны. Съ нимъ бо вѣмъ вся благая намъ приходятъ, а безъ него въ насъ пусткій. Гдѣ сѣдятъ пчолы тамъ плястро солодко меду зробятъ; въ чиемъ сердцу вселится Духъ Святый, тамъ узришъ дарований яко медъ солодкій. Отколь выйдутъ пчолы, тамъ на ихъ мѣсто гнѣздитца лѣтятъ осы, шершие ядовиты; отколь прогнанъ будетъ Духъ Святый скверными дѣлы, тамъ наберется скрупуловъ бодучихъ, яко съ:о жалъ трѣховныхъ, яко шершневъ. Чистый и опарстный держи

улей, бы привабилъ до него рой пчелный; очисти тѣло и сердце бы збавилъ до себе Святаго Духа.

Если то естесмо храмомъ Святому Духу, воруйможъ, бы з него не сталъ вертепъ разбойникомъ. Кривда бы то была, гды бы кто господаря звласнаго его дому гвалтствомъ вытихалъ в шию. О якъ великую кривду чинимъ Духу Святому, гды его зь власнаго храма отъ себе выгоняемъ скверными нашими дѣлы; вмѣсто него вънпровожаемъ часомъ албо обжиртагó Вила, албо скверного Дагона, албо лакомого Молиора. Важилбыся кто яковою спросностью, отшпетити домъ царскіи, яковую бы за то понесъ кару, чегосмы годныи, гды храмъ Царя небесного Духа Святаго—тѣло, наше сердце наше, оскверняемъ дѣлы, любо мысльми, спросными!

Спытали разъ святую мученицу Серафиму: Гдѣ церковь Бога твоего, Ему же кланяешися и приносиши жертву? отповѣдала святая: азъ, чистоту соблюдая, церковь есмь Бога моего, Ему же себе самую приношу въ жертву. Реклъ тиранъ: то аще чистота отъ тебе отъята будетъ, убо престанеши быти церковію Богу твоему. Отказала мученица словами Апостольскими: иже растлитъ церковь Божию, растлитъ его Богъ; проважена потомъ бывша до нерадіи дому, гды до ней присланныи отъ мучителя въшли два вшетечника, а Христова дѣва вдалася на молитву до Бога; внетъ ты пали на землю мертвы, и которыи хотѣли храмъ Святаго Духа—чистую дѣву змазати, тыи внетъ душею заплатили. Такъ то карани бываютъ за покалянье чистоты тѣла своего, которое есть Духа Святаго церковію. Недармо, мовитъ святый Златоустый, не имаши власти надъ плотию въ похотѣхъ злыхъ, а если не маемъ власти надъ нашимъ тѣломъ, бо тѣло наше уже есть не наше, куплено на церковь Святому Духу, яко же глаголетъ Апостолъ нѣсте свои, куплени бо есте; не важмося его уже такъ далече присвоивати, же быхсмо его на злый наши желания уживали.

Не разумѣй, слухачу, а бысся тутъ мовило о чистотѣ самыхъ тылко дѣвствующихъ, але о чистотѣ всѣхъ становъ; о всѣхъ бо вѣмъ то обще речено: тѣлеса ваша храмъ суть живущему въ васъ Святому Духу, кождому бо, вѣмъ, такъ супружнѣ и безсупружнѣ живучему свою чистоту станови своему прислушаюіцую ховати, а тою Духа Святаго прославляти долженъ; хочь то чистота безсупружныхъ вышшой у Бога ваги отъ супружныхъ, однако же яко есть первая хвална,

честна, такъ другая потребна, и послѣдняя предъ Богомъ не скверна: глаголетъ Апостолъ: ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ; солнцу своя слава, лунѣ своя слава, звѣздамъ своя слава. Святый Исидоръ Пелюсиота разумѣетъ то о чистотѣ становъ различныхъ и глаголетъ: уподобляетъ Павелъ солнцу тѣхъ, иже дѣвство хранити возлюбиша, лунѣ иже во вдовствѣ пребываютъ чистѣ, звѣздамъ же уподобляетъ тѣхъ, иже въ честномъ супружествѣ соблюдаютъ ложе свое не скверно; якъ теды солнцу надлежитъ быти свѣтлу и лунѣ свѣтлой, и звѣздамъ не темнымъ, такъ и дѣвству потреба быти чистому, и вдовству чистому жь, и малженству чистому; всѣмъ подобаетъ быти чистымъ, бы были Духу Святому храмомъ достоинымъ.

Прославивши Бога въ тѣлѣ нашемъ ведлугъ науки апостольской належало бы поучитися широцѣ, яко еще маемъ славити въ душѣ нашей, но далшему то часови (кому дастъ Богъ въ живыхъ быти) албо благоразумнѣйшимъ казнодѣемъ оставляется, теперь тылко въ кратцѣ намѣняю то, же душа наша, по образу Бога въ Троицѣ Единаго созданная, имать трое сие: память, разумъ, волю, или помнитъ есть памятию, иле разумѣетъ есть разумомъ иле хочетъ есть волею; три дѣйства, а душа едина и должна въ себѣ прославляти Бога въ трехъ лицехъ сущаго а въ единомъ Божествѣ: памятию славити Бога Отца, мѣючи Его, взавше во умъ, усмотрячи на него внутренними очима, по Давиду: предзрѣхъ Господа моего предо мною выну, яко одесную мене есть; разумомъ славити Бога Сына, иже есть Божия премудрость, слухаючи науки апостольской: блюдите како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри; не бываите не смысленни, но разумѣвающе что есть воля Божия, волею нашею славимъ Святаго Духа, того хотячи и дѣломъ совершаючи, що Духу Святому благоприятно, а того не хотячи, откидаючи, щося Ему подобатися не можетъ, и вовсемъ согласуючи съ волею Его святою; а кая его воля есть, описалъ Апостолъ до Солуняновъ: сия есть воля Божия—освященіе ваше—хранити себе отъ блуда или отъ нечистоты, и вѣдѣти коемуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати во святынѣ и чести, а не во страсти похотнѣй, яко же и языцы невѣдущіи Бога; и еще трема богословскими добродѣтелми Святую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа славити подобаетъ, вѣрою, надеждою, любовию, и трема евангельскаго жития обѣтами: Бога Отца послушаніемъ, повинуючися Ему, якъ чада Отцу во

всѣхъ Его повелѣніяхъ, Бога Сына—нищетою изволною, яко того которой богатъ сый въ милости обнища спасения нашего ради, да мы нищетою его обогатимося; чистотою плоти (и духа), Духа Святаго славити; але то все богомысленныхъ разсуждение, пространнѣй въ себѣ разбирати можетъ, а я неумѣетны да не продолжу времени, кончу подлую бесѣду и печатлѣю еи троичною славою, слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Слава Богу Отцу сѣдящему на престолѣ славы своея, слава Богу Сыну преклонпшему небеса и сошедшему на землю, слава Богу Духу Святому вездѣ сущему и вся исполняющему.

Слава Богу Отцу создавшему ны, слава Богу Сыну искупившему ны, слава Богу Духу Святому просвѣтившему и освѣтившему насъ.

Слава Богу Отцу упованию нашему, слава Богу Сыну прибѣжищу нашему, слава Богу Духу Святому покровителю нашему.

Троице Святая Боже нашъ, слава Тебѣ Создателю нашему буди отъ насъ—создания твоего нынѣ и присно наземли, поки о тебѣ есмы живемъ и движемся, а потомъ и на вѣки вѣкомъ на небеси, его же отъ Тебе да сподобимся, аминь.

III.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

янъ. Что до слова *единосущный*, то употребленія его нужно было избѣгать, такъ какъ оно многихъ смущало, а спорами противниковъ удерживало незнающихъ отъ святаго крещенія, почему требовалось истолковывать значеніе *единосущный* словами равносильными. Это именно и сдѣлалъ блаженный Кириллъ, который дословно объяснилъ Никейское исповѣданіе вѣры, проповѣдуя Бога истинна отъ Бога истинна.

л. м. 5848, р. х. 348.

Первый годъ епископства Аріянина Стефана въ Антіохіи.

л. м. 5849, р. х. 349.

Въ семъ году Аѳанасій и Павелъ, по смерти Евсевія, нечестиво управлявшаго Константинопольскимъ престоломъ, опять пришли въ Римъ къ папѣ Юлію и царю Константу, брату Константія. Ибо по смерти Евсевія народъ избралъ на Константинопольскій престолъ Павла, но аріяне рукоположили, вопреки ему, Македонія, отъ чего возникла междоусобная брань. Узнавъ объ этомъ Константій, бывшій въ ту пору въ Антіохіи, приказалъ полководцу Гермогену, посланному во Ѳракію, нѣсколько уклониться отъ пути своего, и удалить отъ управленія Церковію Павла. Гермогенъ готовился было исполнить царское повелѣніе, но чернь сожгла его домъ, его самаго убила и трупъ бросила въ море. Царь, извѣстясь объ этомъ въ Антіохіи, прибылъ въ царствующій градъ, изгналъ Павла съ престола, но не утвердилъ на немъ и Македонія. Гнѣваясь за убіеніе Гермогена, онъ лишилъ городъ сорока тысячь ежедневныхъ хлѣбовъ, изъ числа восьмидесяти тысячь, дарованныхъ отцемъ его *. Павелъ, какъ выше сказано, отправился къ Юлію въ Римъ, и съ грамотами его возвратился въ Константинополь. Константій, находясь въ Антіохіи, узналъ, что Павелъ возстановленъ на престолъ Юліемъ, разгнѣвался и приказалъ намѣстнику своему, Филиппу, согнать его, а вмѣсто его посадить Македонія. Намѣстникъ, боясь случившагося съ Гермогеномъ, зазвалъ Павла въ баню Зевксиппову, спустилъ его въ окно и отправилъ въ изгнаніе въ Ѳессалонику, мѣсто рожденія его. Македонія же посадилъ съ собою на колесницу и разбойнически поставилъ какъ бы тираномъ Церкви, не смотря на сопротивленіе

* Обычай безплатной раздачи хлѣба жителямъ столицы отъ правительства продолжался отъ временъ Константина I до Ираклія.

православныхъ, при которомъ погибло три тысячи полтораста мужей. Такимъ образомъ аріяне снова овладѣли Церковію. Тогда царь угрожалъ смертію Аѳанасію, который убоявшись, опять бѣжалъ въ Римъ, что также сдѣлалъ и Павелъ, скрывшійся изъ Ѳессалоники. Пришедши къ Константу, оба они разсказали ему о претерпѣнномъ ими. Константъ, соболѣзнуя святымъ, съ горестію писалъ къ брату Константію, предлагая возвратить престолы Павлу и Аѳанасію, въ противномъ случаѣ угрожалъ войною. Онъ уговорилъ его также созвать соборъ въ Сардикѣ, на которомъ присутствовало триста епископовъ Западныхъ, да Восточныхъ тридцать шесть. Послѣдніе прежде всего требовали отъ Западныхъ низложенія Павла и Аѳанасія. Но Осія епископъ Кордубскій и Протогенъ Сардійскій, не потерпѣли, что на соборѣ не присутствуютъ святый Аѳанасій и Павелъ. Тогда Восточные, удалившись въ Филиппополь, безъ стыда осудили слово *единосущный*. Но православные въ Сардикѣ признали Никейскій символъ вѣры настоящимъ, а не согласный съ нимъ предали проклятію; далѣе они возвратили престолы Аѳанасію, Павлу и Маркеллу Анкирскому, исповѣдавшему единосущнаго и оправдашемуся тѣмъ, что онъ не понялъ обвинителей своихъ. Такъ поступилъ соборъ Сардійскій съ Восточными отступниками: онъ утвердилъ ученіе о единосущномъ, послѣ чего и Константій съ честію принялъ Аѳанасія и Павла, и возвратилъ имъ престолы ихъ. Такимъ образомъ Аѳанасій прибылъ въ Александрію и принятъ былъ въ ней съ великою радостію, а Георгій аріянинъ изгнанъ.

Между тѣмъ въ Галліяхъ тиранъ Магнентій убилъ благочестиваго Константа. Узнавъ о томъ въ Антіохіи, Константій тотчасъ повелѣлъ удалить Павла въ Кукузъ, гдѣ онъ и умерщвленъ аріянами, а Македоній опять занялъ престолъ. Константій устремился въ Италію противъ Магнентія. Между тѣмъ Сенатъ Римскій, облекши Непотіяна въ кесарское достоинство, отправилъ противъ Магнентія; сразившись съ Мегнентіемъ, онъ былъ убитъ имъ, правивши только три мѣсяца до прибытія Константіева въ Римъ. Тогда Константина, иначе Елена, сестра Константіева, провозгласила царемъ Британніона, мужа почтеннаго, противопоставивъ его на борьбу съ Магнентіемъ. Когда Константій приспѣлъ въ Римъ, то принялъ Британніона съ великою почестію, и оба сразились съ Магнентіемъ при Мурсѣ. Побѣжденный Магнентій бѣжалъ въ Италію. Не разъ еще возобновлялъ онъ сраженія съ войсками Константія, но при Селевкѣ былъ разбитъ окончательно и бѣжалъ въ Лугдунъ, гдѣ сперва убилъ брата своего, по-

томъ мать, и наконецъ умертвилъ самъ себя; братъ же его, Децентій кесарь, удавился.

Тогда же и Сильванъ, тиранствовавшій съ Галліяхъ, былъ истребленъ воинами Константія. Константій вступилъ въ Римъ съ великою пышностію и военнымъ великолѣпіемъ, и возвеличенъ былъ выше всѣхъ царей, какіе до него были. Вмѣстѣ съ нимъ вошла въ Римъ и супруга его, Евсевія, которая провела въ немъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Прибывши на поле Трибунальское * и ставъ на возвышеніи Константій, въ присутствіи войска и Британніона, говорилъ рѣчь къ народу, въ которой доказывалъ, что, такъ какъ онъ получилъ царскую власть отъ предковъ своихъ, царей, то польза народная и общественная требуетъ, чтобы правленіе находилось въ распоряженіи одного, и тому подобное. Потомъ снялъ власть съ Британніона, правившаго десять мѣсяцевъ, пригласилъ его къ обѣду и затѣмъ отпустилъ въ Прусу Виѳинскую, со всею почестію, оруженосцами и великими дарами. Какъ христіянинъ, онъ былъ привержен къ церкви, подавалъ много милостыни бѣднымъ и уважалъ священниковъ до самой кончины своей. Возвратясь въ Византію, Константій, по просьбѣ Евсевіи, жены своей, освободилъ изъ подъ стражи Юліяна, брата Галлова, провозгласилъ его кесаремъ и послалъ въ Галлію, женивъ на сестрѣ своей Еленѣ или Константіи.

Въ томъ же году почилъ въ Римѣ папа Юлій и на мѣсто его поставленъ Либерій, мужъ по всему чудный и православный. Аріяне же до того вооружили противъ царя Аѳанасія, что онъ приговорилъ было его къ смертной казни, но и на этотъ разъ святой мужъ спасся бѣгствомъ.

л. м. 5850, р. х. 350.

Первый годъ епископства Македонія въ Константинополѣ.

Въ семъ году случилось страшное землетрясеніе въ Никомидіи, въ третьемъ часу ночи, которое истребило множество народа, причемъ погибъ и епископъ этого города, Кекропій.

л. м. 5851, р. х. 351.

Первый годъ епископства Леонтія въ Антіохіи, а въ Константинополѣ Евдоксія, по изгнаніи Македонія.

* Плацъ-парадъ.

л. м. 5852, р. х. 352.

Македоній тирански управлялъ Константинопольскимъ престоломъ; онъ перенесъ тѣло великаго Константина отъ святыхъ Апостоловъ въ церковь св. Акакія, подъ предлогомъ ветхости храма. Народъ воспротивился тому, отъ чего произошло большое кровопролитіе, такъ что колодезь, дворъ мученика и прилежащія улицы наполнились кровію. Константій, узнавъ о томъ, вознегодовалъ на Македонія, повелѣлъ низложить его, и на мѣсто его поставилъ Евдоксія, но тѣмъ смѣнилъ великое зло еще большимъ.

Въ этомъ году Персы взяли крѣпость, называемую Ведзакды. Между тѣмъ Константій, живя по причинѣ Персидской войны, въ Антіохіи, и узнавъ, что Юліянъ въ Галліяхъ отличился въ войнахъ, за что войско провозгласило его царемъ, началъ собирать силы противъ тирана. Но дошедши до источниковъ Мапса, у перваго селенія за Тарсомъ Киликійскимъ, умеръ, дія * 3 числа, чрезвычайно раскаяваясь въ своемъ неразуміи. Онъ крещенъ въ Антіохіи аріяниномъ Евзовіемъ въ 5852 году отъ с. м., послѣ 11-го періода въ 532 году (или въ началѣ 12-го). Сдѣлавшись самодержцемъ, Юліянъ безъ стыда началъ жить по-Еллински, святое крещеніе смылъ съ себя кровію жертвъ, и дѣлалъ все для служенія демонамъ.

л. м. 5853, р. х. 353.

Первый годъ правленія Юліяна, императора Римскаго.

Въ семъ году, по множеству грѣховъ нашихъ, началъ царствовать Юліянъ отступникъ, получивъ самодержавіе. Ослѣпленный побѣдами надъ варварами, онъ присвоилъ себѣ одному власть и, возложивъ на себя вѣнецъ еще до кончины Константія, безстыдно предался Еллинскимъ обычаямъ. Костантій кончилъ жизнь, сильно раскаяваясь какъ въ убійствѣ родныхъ, такъ равно въ отложеніи отъ Православія и въ освобожденіи отступника. Когда же отступникъ, по Божію попущенію, началъ свое самодержавное правленіе, то на землю Римскую обрушились различныя, свыше посланныя, бѣтствія. Желая показать несправедливость и безчеловѣчіе Константія, беззаконный принялъ личину справедливости; возвратилъ изъ заточенія сосланныхъ

* Т.-е. октября.

епископовъ, казнилъ смертію Евсевія, начальника царскихъ евнуховъ, какъ человѣка несправедливаго, прогналъ изъ дворца всѣхъ прочихъ евнуховъ, отпустивъ равно и жену, сестру Константія, съ которою тотъ соединилъ его, прогналъ также поваровъ, для сокращенія пышности стола, и брадобрѣевъ, говоря, что и одного достаточно для многихъ. Угождая сребролюбію, которому преданъ былъ какъ основѣ идолослуженія, Юліанъ велѣлъ съ общественнаго ристалища удалить верблюдовъ, ословъ, быковъ и лошаковъ, позволивъ держать для употребленія однихъ только лошадей. Въ то время возстали Еллины на Востокѣ и, схвативъ нежданно въ Александріи епископа Георгія, убили, надъ трупомъ его безбожно наругались и, взваливъ на верблюда, торжественно возили оный по городу, наконецъ, смѣшавъ въ кучѣ съ костями скотскими, сожгли и разсѣяли прахъ его. Бѣжавшій Аѳанасій укрывался у одной дѣвы, потомъ, возвратившись въ Александрію, созвалъ соборъ, на которомъ прежде всего утвердилъ постановленія Никейскаго собора и началъ править церковію. Аріяне же послѣ Георгія избрали себѣ Лукія, собираясь въ частномъ зданіи. Что до еллиновъ, то они многихъ пригвождали ко кресту и убивали; въ Скиѳополѣ отрыли остатки епископа Патрофила, разсѣяли ихъ, а черепъ повѣсили для поруганія и насмѣшки. Въ Газѣ и Аскалонѣ предали смерти священниковъ и дѣвственницъ посвятившихъ себя Богу, разрѣзавъ утробы ихъ, наполнили оныя ячменемъ и повергли свиньямъ. Въ Финикіи Иліопольцы умертвили діякона Кирилла, изъ печени его приготовили блюдо, и все это за то, что онъ истреблялъ идоловъ ихъ еще при блаженномъ Константинѣ. Разсѣкавшій діякона и вкусившій отъ печени его, понесъ должную казнь: онъ изблевалъ свой отгнившій языкъ, потерялъ зубы, лишился глазъ, и въ такихъ мученіяхъ умеръ. Христіянамъ Кесаріи Каппадокійской много причинилъ зла Юліанъ, лишивъ городъ ихъ правъ и самаго имени, т.-е., приказавъ, чтобъ онъ не назывался Кесаріею, а по прежнему Мазокою, за то, что при Константіѣ тамошніе христіяне много оскобляли Еллиновъ и разорили у нихъ храмъ счастія. Въ Аретузѣ не меньшіе ужасы совершались противъ христіянъ, между прочимъ и надъ Маркомъ, святѣйшимъ инокомъ (?), который спасъ и укрылъ Юліана, когда войско повсюду истребляло родъ Константія. У него, еще живаго, внутренности. . . . . Въ Емесѣ, въ великой церкви поставили статую Діониса, а старую церковь разрушили. Марисъ, епископъ Халкедонскій, въ глаза жестоко обругалъ самаго Юліана, когда сей совершалъ жертвы въ храмѣ счастія; однако, Юліанъ, какъ философъ, снесъ терпѣливо оскорбленіе.

л. м. 5854, р. х. 354.

Въ семъ году нечестивый Юліянъ издалъ законъ, запрещавшій христіянамъ обучаться Еллинскимъ наукамъ. Аполлинарій, опираясь на божественныя книги, написалъ, по образцу древнихъ, въ защиту истины, сочиненіе противъ Юліяна, чѣмъ оказалъ церкви великую услугу. Юліянъ повелѣлъ выгнать изъ Александріи Аѳанасія великаго, потому что Еллины сильно подстрекали его противъ блаженнаго. Святый мужъ, удаляясь, ободрялъ христіянъ, плакавшихъ объ немъ: «Дерзайте! сказалъ онъ. Это маленькая туча, и она скоро пройдетъ». Юліянъ письменно предписалъ Востріянамъ удалить изъ города своего священнаго епископа, Тита. Что до Дороѳея, епископа Тирскаго, извѣстнаго многими своими подвигами, составителя нѣсколькихъ исторій церкви, отличнаго краснорѣчіемъ, исповѣдника при Діоклитіянѣ и Ликиніѣ, то архаиты Юліяна, прибывши, на второмъ году царствованія отступника, въ Одиссополь, нашли тамъ его, провождающаго частную жизнь, причинили стосемилѣтнему старцу много мученій за вѣру во Христа и лишили жизни. Непотребный и отступникъ, желая подражать благотвореніямъ христіянъ, приказалъ давать страннымъ и убогимъ все нужное на потребу, надѣясь тѣмъ обмануть людей недальновидныхъ. Нечестивецъ велѣлъ на изображеніяхъ своихъ ставить рядомъ съ собой Дія, Арія, Ермія и прочихъ демоновъ, а не поклоняющихся имъ наказывать, какъ вреговъ самаго царя. Раздавая продовольствіе войску, онъ тутъ же предлагалъ огонь и ладанъ, и заставлялъ воиновъ совершать воскуренія. Въ Кесаріи Филипповой, что нынѣ Панея, родинѣ кровоточивой жены, было поставлено ею предъ собственнымъ домомъ изваяніе Господа нашего и Бога, Іисуса Христа, по языческому обычаю, въ знакъ благодарнаго чувства. Нечестивый Юліянъ приказалъ сбросить это изваяніе, что и сдѣлано. Еллины съ насмѣшкой влекли низверженное изваяніе и вмѣсто его поставили статую Юліяна. Христіяне взяли сброшенное изваяніе и поставили въ церкви, а статую отступника пожралъ огонь, нисшедшій съ небесъ. У подножія изваянія было растеніе, цѣлебное противъ всякой болѣзни: оно-то возбудило зависть въ отступникѣ и заставило истребить изображеніе Господа. Въ Никополѣ Палестинскомъ, прежде называвшемся Еммаусъ, есть источникъ, подающій исцѣленіе отъ всякихъ болѣзней людямъ и животнымъ; говорятъ, что въ этомъ источникѣ Господь и Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, послѣ путешествія, омылъ свои ноги; но и этотъ источникъ нечестивый при-

казалъ засыпать. Въ Ермополѣ Ѳиваидскомъ стоитъ персиковое дерево. Если кто возметъ листъ, или плодъ, этого дерева, тотчасъ получитъ освобожденіе отъ всякой болѣзни человѣческой. Говорятъ: когда Господь бѣжалъ отъ Ирода въ Египетъ съ Богородицею и Іосифомъ, и былъ на этомъ мѣстѣ, то дерево, нагнувшись до земли, поклонилось ему, и съ тѣхъ поръ понынѣ остается въ наклонномъ положеніи. Юліянъ, живя въ Антіохіи, всегда удалялся въ Дафну, приносилъ жертву Аполлону, но никогда не получалъ отвѣта отъ идола. Предполагая, что идолъ молчитъ отъ лежащихъ въ Дафнѣ мощей святаго мученика Вавилы, онъ приказалъ всѣ остатки умершихъ, не исключая мощей мученика, перенесть оттолѣ въ другое мѣсто, но въ слѣдующую же ночь послѣ того храмъ былъ совершенно сожженъ громомъ, отъ котораго идолъ такъ сгорѣлъ, что не оказалось и слѣдовъ его; говорятъ, что онъ стоялъ... лѣтъ, храмъ же до того разрушенъ, что потомки, смотря на развалины, дивились необыкновенной силѣ Божіяго чудотворенія. Пораженный этимъ, Юліянъ думалъ, что это произошло по злоумышленію христіянъ, и потому началъ истязать оставшихся тамъ жрецовъ, и подвергъ ихъ всякимъ мукамъ, такъ что иные и умерли, но отъ нихъ узналъ одно только то, что это случилось не отъ христіянъ, или какого-либо человѣческаго злоумышленія, но что огнь, нисшедшій съ небесъ, потребилъ какъ храмъ, такъ и самую статую, и что многіе видѣли въ ту же ночь на поляхъ ниспадающій огонь. Царь разгнѣвался и, какъ бы ратуя противъ Бога, заперъ великую церковь, а всю священную утварь взялъ въ казну. Для сего посланы были имъ два комита, отступники Феликсъ и Юліянъ, которые говорили: «Мы думали встрѣтить здѣсь какую-либо силу, которая остановила бы насъ». Къ этому Феликсъ прибавилъ: «Такъ въ этихъ-то сосудахъ принимаетъ служеніе сынъ Маріи?» Но лишь только произнесъ онъ это, какъ въ слѣдъ за тѣмъ хлынула кровь изъ устъ его, и онъ въ мученіяхъ кончилъ жизнь свою. Другой же комитъ, Юліянъ, въ тотъ же день впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой внутренности его сгнили, ртомъ извергласъ нечистота, и онъ также умеръ въ мученіяхъ.

Въ семъ году нѣкоторые воины склонены Юліяномъ къ отступничеству, будучи обмануты одни обѣщаніемъ даровъ и достоинствъ, а другіе просто принуждены къ тому своими начальниками. Такъ пресвитеръ Ѳеотекнъ, которому въ предмѣстіи Антіохіи ввѣрена была церковь, поддавшись обѣщаніямъ, добровольно перешелъ въ идолопоклонство, но Богъ тотчасъ же наказалъ его: онъ умеръ источенный червями, потерявши зрѣніе и снѣдая свой языкъ. Тоже и Иронъ,

епископъ Ѳиваидскій, добровольно сдѣлался отступникомъ въ городѣ Антіохіи, но и его наказалъ Богъ, въ примѣръ и страхъ другимъ: отъ гніенія члены его распались, и онъ, поверженный на улицѣ, испустилъ духъ передъ глазами всѣхъ. Другіе, напротивъ, въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ прославились исповѣданіемъ Христа. Валентиніянъ, трибунъ Корнутскаго легіона, лишенъ былъ не только достоинства, но и сосланъ въ заточеніе, но потомъ Богъ поставилъ его царемъ. Равнымъ образомъ отбросилъ свой поясъ и Іовіянъ, громогласно восклицая: «Я христіянинъ», но воины любя его, какъ полководца, упросили царя не обижать его. Онъ тоже, по смерти Югіяна, провозглашенъ былъ царемъ. Артемій, военачальникъ Египетскаго края, обезглавленъ въ Александріи предъ всѣми за то, что при Константинѣ оказалъ великую ревность противъ идоловъ въ Дористолѣ Ѳракійскомъ. Емиліянъ, знаменитый воинъ, сожженъ былъ Капетуліяномъ; равнымъ образомъ и многіе другіе въ разныхъ мѣстахъ и разнымъ образомъ прославились исповѣданіемъ Христа. Напротивъ Ѳалласій, извѣстный своимъ распутствомъ и невоздержаніемъ, увлекшій собственную дочь въ студодѣяніе, находился въ большемъ почетѣ у царя, какъ утробогадатель; онъ жилъ въ Антіохіи подлѣ самаго дворца. Домъ его обрушился, но при паденіи этомъ погибъ только онъ съ евнухомъ, съ которымъ нашли его обнявшимся, всѣ же прочіе домашніе его, бывшіе христіянами, уцѣлѣли до одного, самая жена его и служившіе при ней. Даже восьмилѣтнее дитя спаслось; на вопросъ: «Какъ оно спаслось?» отвѣчало: «Ангелъ вынесъ меня». Нечестивый Юліянъ, въ противность Божіему запрещенію, приказалъ построить храмъ Іудейскій, и поручилъ это дѣло Еллину Алипію, страшному ненавистнику Христа. Когда начали раскапывать уже исчезнувшія основанія, то вдругъ изъ вырытой земли подулъ порывистый вѣтеръ съ великою бурею, и разметалъ двѣсти тысячъ мѣръ приготовленной извести. Іудеи упорствовали въ своемъ намѣреніи, но огнь, исшедшій изъ земли, пожралъ ихъ; такимъ образомъ должно было оставить дерзкое предпріятіе. Нечестивый Юліянъ написалъ возраженіе противъ божественныхъ Евангелій, но оное ясно опровергъ великій Кириллъ Александрійскій въ особенномъ своемъ сочиненіи. Кромѣ того Порфирій, родомъ Тирянинъ, неистовствовалъ противъ насъ, бывши и прежде жалкимъ христіяниномъ, и высѣченный христіянами въ Кесаріи Палестинской, изъ мщенія обратился въ язычество и началъ песъ этотъ писать противъ истины. Въ это время явился божественный крестъ на небѣ, свѣтозарный, окруженный вѣнцемъ изъ свѣта, отъ Голгоѳы до святой горы Елеонской;

онъ былъ еще блистательнѣе при Константіѣ. Знаменіе креста само собою напечатлѣлось на воскрыліяхъ покрововъ алтарныхъ, на книгахъ церковныхъ, облаченіяхъ и одеждахъ не только христіянъ, но даже Іудеевъ, и притомъ не въ одномъ лишь Іерусалимѣ, но въ Антіохіи и другихъ городахъ. Такимъ образомъ тѣ изъ Іудеевъ и Еллиновъ, которые имѣли дерзость не вѣрить, увидѣли на платьяхъ своихъ множество крестовъ. Нѣкоторые изъ сихъ крестовъ были черные. Между тѣмъ Юліянъ разослалъ повсюду къ гадателямъ и оракуламъ нарочныхъ, съ цѣлію показать, что онъ подъ покровительствомъ демоновъ начинаетъ войну съ Персами. Принесено было много разныхъ отвѣтовъ, изъ нихъ приведу одинъ лишь слѣдующій: «Нынѣ всѣ мы, боги, поспѣшимъ съ побѣдными трофеями къ рѣкѣ звѣрю (Тигру): я бранноносный, крѣпкій Марсъ, иду впереди всѣхъ». Ободренный подобными отвѣтами, и взявъ отъ христіянъ множество денегъ, Юліянъ отправился въ походъ противъ Персовъ. Прибывши въ Антіохію, онъ, по случаю заготовленія провіанта, жестоко былъ оскорбленъ жителями; пылая местью, написалъ здѣсь сочиненіе подъ названіемъ, Брадоненавистникъ (Μισοπόγωνα λόγον), и приказалъ жестоко наказать одного юношу, Ѳеодора, отважившагося стать во главѣ оскорбителей. Причинивши христіянамъ много великихъ золъ, грозился еще больше сдѣлать имъ по окончаніи Персидской войны, но злочестивую жизнь свою бѣдственно окончилъ на войнѣ; казнь Божія постигла его еще въ семъ же году внѣ отечества. Онъ былъ пораженъ Богомъ послѣ двухъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ царствованія, двадцать шестаго генваря, шестаго Индиктіона, на тридцать первомъ году отъ рожденія. Когда онъ находился въ Персіи, то произошло одно знаменіе въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ домѣ одной христіянской поселянки передъ вечеромъ обратилась вода въ сосудѣ въ вино, которое было молодо и пѣнилось. Она тотчасъ принесла сосудъ въ приходскую церковь; приходскій священникъ, наливши его въ маленькій сосудъ, отправилъ къ епископу Авгару. Въ Каррахъ же нашли женщину, повѣшенную за волосы; тоже и въ Антіохіи нашли много человѣческихъ череповъ. Отступникъ производилъ гаданія надъ сими людьми для Персидской войны; мѣста гаданій находились подъ замкомъ и за печатью.

л. м. 5856, р. х. 356.

Первый годъ правленія Римскаго императора, Іовіяна.

Въ семъ году тысяченачальникъ, Іовіянъ, мужъ кротчайшій и православный христіянинъ, провозглашенъ полководцами и консулами

Римскимъ императоромъ, на томъ самомъ мѣстѣ въ Персіи, гдѣ былъ убитъ отступникъ. Послѣ одного сраженія, какъ бы по мановенію Божію, Римляне и Персы единогласно объявили миръ и утвердили его на тридцать лѣтъ. Іовіянъ отказывался отъ царства, говоря, что онъ не можетъ управлять войскомъ, принявшимъ язычество при Юліянѣ, но тутъ всѣ единогласно воскликнули, что они христіяне. Іовіянъ уступилъ Персамъ большой городъ, Нисибію, для спасенія прочаго народа, и миръ заключенъ. Онъ разослалъ указъ ко всѣмъ народамъ по цѣлой Римской землѣ касательно церквей возвращая Каѳолической церкви то состояніе и почесть, какія имѣла она при блаженномъ и великомъ Константіи; кромѣ того онъ возвратилъ епископовъ изъ заточенія. Священному же Аѳанасію писалъ, чтобы тотъ письменно изложилъ ему во всей точности непорочную вѣру, что онъ и сдѣлалъ въ посланіи, въ которомъ означилъ все православіе. Іовіянъ тѣмъ еще болѣе утвердился въ православіи, даровалъ исповѣдывающимъ Единосущнаго многія права и освободилъ ихъ отъ податей. Акакій, злѣйшій изъ Кесарійскихъ аріянскихъ епископовъ, тоже явился, вмѣстѣ съ другими епископами, въ Антіохію съ сочиненіемъ, написаннымъ въ духѣ православія, исповѣдуя Единосущнаго и Никейскій соборъ, изъ страха къ благочестивому царю, а не по Богѣ. Самодержецъ Іовіянъ вступилъ въ Антіохію въ мѣсяцѣ гиперверетеѣ (декабрѣ). За городскими воротами, въ такъ-называемомъ Трипилонѣ, у одного сельскаго садовника родилась дѣвочка по седьмомъ мѣсяцѣ о двухъ головахъ, совершенно образовавшихся и отъ шеи раздѣлившихся; но она родилась мертвая въ мѣсяцѣ діѣ, по нашему ноябрѣ. Изъ Антіохіи Іовіянъ отправился въ Константинополь, и на этомъ пути, въ Анкирѣ Галатской, консулъ съ сыномъ своимъ, Араніяномъ, встрѣтилъ его и былъ почтенъ титуломъ свѣтлѣйшаго, однако безъ облеченія въ багряницу.

Въ томъ же году Іовіянъ, христіяннѣйшій императоръ, скончался въ Дадастанахъ, Виѳинскомъ городкѣ, царствовавъ девять мѣсяцевъ и пятнадцать дней. На его мѣсто войско провозгласило императоромъ Валентиніяна Августа, такъ какъ онъ извѣстенъ былъ за христіянина по собственному исповѣданію: правленіе его продолжалось одиннадцать лѣтъ. Онъ поспѣшно отправился въ царствующій градъ Константинополь, гдѣ объявилъ брата своего, Валента, соправителемъ, отдавъ ему восточную часть, а себѣ предоставивъ западную.

л. м. 5857, р. х. 357.

Первый годъ правленія Валентиніяна, императора Римскаго.

Въ семъ году Валентиніянъ Августъ провозгласилъ сына своего Гратіяна, Августомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участникомъ престола и консуломъ, оставя царемъ и Валента, какъ сказано, самаго ревностнаго аріянина, крещеннаго Евдоксіемъ. Православные поручили Ипатію, епископу Ираклійскому, просить Валентиніяна позволить имъ созвать соборъ для опредѣленія догмата о Единосущномъ. Валентиніянъ отвѣчалъ имъ: «Мнѣ, начальнику войска, не слѣдуетъ слишкомъ заниматься этимъ, а потому вы, іереи, какъ лучше знаете, такъ и разсуждайте!» Тогда они собрались въ Ломпсакѣ, совѣщались цѣлыхъ два мѣсяца и наконецъ отвергли все, поставленное Евдоксіемъ и Акакіемъ въ Константинополѣ, но положили держаться исповѣданія, которое одобрено было въ Селевкіи. Но нечестивый Валентъ уничтожилъ постановленное въ Лампсакѣ, а собравшихся тамъ епископовъ послалъ въ заточеніе, Константинопольскія же церкви ввѣрилъ Евдоксію, своему единомышленнику, такъ что православные не имѣли ни пастыря, ни церкви.

л. м. 5858, р. х. 358.

Въ семъ году Либерій, епископъ Римскій, Аѳанасій Александрійскій, Мелетій Антіохійскій и Евсевій Самосатскій, которыхъ Іовіянъ возвратилъ изъ заточенія, также Кириллъ Іерусалимскій и многіе другіе епископы поборали по православію. Начальниками Аріянъ были: Лукій въ Александріи и Евзой въ Антіохіи; у православныхъ же (антіохійцевъ), распавшихся на двѣ части, надъ одною частію Павлинъ, надъ другою Мелетій.

л. м. 5859, р. х. 359.

Первый годъ епископства Кирилла въ Іерусалимѣ.

Первый годъ епископства Евдоксія въ Антіохіи.

Въ семъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Прокопій произвелъ возмущеніе въ Константинополѣ, занявши Наколію съ большимъ войскомъ; онъ привелъ въ страхъ Валента, который принужденъ былъ прекратить на нѣкоторое время войну противъ церквей, пока собственные

военачальники Прокопія, Ангелонъ и Гомарисъ, не выдали его. Царь приказалъ, наклонивши два древа, привязать его за ноги къ тому и другому, и потомъ пустить оныя: деревья, съ великимъ стремленіемъ выпрямившись разорвали тиранна на части; что до Ангелона и Гомариса, предавшихъ Прокопія, то Валентъ велѣлъ ихъ распилить. Такъ пострадали несчастные за свое доброжелательство къ человѣку недостойному. Въ это же время Валентъ, опасаясь Прокопія, приказалъ срыть стѣны Халкидона. Управившись съ Прокопіемъ, онъ опять началъ воевать противъ истины. Онъ принудилъ Елевсія, епископа Кизицкаго, отказаться отъ исповѣдыванія Единосущнаго. Этотъ Елевсій, возвратясь въ Кизикъ и сознаваясь передъ всѣми въ своемъ беззаконіи, призналъ себя недостойнымъ священнодѣйствовать, и потому просилъ выбрать на мѣсто его другаго епископа. Узнавъ объ этомъ, зломудрый Евдоксій опредѣлилъ на мѣсто его епископомъ въ Кизикъ Евномія.

Въ это время Валентъ находился въ Маркіанополѣ, въ Мизіи Въ ночи 10-го Индиктіона произошло большое землетрясеніе по всей землѣ, отъ котораго въ Александріи корабли, приставшіе къ пристани, моремъ подняло на высоту, несло поверхъ высокихъ зданій и стѣнъ, опустило ихъ въ городѣ на дворахъ передъ домами и на домахъ; когда же море отступило, то они остались на сушѣ. Народъ, бѣжавшій изъ города отъ землетрясенія, видя корабли на сушѣ, бросился было расхищать грузы, которые находились на нихъ, но возвратившаяся вода всѣхъ потопила. Другіе мореплаватели разсказываютъ, что въ это время захватило ихъ среди Адріятическаго моря, и вдругъ корабль опустился на дно морское, но скоро потомъ вода опять воротилась назадъ, и они поплыли далѣе.

л. м. 5860, р. х. 360.

Въ семъ году Валентиніянъ старшій, при живой женѣ Северѣ, матери Гратіяна, противозаконно женился на Юстинѣ, красоту которой засвидѣтельствовала сама Севера представила мужу; отъ Юстины онъ имѣлъ Валентиніяна младшаго, котораго, по смерти отца, войско провозгласило царемъ; кромѣ того еще трехъ дочерей: Юсту, Грату и Галлу; на сей послѣдней женился Θеодосій великій вторымъ бракомъ и отъ нея родилась ему Плакидія; Аркадій же и Гонорій родились отъ первой жены, Плакиллы. Валентиніянъ издалъ законъ беззаконный, по которому позволялось желающему имѣть въ одно и то же время двухъ женъ. Нечестивый Валентъ также имѣлъ двухъ дочерей,

Анастасію и Кароссу, во имя которыхъ построилъ онъ двѣ купальни и водопроводъ и теперь называемый Валентинскимъ. Что Валентъ такъ сильно преданъ былъ аріянству, то къ этому, какъ говорятъ, склонила его жена его, Домника; другіе говорятъ, что, восшедши на престолъ, онъ крещенъ былъ Евдоксіемъ, которому при этомъ далъ клятву держаться аріянства и не принимать Единосущнаго. Такимъ образомъ оба нечестивца (т.-е. и Валентъ и Евдоксій) воздвигли безчисленныя гоненія противъ православныхъ. Они отправили къ Римскому епископу, Либерію, Евстаѳія Армянина, Сильвана Тарсскаго, и Ѳеофила Каставальскаго, съ обѣщаніемъ принять Единосущнаго. Эти послѣдніе написавъ изложеніе вѣры о Единосущномъ, представили оное Либерію, исповѣдуя, что отрицаются отъ всякой ереси, противной Никейскому собору. Либерій принялъ ихъ въ общеніе и въ посланіи къ восточнымъ свидѣтельствовалъ о православіи ихъ. Между тѣмъ Валентъ, воюя противъ Готѳовъ, провелъ зиму въ Маркіянополѣ.

л. м. 5861, р. х. 361.

Первый годъ правленія въ Антіохіи епископа Аніяна.

Въ семъ году былъ соборъ въ Тіянахъ, на́ которомъ присутствовали, между прочими, Евсевій изъ Кесаріи Каппадокійской, Григорій Назіянзинъ, отецъ Григорія Богослова, и Отрей Мелитинскій и нѣкоторые другіе. Восхищенные посланіемъ Либерія, они назначили всѣмъ православнымъ епископамъ собраться въ Тарсъ для утвержденія православной вѣры, но Валентъ, услышавъ объ этомъ, остановилъ съѣздъ. Евдоксій опять внушилъ Валенту повелѣть мѣстнымъ архонтамъ снова изгнать всѣхъ тѣхъ, кто былъ заточенъ при Константіи. Тогда Аѳанасій добровольно вышелъ изъ Александріи, хотя народъ не позволялъ архонту изгнать его, и долгое время укрывался въ отчей усыпальницѣ, наконецъ Валентъ, боясь возмущенія Александрійцевъ, предписалъ Аѳанасію возвратиться. Между тѣмъ отъ сообщества Евдоксія отложился Евномій, потому что Евдоксій не хотѣлъ имѣть общенія съ Аетіемъ, учителемъ Евноміевымъ. Хотя и Аетій и Евдоксій были одного направленія, но такъ какъ Аетія всѣ ненавидѣли, то и Евдоксій удалялся отъ него, не стыдясь явно отвергаться собственныхъ догматовъ, какъ нечестивыхъ. Евномій, усвоивъ софистическое ученіе безбожнаго Аетія, былъ только подражателемъ его, и притомъ мало свѣдущимъ въ Священномъ Писаніи, что достаточно

показываютъ семь томовъ его сочиненій. Кизикійцы изгнали Евномія, какъ еретика и хулителя, и онъ, удалившись отъ нихъ, соединился съ Евдоксіемъ. Этотъ жестокій хулитель дерзалъ утверждать, что Богъ о собственномъ своемъ существѣ не болѣе насъ знаетъ. Нечестивцы, Валентъ и Евдоксій, болѣе причинили страданій православнымъ, нежели Еллины своими гоненіями.

Въ это же время, по смерти Евдоксія, аріяне, съ своей стороны, предложили въ епископы Гимоѳила, а Православные нѣкоего Евагрія, рукоположеннаго антіохійскимъ іерархомъ Евстаѳіемъ, который тайно проживалъ въ Константинополѣ, возвратившись изъ заточенія при Іовіянѣ. Не заставъ уже Іоанна въ живыхъ, Евстаѳій нашелъ себѣ убѣжище въ столицѣ. Узнавъ о посвященіи Евагрія, Валентъ, находившійся въ Маркіянополѣ, сослалъ священнаго Евстаѳія въ Визію, а Евагрія удалилъ изъ города, поручивъ церковь аріянину Димофилу.

л. м. 5862, р. х. 362.

Первый годъ епископства Димофила въ Константинополѣ.

Въ семъ году православные послали къ Валенту, отправившемуся въ Никомидію, выборныхъ восемьдесять мужей изъ духовнаго сана, во главѣ которыхъ были: Ѳеодоръ, Урбанъ и Менедимъ, но всѣхъ ихъ Валентъ приказалъ сжечь. Итакъ они сожжены были на кораблѣ, горѣвшемъ въ продолженіе плаванія до самыхъ Дакизъ.

л. м. 5863, р. х. 363.

Въ семъ году окаянный Валентъ позволилъ Еллинамъ совершать свои жертвы и торжества; такое же покровительство и уваженіе оказывалъ онъ Іудеямъ, но православныхъ и Апостольскую церковь жестоко преслѣдовалъ.

л. м. 5864, р. х. 364.

Въ семъ году Валентъ, прибывъ въ Антіохію Сирійскую, оказалъ всѣ жестокости противъ христіянъ; многихъ посѣкъ мечемъ, другихъ потопилъ въ протекающей тамъ рѣкѣ. Прибывши же въ Едессу, онъ поступилъ еще хуже, приказавши намѣстнику Модесту запереть въ церкви святаго Ѳомы множество православныхъ и перебить до одного. Увидѣвши, какъ одна женщина тащитъ свое дѣ-

тище туда же на смерть, Валентъ устыдился и остановилъ дальнѣйшее злодѣяніе, въ чемъ нельзя не видѣть перста Божія. Евсевія же Самосатскаго изгналъ онъ во Ѳракію: святый мужъ добровольно вышелъ изъ города, послѣдовалъ за гонителями несмотря на противодѣйствіе народа, и тѣмъ возбудилъ большое во всѣхъ удивленіе. На мѣсто его аріяне посадили нѣкоего Евномія, ревностнаго аріянина, съ которымъ, однако, никто изъ Самосатцевъ не сообщался. Мывшись однажды въ банѣ, онъ приглашалъ и народъ мыться вмѣстѣ съ нимъ, но никто не пошелъ туда, пока не спустили воды изъ купальни, въ которую вошелъ Евномій, и не наполнили ее другою. Они говорили, что первая вода осквернена Евноміемъ. Увидѣвъ къ себѣ столь непримиримую ненависть, онъ бѣжалъ изъ города. Въ Каппадокіи Валентъ тоже старался отдать аріянамъ церкви, мстя за сопротивленіе, которое оказалъ ему тутъ Василій Великій, бывшій тогда пресвитеромъ великой Кесарійской церкви, возбудившій и самого епископа Евсевія къ ревности по православію, чтобы не уступать нечестію Валента.

л. м. 5865, р. х. 365.

Первый годъ правленія Артаксеркса, царя Персидскаго, Петра, епископа Александрійскаго, и Мелетія Антіохійскаго.

Въ семъ году, во время пребыванія Валента въ Антіохіи, схвачены были нѣкоторые злоумышлявшіе противъ него; они истреблены какъ скопище нечестивыхъ, потому что начали было дѣйствовать посредствомъ гаданій и жертвъ. Когда много подвизавшійся и много пострадавшій Аѳанасій представился ко Господу послѣ сорокашестилѣтняго епископства своего, изъ коихъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ провелъ терпя гоненія за благочестіе, то престолъ его занялъ было Петръ, котораго, однако, Аріяне изгнали при помощи Магна, казначея царскихъ сокровищъ, и на его мѣсто поставили Лукія. При семъ много православныхъ мужей, женъ и дѣвъ безбожно подвергнуто было истязаніямъ, въ которыхъ нѣкоторые и скончались. Изгнанный Петръ бѣжалъ въ Римъ къ Дамасу, единомыслящему въ ученіи, описавши напередъ въ посланіи своемъ всѣ жестокости, учиненныя аріянами въ Антіохіи. Въ томъ же году, послѣ благочестивой кончины Евсевія, Василій Великій поставленъ былъ епископомъ Кесарійскимъ.

л. м. 5866, р. х. 366.

Въ семъ году послѣ Авксентія вступилъ въ управленіе Медіоланскою церковію Амвросій такимъ образомъ: народъ при выборѣ

епископа волновался, почему Валентиніянъ, случившійся въ ту пору тутъ, поручилъ Амвросію, какъ начальнику той стороны, остановить этотъ мятежъ. Онъ былъ еще не крещенъ, но вполнѣ человѣкъ справедливый, смѣло обличавшій самыхъ высшихъ начальниковъ, если они дѣлали что либо несправедливое. Когда народъ поуспокоился, то единогласно избралъ епископомъ Амвросія. Услышавъ это, Валентиніянъ тотчасъ повелѣлъ крестить Амвросія, пріобщить св. таинствъ и рукоположить въ епископы, принося торжественно благодареніе Богу такъ: «Благодарю тебя, Господи, Вседержителю и Спасителю нашъ, что ты поручаешь и души тому именно мужу, которому я вручилъ было охраненіе тѣлесъ, и что ты оправдалъ мой выборъ». Между тѣмъ Лукій въ Александріи, опираясь на аріянъ, много производилъ зла: онѣ пѣли демонскія пѣсни въ церкви Θеоны, приводили въ нее плясавицъ, обнажали дѣвицъ и, ругаясь надъ ними, водили ихъ по городу и производили всѣ неистовства, при чемъ нѣкоторые поплатились жизнію, а огорченнымъ родителямъ отказано было въ самомъ погребеніи ихъ. Даже ввели въ самый алтарь отрока для мерзѣйшаго студодѣянія. Такъ какъ весь Западъ исповѣдывалъ единосущную Троицу, то православные упросили Валентиніяна позволить составить соборъ въ Иллирикѣ, на которомъ и подтвержденъ былъ Никейскій символъ вѣры, Валентиніянъ отправилъ повелѣніе къ епископамъ Азіи, Фригіи и всего Востока, приказывая имъ пребывать въ постановленіяхъ собора, при чемъ называлъ раздѣляющими его мнѣніе какъ брата Валента, такъ и сына Гратіяна. Тогда же, по настоянію Василія, Мелетія и прочихъ защитниковъ благочестія, Григорій Богословъ занялъ Константинопольскій престолъ, и если бы онъ не поспѣшилъ своимъ ученіемъ, то весь городъ заразился бы ересью Арія и Евномія, потому что они овладѣли было всѣми уже церквами, кромѣ церкви мученика Анастасія, и имѣли епископомъ своимъ Димофила. Въ это же время всюду славились Григорій Нисскій и Петръ, братья Василія, Оптимъ въ Писидіи и Амфилохій въ Иконіи. Валентъ отправилъ въ изгнаніе Варса, епископа Едесскаго, и Пелагія Лаодикійскаго, какъ защитниковъ православія. Валентиніянъ порицалъ брата Валента за его злочестіе и отказалъ ему въ помощи противъ Готθовъ, говоря: «Несправедливо было бы помогать человѣку, возстающему на Бога».

л. м. 5867, р. х. 367.

Въ семъ году скончался Валентиніянъ на восемьдесять четвертомъ году отъ рожденія, и одиннадцатомъ царствованія. Кончина его

такъ случилась: Савроматы, народъ малорослый и жалкій, возстали было противъ его, но побѣжденные прислали просить мира. Валентиніянъ спросилъ ихъ пословъ: «Ужели всѣ Савроматы такого жалкаго роста?»—«Ты видишь изъ нихъ самыхъ лучшихъ»,—отвѣчали они. Тогда Валентиніянъ громко воскликнулъ: «Ужасное положеніе Римскаго царства, доставшагося Валентиніяну, если Савроматы, столько презрѣнные, возстаютъ противъ Римлянъ!» Отъ напряженія и сильнаго всплеска руками разорвалась у него жила, отъ чего очень много вытекло крови, и онъ умеръ въ одной Гальской крѣпости 17 генваря, Индиктіона 3-го. Такъ какъ сынъ его, Гратіянъ, не былъ при немъ, а Валентъ жилъ въ Антіохіи, то войско, находившееся тамъ, гдѣ умеръ великій Валентиніянъ, провозгласило Августомъ сына его, четырехлѣтняго Валентиніяна, въ присутствіи матери его, Юстины, въ Панноніи. Узнавъ объ этомъ Гратіянъ, брата своего оставилъ соцарствовать съ собою, но возгласившихъ казнилъ разными муками за то, что поступили безъ его соизволенія. Валентъ же послалъ противъ Готѳовъ полководца Траяна, но тотъ, побѣжденный ими, со стыдомъ возвратился. Когда Валентъ укорялъ его въ слабости, то тотъ отвѣчалъ: «Не я побѣжденъ, Государь, но ты, ратующій противъ Бога и передававшій варварамъ помощь его». Валентъ многихъ умертвилъ изъ-за одной начальной буквы, которой по гаданіямъ должно было начинаться имя его преемника по царствованію, между прочими и Ѳеодора, перваго патрикія.

Въ это время нѣкоторые изъ Новатіянъ начали праздновать пасху вмѣстѣ съ Іюдеями, что утвердили особымъ постановленіемъ на соборѣ своемъ во Фригійскомъ селеніи Пазѣ. Отсюда произошли Саббатіяны, по имени какого-то Саббатія. Наконецъ и Аполлинарій Сирянинъ явно отложился отъ Церкви. Первые, осудившіе тѣхъ и другихъ, были Дамасъ Римскій и Петръ Александрійскій, а нечестивый Евномій осмѣлился крестить однократнымъ погруженіемъ, утверждая, что должно крестить не во имя Троицы, но въ смерть Христа, по этому крестившихся во имя Троицы онъ перекрещивалъ. Святой же отшельникъ Юліянъ, по прозванію Савва, пришелъ изъ Едессы въ Антіохію, гдѣ вѣрующихъ въ Единосущнаго называлъ Православными, а аріянъ явно проклиналъ. Тоже и божественный Афраатъ въ Антіохіи съ большею смѣлостію укорялъ Валента прямо въ лицо въ нечестіи; одинъ изъ евнуховъ дерзко принялся бранить за то Афраата и грозить ему, но отошедши приготовлять для царя баню, помѣшался въ умѣ и, бросившись въ горячую воду, погибъ. Кромѣ того ве-

ликій Ефремъ славился отшельническими добродѣтелями и божественной ученостью: плоды божественнаго его духа составляютъ многія отшельническія слова, а и того больше догматическія сочиненія. Нѣкоторые изъ трудовъ своихъ онъ передалъ Сирянамъ для пѣнія, имѣя въ виду то обстоятельство, что прелесть пѣнія привлекаетъ и лѣнивѣйшихъ къ благочестію. Говорятъ, что этотъ истинно богомудрый мужъ написалъ 300,000 стиховъ.

л. м. 5868, р. х. 368.

Первый годъ правленія Римскаго императора Валента.

Въ семъ году показалась ересь Мессаліянъ или Молитвенниковъ и Восторженныхъ. Они поютъ съ тимпанами и пляскою, грубо и безумно подражая Давиду. Начальниками этой ереси были Дадоисъ, Савва и Аделфій и, по увѣренію нѣкоторыхъ, еще Севастійскій епископъ Евстаѳій. Имъ мужественно противоборствовали: Амфилохій Иконійскій, Литой Мелитинецъ, а также Флавіянъ Антіохійскій. Разоривъ всю Церковь. Валентъ, свирѣпствуя противъ божественнаго Василія, пришелъ съ Востока въ Кесарію, гдѣ все то сдѣлалъ, что описываетъ великій Григорій въ надгробномъ словѣ Василію. Въ это время умеръ Валентовъ сынъ Галатъ, въ жестокихъ страданіяхъ, и жена его, Домника, впала въ опасную болѣвня. Однажды Валентовъ поваръ, Димосѳенъ, вбѣжавши во время бесѣды божественнаго Василія съ Валентомъ, произнесъ нѣсколько словъ на варварскомъ языкѣ къ послѣднему, и заставилъ тѣмъ св. учителя сказать ему: «Вотъ мы видѣли и безграмотнаго Димосѳена». Валентъ уважилъ Василія, и даровалъ много прекраснѣйшихъ угодій для больныхъ, бывшихъ на попеченіи его; но, видя твердость и непреклонность Василія, осудилъ его на заточеніе. Онъ было уже сбирался подписать указъ объ изгнаніи, но сломалъ три пера, а наконецъ рука его отказалась служить.

л. м. 5869, р. х. 369.

Въ семъ году Мавія, царица Сарацинская, причинивши много безпокойствъ Римлянамъ, просила мира, при чемъ умоляла поставить ей для христіянствующихъ подданныхъ ея епископомъ Моисея, одного изъ пустынножителей. Хотя императоръ охотно исполнилъ это, но Моисей не согласился принять рукоположеніе отъ аріянина Лукія, но требовалъ отъ кого либо изъ Православныхъ, въ изгнаніи находящихся, что и сдѣлано. Взявъ его съ собою, Мавія многихъ Сара-

цинъ сдѣлала Христіянами. Говорятъ, что и она сама была Христіянка, и притомъ Римлянка; будучи взята въ плѣнъ, она красотой своей плѣнила царя Сарацинскаго и такимъ образомъ достигла престола. Созоменъ много повѣствуетъ о семъ народѣ, объ его происхожденіи, названіи, также о томъ, что каждый въ немъ по тринадцатомъ году обрѣзывается. Далѣе, Готѳы, тѣснимые Гуннами, прислали просить помощи у царя Валента чрезъ посредство епископа своего, Евфила аріянина, водившагося при Константіѣ съ аріанами, Евдоксіемъ и Акакіемъ. Онъ-то Готѳовъ научилъ аріанству. Готѳы распадались на двѣ части: одною начальствовалъ Атанарикъ, а другою Фритигернъ. Послѣдній былъ побѣжденъ, но, получивъ помощь Валента, въ свой чередъ побѣдилъ Анатарика. Питая признательность за это къ Валенту, онъ еще болѣе утвердилъ Готѳовъ въ Аріянствѣ.

л. м. 5870, р. х. 370.

Первый годъ правленія Персидскаго царя Арсавила.

Въ семъ году Готѳы опять вторглись въ землю Римскую и опустошили много областей, Мизію, Фракію, Македонію, Ахаію и цѣлую Елладу, всего до двадцати. Въ это время видимы были на воздухѣ вооруженные мужи, окруженные облаками. Въ Антіохіи родилось дѣтище, во всѣхъ частяхъ совершенное, но съ однимъ глазомъ посреди лба, четырьмя руками и ногами и бородою. Валентъ, находясь въ Антіохіи и услышавъ о Готѳахъ, прибылъ въ Константинополь. Византійцы поносили его, какъ не мужественнаго и убѣгающаго войны. Святой монахъ Исакій, схватившн за узду лошадь Ватента, ѣхавшаго уже на войну, сказалъ ему: «Куда ты спѣшишь, царь, воюющій противъ Бога и въ немъ имѣющій сопротивника»? Разгнѣванный царь велѣлъ взять его подъ стражу и грозилъ ему смертію, когда возвратится, какъ нѣкогда Ахавъ Михею. Впослѣдствіи находившіеся при немъ говорили, что онъ приказалъ совершить гаданія объ успѣхѣ предстоящей войнѣ. Сразившись съ Готѳами, былъ побѣжденъ, бѣжалъ съ немногими и укрылся въ одной хижинѣ: варвары окружили его, зажгли домъ, и всѣ бывшіе въ ней сгорѣли. Говорятъ, что божественный Исакій, находясь подъ стражею, по Божію внушенію и чистотѣ души, почувствовалъ смрадъ отъ сгарающаго Валента, и тутъ же предсказалъ присутствующимъ смерть его задолго до того, какъ пришло извѣстіе о случившемся на войнѣ. Одержавши эту побѣду и сжегши Валента, Готѳы, ободренные своими успѣхами, жестоко

опустошали предмѣстія Константинополя. Но Мавія, царица Сарацинская, прислала свое войско, съ которымъ Домника, супруга Валента, и обитателями города прогнала варваровъ. Услышавъ о случившемся, Гратіянъ Августъ поспѣшилъ изъ Панноніи будьто на помощь и, облекши Θеодосія багряницей, на мѣсто Валента провозгласилъ царемъ и отправилъ его на войну противъ Готθовъ. Патрикій Траянъ пишетъ въ своей исторіи, что Скиθы сами себя называютъ на своемъ языкѣ Готθами. Святый Дороθей пострадалъ при нечестивомъ Валентѣ въ Александріи, будучи отданъ Аріянами на съѣденіе звѣрямъ въ псарнѣ. *

л. м. 5871, р. х. 371.

Первый годъ правленія Римскаго императора Θеодосія.

Въ семъ году императоръ Гратіянъ сдѣлалъ участникомъ престола Θеодосія, родомъ Испанца, мужа благороднаго и прославившагося на многихъ войнахъ. Онъ немедленно разбилъ варваровъ во Θракіи, и былъ человѣкъ благочестивый и православный. Между тѣмъ Гратіянъ и Валентиніянъ, по совѣту Дамаса, папы Римскаго, приказали возвратить епископовъ изъ ссылки; тѣхъ же, которые держались аріанства, удаляли. Тогда же возвратился и Петръ, епископъ Александрійскій, изгналъ Лукія и занялъ свой престолъ. По кончинѣ его поставленъ былъ братъ его, Тимоθей въ епископы Александрійской церкви Православныхъ. Въ Антіохіи же Сирійской, по смерти божественнаго Евсевія, Православные раздѣлились на двѣ стороны: у однихъ епископовъ былъ Павлинъ, у другихъ Мелетій, рукоположенный по возвышеніи Евзоя, епископа Аріянскаго. Цари издали законъ въ пользу Православныхъ, отправили его на востокъ съ полководцемъ Сапоромъ, который, прибывши въ Антіохію, узналъ о ссорѣ Павлина съ Аполлинаріемъ, изъ коихъ первый домогался епископскаго престола, а второй занялъ его; что до Мелетія, то онъ держалъ себя вдали отъ всякой ссоры и жилъ мирно; но святой пресвитеръ Флавіянъ противился Павлину, а Аполлинарія осыпалъ упреками, а потому полководецъ Сапоръ отдалъ престолъ Мелетію, котораго утвердивъ, возвратился назадъ. Евсевій же, епископъ Самосатскій, возвратившись изъ заточенія, посвятилъ много епископовъ въ разныхъ мѣ-

* Κυνήγιον,—собственно псарня. Такъ позывамя также амфитеатръ для травли людей и звѣрей,

стахъ. Случилось, что прибывши въ Долику, для рукоположенія Мариса, шелъ онъ городомъ, какъ вдругъ, по Божію попущенію, одна Аріянская женщина бросила сверху черепицу въ голову святому и убила его. Объ немъ Григорій сказалъ: «Ищу моего старца, Авраамову жертву вчерашнюю».

Тогда же Григорій Богословъ училъ въ Константинополѣ въ молельницѣ святой Анастасіи, гдѣ, говорятъ, совершены великія чудеса Пресвятой Госпожей нашей Богородицей.

л. м. 5872, р. х. 372.

Первый годъ епископства Тимоѳея въ Александріи, въ Римѣ Сирикія.

Въ семъ году императоръ Гратіянъ коварно убитъ Андрагаѳіемъ, полководцемъ тиранна Максима. Пріѣхавъ въ колесницѣ, онъ велѣлъ доложить, что прибыла супруга Гратіяна, и когда Гратіянъ вышелъ навстрѣчу безъ всякой предосторожности, то Андрагаѳій убилъ его. По кончинѣ его Римскою имперіей завладѣлъ Валентіянъ.

Въ тоже время Ѳеодосій великій, заболѣвши въ Ѳессалоникѣ, принялъ крещеніе изъ рукъ епископа Ахолія, и издалъ законъ, благопріятный Православнымъ о Единосущномъ, который послалъ также и въ самый Константинополь. Прибывши же въ столицу, предложилъ Димофилу, либо отказаться отъ Аріева заблужденія, либо же немедленно оставить церкви. Тотъ, собравши всѣхъ аріанъ, совершилъ за городомъ церковное служеніе вмѣстѣ съ Лукіемъ, епископомъ Александрійскимъ. Такимъ образомъ, наконецъ божественный Григорій опять принялъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ просвѣтилъ Православнымъ ученіемъ, всѣ церкви, находившіяся болѣе сорока лѣтъ въ распоряженіи аріанъ.

л. м. 5875, р. х. 375.

Первый годъ правленія Персидскаго царя, Варана.
Первый годъ епископства въ Константинополѣ Григорія Богослова.

Въ семъ году въ Антіохіи, въ сосѣдствѣ, такъ называемыхъ, Іовитовъ, одна женщина родила заразъ четырехъ мальчиковъ, которые, живши два мѣсяца, умерли всѣ четверо одинъ за другимъ.

л. м. 5881, р. х. 381.

Въ семъ году прибылъ Ѳеодосій съ сыномъ своимъ, Гоноріемъ, въ Римъ, гдѣ, 5-хъ идъ іюня, объявилъ его царемъ, и потомъ возвратился въ Константинополь.

л. м. 5882, р. х. 382.

Въ семъ году Евгеній, грамматикъ и счетный чиновникъ,[1] похитилъ себѣ власть, облекся въ царскія одежды и принялъ въ сообщники Артавасда, родомъ изъ малой Галатіи. Услышавъ объ этомъ Валентиніянъ, сынъ великаго Валентиніяна отъ Юсты, повѣсился. Когда дошла вѣсть о томъ къ Ѳеодосію, онъ вооружился, чтобы наказать тиранна. Ѳеофилъ же, епископъ Александрійскій, съ согласія Ѳеодосія, уничтожилъ храмъ Еллиновъ и, обративъ его въ Христіянскую церковь, обнаружилъ предъ всѣми Еллинскія оргіи, каковы были фаллы и прочіе, еще безстыднѣйшіе и отвратительнѣйшіе ихъ обряды. Пристыженные симъ Еллины, произвели многія убійства. Узнавъ о томъ, Ѳеодосій убіенныхъ Христіянъ прославилъ, какъ мучениковъ, а Еллинамъ обѣщалъ прощеніе, если только они обратятся въ Христіянство; но капища ихъ приказалъ истребить, а идоловъ перелить и отдать въ пользу бѣдныхъ. Когда разрушали храмъ Сераписа въ Александріи, то нашли іероглифическія буквы, изображавшія крестъ; увидѣвши ихъ вѣрующіе изъ Еллиновъ сказали, что по смыслу іероглифическихъ буквъ крестъ означаетъ грядущую жизнь.

л. м. 5883, р. х. 383.

Въ семъ году Маркеллъ, епископъ Апамеи Сирійской, движимый божественною ревностію, низпровергъ храмы Еллинскіе въ Апамеи. Нектарій же Константипопольскій запретилъ священника духовника за грѣхъ, совершенный въ церкви однимъ діакономъ съ женою, пришедшею для покаянія. Въ Римѣ и на всѣмъ Западѣ и до нынѣ тщательно принимается противъ сего предосторожность и для кающихся отдѣлено особое мѣсто. Сверхъ того императоръ Ѳеодосій издалъ законъ не поставлять ни одной женщины діаконисовой, если она не имѣетъ, по апостолу, отъ роду шестидесяти лѣтъ, Евномія же, со-

---

[1] ὁ ἀπὸ γραμματικῶν ἀντιγραφεύς.

IV.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

III.

СЛОВО, КАКЪ ВЫРАЖЕНІЕ ШКОЛЫ КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

Необходимость обстоятельнаго изученія древнерусскихъ переводныхъ памятниковъ для исторіи русской литературы. Значеніе въ этомъ отношеніи перевода Флавія о раззореніи Іерусалима. Неизвѣстность этого перевода у болгаръ и сербовъ въ XVI вѣкѣ. Русское происхожденіе этого перевода въ дружинную эпоху Кіевской Руси. Переводъ этой повѣсти—какъ выраженіе дружинной литературно-повѣствовательной школы: его особенности и связь съ Кіевскою Лѣтописью. Отношеніе Слова о полку Игоревѣ къ переводу этой повѣсти. «Слово», какъ выраженіе той же школы.

Выше мы сказали, что въ Словѣ о полку Игоревѣ видимо проходятъ двѣ струи—книжная и народная и потому при его изученіи прежде всего необходимо было бы отдѣлить одну струю отъ другой и указать степень взаимнаго воздѣйствія ихъ на складъ и языкъ этого творческаго произведенія. Нельзя не сознаться, что сдѣлать это, при существующей разработкѣ древне-русской письменности и нашей народной словесности, довольно затруднительно. Легко можетъ быть, что нѣкоторые *народно-поэтическіе* мотивы имѣютъ свое начало въ классической литературѣ и на оборотъ то, что считается *книжнымъ* въ дѣйствительности относится къ народно-поэтическимъ мотивамъ. Самымъ лучшимъ показателемъ въ данномъ случаѣ могло бы служить изученіе древне-русскихъ переводовъ въ сравненіи съ греческими ихъ оригиналами. Къ сожалѣнію въ этомъ направленіи

сдѣлано у насъ такъ мало, что въ исторіи Древне-Русской литературы господствуетъ еще фактъ, будто наши переводные памятники непремѣнно или Болгарскаго или Сербскаго происхожденія.

Еще Ярославъ, гласитъ Кіевская лѣтопись, «собра писцы многы *и прекладаше отъ Грекъ на Словенское письмо*». Изъ другихъ лѣтописныхъ указаній видно, что Византійскія произведенія также были переводимы и въ Великомъ Новгородѣ и въ Великомъ Ростовѣ, но ни одинъ изъ такихъ переводовъ до сихъ поръ у насъ не былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію—и многое изъ того, что сдѣлано въ Россіи и несомнѣнно принадлежитъ Русскимъ, мы продолжаемъ еще относить къ Болгарамъ или Сербамъ. Между тѣмъ изученіе нѣкоторыхъ древне-русскихъ переводовъ приводитъ не только къ тому убѣжденію, что они сдѣланы въ нашемъ отечествѣ, но и къ наблюденію, что отъ насъ именно переходили они въ Болгарію и Сербію и за тѣмъ снова возвращались къ намъ съ замѣтными слѣдами исправленія и признаками юго-славянскаго письма.

Не касаясь другихъ древне-русскихъ памятниковъ, мы остановимся здѣсь лишь на переводной повѣсти Флавія о раззореніи Іерусалима, которая получаетъ первостепенную важность при изученіи «Слова». Переводъ этой повѣсти показываетъ, на какой высотѣ находилась образованность Кіевской дружинной Руси и въ какомъ отношеніи стоитъ «Слово» къ этой образованности. Такъ какъ этотъ памятникъ до сихъ поръ оставался въ нашей литературѣ не изслѣдованнымъ, то мы вынуждены остановиться на ближайшемъ его разсмотрѣніи, имѣющемъ для насъ существенное значеніе.

Списокъ этой повѣсти въ Славянскихъ земляхъ не извѣстенъ былъ до конца XVI вѣка. Вотъ любопытное и важное свидѣтельство о томъ, уцѣлѣвшее до насъ въ спискѣ этой повѣсти Хиландарскаго монастыря, изданное изслѣдователемъ Востока Преосвященнымъ Порфиріемъ.

Въ лѣто ҂ζчг (7093—1585) прѣписахъ сію книгу Іѡсипа прѣмудраго иже отъ евреи оудрьжавшаго прѣискрьнно любомудріе Маттаѳіи. ѿ русскаго извода, понеже не обрѣташесе сіа книга Іѡ-

супъ нашимъ сръбскымъ езыкомь ни въ стѣи горѣ въ сръбскыхъ монастырѣхь, ни въ срьбсцѣй земли, понеже много искахъ и испитова. нѣвѣмь, аще гдѣ є въ бльгарскы земляхъ, нь не оузна, понеже и тамо пита, нь принесена бы ѿ рускые земли. Ведми тежко бы нашемꙋ срьбскомꙋ ѥзыкꙋ на ꙋтеніе. ꙗко мнозѣмь не знати, что чтꙋть, рускихъ рѣчей не разꙋмѣюще. Азь же монастирскымь посланіемь и вторицеи бы въ рꙋскы землѧ оу бльгочестиваго цря и великаго князя Ивана Василіевича, въ иноцѣ Іѡна мона, и многых црьскы щедроть и млты въспріехомь. Емоу же боуди вѣчнаа паметь. И тамо привико немного русскаго ѥзыка. ѥлико ми разумѣти многиѥ русскыѥ рѣчи въ сіе книзѣ, и прѣписа срьбскыми рѣꙋмы, нъ писати слово не оумѣхъ ни слово оучи, ни самь оученъ бы, нъ ꙗко единъ ѿ простн и невѣжа, Простите Господа ради. И много пакы иска другій изводъ послѣдовати, нь неѡбрѣтесе. Сіе писа въ пиргу святаго Сави въ карей, тогда ми оубогому прѣбывающу въ томъ мѣсте. Оубогіи Григоріе въ скумѣ прѣименованы Василіе сщенно-инѡк. ѡ, ѡ, ѡ, оувы мнѣ грѣшнику»[1].

Несравненно больше данныхъ имѣемъ мы какъ о судьбѣ списковъ этой повѣсти, такъ и о происхожденіи самого перевода въ нашихъ Русскихъ источникахъ. Извѣстно, что переводъ этотъ читается въ Великихъ Четь-Минеяхъ Макарьевскихъ[2] гдѣ приведена лѣтопись предшествовавшихъ списковъ. Одинъ изъ нихъ сдѣланъ былъ въ Новгородѣ въ 1468 году для Тимоѳея Родіонова, сына попова, который росписалъ главы книги сея своею многогрѣшною рукою въ 1503 и 1606 годахъ. Но что всего любопытнѣе, этотъ Родіоновскій списокъ снятъ былъ съ рукописи, писанной къ Константинополѣ въ 1399 году какимъ-то старцемъ Іоанномъ. Судя по тому, что этотъ старецъ подписался въ Сѣверно-русской формѣ *старчищемъ*, можно догадываться, что это также былъ писецъ Русскій[3]. Въ Константинополѣ,

---

[1] Востокъ Христіанскій. ч. II отд. 1, стр. 131.

[2] Мѣсяцъ Декабрь на л.л. 797—917.

[3] Вотъ это послѣднее «О Христѣ Іесусѣ Бозѣ нашемъ, начало коснувшееся любве закономъ принуженъ о тебѣ, тихолюбивый рачиѳель, малаго сего

какъ извѣстно, съ древнѣйшихъ временъ находилась Русская колонія, которая имѣла храмъ во имя Бориса и Глѣба и отправляла праздники въ честь этихъ Святыхъ, а потому не удивительно, если здѣсь уже въ XIV вѣкѣ были русскіе старцы, занимавшіеся списываніемъ Русскихъ книгъ. Дошедшіе до насъ ранніе списки этой повѣсти не восходятъ далѣе XV вѣка [1].

тобою требованія тако и края достигомъ послушанію сему въ лѣто 6807 ноявріа въ 20, въ царствующемъ Коньстантинополи, въ державное лѣто царя Манунла Палеолога, священьствующему вселенскому патріарху киръ Матфею; ты жъ люборачитель сихъ, боголюбче, пріими отъ насъ, пріими весело твоего желанія требованія, егоже Богъ еарова споможеніе нашей глубости, насъ же мзды не отщетевай, любонамятствуй и о насъ молитвою, тоя бо точью требуемъ, яко и запоручени есмы: молите, рече, другъ за друга; и яже потомъ да не негодовательно ти буди, боголюбче, не удобреніе алфавитъ сухъ малыхъ наю грубостію начертаныхъ, таковыми бо довольствуемъ; ты жъ, духовнымъ рачитель, послушатель буди священаго гласа... Господь съ тобою и духомъ твоимъ, аминь. О Христѣ Іωану стар щь».

«Написанны быша сіа книгы, глаголемыя Іосифъ Маттафіевъ и въ нимъ плѣнны Іерусалимли Науходносоръво и Антіохово повелѣніемъ Тимофѣя Родіонова сына, сердечнаго ради житіа, желаа его и любве еже о сихъ книгахъ и главахъ въ седмихъ словѣхъ росписанаа многогрѣшнего рукою ср. дд. кк. мл. тс. гк. ю. ѕм. нк. кк. дд. аа. мл. ак. мл. аа. а. рр. ы. ак. а. *(Тимофея Родивонова сына)*; а расписахъ главы книгы сеа лѣта 7011 да и плѣны Іерусалимли Навходоносорово и Антіохово написано лѣта 7014 Сіа книга Іосифъ Маттафій написаня бысть въ преименитомъ и великомъ Новгородѣ въ лѣто 6976, при державѣ благовѣенаго и благочестиваго христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича володимерскаго и московьскаго всея Руси самодръжца, и при сыну его Иванѣ Ивановичи, и при священномъ архіепископѣ Великаго Новагорода и Пскова владыцѣ Іонѣ. Ты же, духовныхъ рачителя православный послушатель буди священнаго ти гласа и божественнаго писанія и прочитаніемъ книгы сея со вниманіемъ и съ разумомъ не внѣшнее есть ялючимо чтъствуй, но внутреннимъ дѣлательствуй прилѣжнѣ и достовѣрнѣ, и будеть Гоосподь съ тобою и съ духомъ втоимъ, аминь». Слѣдовательно списокъ, привезенный въ Россію, замѣчаетъ А. Ѳ. Бычковъ, написанъ въ Константинополѣ какимъ то черицомъ Іоанномъ въ 6907 году, а съ него снятъ въ Новгородѣ списокъ въ 6976 году, потомъ въ 7011 и 7014 вторично для Тимоѳея, Родіонова, а съ сего уже списанъ для митрополита Макарія въ его Минею Четью.

[1] Мы пользуемся принадлежащимъ намъ спискомъ начала XVI вѣка.

Однако есть историческое указаніе, которое даетъ основаніе предполагать, что переводъ этой повѣсти извѣстенъ былъ у насъ въ Россіи еще въ XIII вѣкѣ. Такъ въ первичной редакціи житія Александра Невскаго, по изслѣдованію В. О. Ключевскаго, писаннаго современникомъ [1], авторъ сравниваетъ своего героя съ царемъ Римскимъ «Еуспесіаномъ» и при этомъ разсказываетъ случай, гдѣ послѣдній явилъ свое мужество; вообще литературная сторона этого житія стоитъ въ тѣсной внутренней связи съ повѣстію Флавія и съ характеристикой ея героевъ; отсюда слѣдуетъ, что переводъ этой повѣсти былъ въ обращеніи въ XIII вѣкѣ даже на Сѣверѣ Россіи.

Наконецъ есть основаніе утверждать, что древность этого перевода восходитъ къ болѣе ранней эпохѣ, именно къ началу XII или концу XI вѣка. Въ такъ называемой Несторовой лѣтописи мы встрѣчаемъ мѣсто, по видимому, прямо взятое изъ разсматриваемаго перевода.

Такъ читаемъ:

Въ Лѣтописи Нестора:

Се же бываютъ сица знаменья не на добро мы: бо по сему разумѣемъ, яко же при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапу по всему граду.. *являтися на вздусѣ на конихъ рищущимъ, въ оружіи, и полкы объявляемы и оружьемъ двизающимся*: се же проявляше на хоженіе Антіохово на Иерусалимъ» [2].

Въ переводѣ Флавія.

стр҃ть въслѣдоваше подобно видѣнїю. прѐ бо сл҃нчнаго захоженїа. ѡ҆вишаса по аероу и по н҃боу по всеи иѡдеистеи земли. колесници и полци съ ѡружїе скачюще сквози ѡблакъ и ѡбиступающе грады. (л. 224).

Πρὸ γὰρ ἡλίου δύσεως ὤφθη, μετέωρα περὶ πᾶσαν τὴν χώραν ἅρματα καὶ φάλλαγγες ἔνοπλοι διάττουσαι τῶν νεφῶν καὶ κυκλούμεναι τὰς πόλεις. (Lib. VI. c. V 3).

---

[1] См. Русск. Святыхъ, какъ историческій источникъ стр. 65—71.

[2] Лавр. Лѣт. стр. 160 Изд. Археогр. Ком. 1872 г. Всѣ дальнѣйшіе цитаты изъ сей Лѣтописи приводятся по сему изданію.

Крестовые походы Западной Европы не могли пройти безслѣдно для рыцарской Руси, и нужно полагать, что переводъ этой повѣсти представлялъ у насъ особенный интересъ именно съ средніе вѣка, когда этотъ священный городъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе всего тогдашняго міра.

Внутреннія особенности этого перевода не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Что переводъ этотъ былъ сдѣланъ съ Греческаго оригинала, это видно изъ того, что здѣсь удержаны нѣкоторыя греческія выраженія безъ перевода—**въ цркви аполонови, иже бание въ полати** (κατὰ τὸ παλάτιον).

Газофилакія (γαζοφηλάκια) (л. 222).

Скинопегія Σκηνοποεῖσθαι) (л. 224).

Фриамьвьскыя ризы (τὰς φριαμβικὰς ἐσθῆτας—т. е. торжественныя одѣянія) л. 253.

Іюденскыя катапезмы (καπετάσματα) завѣсы. л. 256 об.

И поставиша снимы (л. 235 об.). Τὰς τε σημάιας ἔστησαν. (Lib. VI, c. VIII. 5)—поставили знамена.

Иныя же—на оборотъ переведены на русскую рѣчь, когда слѣдовало бы оставить ихъ безъ перевода; такъ собственное имя Παννυχὶς—переведено словомъ **всоуноуная**—всеночная (л. 7 об.) οἱ Ταῦροι—переведено: **быкокъ родъ** (л. 70).

Мы не будемъ входить здѣсь въ изслѣдованіе Греческаго текста, который служилъ оригиналомъ для Русскаго перевода, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ ближайшей нашей задачи, и обратимся прямо къ разсмотрѣнію самаго перевода.

Что это переводъ древнѣйшій, видно изъ того, что здѣсь встрѣчаемъ нѣкоторыя слова съ такимъ значеніемъ, которое они потеряли въ позднѣйшее время, какъ напр.

каза (ἐκέλευσε—jussit л. 183)—повелѣлъ.

дветь (οἴεται—existimet. л. 128)—думаетъ.

бгъ бо реть за ны (τὸν Θεὸν ὑπὲρ αὐτῶν στρατηγεῖν л. 124.) Lib. IV, c. IV, 6)—Богъ побораетъ за нихъ. и т. п.

Что переводъ этотъ сдѣланъ былъ именно въ дружинную эпоху, на это указываютъ отразившіяся въ переводѣ:

1. Дружинныя понятія.

а., Понятіе *Дружины*, какъ служебнаго союза, наложено на такія Греческія слова которыя того не выражаютъ. Такъ, греческое οἵ φίλοι (amici)—пріятели переведено словомъ **дружина** (л. 7 об.) οἱ πιστάτοι φίλοι—**вѣрнѣйшая дружина** л. 242 об. οἱ ἑταῖροι (socii)—товарищи передается тѣмъ же словомъ **дружина**. (л. 270).

б., Понятіе *чести*, служившее главнымъ нравственнымъ мотивомъ въ жизни Дружинной Руси замѣтно сквозитъ въ разсматриваемомъ переводѣ.

Такъ, оно является тамъ, гдѣ въ подлинникѣ означается радость (εὐφημία).

и срѣтоша сѫпфоріане съ честію и с похвалами (л. 78).

Σέπφωρις μετ' εὐφημίας δέχεται. Сепфоръ принимаетъ его съ радостію. Lib. II. c.

Понятіе *чести* вставляется и тамъ, гдѣ Греческимъ подлинникомъ того не выражается:

Боюся же, яко ты хощеть ѡгнусити честь мою. (л. 26 об.).

Δέδοικα δὲ μὴ κἂμοῦ μισήσῃς τὴν τύχην. Я опасался, чтобы ты не возненавидѣлъ за судьбу мою (ne mea tibi invisa sit fortuna.).

Lib. I. cap. XXXII, 2.

Иногда понятіемъ *чести и славы* выражается лишь мысль подлинника о богатомъ угощеніи.

агрипа же възва оуеспасиана въ свою власть. на чть и на славоу. л. 97 об.

Ἐνῆγε βασιλεὺς αὐτὸς, ἅμα καὶ δεξιώσασθαι τὸν ἡγεμόνα σὺν τῇ στρατιᾷ τῷ κατὰ τὸν οἶκον ὄλβῳ προαιρούμενος καὶ καταστεῖλαι δι' αὐτῶν τὰ νοσοῦντα τῆς ἀρχῆς.

Самъ Царь пригласилъ (Веспасіана) желая чрезъ то и почтить предводителя съ воинствомъ богатымъ пріемомъ въ своей области и вмѣстѣ уладить чрезъ нихъ внутреннія нестроенія (discordia regni sui Lib. III, c. IX, 7).

Римское пожалованіе (δόσις—donatio) также въ переводѣ объясняется понятіемъ *чести*.

И повелѣ (Клавдій) властелемъ своимъ да испишоуть въ книгахъ мѣданыхъ честь всю и възложать на капетолію, да ѕелена боудѣ и послѣднимъ родомъ какоу честь пріа агрипа ѿ клавдіа. (л. 56).

Τοῖς ἄρχουσι δὲ προσέταξεν, ἐγχαράξαντας δέλτοις χαλκαῖς τὴν δόσιν εἰς τὸ Καπετώλιον ἀναθεῖναι. Онъ приказалъ сенаторамъ чтобы они повелѣніе о пожалованіи, вырѣзавъ на мѣдныхъ доскахъ, выставили въ Капитоліи. Lib. II. c. XI, 5.

Вставляется это понятіе, какъ комментарій, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Тогда бо иродъ ѕдѣла ѕлаї ѡрелъ надъ великими дверми црковными въ честь кесаревѣ и нарѣцашеть и ѡрломъ ѕлатокрылатымъ (л. 30 об.).

Κατεσκευάκει δὲ ὁ βασιλεὺς ὑπὲρ τὴν μεγάλην πύλην ἀετὸν χρυσοῦν. Надъ Великими вратами Царь устроилъ золотаго орла. Lib. 1. c. XXXIII, 2.

Наконецъ словомъ *честь* переводится Греческое γέρας, означающее вообще какую бы-то ни было награду:

И сѣ ѕаповѣда рабомъ свободоу. а свободнымъ честь (л. 138).

....γέρας δὲ ἐλευθέροις. Свободнымъ обѣщая награду. (Lib. IV, c. IX, 3).

Достойно вниманія, что Греческое τιμή—честь, употребленное въ подлинникѣ въ смыслѣ не отвѣчавшемъ *понятію чести* Дружинной Руси—переведено напротивъ словомъ, «**глумъ**».

и оумоучени быша на глумъ кесаревѣ л. 244.

πολὺ καὶ τῆς τῶν Ἰουδαίων κολάσεως ἐις τὴν ἐκείνου τιμὴν ἀνατιθέις. Множество Іудеевъ подвергнувъ наказанію въ честь его. Lib. VII. c. III. § 1.

б) *Понятіе мужества.* Храбрость—это была первая доблесть, коею покупалась Дружинная честь и слава. И мы видимъ, что всюду, гдѣ заходитъ о томъ рѣчь, въ переводѣ выражено глубочайшее къ тому сочувствіе и иногда съ такою силою, въ которой ярко сказывается настроеніе дружинника.

Такъ, людей предпочитающихъ умереть естественною смертію, онъ называетъ *безславными, тѣлолюбцами,* тогда какъ въ подлинникѣ они именуются только людьми неблагородными и неискусными въ разумѣ.

Иже безмужествіемъ оумираютъ тѣлолюбци соуще, не хоташе моужескыа смрти. но недугою скончающе, то ти безславни соуще.
(л. 30 об.).

Τοὺς δὲ ἀγεννεῖς καὶ τῆς αὐτῶν σοφίας ἀπείρους, ἀγνοοῦντας φιλοψυχεῖν, καὶ πρὸ τοῦ δι' ἀρετῆς τὸν ἐκ νόσου θάνατον αἱρεῖσθαι. Не благородные и не искусные въ мудрости своей, не умѣющіе любить души своей, предпочитаютъ смерть отъ болѣзни предъ смертію отъ храбрости.
(Lib. I. c. XXXIII, 2).

Съ какимъ живымъ сочувствіемъ въ переводѣ связано понятіе храбрости можно видѣть изъ слѣдующаго: переводчикъ «поетъ и хвалитъ тѣхъ, кои умираютъ на брани, и проклинаетъ тѣхъ, кои предпочитаютъ умереть отъ болѣзни, тогда какъ въ подлинникѣ авторъ говоритъ, что онъ напротивъ опускаетъ похвалы храбрымъ людямъ и не выражаетъ прямо проклятія тѣмъ, кои инако мыслятъ.

Азъ же вельми пою и хвалю кончающихъса при брани и иже инако мыслатъ, то проклинаю нызъ, да быша ѿ болѣсти изъмерли, ихъ же и дши съ тѣломъ погребены бываютъ. Кто бо не вѣсть ѡ блгыхъ моужъ· ако

Καὶ ἔγωγε τὸ μὲν ὑμνεῖν ἄρτι τὴν ἐν πολέμῳ τελευτὴν καὶ τὴν ἐπὶ τοῖς ἀρειμανίοις πεσοῦσιν ἀθανασίαν παραλείπω, ἐπαρασαίμην δ' ἂν τοῖς ἄλλως ἔχουσι τὸν κατ' εἰρήνην ἐκ νόσου θάνατον, οἷς μετὰ τοῦ σώματος καὶ ἡ ψυχὴ τάφῳ κατα-

иже сѧ сѣкоуть є҆ полкꙋ, то дши҃ ихъ желѣꙁомъ ѿ тѣла раꙁроушатсѧ и приходѧть къ чистой стихїи къ еферѣ и сеи прїимъ посажаеть въ ꙁвѣꙁдахъ и потомъ соуть демони блаꙁїи и полобоꙁи млтивы ꙗвлѧющесѧ своимъ сродникомъ съ кротостїю. (л. 198).

κρίνεται. Τίς γὰρ οὐκ οἶδε τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν ὅτι τὰς μὲν ἐν παρατάξει ψυχὰς σιδήρῳ τῶν σαρκῶν ἀπολυθείσας τὸ καθαρώτατον στοιχεῖον αἰθὴρ ξενοδοχῶν ἄστροις ἐγκαθιδρύει, δαίμονες δ' ἀγαθοὶ καὶ ἥρωες εὐμενεῖς ἰδίοις ἐκγόνοις ἐμφανίζονται.

Я не стану теперь восхвалять кончины на брани и безсмертія павшихъ между исполненными ратнаго духа, но желалъ бы имѣющимъ иной духъ, смерти отъ болѣзни во время мира, коихъ и душа вмѣстѣ съ тѣломъ осуждается во гробѣ. Ибо кто изъ благихъ мужей не знаетъ, что чистѣйшая стихія эфиръ, пріемля души, освободившіеся желѣзомъ во время сраженія отъ тѣлъ, помѣщаетъ въ звѣздахъ и они являются за тѣмъ благими демонами и милостивыми героями своимъ сродникамъ.

Въ другомъ мѣстѣ, слѣдуя подлиннику онъ говоритъ:

л. 199 А иже живъ нєоубїенъ бꙋдє̑, да послѣ̑ствоуетъ емоу блгость.

ὁ μὲν ζῶν ἄρξει τῶν νῦν ὁμοίων, μακαριστὰ δ' ἀκολουθήσει. Кто лишится жизни изъ таковыхъ, тому послѣдуютъ блаженнѣйшія награды (Lib. VI. c. I. 4.).

И за тѣмъ прибавляетъ отъ себя: и похвала, и родившимсѧ ѿ него вѣчнаа честь.

Всѣ рѣчи, взывающія къ мужеству, въ переводѣ отличаются необыкновенною живостію, силою и выразительностію и обна-

руживаютъ въ переводчикѣ личное участіе въ храбрости и живое сочувствіе къ воинскимъ подвигамъ.

Есть наконецъ рѣчи, призывающія къ геройству, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ подлинникѣ. «**Градите моужи моуденстїи. нӑнѣ время моужествовати... да не постыдиться родъ нашь. да не посрамимъ ꙁаконодавца нашего... аще же и оубїють ны, то дша наша темноую храмину ѡставивши къ прадѣдомъ идеть.** (л. 31).

2. Дружинная технологія.

Въ разсматриваемомъ переводѣ мы встрѣчаемъ техническія выраженія, относящіяся къ воинскимъ строеніямъ и укрѣпленіямъ, къ дружиннымъ доспѣхамъ и вооруженію, къ дружинному быту и укладу тѣ же самыя, какія читаются и въ древнѣйшихъ нашихъ Лѣтописяхъ. При этомъ нѣкоторыя изъ нихъ не вполнѣ отвѣчаютъ значенію тѣхъ Греческихъ словъ, на которыя они наложены. Таковы напр.

а. *Термины, относящіеся къ сооруженіямъ:*

Ѡстрогъ (л. 137)............ εἰς τὸ κατωτέρω φρούριον—in inferius castellum, нижняя часть замка. (Lib. IV, c. IX, 3). Ср. Ип. Л. стр. 32).

Дѣтинецъ (ibid)............. τὸ ὑψηλότερον... superiora, верхняя часть укрѣпленія. (ibid. Ср. Ип. 321, 290).

Присны (л. 110)... τὰ χώματα—aggeres—насыпи, валы, шанцы. (Lib. IV, c. I, 7. Ср. Лавр. Лѣт. стр. 107, 113).

Ꙁабрала (лл. 87, 154, 155).... Терминъ, отвѣчающій разнообразнымъ Греческимъ выраженіямъ:

Τῶν περιβόλων—muros, на ографѣ (Lib. III, c. VII, 19).

τῶν ἐπάλξεων—ex propugnaculis, съ зубцовыхъ укрѣпленіи (Lib. V, c. III, 1.)

	ἀπὸ τοῦ τείχους—in moenibus, на стѣнахъ (Lib. V, c. III, 3.) Ср. Лѣт. стр. 262.
Стлъпи (л. 158)...............	στῆλαι—(Lib. V, c. V, 2) κίονες—columnae (ib. c. V, 3) колонны. Ср. Лавр. Лѣт. 4, 89.
Комары (лл. 65, 73, 158, 159)...	ἐπὶ τῶν τεγῶν—super tectis, на крышахъ (Lib. II, c. XV, 5).
	αἱ στοαὶ — porticus, переходы крытые (Lib. V, c. V, 3).
	τὰς συνεχεῖς στοὰς — porticus contiguas, галлереи смѣжныя (Lib. II, c. XV, 1).
	διπλαῖ στοαὶ—porticus duplices двойные переходы (Lib. V, c. V, 2).
	Всѣ эти выраженія переведены комарами: **чистыя комары, сугубы комары**. Ср. Ип. Лѣт. стр. 122.
Чела (л. 160).................	τὰ μέτωπα—frons, передняя лицевая сторона (Lib. V, c. V, 4). Ср. Лѣт. Лавр. 144 [1].
Шатры (л. 80)................	σκηναὶ—tentoria, палатки (Lib. III, c. V, 2. Ср. Лавр. Л. стр. 163, 267, 313 и др.).

6. *Термины, относящіеся къ дружинному убранству и вооруженію.*

Бронѣ (л. 81 об.)............	θώρακες—loricae, латы (Lib. III, c. V, 5). Ср. Лавр. 65, 314).
Шеломы (л. 81 об.)...........	κράναι—galeae, шлемы Lib. III, c. V, 5. (Ср. Ип. Лѣт. 316, 317),
Хорюгви (л. 150)............	αἱ σημαῖαι — signa, знамена. (Lib. V, c. II, 1.).

[1] Здѣсь *чело* употреблено въ смыслѣ передоваго отряда, фронта.

Щиты (л. 81 об.)............. ἄσπιδες—clypei (Lib. III, c. V, 5). θυρεὸι — scuta, **долги щиты** (Ibid.). Ср. Лавр. 31, 47, 52 и др.

Мечи (л. 81 об.)............. ξίφος—gladius—(Ibid).Ср. Лавр. 33, 47 и др.

Сабли (л. 81 об.)............. μάχαιρα—gtadius oblongus. Ср. Лавр. 16, 65. 199 идр.

Копїа (л. 81 об.)............. κοντός—contus, пика.

ξυστόν—hasta, ратовище копья, копье, (Ibd). Ср. Лавр. 55, 56, 131 и др.

Пороки (л. 87 об.) **пракы** (л. 90). ἀφετήρια ὄργανα—missiles machinae, метательныя орудія. (Lib. III, c. VII, 30). Ср. Лавр. 435, 490 и др.

Луки (л. 85 об. 225)......... πετροβόλοι—balistae, камеһометы (Lib. VI, c.

καταπέλται — catapultae, метательныя машины. (Lib. III, c. VII,

Тоулы (л. 82)................ γωρυτός — pharetra, футляръ для храненія лука(Lib. III, c. V, 5). 9. Ср. Лавр. 220, 233).

Соулици. (л. 81 об.).......... λόγχαι—lanceae. См. въ Волын. Лѣтописи.

ἄκοντες—jacula (Lib. III, c. V, 5) дротики.

Стрѣлы (л. 177, 199).......... τὰ βέλη (Lib. VI, c. I, 6).

ἔνιοι (Lib. V, c. IX, 4). Ср. Лавр. 47, 65 107 и др.

Трубы. (л. 80 об.)............ σάλπιγγες — tubae (Lib. III. c.. V, 3. Ср. Лавр. 65, 166,471, 473).

г. *Техническія выраженія относящіяся къ дружинному быту и укладу.*

Отнїй столъ (л. 38)........... πατρῴα διαδοχὴ Отцевское наслѣдство. (Lib. II, c. II, 5).

πατρῴα βασιλέια Отцевское царство. (Lib. II, c. XI, 5).

·Слы (л. 228).	πρεσβεῖαι—legationes, посольства. (Lib. VI, c. X, 6). πρεσβεῖς—legati, послы. (Lib. IV, c. XI, 5).
Доума.. думцѣ[1] (л. 218).......	τὸ συνέδριον — consilium, совѣтъ (Lib. VI, c. IV, 3). βουλή—(Lib. II, c. XV, 6).
Коиницн и пѣшьцѣ (л. 83 об.).	ἵππευες καὶ οἱ πεζοὶ—equites et pedites, конница и пѣхота. (Lib. III, c. VI, 2). Ср. Ип. Лѣт. стр. 47.
Рота (144 об.)...............	ὅρκος — jusjurandum, клятва присяга на вѣрность. (Lib. VI, c. VII, 2. Ср. Лавр. 269).
Сила (л. 200 об.).............	δύναμις—exercitus, войско (Lib. VI, c. I, 7). Ср. Ип. Л. 16, 51, 86—87.
Рать (л. 66).....	πόλεμος — bellum. (Lib. III, c. VII, 13).
Сѣча (л. 232.......	πόλεμος—bellum. (Lib. VI, c. VII, 3).
Плъкъ—въ значеніи битвы. л. 198.	(Lib. VI, c. I, 5).
Снатьє (снемъ) въ значеніи боя (л. 201).	συμβολή—conflictus, бой. (Lib. VI, c. I. 7).
Товары (л. 83 об.)...........	ἀποσκευαὶ—impedimenta, воинскій обозъ, багажъ. (Lib. III, c. VI, Ип. Лѣт. 26, 28, 43).
Паволоки (л. 222)............	ἐσθῆτες — vestes, одѣянія (Lib. VI, c. V, 2).
Полоняники (л. 242).....	αἰχμάλωτοι—captivi, плѣнники (Lib. VII, c. I, 3).

[1] Даже Греческое γνώμη—переведено «*Дума*» въ значеніи совѣта: γνώμη ἀεὶ παντὸς ἔργου προάγει—(Lib. III. c. VI. 6) без доумы не исплъняются л. 81 об.).

3. Техника Дружинной рѣчи.

3. Переводъ весьма мало отвѣчаетъ буквѣ и синтаксису Греческаго текста, чѣмъ отличаются древне-болгарскія переводы и въ своемъ повѣствованіи воплощаетъ строго—лѣтописный стиль. Чтобы нагляднѣе это видѣть, приведемъ здѣсь нѣсколько переводныхъ выраженій и оборотовъ въ сравненіи ихъ съ Кіевскою Лѣтописью.

Въ Лѣтописи:	*Въ переводѣ Флавія*:
И сѣдѣ на столѣ (Ип. 21).	**И на златѣмъ столѣ сѣдѣ** (ἐπὶ θρόνου) л. 37.
И сѣде на столѣ отца своего (Ип. л. 107, 83).	**И нарече достойна отеческаго стола** (л. 38) ἄξιος τῆς πατρῴας διαδοχῆς (Lib. II, c. II, 7) достоинъ отеческаго наслѣдства.
Изяславъ съзва бояры своѣ и всю дружину свою и нача думати съ ними (Ип. л. 43).	**Ананъ бо доумалъ є людми своими** (л. 120 об.) οἱ περὶ τὸν Ἄνανον ἐβούλευσαντο—сущіе съ Ананомъ совѣтовали. (Lib. IV, c. III, 14).
Глѣбъ «думашеть съ дружиною о томъ, къторомъ пойдемъ переди. (Ип. л. 103).	**Єлназоръ симоновъ сн҃ъ и захарїа фалековъ съ людми думаста, что достоитъ сътворити.** (л. 121). ἠπόρουν τὸ τί χρὴ πράττειν—недоумѣвали, что имъ дѣлать. (Lib. IV, c. IV, 1).
Роскоротався Ростиславъ съ отцемъ своимъ. (Ibid. 39).	**Титъ розумѣвъ роскоротанїє и рече къ своимъ.** (л. 104 об.) Κατακούσας δε ταραχῆς Τίτος—услышавъ шумъ (Lib. III, c. X, 4).
Въ то же лѣто роскоротастяся Всеволодъ съ Володимірковъ.(Ibid. 20)	**Блюдаса, ати не роскоратаются гражане.** Ἐκπολεμώσειν ὑφεωρᾶτο τοὺς ἐπιχωρίους—опасался, чтобы

не сдѣлали бунта мѣстные жители. (Lib. III, c. X, 10).

Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ и насъ послаша ротѣ водити. (Ibid. 52).

И полкы и народ заведе роти, да бьютса по еоусnасїани (л. 144 об.). τά τε τάγματα καὶ τὸ πλῆθος εἰς αὐτὸν ὥρκωσεν—и полки и массу обязалъ клятвою. (Lib. IV, c. X, 6).

«Како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ? (Ibid. 219).

Тѣмже не могуще датиса роты дѣла (л. 231 об.). οὔτε παραδοῦναι διὰ τὸν ὅρκον ἑαυτοὺς ὑπέμενον— по причинѣ клятвы сдаться удерживались. (Lib. VI, c. VII, 2).

Тосняшется на великая дѣла (Ип. 150).

Тъсниса отити къ кесарю (л. 35 об.). ὑπὸ τῆς περὶ τὴν ἔξοδον ἐπείξεως—съ поспѣшностію въ дорогѣ. (Lib. II, c. I, 3).

Тосняшется на войну (Ibid. 189).

Веля ему, да бы са потъснилъ борзо (л. 23 об.). σπεύδειν παρακαλῶν — приказывая поспѣшить. (Lib. I, c. XXXI, 3).

Андрей же (князь) «взострися на рать» (Ип. 109).

Іоаньже и окртнїи взостришаса на римляны (л. 205). παρωξύντο ἐπὶ τοὺς Ῥομαίους—раздражились противъ Римлянъ. (Lib. VI, c. II, 2).

Тако и сихъ подостри Романа и Игоря (Лавр. 380).

Кесарь же, обьезда плъкы, подъострише а. Περιιὼν δὲ ὁ Καίσαρ τὰ τάγματα καὶ κατεπείγων, обходя легіоны и понуждая (Lib. V, c. XII, 4).

Устремилъ бо ся на поганыя, яко и левъ (Лавр. 155).

Плакидъ хотя славоу взяти.. оустремиса на иотапатъ(л. 82). ὥρμησεν ἐπὶ τὴν Ἰωταπάτα—ринулся Lib. III, c. VI, 1).

Половци видѣвше устремленіе Русское (Лавр. 268).

оужасъ оудержа оустремленїе иоуденско. (л. 218). Κατ' ἐκείνην

	μὲν δὴ ἡμέραν Ἰουδαίων.. κατάπληξις ἐκράτησε τὰς ὁρμάς—ужасъ Іудеевъ сдержалъ ихъ стремительныя натиски. (Lib. VI, c. IV. 4).
Изяславъ же лежаше раненъ и тако всхопися и взя шеломъ н. (Ип. 67).	**Въсхопшеса на сикаріи и тако рыщахоу изымаша ихъ** (л. 267 об.). μετὰ πολλῆς ὁρμῆς ἐπὶ τοὺς σικαρίους ᾄξαντες συνήρπαζον αὐτούς—наскочивъ съ великимъ стремленіемъ на сикаріевъ—перехватали ихъ. (Lib. VII, c. X, 1).
Володиміръ много пота утеръ за землю русскую. (Ibid. 15).	**Римлане же толикъ потъ пріимше** (л. 235). Ῥωμαῖοι δὲ τοσαῦτα καμόντες — принявъ столько трудовъ. (Lib. VI, c. VIII, 5).
Ярославъ утеръ пота съ дружиною своею, показавъ трудъ великъ. (Лавр. 122).	**Римлане съ великымъ потомъ и троудомъ ставлахѹ дѣла** (л. 208 об.). μετὰ πολλοῦ καμάτου καὶ ταλαιπορίας—съ великими трудами и неудобствами производили работу (Lib. VI, c. II, 7.
Владимеръ повелѣ приспу сыпати (Лавр. Сп. 16 стр. 117).	**Оуеписіанъ же повели приспѹ сътворити.** (л. 85 об.) [1].
Идѣже ссыпаша приспу (Ibid. стр. 113).	**Иωсипъ приспѹ раскопа** (л. 87), καὶ τὰ μὲν ἐπὶ τῶν χωμάτων δέρρεις διέσπα (Lib. III, c. VII, 17) —разрушилъ кожанныя кровли на насыпяхъ.
Повелѣша людемъ всѣмъ бѣжати изъ Острога въ Дѣтинець (Лавр. 1872 г. 321).	**И пустиша и жити въ ωстрозѣ съ своими женами и ωтроки. сами же пребывахоу въ дѣтинци.**

[1] На греческомъ этого мѣста нѣтъ, но далѣе читается: ἐγειρομένου δὲ τοῦ χώματος, т. е. когда воздвигнута была насыпь. (Lib. III, c. VII, 10).

ἐις τὸ κατοτέρω γοῦν φρούριον ἐπέτρεψαν αὐτῷ περελθεῖν ἅμα ταῖς γυνεξὶν, ἃς ἄγων ἧκεν, αὐτοὶ τὸ ὑψηλότερον οικοῦντες. т. е. позволили ему перейти вмѣстѣ съ женами, которыхъ онъ привелъ, въ нижнюю часть замка, а сами обитали въ верхней. (Lib. IV, c. IX, 3).

И святославъ поима лучшѣи мужи (Ип. 22). И погнаша по нихъ дружина лучшая (Ип. 13).

И събравъ лучьшнихъ идѣ на стражѣ и разгна.. и сѣчаше а (л. 86 об.). Προεσθὼν μετὰ τῶν μαχιμωτάτων διεσχίδνα τε τοὺς φρουροὺς—выступивъ съ храбрѣйшими разогналъ стражей. (Lib. III. c. VII,17).

Володимеръ же, ста исполчився передъ городомъ на болоньи. Симъ же бяше полкомъ не лзѣ битися съ ними (ib. 20).

И симонъ исполчивы воа биса с ними и многы оуби (л. 168). Ὑπαντιάζει δε Σίμων καὶ παραταξάμενος συχνοὺς μεν αὐτῶν ἀναιρεῖ. Симонъ ихъ встрѣтилъ и вступивъ въ боймногихъ побилъ. (Lib. IV, c. IX, 5).

Ростиславъ исполчи воѣ своѣ (Ип. стр. 183).

И пакы оуеспасіанъ исполчи во а.. и стрѣлцы заставн (л. 87). На Греч. это мѣсто не читается.

И пойде со всею силою Половецкою. (ib. стр. 86).

Исполчи скоро всю силу.

Κάισαρ..ἐξοπλίζει τήν τε δύναμιν—Кесарь вооружилъ войско. (Lib. VI, c. VI, 1).

Явися звѣзда велика копейнымъ образомъ (Лавр. л. стр. 32). Въ Іерусалимѣ восия звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ. ibid. стр. 161).

Єгда ста звѣзда надъ градомъ подобна копїю и пребы все лѣто ен же има комити, нарецемаа власатаа. (л. 223). Τοῦτο μεν ὅτε ὑπὲρ τὴν πόλην ἄστρον ἔστη ῥομφαία παραπλήσιον καὶ παρατείνας ἐπ' ἐνιαυτὸν κομήτης—надъ городомъ бы-

ла звѣзда, подобная копью и комета пребывала цѣлый годъ. (Lib. VI, с. V, 3).

И бысть тма, молонья и громъ и дождь. И бысть сѣча сильна. Яко просвѣтяще молонью, блещащеться оружіе. И бѣгроза велика и сѣча страшна и сильна. (Лавр. л. 64). Страхъ нападе на воя Вододаревы. (Ип. 94).

Приключися въ нощь буря неизреченная и громи страшни и молніи части и земля трясашеся ревуще. Вся предградная мѣста блещахоуся оружіемъ позлащенными. Великъ оужасъ нападе на матежники. (τῆς νυκτὸς ἀμήχανος ἐκρήγνυται χείμων... καὶ συνεχεῖς ἀστραπαῖ, βρονταί τε φρικώδεις καὶ μυκήματα σειομένης τῆς γῆς ἐξαίσια Lib. IV, с IV, 5). Можно заключить, говоритъ Флавій,—что сіе предвѣщало не малыя бѣдствія (καὶ οὐχὶ μικροῦ τις ἂν εἰκάσαι συμπτώματος τὰ τέρατα).

Се же знаменія не на добро бываютъ.

Суть становища еѣ (Лавр. л. стр. 58).

Оустроиша своя становища. (л. 106). Ἐστρατεδεύκει—расположилъ свой станъ. (Lib. IV, с. I, 3).

Святославъ бѣше храборъ на рати (Ип. л. стр. 102).

Антиѡ нарецемыи епифаніи.. бѣ же храбръ. (л. 148). Πολεμιστὴς δὲ ἦν—воинствененъ (Lib. V с. XI, 3).

Изяславъ же бѣ бо крѣпокъ и храборъ на рать. (Ип. стр. 28).

Эвтіи сотникъ моужъ крѣпокъ и храбръ са ави. (л. 108). Γενναιότατος φανεὶς—являвшійся храбрѣйшимъ. (Lib. IV, с. I, 5).

И не мало мужство показа съ мужьми своими. (ib. стр. 110).

И тогда моужество свое показа. (л. 108). На греч. нѣтъ. (Lib. IV, с. I, 5).

И много зла сътворися въ волости. (Лавр. л. стр. 351).

И множество зла сътвори іоудеомъ (л. 108). Καὶ πλεῖστα κακὰ

Ἰουδαίοις ἐργασάμενος. (Lib. IV, c. 1, 5).

И бысть мятежъ великъ и стонава и кличъ рамня.. И тако бишася крѣпко (ib. 110).

И бысть по всѣмъ градомъ матежъ лю и оусобица. Дыхахоу сами на ся рѫкы въскладахѫ, жажюще рати (л. 114 об.).

Ἐκινεῖτο δὲ ἐν ἑκάστῃ πόλει ταραχὴ καὶ πόλεμος ἐμφύλιος—въ каждомъ городѣ закипѣла междоусобная война (Lib. IV, c. III, 2).

Утрій же день, яко зорѣ почашася заимати..... полци начаша доспѣвати (ib. 63).

А въ первыя ʒорѣ готовахоуся на брань (л. 170). Ὑπὸ τὰς πρώτας αὐγὰς ἕτοιμοι πρὸς μάχην ἦσαν—предъ первой зарей готовы были къ сраженію (Lib. V, c. VII, 3).

И бысть сѣча зла межи ими (Ib. 44).

И бысть межи ними сѣча (л. 232 об.). ἦν δε πρὸς ἀλλήλους ἤδη πόλεμος αὐτοῖς—была у нихъ война между собою (Lib. VI, c. VII, 3).

И тако полци кликнуша, (Ип. 56).

И они въсклнкноуша (л. 73. Ἀνεβόων δε.. они вскричали (Lib. II, c. XVI.

На Дюрга полку имъ дати. (Ib. 47). Ожеся съними начнемъ бити (Лавр. стр. 341).

Иже ся сѣкоутъ въ полку (л. 198). Ἐπὶ τοῖς ἀρειμανίοις πεσοῦσιν—кои падаютъ на бою среди храбрыхъ. (Lib. VI, c. I, 5).

И бишеся начавъше съ заутра и до вечера (Ип. 36).

И бишася ѿ оутра до вечера. (л. 138). Ἔνθα συμβαλὼν αὐτοῖς δι᾽ ὅλης πολεμήσας ἡμέρας—вступавъ въ сраженіе, онъ цѣлый день воевалъ.

И тако бишася крѣпко ту дни и до вечера (ib. 131).

И сѣкшеся весь день, на нощь раʒыдошася (л. 84 об.)

И пробѣже сквозѣ полкъ (ib. 20). Соймя шеломъ погна опять къ полкомъ, того дѣля, чтобы познали князя и возворотилися быша (ib. л. 131.	**И погна сквозѣ полки своа да быша оузрѣли и ти видѣвши и и обрадовашеса** (л. 88 об.). Καὶ πᾶσι τοῖς ἐπτοημένοις δὶ αὐτὸν ὀφθῆναι σπουδάσας χαλεπώτερον Ἰουδάιοις ἐπήγειρε τὸν πόλεμον. Поспѣшивъ предстать зрѣнію опасавшихся за его жизнь — онъ возбудилъ ихъ къ наиболѣе жестокой войнѣ съ Іудеями (Lib. III. c. VII, 22).
И Володимиръ всѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту (33).	**Погна первое оуеспасїанъ и по немъ въслѣдоваше титъ.** (л. 253). Οὐεσπασιανὸς ἤλαυνε πρῶτος, καὶ Τίτος εἵπετο. (Lib. VII, c. V, 5).
И постигоша къ озерамъ(55). Данилъ же, всѣдъ на конь, ѣха самъ на съглядание града (Ип. 168).	**Вскоуи на конь и ѣха напрѣдѣ, и подлѣ краи ѡзера перебродивса, въ градъ вииде... ни съгладанїє града не оуазви єго нитоже.** Επὶ τὸν ἵππον ἀναπηδᾷ καὶ καθηγεῖται πρὸς τὴν λίμνην, δὶ ἧς ἐλάσας πρῶτος εἰς τὴν πόλιν εἰσέρχεται—сѣлъ на коня и поѣхалъ къ озеру, черезъ которое переправившись, первый вошелъ въ городъ....
Стрѣльцемъ же бьющимся межи полкомъ. (44). Порокомъ же безпрестанно бьющимъ день и ночь, выбиша стѣны и возиидоша горожане на избыть стѣны. (Ип. 177—178. Сулици же его кровави сущи. (Ип. 172).	**И стрѣльцемъ стрѣлающимъ и соуличникомъ сканцами соующимъ и пороучникомъ каменїа поущающимъ, не смѣша їоудеи стати на забралѣхъ.** (л. 87). Τούς τε καταπέλτας καὶ τὰ λοιπὰ τῶν ἀφετηρίων... ἔγγιον προσα-

γαγόντες ἔβαλλον. ὁμοίως δὲ συνήγγιζον οἱ τοξόται καὶ σφενδονῆται. Δία δε ταῦτα μηδενὸς τῶν περιβόλων ἐπιβῆναι τόλμαντος—уставивъ катапелты и прочія изъ метательныхъ орудій бросали стрѣлы; тутъ же не подалеку находились и стрѣлки и пращники; и по сей причинѣ никто изъ непріятелей не смѣлъ всходить на стѣну и пр.

На Греческомъ это изложено оч. пространно (Lib. III, c. VII, 24).

Половци же... ни по стрѣлѣ пустивше. (Лавр. стр. 317).

И стрѣлы поущахоу бесчисла(199 об.). Καὶ βέλισι πάντοθεν ἀπέιροις ἔβαλλον — отовсюду метали множество стрѣлъ. (Lib. VI, c. I, 6).

И каменье метаху на нь. (Ип. 308).

а съ ʒабралъ каменіе поущахоу на нѧ (л. 155 об.). Οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ τείχους πλῆθος χερμάδων.. ἄθρουν κατέχεαν—бывшіе на стѣнахъ покрывали безчисленнымъ множествомъ камней. (Lib. V, c. III, 3).

И поидоста по городу сѣкучи и бодучи (196).

Бодаше многы ѿ нихъ. Ἔνυττε.. πολλοὺς (Lib. VI, c. I, 8).

И бодоста и оскепомъ. (Ип. Л. стр. 9).

Бодахоутъ а съ стѣнъ копіи (л. 199 об.) на Греч. нѣтъ.

И насунуша й копья (Лавр. стр. 131). Единъ же.. хотѣ просунут и рогатиною (Ib. 47).

и всякымъ ѡрѹжиемъ сѣкахѹ на на (л. 85) на Греч. нѣтъ.

Вынза мечь свой и тѣмъ единымъ сѣчаше... (Ип. л. 64).

Титовъ же токмо мечь єдинъ в рѹкоу. и тѣмъ єдинѣмъ сѣчаше. (л. 151). Τῷ δὲ ξίφει τοὺς κατὰ

πλευρὸν ἀεὶ διαστέλλων καὶ πολλοὺς τῶν αντιπροσώπων, ἤλαυνε... τὸν ἵππον—самъ же Титъ мечемъ непрерывно отбрасывая нападавшихъ съ боку и убивая многихъ изъ бывшихъ впереди, гналъ коня. (Lib. V, c. II, 2).

Всеволодъ же толмя бившеся, яко и оружья въ руку его не доста. (Ип. л. 131). И не свѣдущимся самѣмъ имъ, идѣже кто біаше (Ип. 168).

Тогда помѣтавше стрѣлы и копїа, ѡбнажнвше меча, снашасѧ. и въ томъ снятьи не възможно расудити или знати, кто съ кимъ біетса (л. 201). Καὶ βέλη μὲν ἦν ἀμφοτέροις ἄχρηστα καὶ τὰ δόρατα σπασάμενοι δὲ τὰ ξίφη συνεπλέκοντο, καὶ περὶ τὴν συμβολὴν ἄκριτον ἦν ὁποτέρωθεν ἕκαστοι μάχοιντο—стрѣлы и копья стали не нужны обоимъ; бились одними только мечами; въ сей битвѣ не можно было распознать, кто съ которой стороны сражался. (Lib. VI, c. I, 7).

И за руки емлюще сѣчахуся. (Лавр. л. 141).

и за роуки емлюще са сѣчахꙋ. (л. 68). На греч. нѣтъ.

И сняшасясъ ними стрѣльци... а которыя ся не снимали. (Ив 377).

мятежници же ходахоу по троупїю акы по стогомъ, снимахоуса. (л. 149). Πατοῦντες δὴ τοὺς νεκροὺς ἐπ' ἀλλήλοις σεσωρευμένους οἱ στασιασταὶ συνεπλέκοντο—попирая мертвыхъ наваленныхъ кучами другъ на другѣ, мятежники сражались.

И сняшася обои, и бысть сѣча зла (Лавр. 341).

Исполчившеса и снемшеса с римьскыми полкы и скоро побѣ-

дниша ихъ. (л. 83). καὶ τοῖς Ρωμαίοις συρραγέντες ἀδοκήτως τρέπονται ταχέως—неожиданно вступивъ въ стычку съ Римлянами, скоро обратили ихъ въ бѣгство. (Lib. III. c. VI, 1).

Гоняше и оли до Санока (Ип. 171).

И плакидъ гна ѡли до їердана (л. 132). (Lib. IV, c. VII, 5).

И тако стояша полци оли до вечера (44).

ѿ нашихъ прадѣдъ оли и до насъ (л. 176) Lib. V, c. IX, 3.

Людье изнемогоша водною жажею (Лавр. стр. 107).

Ѭко ѥси изнемогоша жажею. (л. 97). ὡς τινὰς μὲν αὐθημερὸν ἀπὸ τοῦ δίψους ἀποθανεῖν—нѣкоторые ежедневно отъ жажды умирали. (Lib. III, c. VII, 32).

Изяславъ же поиде своими полкы на броды... иніи же полки вышьше Изяслава на броды (Ib. 67).

ѭко не бы лзѣ ѿтоле варваромъ бродъ бро̑ти. ὡς εἶναι τοῖς βαρβάροις τὴν διάβασιν τελέως ἀδύνατον—чтобы для варваровъ переправа совершенно была не возможна. (Lib. VII, c. IV, 3).

Отъ множества праха не знати ни конника ни пѣшьць. И тако бишася крѣпко. (Ib. 110).

И ѿ тольстоты праха дрѹгъ дрѹга не ѕнающе верьтахѹтся ѡколо. акы слѣпіи. дрѹгъ дроуга рѣзахоу. (л. 107 об.). καὶ παχύτητα τοῦ κονιορτοῦ μηδὲ ἀλλήλους ἐπιγινώσκοντες ἀνειλοῦντο καὶ περὶ σφᾶς ἔπιπτον—отъ густоты пыли, не узнавая другъ друга, путались и падали около своихъ. (Lib. IV, c. I, 4).

И ту бѣ товаръ многъ (67).

Товаръ къ Новугороду иде. (Ib. 27).

и по нихъ игемонъ товаръ. и воеводъскыи (л. 83 об.). Τὰς τε ἰδίας καὶ τὰς τῶν ὑπ' αὐτὸν ἡγεμόνων ἔταξεν ἀποσκευάς—указалъ поря-

	докъ для обозовъ съ кладью, какъ своей, такъ и подчиненныхъ ему полководцевъ. (Lib. III, c. VI, 2).
Обѣдаша братья на скупь. (Лавр. л. 177).	**И заповѣдаша.. да не съвокупляютса на скоупь.** (л. 189). На Греч. нѣтъ.
И посла слы своя (Ип. 31).	**И слы пославсте къ живоущимъ** (л. 228 об.). Καὶ πρεσβεῖαι μὲν ὑμῶν πρὸς τοὺς ὑπὲρ Εὐφράτην—и посольства ваши къ живущимъ за Ефратомъ. (Lib. VI, c. VI, 2).
И подаста руку межю собою. (Ип. 69).	**Пославже агрипа к тѣмъ градомъ и давъ роукоу оумири а.** (л. 105). Δεξιαῖς 'Αγρίππας προσηγάγετο—подавъ руку, привлекъ на свою сторону. (Lib. IV, c. 1).
И воевавъ приде съ честію и славою. (Ип. 8).	**И срѣтоша Сънфоріане съ честію и съ похвалами.** (л. 78. Lib. II, c. XVIII, 11).

3. Слѣды Дружиннаго быта.

Въ разсматриваемомъ переводѣ отразились нѣкоторыя бытовыя черты, кои могли быть занесены лишь только рукою Дружинника. Передавая единоборство іудеянина Іоанафана съ Римскимъ всадникомъ Пудентомъ, переводчикъ излагаетъ это, пріурочивая къ единоборству Мстислава съ Редедей, и при этомъ дѣлаетъ такую вставку, которую могъ сдѣлать только Дружинникъ.

Въ подлинникѣ дословно читаемъ:

«Нѣкто изъ Іудеевъ... на видъ презрѣнный, (назывался Іоанафанъ)... надмѣнно много кричалъ Римлянамъ и вызывалъ храбраго изъ нихъ на поединокъ. Нѣкто изъ Римлянъ по имени Пудентъ, изъ отряда всадниковъ выступилъ противъ него. Борясь, въ иномъ и превосходилъ его, но преданъ былъ счастіемъ. Когда онъ споткулся,

Іоанафанъ, наскочивъ убилъ его, потомъ наступивъ ногою на мертваго, трясъ окровавленнымъ мечемъ, а въ лѣвой рукѣ щитомъ, величаясь предъ падшимъ и дразня глядѣвшихъ Римлянъ, пока его скачущаго и неистовствующаго нѣкто Прискъ сотникъ, прицѣлившись, не прозиилъ стрѣлою».

Въ переводѣ же все это излагается съ прибавленіями въ русскомъ духѣ.

нѣкто іюдеанинъ... ѣзоромъ щюупль горды рѣчи и поношеніе пущаше на Римляны и възываше на бои храбрѣишаго ѿ нихъ. «гла ꙗко нѣ въ клѣ иже со мною съ единѣмъ смѣетъ битися» и низаше вся. Нѣкто римлянинъ именемъ поудыи.... изыде на нь. и нимъ всѣмъ ωрѹжїемъ и рѹками ѿдолѣвше емоу. нъ соудъ предасть его пωдъкноувъ внезапноу падеся. и притече июдѣанинъ възгрузи на нь мечь. потомъ же настоупи на трупъ его. и кровавымъ мечемъ махаше скача и плаша радостно, акы всихъ римлянъ оубивъ и кричаше на всѣхъ. акы кличемъ хотя снѣсті а.

Здѣсь именно вставлены еще слѣдующія слова, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ:

«и къ падъшемоу хѹпася глаше: раздѣли своеи дрѹжини дань, юже еси оу мене взялъ и кесареви дан часть».

За симъ изложеніе факта также не вполнѣ отвѣчаетъ подлиннику:

Τῶν Ἰουδαίων δέ τις... τὴν ὄψιν εὐκαταφρόνητος (Ἰωνάθης ἐκαλεῖτο)...... τε πολλὰ πρὸς τοὺς Ῥωμαίους ὑπερηφάνως ἐφθέγγετο καὶ τὸν ἄριστον αὐτῶν εἰς μονομαχίαν προὐκαλεῖτο... Πούδης τις ὄνομα τῶν ἐκ ἴλης ἱππέων.... προπηδᾷ καὶ τὰ μὲν ἄλλα περιῆν συμβαλὼν, προεδόθη δ' ὑπὸ τῆς τύχης. Πεσόντα γὰρ αὐτὸν ὁ Ἰωνάθης ἀποσφάττει προσδραμὼν, ἔπειτα ἐπιβὰς τῷ νεκρῷ τό τε ξίφος ἡμαγμένον ἀνέσειε καὶ τῇ λαιᾷ τὸν θυρεὸν ἐπηλάλαξέ τε τῇ στρατιᾷ πολλὰ, καὶ πρὸς τὸν πεσόντα κομπάζων, καὶ τοὺς ὁρῶντας Ῥωμαίους ἐπισκώπτων, ἕως αὐτὸν ἀνασκιρτῶντα καὶ ματαΐζοντα Πρίσκος τις ἑκατοντάρχης τοξεύσας διήλασε βέλει. Ὁ δὲ δινηθεὶς ἐκ τῶν ἀλγηδόνων ἐπὶ τὸ σῶμα τοῦ πολεμίου κατέπεσεν. (Lib. VI. c. II. § 10).

и на ҳращаа римлꙗны поущаше лаанїа ҳлаа. скача и шаташса и хота досагати нбсъ величаемъ дъйдеже прискъ сотникъ ҳастрѣлї и оулоучи и ѐ ротъ и вь гортань. и абїе повертѣса и мъҳвенъ падеса на трупѣ лежащемъ. (л. 211).

За тѣмъ тамъ, гдѣ въ подлинникѣ идетъ дѣло о Совѣтѣ или Думѣ, переводчикъ также вноситъ Дружинныя бытовыя черты.

Такъ въ подлинникѣ читаемъ, что «Иродъ собралъ совѣтъ изъ своихъ сродниковъ и друзей и самъ съ Варомъ *предсѣдательствовалъ*» (προκαθέζεται δ' αὐτὸς ἅμα Οὐάρῳ. (Lib. c. XXXII, I).

Въ переводѣ же это выражено въ бытовой картинѣ:

Самъ же сѣде на высоцѣ столѣ, а оуаръ сторонь его на нишьши (л. 26 об.).

Еще ближе къ Дружинному быту передано одно изъ засѣданій Думы.

Такъ въ подлинникѣ, читаемъ: «самымъ горячимъ изъ нихъ казалось что нужно, наведя всю силу, сдѣлать опытъ натиска на стѣны— теперь же, пока іудеи сражаются лишь съ частію войскъ; когда же стянутъ войска вмѣстѣ, не выдержать будетъ ихъ нападенія: пусть же будутъ засыпаны стрѣлами. Другіе изъ болѣе прозорливыхъ совѣтовали вновь дѣлать насыпи; иные же: продолжать осаду безъ этого, оберегая только ихъ выходы и подвозы нужнаго, не вступая въ бой руками съ непріятелями».

Въ переводѣ же все это изложено сообразно укладу Дружинно-Боярской Думы и порядку подачи голосовъ въ совѣтѣ:

«Оунѣшни ѿвѣщаша: да приступимъ вси къ стѣнамъ на купѣ и не стерпатъ людеи ѝшего пришествїа погроуҳатъ бо нашими стрѣ-

Καὶ τοῖς μὲν θερμοτέροις ἐδόκει πᾶσαν προσάγοντα τὴν δύναμιν ἀποπειρᾶσθαι τοῦ τείχους βίᾳ. μέχρι μὲν γὰρ νῦν κατασπάσματι Ἰουδαί-

лами. а средовѣцїи рѣша: подобаѐ и еще приспы ины дѣлати въ инѣ мѣстѣ и заградити їюдеѡ въхѡ. старѣиже рѣша: ако достоино ѡбрытися ѡкр҃тъ града и недати июдеѡ выходити или на траконманїе или на ино что, а рѹками не снииматися (л. 186).

ους τῆς στρατιᾶς συμπεπλέχθαι, προσιόντων δὲ ἀθρόων οὐδὲ τὴν ἔφοδον οἴσειν. καταχωσθήσεσθαι γὰρ ὑπὸ τῶν βελῶν. Τῶν δὲ ἀσφαλεστέρων οἱ μὲν καὶ τὰ χώματα ποιεῖν πάλιν, οἱ δὲ καὶ δίχα τούτων προσκαθέζεσθαι, μόνον παραφυλάττοντας τάς τε ἐξόδους αὐτῶν καὶ τὰς εἰσκομιδὰς τῶν ἐπιτηδείων, παρῄνουν. μηδὲ συμπλέκεσθαι κατὰ χεῖρα τοῖς πολεμίοις. **(Lib. V. c. XII, 1).**

На Римское пожалованіе Титомъ отличившихся воиновъ наложены черты раздачи Дружинной добычи, упоминаемой въ «Словѣ». Въ подлинникѣ дословно читаемъ:

«Онъ приказалъ разузнать назначеннымъ для того лицамъ, кто что сдѣлалъ славнаго во время войны; и называя по имени хвалилъ представшихъ, и вѣнцы золотые возложилъ, ожерелья золотыя, и копья долгія золотыя и раздалъ знаки, сдѣланныя изъ серебра и положеніе каждаго перемѣнилъ на лучшее».

л. 241. **И повели (титъ) писцемъ своимъ изчести кождо ихъ (воиновъ) по рядоу, кто ихъ которое храбрьство створи на которомъ мѣстѣ. кто кождо ихъ свое има позпавъ и свое дѣло, приступль стояше прѣ титомъ. и сь похваливъ крѣпость его и бодрость его и тщанїе. възложь на нь вѣнець златъ и гривноу златоу и вьда емоу долго копїе злато и хорюговь сребреноу и ѿ плѣненаго злата**

Ἐκέλευσεν ἀναγινώσκειν τοῖς ἐπὶ τούτω τεταγμένοις ὅσοι τι λαμπρὸν ἦσαν ἐν πολέμῳ κατωρθωκότες. Καὶ κατ ὄνομα καλῶν ἐπῄνει τε παριόντας καὶ στεφάνους ἐπετίθει χρυσοῦς περιαυχένιά τε χρυσᾶ, καὶ δόρατα μακρὰ χρυσᾶ, καὶ σημαίας ἐδίδου πεποιημένας ἐξ ἀργύρου, καὶ τὴν ἑκάστου τάξιν ἤλλαττεν εἰς τὸ κρεῖττον.

и серебра и наволокы поущаще.
и чинъ его изъмѣнаше на вышнїи
чинъ.

Въ переводѣ являются и *гривна* золотая и *хоругов* серебряная и *паволоки*, имѣвшія мѣсто въ Русскомъ быту.

И такъ Дружинная технологія, техника дружинной рѣчи и бытовыя дружинныя черты, столь очевидно отразившіяся въ переводѣ, несомнѣнно доказываютъ, что онъ сдѣланъ въ Россіи и именно въ Дружинную эпоху Кіевской Руси.

Обращаясь за тѣмъ къ особенностямъ самаго перевода и отношенію его къ греческому тексту, мы прежде всего замѣтимъ что этотъ переводъ представляетъ въ себѣ такое сокращеніе Флавія, которое всѣ семь книгъ его соединяетъ въ одной съ самостоятельнымъ раздѣленіемъ на 197 главъ. Нельзя не замѣтить, что авторъ этого сокращенія главнымъ образомъ выбиралъ для своего произведенія тѣ главы и мѣста подлинника, въ которыхъ расказывается о воинскихъ дѣлахъ и подвигахъ и въ которыхъ трактуется объ Іерусалимѣ.

Слѣдя за ближайшимъ отношеніемъ перевода къ Греческому оригиналу и сравнивая его съ Лѣтописью, мы видимъ слѣдующее:

1. Въ переводѣ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ текстѣ и которыя до того сходны съ лѣтописными, что какъ будто внесены сюда прямо изъ Лѣтописи.

Въ переводѣ Флавія:	*Въ Лѣтописи:*
И бысть видѣти ломъ копѣиныи, и скрежтанїе мечьное и щиты искипани. (л. 85).	«И ту бѣаше видите ломъ копейный и щитъ скепаніе» (Ипат. л. 178).
И бысть по вса дни вырнистанїи ломленїе ѡрѫжїю. (л. 170). На Греч. нѣтъ.	И ту бѣ видѣти ломъ копійный и звукъ оружейный (Ип. л. 110).
и землю напоиша крове.	Яко и по удоліемъ крови тещи (Лавр. л. 141).
Възъратиша сѧ, выюще акы волцы. (л. 131).	Аки волцы стояще. (Лавр. 240).

И поводоша ихъ, акы дивїа ꙁвѣри. (л. 132).

И се нападоша, аки звѣри дивіи. (Лавр. стр. 131).

И стрѣлы на нѧ лѣтахоу, акы дож҃ъ. (л. 132).

Идяху стрѣлы, аки дождь. (Лавр. стр. 262).

И помощенъ во иωрданъ троупїемъ. (л. 132).

И бысть ходити имъ по трупію, аки по мосту. (Ип. стр. 199).

стрѣлци же и пороучникы ꙁаставити наꙁа̂, да не вѣдадатъ гражаномъ вынникнути иꙁъ ꙁабралъ (л. 89).

И порокомъ бьющимъ неослабно день и нощь и стрѣламъ, не дадущимъ выникнути изъ заборовъ. (Ипат. 199).

Изъ Лѣтописи же, по видимому, внесено въ переводъ и слѣдующее мѣсто: **Потомъ и мечѧ иꙁламавше и роукама начаша битисѧ и всякое ωбрѣтаемое ωроужїе бы ωбрѣтающемоу.** (л. 202). На Греч. нѣтъ.

2. Нѣкоторыя понятія въ подлинникѣ выражены положительно, въ переводѣ же облечены въ выраженія образныя также тождественныя съ Лѣтописными. Такъ читаемъ:

Въ переводѣ Флавія:

Мнюже, ѩко тогда ѡрнвшесь вои. пожерли быша июденскаѧ воѧ. (л. 186). Δὶ ὑπερβολὴν θυμῶν κἂν ὅλον ἁρπάσαι τὸ τῶν Ἰουδαίων πλῆθος. Плѣнили бы отъ чрезмѣрной ярости и все множество іудеевъ. (Lib. V, c. XI, 6).

Ѩко ананъ ꙁоубы скрегчетъ на вашихъ властель. (л. 106 об.).

Καὶ ἀπελεῖν ἐκείνοις ἐξαιρέτως— что онъ угрожаетъ имъ по преимуществу. (Lib. IV, c. IV, 1).

Въ Лѣтописи:

И поидоша Мстиславичи кличуще, аки пожрети хотяще. (Лавр. 357).

Поскрежетъ зубы своими. (Ib. 240).

3. Но есть и другія выраженія, кои представляя лишь переводъ такихъ же выраженій Греческихъ, какъ будто занесены въ свою очередь въ Кіевскую Лѣтопись прямо изъ разсматриваемой повѣсти Флавія. Такъ читаемъ:

Въ Кіевской Лѣтописи:	*Въ переводѣ Флавіи:*
Стрѣлы омрачиша свѣтъ (Ипат. 177).	**Стрѣлы помрачиша свѣтъ** (л. 85 об.). Καὶ πάντοθεν ἀφιεμένων ἀπὸ συνθήματος τῶν βελῶν τὸ φῶς ὑπετέμνετο—и отъ стрѣлъ, отовсюду по сигналу бросаемыхъ, потемнѣлъ свѣтъ (Lib. III, c. VII, 27).
Ни копьемъ мя еси добылъ (Ип. 214).	**Тъ же градъ Іисусъ Навгинъ добы копїемъ** (ἣν Ἰήσους ὁ Ναυῆ... εἷλεγῆς δορίκτητον. Lib. IV, c. VIII, 3. Іисусъ Навинъ пріобрѣлъ копіемъ.
Загналъ отрока... за желѣзныя врата. (Ип. л. 155).	**Древле Александръ цр҃ь ʒатвори желѣʒныа враты** (ἣν ο βασιλεύς Ἀλέξανδρος πύλαις σιδηραῖς κλειζὴν ἐποίησε. (Lib. VII. c. VII. 4).
Рекоша ему, (Игорю) дружина: потьски неможешь перелетѣти.(Ип.129). Иречe Изяславъ: даже ны Богъ поможетъ, -то ти не крылати суть,—а перелетѣвше за Днѣпръ сядутъ же. (Ib. 60).	**Рекъ: ꙗко аще и крила възрастоутъ оу Римлянъ не могоутъ прелетити ієрлмкихъ стѣнъ.** ὡς οὐδʼ ἂν πτερὰ λαβόντες υπερβᾶιέν ποτε Ρωμᾶιοι τὸ Ἱεροσολύμων τεῖχος. Римляне, когда бы и крылье имѣли, никогда не прейдутъ чрезъ стѣны Іерусалимскія. (Lib. IV, c. III).

Разсматривая переводъ самъ въ себѣ, безъ отношенія къ Лѣтописи, мы усматриваемъ, слѣдующее:

1. Нѣкоторыя изъ образныхъ выраженій имѣютъ основаніе въ Греческомъ подлинникѣ и въ переводѣ лишь буквально повторяются. Тамъ читаемъ:

Въ *переводѣ:*	Въ *подлинникѣ:*
Пожегше вся жилы градныя. (л. 74 об.).	Ἐπεὶ δὲ τὰ νεῦρα τῆς πόλεως κατέφλεξαν—когда сожгли нервы города. (Lib. II, c. XVII, 6).
Ѡтрѣза жилы градныя. (л. 149).	Καὶ τὰ νεῦρα τῆς αὐτῶν ὑποκοπτόντες δυνάμεως—подрывая нервы своей силы. (Lib. V, c. 1, 4).

2. Другіе же обороты хотя и имѣютъ основаніе въ Греческомъ подлинникѣ, но въ переводѣ выражены своеобразнымъ художественнымъ стилемъ.

И камень метахꙋ пороками, и сꙋлицы изъ лукъ пꙋщаеми шꙋмахоу. (л. 85 об.).	Οἵ τε καταπέλται τὰς λόγχας ἀνερροίζουν καὶ ἐκ τῶν πετροβόλων ἐβάλλοντο πῦρ τε καὶ πλῆθος ἀθρόων οἰστῶν—катапулты съ трескомъ кидали копья и метальныя машины бросали безчисленное множество стрѣлъ. (Lib. III c. VII, 9). Τῶν οὖν ὀργάνων φοβερώτερος ὁ ῥοῖζος, τῶν δὲ βαλλομένων ἦν ψόφος—былъ страшнѣйшій трескъ метательныхъ орудій и свистъ метаемыхъ стрѣлъ. (Lib. III c. VII. 23).
Но оуже вси долгими сѣчами истлѣша. (л. 275 об.).	ἡ πᾶσα διὰ μακροῦ τοῦ πολέμου κατέστραπτο—но уже вся страна (χώρα) отъ долговременной войны раззорилась (Lib. VII, c. X, 1).
Ноужа бо и страхъ ѡбломиста силоу ихъ. (л. 235 об.).	Κατεάγησαν γὰρ ἤδη τὴν ἰσχὺν ἅμα τῷ δέει καὶ ταῖς συμφοραῖς—въ нуждѣ и несчастіяхъ они истеряли силу.

Смихахоуќся и пороугахоуќся римланомъ... и скакахоу радостьно (л. 155 об.).

ἔσκωπτον τε τοὺς Ρωμαίους.... μετὰ χαρᾶς ἀνεβόων — дразнили Римлянъ... восторженно крича. (Lib. V, III. 4).

Ѩко самъ поѩтзлъ по тремъ игемонскый. (л. 144 об.).

ὑποδὺς ἀναγκαίως τὸ βάρος τῆς ἡγεμονίας,—по необходимости принявъ бремя правленія. (Lib. IV, c. X, 6).

Пшеницю ѕобахоу не мелюще. (л. 182).

ἀνέργαστον τὸν σῖτον ἤσθιον— ѣли не воздѣланный хлѣбъ.

3. Другія же поэтическія выраженія не даются прямо подлинникомъ, въ которомъ высказываются лишь голыя понятія и мысли. Многія изъ этихъ понятій и мыслей, выраженныхъ въ подлинникѣ положительно, переводчикъ облекъ въ художественные образы, которые суть продуктъ его образованности или же личнаго творчества.

Слышавши иѡсипа, жива суща оу еспасіана въ чьсти ходяща тако въарилшасѧ нань, ѩко ѕоубы имъ быша, иѕѣли. (л. 97 об.).

Τοσοῦτον ὀργῆς ἐπὶ ζῶντος, ὅσον εὐνοίας ἐπὶ τεθνάναι δοκοῦντος πρότερον ἀνελάμβανον—узнавъ, что онъ живъ, отнеслись къ нему съ такимъ же негодованіемъ, съ какимъ относились до того, думая, что онъ умеръ (Lib. III, c. IX, 6).

Къ смерти челомъ идоутъ. (л. 196 об.).

Καὶ θανάτου καταφρόνησιν—презираютъ самую смерть. (Lib. VI, c. 1, 5).

Ни стати подъ біющими съ горы, ни челомъ итикъ железоу, аки ѕвѣрь (л. 109 об.).

Καὶ μὴ κατὰ κορυφὴν ἱσταμένοις τοῖς κινδύνοις ἕπεσθαι—не поддаваться опасностямъ, предстоящимъ съ верщины горы. (Lib IV, c. 1, 6).

И вси постигаеміи желѣзомъ скончашася (л. 121).

Φόνος δὲ τῶν καταλαμβανομένων μυρίος—побіеніе всѣхъ попадавшихся было безчисленное. (Lib. VI, c. V, 1).

Ѡставиша игемона своего во оустѣхъ брани (л. 108 об.).

Τὸν στρατηγὸν μόνον τοῖς κινδύνοις ἐγκαταλιπεῖν—оставили предводителя одного среди опасностей. (Lib. IV, c. 1, 6).

Иже живыхъ рѣзахоу, а гробныа лупахоу (л. 115).

Καὶ μέχρι φόνων ἐχώρουν οὐ νυκτὸς ἢ λαθραίως, ἀλλὰ φανερῶς καὶ μεθ᾽ ἡμέραν—доходили до убійствъ, не ночью или тайно, но явно, среди дня. (Lib. IV, c. III, 4).

4. Есть наконецъ въ переводѣ и такія художественныя мѣста, для которыхъ уже нѣтъ никакого основанія въ Греческомъ текстѣ и которыя являются здѣсь, какъ вставки, для большей картинности и ясности мысли. Вотъ примѣры:

л. 168. И ѿ мечь искры вылетахоу и за роуки емлющеса сѣчахѹ и многи предстатели падоша (Lib. V, c. VI, 5).

л. 148. И ражахоуса ѿ матежа матежь. ꙗко звѣрь бѣ сѹкса на свою плоть, зѹбы възвращаа. такоже и си свою рѹкоу на своа сродникы пострѣвахоу. (Lib. V, c. 1, 3).

л. 232. И по всемоу градоу не бы гдѣ ни иглы поврещи на голѣ мѣстѣ. (Lib. V, c. VII, 2).

5. Въ переводѣ не мало сравненій, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ текстѣ, какъ то:

л. 196. д҃ камени.. вывалиша изъ мѣста велицыа акы горы. (Lib. VI, c. 1, 3).

л. 79 об. Гради части и села, акы звѣзды, (Lib. III, c. III, 2).

л. 188. Оуноши же и ѿроковицѣ ѡпухше вертахуса средѣ града, акы идолѣ и акы стѣневе. (Lib. VI, c. XII, 3).

л. 174. Вои же по ѡбычаю ѡблѣкшеса въ орѹжїе, акы стѣны поидоша (Lib. V, c. IX, 1).

л. 170 об. Іюдеи же ристахоу къ лѣсоу, акы звѣри.

л. 173. Римлане ходахоу, акы слѣпѣ. (Lib. V, c. VIII, 1).

л. 173. А иже оутѣснишаса тѹ падахѹ, акы скотъ давлщеса.

л. 129. И оумножиса, акы стози мртвыхъ. (Lib. IV,-c. VI, 3).

л. 24 об. **Они же ласкосердствующе на златонманіе, ако же врани на троупъ.**

Въ переводѣ отразились и нѣкоторыя черты Русскаго народнаго быта. Такъ:

1. Мѣстные жители (ἐπιχώριοι) и земледѣльцы называются *земцами:*

И разлучиша пришелци ѿ земецъ (л. 104). — Διακρίνων δὲ ἀπὸ τῶν ἐπιχωρίων τὸν ἔπηλυν—отдѣливъ чужестранца отъ туземцевъ (Lib. III, c. X 10).

Оустроена же есть вса страна земцемъ (л. 79 об.). — Προσησκήθη γοῦν ὑπὸ τῶν οἰκητόρων πᾶσα—вся обработана жителями (Lib. III, c. III, 2).

При этомъ—земледѣліе называется *страданіемъ,* а землепашцы *страдолюбцами.*

Ѡбиліе (земли) може побудити на страданіе и не страдолюбцы[1]. (л. 97 об.). — ὑπὸ τῆς εὐπαθείας προσκαλέσασθαι καὶ τὸν ἥκιστα γῆς φιλόπονον—плодородіемъ и самые лѣнивые возбуждаются къ охотному воздѣлыванію земли. (Lib. III, c. III, 2).

2. Изгнаніе, согласно древнимъ Русскимъ памятникамъ, также называется *оземствованіемъ.*

Клавдіи коумана своего ѡсуди ѡземьствованіемъ (л. 59). — Κούμανον δὲ ἐφυγάδευσε—Кумана отправилъ въ изгнаніе. (Lib. II, c. XII, 7).

3. Упоминается *лавка* въ избѣ, чего въ Греческомъ подлинникѣ нѣтъ.

Другы же сътникъ именемъ галъ и десать воинъ съ нимъ въниидоша нѣ в кою храмниноу и — Ἑκατοντάρχης δέ τις, Γάλλος ὀνόματι, μετὰ στρατιωτῶν δέκα περισχεθεὶς ἐν τῇ ταραχῇ, κατέδυ

---

[1] Въ Архангельской губерніи до нынѣ говорятъ: «*уѣхали страдать*» вмѣсто «уѣхали гари дѣлать или сѣно косить».

оухоронишась подъ лавицами. господарей же пришедшимъ и при вечеръ... людьскую думоу промвившемъ, они же лежаще подъ лавицами и слышаша (л. 108 об.).

μὲν εἰς τινος οἰκίαν δὲ ἐν αὐτῇ διαλαλούντων παρὰ δεῖπνον, ὅσα κατὰ τῶν Ῥομαίων, ἢ περὶ σφῶν ὁ δῆμος ἐβουλεύετο καταχροασάμενος, νύκτωρ ἐπανίσταται. — Нѣкоторый сотникъ, по имени Галлъ, въ замѣшательствѣ, съ 10-ю воинами тайно зашелъ въ одинъ домъ и, услыхавъ, что за ужиномъ тутъ разговаривали о томъ, что затѣвалъ народъ противъ Римлянъ— или же въ защиту себя, ночью напалъ на нихъ (Lib. c. IV, I, 5).

Прятаніе подъ лавку—извѣстный обычай въ народной жизни и переводчикъ воспользовался имъ, чтобы нагляднѣе представить подслушаніе тайнаго чужаго разговора.

4. Греческія цѣны переведены на деньги и вѣсъ, обращавшіеся на Руси.

И дани възложи на іюдія по два золотника ѿ мужа (л. 262).

Δύο δραχμὰς ἕκαστον κελεύσας— повелѣвъ каждому вносить по двѣ драхмы. (Lib. VII, c. VI, 6).

Аще же и съгнившее сѣно или солому обрѣтоша, то баше имъ пища... инии же толко сѣно събирающе полъгривны вѣса на четырехъ золотницехъ атинскыхъ, тко и златникъ погорвчихъ (л. 213 об.).

Τροφὴ δ᾽ ἦν καὶ χόρτου τισὶ παλαιοῦ σπαράγματα, τὰς γὰρ ἶνας ἔνιοι συλλέγοντες ἐλάχιστον σταθμὸν ἐπώλουν Ἀττικῶν τεσσάρων. Для иныхъ пищею служили обрывки стараго сѣна, такъ какъ нѣкоторые собирая ихъ продавали малѣйшій вѣсъ по 4-ре аттическихъ драхмы. (Lib. VI, c. III, 3).

Припомнимъ здѣсь одно мѣсто изъ договора Игоря съ Греками, «аще ли обрящутся Русь работающе у Грекъ, аще суть плѣньници, да искупаютъ е Русь по 10 златникъ». (Лавр. лѣт. стр. 49).

5. Представленъ, согласно древнѣйшимъ юридическимъ актамъ, состязательный процессъ, котораго не дается прямо подлинникомъ.

И сами ставше прѣ ѻ съ ꙁахарїею прахоутся съ нимъ глюще ꙗко тъ предаваеть гра римляномъ

Соудїа же рекоша: кто ѡбвинитель или которое ꙁнаменїе?

И ревнителе (Зилоты) **отвѣщаша: мы видицы тому, мы же посаоуси и намъ вѣру имете.**

Соу̑ди же рекоша: не имамы вамъ вѣры, ꙁане противни есть (т. е. враги обвиняемаго).

ѻ же моужъ присудиша ему ѿпущенїе. (л .126).

Τοῦ Ζαχαρίας κατηγόρουν ὡς ἐνδιδόιη τὰ πράγματα Ρομαίοις ἦν δὲ οὔτε ἔλεγχος τις τῶν κατηγορουμένων οὔτε τεκμήριον, ἀλλ᾽ αὐτὸι πεπεῖσθαι καλῶς ἔφασαν καὶ τοὐτ᾽ εἶναι πίςιν τῆς αληθέιας ἠξίουν. Захарію обвиняли въ томъ, что онъ будто бы хотѣлъ предать дѣла ихъ Римлянамъ, но въ чемъ обобвиняли, ни уликъ, ни доводовъ на то не было; но они, говорили, что въ томъ сами хорошо убѣждены и этого достаточно для увѣренія въ истинѣ. (Lib. IV, c. V, 4).

Встрѣчается въ переводѣ не мало особенностей языка народнаго.

1. Таковы напр. отдѣльныя выраженія:

Доубрава—δρύμος—дубовый лѣсъ (л. 261 об. Lib VII, c. VI, 5).

Наймиты—οἱ μίσθιοι—наемники (л. 150 Lib. V, c. II, 1).

лучье—λαμπάδες—факелы (л. 195. L. VI, c. I, 3).

Понюкнуть—ἐμβοάειν—крикнуть (л. 151. Lib. V, II, 2).

Ущенуть — δρέπειν — сорвать, сощипнуть (л. 136 об. Lib. IV, c. VIII, 4).

лаꙁить на ꙁабрало—ἐπὶ τὸ τεῖχος ἀναβῆναι—восходить на стѣну (л. 112. Lib. IV, c. II, 3).

ꙁакоурити пещероу—ἐκκάιειν τὸ σπήλαιον—зажечь (л. 92. Lib. III, c. VIII, 3).

Пити до оупол—πλέον, τοῦ ἵν πίνειν (л. 192. Lib. V, c. XIII, 6.)

Кромѣ того не мало есть словъ, для коихъ въ подлинникѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ греческихъ или же онѣ выражены тамъ особыми предложеніями.

Хвонникъ (л. 139).
Проклатые дѣти (л. 26 об.).
Ровна (л. 114 об.).
Пригорща мѹкы (л. 182).
Страда (л. 170 об.).
Соромота (л. 233).
Моровъ (л. 230).
Станище (л. 196 об.).
Становище (л. 106).
Пакость (л. 104 об.).
Поущьше (л. 14 об.) и т. п.

2. Множество предложеній, замѣчательныхъ или по своему строенію, близкому къ живой рѣчи или по своимъ созвучнымъ сочетаніямъ:

и не можаше никако же скотина тоуда проити, но токмо единомоу ѹ҃лкоу пѣшомоу (л. 267).

χρημνώδεις καὶ πάσῃ βάσει ζώων ἀπρόσιτοι, πλὴν ὅσον κατὰ δύο τόπους τῆς πέτρας, εἰς ἄνοδον οὐκ εὐμαρῆ παρειχούσης,—были крутизны для всякаго прохода животныхъ недоступные, кромѣ дву мѣстъ скалы, допускающей подъемъ съ затрудненіями. (Lib, VII, c. VIII, 3).

Берегомъ бо ити не вдасть безводіе,
а по морю пристанища нѣсть,
а по рѣкамъ порозѣ лютѣ. (л. 143 об.).

ἔστι γάρ κατά τε γὴν δυσέμβολος, καὶ τὰ πρὸς θάλασσαν ἀλίμενος.... καὶ τοὺς ἀπλώτους καταράκτας. И по сушѣ и на морѣ пристанями скудно и на рѣкѣ не судоходные пороги. (Lib. IV, c. X, 5).

Они же на хорюгки зрятъ,
И рѹцѣ на сѣчю готовать,
тѣмъ же и скоро творатъ,
єго же хотатъ. (л. 82 об.).

ὄψεις δε σημείοις, ἔργοις δ. χεῖρες. ὅθεν δρᾶσαι μὲν ἀεῖ ταχεῖς
Взоры у нихъ для знаменъ, а руки для дѣла; оттого и въ дѣланіи всегда успѣшны. (Lib. III, c. V, 7).

кто боле людни погоубитъ
и боле грѣха добоудетъ. (л. 266).

καὶ πρὸς ὑπερβάλλειν ἀλλήλους ἔν τε ταῖς πρὸς τὸν Θεὸν ἀσεβείαις καὶ ταῖς εἰς τοὺς πλησίον ἀδικίαις ἐφιλονείκησαν — спорили о превосходствѣ другъ передъ другомъ въ нечестіи предъ Богомъ или въ неправдахъ къ ближнему. (Lib. VII, c. VIII, 1).

Встрѣчаются въ переводѣ и слѣды эпическія, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ текстѣ.

1. Таково напр. воззваніе къ солнцу.

И ставъ посредѣ ихъ ананъ. и позрѣвъ на цръковь. исполни очи слезъ и рече. живу, ѡ слнце, и вельдішю и не емлю славныа смрти ѡ своей старости. (л. 117).

Ζῶ καὶ φιλοψυχῶ, μηκέτι ὑπὲρ τοὐμοῦ γήρως ὑπομένων εὐκλεᾶ θάνατον.—Живу и жизнь люблю, больше не ожидая за свою старость славной смерти. (Lib. IV, c. III, 10). Возванія *къ солнцу* здѣсь нѣтъ.

И се рѹцѣ простеръ и главоу ѿклонь въпіаше. ѡ земла, ѡ нбо, ѡ слнце. или може ѡчеоубінцъ ѡбъиматі ѿца, на негоже толика зла съмысливъ. истанися нечестивая главо, съкрушися безаконниче (л. 25).

κἀκεῖνος, τὰς χεῖρας προβαλὼν καὶ τὴν κεφαλὴν παρακλίνας, ἔστιν, εξεβόησε, καὶ τοῦτο πατροκτόνου, τὸ περιπλέκεσθαι μοι θέλειν ἐν τηλικαύταις αἰτίαις ὄντα. Φθείρου, δυσσεβεστάτη κεφαλή. И онъ поднявъ руки и склонивъ голову, воскликнулъ: «это ли пристойно

отцеубійцѣ! И повинный въ такихъ преступленіяхъ онъ хочетъ меня обнимать! Згинь, непотребнѣйшая главо! (Lib. I, c. XXX, 5). Воззванія *къ землѣ, небу и солнцу* здѣсь какъ видитъ читатель также нѣтъ.

2) Греческое θύριον—звѣрь во многихъ мѣстахъ переводится зміемъ.

Се же скровеннымн ꙁміи насытився моихъ благодѣаніи и превратн на мя свою сытость. и мои животь стосив емоу. и старостїю моею тажко ему бы. и не стерпи црьствовати добромъ, нъ ѿцеоубїиствомъ. (л. 25 об.).

Τὸ δὲ μιαρὸν τοῦτο θηρίον, τῆς ἐμῆς ὑπερεμπλησθὲν ἀνεξικακίας, ἤνεγκε κατ᾽ ἐμοῦ τὸν κόρον. Ἔδοξα γὰρ αὐτῷ πολὺν ζῆν χρόνον, καὶ τὸ ἐμὸν γῆρας ἐβαρύνθη, βασιλεὺς τ᾽ οὐχ ὑπέμενεν, εἰ μὴ διὰ πατροκτονίας, γενέσθαι. Этотъ непотребный звѣрь, переполнившись моимъ терпѣніемъ, обратилъ на меня свою сытость. Моя жизнь показалась ему долговременною и моя старость его обременила; онъ не разчитывалъ сдѣлаться царемъ иначе, какъ чрезъ отцеубійство. (Lib. I, c. XXXII, 2).

Оуаре. ты блюдися ѿ него. азъ бо ведми вѣмъ ꙁмѣа (л. 27 об.).

Οὔαρε, σοὶ φυλακτέον· ἐγὼ γὰρ οἶδα τὸ θηρίον—Уаре, тебѣ нужно беречься, ибо я знаю сего звѣря. (Lib. I, c. XCXII, 2).

3) Бѣдствія (τὰ κακὰ) въ переводѣ также называются «**ꙁмїевы ꙁлобы**».

доколѣ стерпимъ ѕмїевы ꙁлобы. (л. 190).

μέχρι τίνος ἀνθέξομεν τοῖς κακοῖς. До чего же мы будемъ терпѣть эти несчастія? (Lib. V, c. XIII, 2).

Наконецъ въ переводѣ можно замѣтить и нѣкоторые слѣды языка пѣснотворческаго.

Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь упоминаются:

Калнжницы, (л. 56 об.) о которыхъ нѣтъ ни слова въ Греческомъ текстѣ:

Мнози ѿ народъ, глемыхъ послушана. и покелѣнїю ихъ кинмахоу, не слакы ихъ дѣла. быша во ѿ худыхъ. овн прамъ шекци. овн же калнжници. (л. 58 об.).

Далѣе упоминаются:

гудцы и пѣвци и съ арганы. (л. 64 об.). Въ Греческомъ текстѣ они отвѣчаютъ выраженіямъ: Κιθαρισταί τε καὶ ὑμνῳδοὶ μετὰ τῶν ὀργάνων—это игроки на цитрѣ и пѣснопѣвцы съ органами. (Lib. II, c. XV, 4). Любопытно именно то, что на кифаристовъ наложено здѣсь понятіе древне-русскихъ *гудцевъ*.

Изъ выраженій, встрѣчающихъ здѣсь и общихъ съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ отмѣтимъ слѣдующія:

Въ былинахъ читаемъ:	**Въ переводѣ Флавія:**
И Ильѣ то было не къ суду пришло. (Рыбн. I, 58.)	**И сь судомъ постиженъ бы** (л. 202). Ἐδιώκετο καὶ αὐτὸς ὑπὸ τῆς εἱμαρμένης. (Lib. VI, c. 1, 8). Онъ преслѣдуемъ былъ судьбою.
Не чѣмъ намъ въ Кіевѣ похвалитися. (Богатыр. Слово стр. 25).	**Боудѣ а нмъ ѡ чемъ похвалнтса** (л. 231 об.) на Греч. нѣтъ.
А похвалу есмы видѣли твоихъ богатырей. (Ib стр. 24).	**И намъ исполнитиса похвалы большїе.** (л. 100) Ἵν' ἀκοινώνητόν τε ᾖ τὸ κατόρθωμα καὶ μεῖζον—чтобы удачно совершенное дѣло было безъ участниковъ и казалось важнѣе. (Lib. III, c. X, 2).

Гдѣ въ Греческомъ подлинникѣ говорится о горахъ, тамъ въ

переводѣ вставлены и «*лѣса*», по видимому, также подъ воздѣйствіемъ народнаго пѣснотворчества.

а проуіи народи разбѣгоша по горамъ и по лѣсомъ (л. 36).

Мнози же... не възмогоша кликати и плакати и противу кличю и възгласаху горы окртныя. и яко и лѣси вси. (л. 222).

Наконецъ для характиристики языка перевода Флавія—приводимъ здѣсь отрывокъ изъ Паремій [1], составленныхъ въ честь Бориса и Глѣба, вѣроятно, при самомъ возведеніи ихъ въ лики Святыхъ, и озаглавленныхъ: ѿ бытія чтеніе.

и покрыша полѣ лѣтьское ѡбои ѿмьможества вои. бѣ же пакь. тогда восхощоу слнцю. и приспѣ въ тои чинъ стополкь с печенѣгы. и състоупиша ѡбои и бы сѣча зла. ѩже не бывала в роусѣ. за роукы ся емлюще сѣчахоу. и поудолиемь кровь течаше. и състоупиша ѡбои .г. жы. и ѡмѣрькоша биющеся. и бы громъ великъ тоутенъ. идоже и молнии блистании. и блещахоуся ѡроужия въ роукахь ихь. и мнози вѣрьнии видахоу. аньглы помагающа ѩрославу. а стополкь давь плещи побѣже. его же поправдѣ яко не прѣна. соудоу пришедъшю. ѩрославъ же пришедъ. сѣдѣ въ кыевѣ съ дроужиною своею. показаѩ побѣдоу и троудъ великь.

Внимательный читатель не можетъ не видѣть, что весь этотъ блестящій отрывокъ состоитъ изъ выраженій, оборотовъ и образовъ, встрѣчающихся какъ въ Лѣтописи, такъ и въ переводѣ Флавія.

Мы не напрасно съ такимъ вниманіемъ остановились на переводѣ повѣсти Флавія. Изслѣдованіе его приводитъ къ выводамъ, драгоцѣннымъ не только для Исторіи литературы, но и для Русской исторіи вообще.

---

[1] По списку XIV вѣка, на бомбицинѣ, принадлежащему нашему рукописному собранію.

На переводѣ лежитъ неотразимая печать сколько сознательнаго, столько же и самостоятельнаго отношенія къ Греческому подлиннику. Обращая вниманіе на древнѣйшіе переводы Болгарскіе, какъ-то, *Изборникъ*, переведенный для Болгарскаго царя Симеона, на «*Сказанія евангельскія въ сказаніяхъ всего лѣта*», выбранныя изъ Златоуста Болгарскимъ пресвитеромъ Константиномъ, мы видимъ, что они представляютъ въ себѣ чисто *механическое* переложеніе Греческихъ словъ на соотвѣтствующія Славянскія и *рабское* расположеніе ихъ по Греческому укладу. Не то мы видимъ въ нашемъ переводѣ повѣсти Флавія. Это живое усвоеніе Греческаго текста, это свободное выраженіе его смысла, далеко не тяготѣющее къ его буквѣ подобно переводамъ Болгарскимъ, показываетъ, что Греческій языкъ для образованныхъ людей Кіевской Руси былъ непосредственно доступенъ, на подобіе того, какъ въ наше время языкъ Французскій близокъ передовому образованному классу.

Далѣе, это поразительное сходство перевода съ Кіевскою Лѣтописью показываетъ не только то, что тотъ и другая относятся къ одной и той же эпохѣ и дружинной средѣ, но и то, что существовалъ уже тогда выработанный литературный языкъ, состоявшій изъ богатаго запаса техническихъ терминовъ, установившихся пріемовъ, выраженій и оборотовъ. Мы видѣли, что сходство этихъ памятниковъ въ отношеніи языка простирается такъ далеко, что они какъ будто заимствуютъ многія выраженія, обороты и образы другъ у друга. Столь близкое родство ихъ указываетъ лишь на то, что они воплощаютъ въ себѣ общій господствовавшій тогда литературный стиль. Стиль этотъ проникъ, какъ мы видѣли, даже въ строго церковную письменность.

Отсюда слѣдуетъ что въ Кіевской Дружинной Руси XII вѣка были уже «*мужи хитры книгамъ и ученію*» существовала уже развитая, прочно установившаяся, *литературно-повѣствовательная школа*, которая живымъ образомъ знала Греческій языкъ, съ яснымъ и непосредственнымъ разумѣніемъ относилась къ Еллинской словесности и обладала своеобразнымъ *стилемъ*, который такъ характерно сказывается какъ въ Лѣтописяхъ, такъ и въ переводѣ Флавія. Кіевская Лѣтопись представляетъ на то неотразимыя указанія. Ярославъ собра писцы многы, гово-

ритъ лѣтописецъ, и *прекладаше отъ Грекъ на Сло́вѣньское писмо* [1] и списашеся книгы многы, ими же поучащеся вѣрніи людье... Ярославъ же сей, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и, многы написавъ, положи в святѣй Софьи Церкви, юже самъ созда (Лавр. 148-149). Владиміръ Мономахъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи свидѣтельствуетъ о своемъ отцѣ Князѣ Всеволодѣ, что онъ, *сидя дома, изумѣяше 5 языкъ*, и при этомъ знаменательно замѣчаетъ: *въ томъ бо есть честь отъ иныхъ земель* (Ibid. 238). Упоминаетъ по мѣстамъ Лѣтопись и объ иныхъ «*мужахъ хитрыхъ книгамъ и чтенію*».

Но что всего важнѣе, разсмотрѣнный памятникъ, какъ памятникъ переводный, открывая путь точнаго сравнительнаго изученія, позволяетъ опредѣлить и самый стиль этой школы даже въ его происхожденіи.

Изъ сдѣланнаго нами разбора видно, что многія выраженія, часто встрѣчающіяся въ Лѣтописи и повторяемыя въ переводѣ Флавія, почти въ самой буквѣ отвѣчаютъ Греческимъ и потому очевидно обязаны своимъ происхожденіемъ Греческой Словесности и отсюда перешли въ оборотъ языка Дружинной литературной школы.

Съ другой стороны, изъ того же перевода мы видимъ, что голыя понятія подлинника здѣсь часто облекаются въ художественные

---

[1] Лѣтопись указываетъ и то, какія книги переложены были съ Греческаго на Словенское писмо. Такъ здѣсь читаемъ далѣе; яко же бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинаютъ; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуетъ съ Богомъ или Святыми мужи; почитая *Пророческыя бесѣды и Еуангельская ученія и Апостольская и житья Святыхъ отецъ* въспріемлеть души велику ползу (Лавр. 148—149). Переводы священнаго писанія далеко недостаточно изучены и потому нельзя положительно утверждать, какъ думалъ И. И. Срезневскій, что они до насъ не дошли. Житія Святыхъ въ южно-русскомъ переводѣ дошли до насъ въ Сборникѣ, принадлежащемъ Н. С. Тихонравову. Судя по живому отношенію къ Греческому подлиннику, по свободѣ переложенія, по стилю языка, эти переводы едва ли не относятся къ эпохѣ Кіевской Дружинной Руси. Типъ этихъ переводовъ существенно отличается какъ отъ Болгарскихъ, такъ и позднѣйшихъ Русскихъ.

образы и его мысли краснорѣчиво выражаются готовыми, какъ бы стереотипными, оборотами русской рѣчи—и даже иногда оборотами народными; это доказываетъ, что литературный стиль этой школы, кромѣ Византійской письменности, обязанъ своимъ происхожденіемъ отчасти предшествовавшему эпическому направленію дружинной литературы и главнымъ образомъ источнику живаго языка русскаго, народнаго.

При частыхъ переходахъ Князей и Дружинниковъ съ Сѣвера на Югъ и съ Юга на Сѣверъ, при самыхъ разнообразныхъ историческихъ и культурныхъ взаимодѣйствіяхъ, южно-русское и сѣверно-русское нарѣчія успѣли возвыситься въ своемъ соединеніи до *общаго языка литературнаго славяно-русскаго.*

Само собою разумѣется, что первоначальная Югославянская письменность имѣла огромное дѣйствіе на развитіе этого литературнаго языка Кіевской школы, привнеся въ него множество словъ мѣстнаго Югославянскаго образованія. Въ томъ же переводѣ повѣсти Флавія мы встрѣчаемъ такія выраженія, какъ **отънноудь, ѡбаче, соухымъ ꙁлатомъ.** Но достойно вниманія, что такихъ выраженій Югославянскаго происхожденія гораздо больше, чѣмъ въ переводѣ Флавія, встрѣчаемъ мы въ такомъ несомнѣнно русскомъ и оригинальномъ произведеніи, какъ «Кіево-печерскій Патерикъ». Здѣсь не только употребляются и **«обаче»** (л. 50) и **«отнноудь»** (л. 100), но и **«дроугоны»**, и **«вельми»** и **«тоудѣ»** и **«таче»** и **«огнь въꙁгнѣсти»** (л. 126) и **животомъ гоньꙁнѣть,** и т. п. Когда и какъ проникли подобныя слова и выраженія въ литературный повѣствовательный языкъ Кіевской дружинной школы, опредѣлить это также трудно, какъ и рѣшить, когда и какъ именно тѣ или другія иноземныя выраженія проникли въ современный литературный языкъ.

Съ другой стороны, изъ вышеприведенной лѣтописи Аѳонскаго списка той же повѣсти [1] видно, что тамошній схимникъ Григорій въ XVI вѣкѣ долго искалъ этого перевода—и въ Сербскихъ и Болгар-

---

[1] Смотри выше стр. 215.

скихъ земляхъ, но нашелъ только въ Россіи и «преписалъ Срьбскими рѣч҇мы». Въ виду того, что потомъ съ Аѳона къ намъ не мало было вывозимо книгъ юго-славянскаго письма, не мудрено, если отыщется у насъ въ Россіи и юго славянскій списокъ повѣсти Флавія. Но, тотъ, очевидно, впалъ бы въ грубую ошибку, кто сталъ бы, на основаніи письма и языка этого списка, самый переводъ памятника относить къ переводамъ Болгарскимъ.

И такъ, въ виду всего выше изложеннаго, настоитъ надобность отрѣшиться отъ ученаго - предразсудка, въ силу коего наши древніе переводы произведеній Греческой Словесности спѣшатъ относить къ Болгарской средѣ, служившей посредницей между нами и Византіей. Существованіе въ XII вѣкѣ въ Кіевской Дружинной Руси самостоятельной *литературной школы,* относившейся съ живымъ разумѣніемъ къ Греческой словесности, *для многаго* дѣлаетъ излишнимъ такое посредничество. Никакая Болгарія, ни старая, ни новая не представляетъ намъ такихъ блестящихъ образцевъ перевода, каковъ Русскій переводъ повѣсти Флавія. Къ тому же Болгарія въ XII вѣкѣ воплощала въ своей письменности *теологическій принципъ* и потому тѣмъ съ большею осторожностію должны быть относимы на ея счетъ переводы произведеній характера свѣтскаго. Что же касается нѣсколькихъ отдѣльныхъ выраженій мѣстнаго югославянскаго образованія, встрѣчающихся въ тѣхъ или другихъ переводахъ, то онѣ, какъ показываетъ Патерикъ Печерскій, прежде всего должны быть относимы къ литературному языку Кіевской школы, а отнюдь не къ доказательствамъ того, что тотъ или другой изъ нихъ сдѣланъ былъ первоначально въ Болгаріи. Подобныя доказательства сами по себѣ слишкомъ ничтожны, а между тѣмъ могутъ вносить прямую ложь въ исторію Русской литературы.

Наконецъ отсюда же видно и то, на сколько состоятеленъ взглядъ на Кіевскую дружинную Русь, проведенный въ Исторіи Русской Церкви [1] Е. Е. Голубинскимъ, будто бы «все просвѣщеніе этой Руси въ до-

---

[1] См. стр. 614.

монгольскій періодъ состояло въ одной грамотности или одномъ умѣніи читать—однимъ словомъ, будто оно находилось на самой послѣдней степени невысоты, какая только возможна», и будто бы лучь свѣта возсіялъ въ Россіи, лишь только со временъ Петра Великаго [1].

Слово о полку Игоревѣ, какъ произведеніе, относящееся къ той же дружинной эпохѣ и къ той же средѣ, очевидно, должно стоять

---

[1] Считаемъ не излишнимъ привести здѣсь образчикъ того, въ какомъ отношеніи къ переводу Кіевской Руси XII вѣка стоитъ переводъ той же повѣсти сдѣланный въ XVIII вѣкѣ:

и бы̑ тако. и ѡдръжаше все тѣло его разноличными страстьми. огнь бо бы̑ емоу безпрестани и съкрабъ нестерпимыи и въ костѣ частободѣние бываше. ноѕѣ ѡтекоста и ѡкаменѣста. дш҃а же его стояше е персехъ и тяжко дыхаше. и вси оуди его беспрестани съдрыгахоуся (л. 31 об. 32).

Ἔνθεν αὐτοῦ τὸ σῶμα πᾶν ἡ νόσος διαλαβοῦσα, ποικίλοις πάθεσι διεμερίζετο. Πυρετὸς μὲν γὰρ ἦν οὐ λάβρος, κνησμὸς δ' ἀφόρητος τῆς ἐπιφανείας ὅλης, καὶ κώλου συνεχεῖς ἀλγηδόνες, περί τε τοὺς πόδας, ὥσπερ ὑδρωπιῶντος οἰδήματα. Πρὸς τούτοις ὀρθόπνοια καὶ δύσπνοια καὶ σπασμὸ ἀπάντων τῶν μελῶν.

А вотъ переводъ XVIII вѣка;

«При семъ приключеніи болѣзнь, распространившись по всему тѣлу, терзала оное различными скорбми. Была у него горячка, но не сильная, а часотка по всему тѣлу не сносная; колика же (или боль въ кишкахъ) непрерывная. Сверхъ того дышать иначе не могъ, какъ сидя, и имѣлъ судорогу во всѣхъ членахъ» Переводчикъ собственно переводилъ съ Латинскаго, по мѣстамъ пользуясь и Греческимъ текстомъ; но въ существѣ онъ не понималъ *часто* ни того, ни другаго языка. Мы могли бы привести здѣсь множество образцовъ этого невѣжества. До такой степени упало въ XVIII вѣкѣ разумѣніе Греческой Словесности въ сравненія съ Кіевскою Русью XII вѣка.

по языку въ ближайшемъ отношеніи къ переводу повѣсти Флавія. И дѣйствительно, связь эта оказывается не менѣе поразительною, чѣмъ и связь того же самаго перевода съ Кіевскою Лѣтописью. Въ Словѣ встрѣчаемъ множество отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ оборотовъ, которые читаются и въ разсматриваемомъ переводѣ. Внутреннее взаимное отношеніе этихъ памятниковъ для насъ столь важно, что мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь всѣ тѣ мѣста, кои въ томъ и другомъ или совершенно тождественны между собою или болѣе или менѣе подобны другъ другу и стоятъ въ ближайшемъ аналогическомъ соотношеніи.

Не лѣпо ли ны бяшеть	**Не лѣпо ми есть презрити тщанія ихъ** (л. 55) Οὔτε τὴν ἐκείνων σπουδὴν ἐγκαταλιπεῖν δίκαιον—усердіе ихъ (воиновъ) оставить было бы не справедливо (Lib. II, c. XI, 2).
	Лѣпо на славѣ карити. (л. 100). Ἁρπάσαι δέ τὴν νίκην δυνάμεθα—мы можемъ предвосхитить побѣду (Lib. III, c. X, 2).
Трудныхъ повѣстей, повѣстей о трудахъ.	**Воини же оутроудившеся сѣкоуще.** (л. 236 об.). Οἱ στρατιῶται μεν ἔκαμνον ἤδη φονεύοντες, воины утомились убивая (Lib. VI, c. IX, 2).
	Оуеспасіанъ покои вои ѿ ноучнаго труда. Ὀλίγον ἀπὸ νυκτερινοῦ πόνου διαναπαύσας—давъ немного отдохнуть отъ ночнаго воинскаго подвига. (Lib. III, c. VII, 24).
Почнемъ же повѣсть сію	**Прѣлежить же повѣстованіе ѿ иродѣ** (л. 6).

Поостри сердця своего мужественомъ.

Подъострите дши ваша на мьсти (л. 118). Τὰς ψυχὰς ἐπ' αὐτούς. θήξετε πρὸς ἄμυναν—наточите души ваши мщеніемъ (Lib. VI, c. III, 10).

Подъострекашеть а на рать (л. 114). Ἐπὶ πόλεμον ἐνῆγε—возбуждалъ къ войнѣ (Lib. IV, c. III, 1).

Истягну умъ................

и своа выа истагающа въпїахоу. (л. 51). Πρηνεῖς καταπεσόντες—павши стремглавъ ницъ, распростершись (Lib. II, c. IX, 2).

Крѣпостію своею............

И прїнмъ оумъ въ свою крѣпость и ста крѣпко исполчнвса. (л. 108). На греч. нѣтъ.

оније обрадоваса зѣло о дѣтинѣ крепости и о доблести. (л. 102). Τῇ τε τοῦ παιδὸς ἀρετῇ καὶ τῷ κατορθώματι—мужеству сына и отважному поступку (Lib. III, X, 6).

Исполнившись ратнаго духа...

и исполнившеса ратьнаго дха. (л. 18). Καὶ τινὸς ἀρηίου πνεύματος ὑποπιμπλάμενοι — исполнившись храбраго (Марсова) духа (Lib. III, c. V, 4).

Кси кои исполниша дха бранного. (л. 100). Προθυμία δαιμόνος ἐμπίπτει τοῖς ἀνδράσι—чудесная бодрость охватила мужей (Lib. III, X, 3).

Потяту быти	Тако и ты потать будеши серьпомъ нѣнымъ. (л. 50). На Греч. нѣтъ.
	И выведе и.. на потатіе. (л. 231). Προήγαγεν... χαρατομήσων--вывелъ намѣреваясь обезглавить (Lib. VI, c. VII, 1).
Луче же бы потяту быти, неже полонену быти.	а лѣпле смрть славнѹ пріати негли жити плени. (л. 122 об.). πολεμούμενος δ' ἅπαξ θάνατον εὐκλεῆ τοῦ ζῆν αἰχμάλωτος—побѣждаемый на войнѣ, смерть предпочитаю жизни плѣнника (Lib. IV c. IV, 3).
Искусити Дону	И меча искѹсить вынимающе. (л. 141). Τε ξίφη προφέροντες... διήλαυνον—вынявъ мечи, прободали. (Lib. IV, c. X, 10).
	и копіа на нѧ и меча искоушахоу. (л. 188). Τάς τε ἀκμὰς τῶν ξιφῶν ἐδοκίμαζον—и острія мечей пробовали (Lib. V, c. XII, 3).
Оба полы сего времени	И ставше оба полы поути. (л. 250 об.). Παρὰ τὴν ὁδὸν ἑκατέρωθεν παρακαταστάντες (Lib. VII, c. V, § 2).
	Оба полы древо, а срѣ а перьстъ. (л. 269).
Трубы трубятъ	И въстрѹбиша въ трѹбы (л. 106 об.). Μετὰ πολλοῦ σαλπίγγων ἤχου—съ великимъ звукомъ трубъ (Lib. IV, c. I, 4).
Подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени.	Сами же толико трѹда пріемлюще и подъ шлемомъ състарѣвшесь (л. 143). Αὐτοὶ δὲ διὰ

τοσούτων κεχωρηκότες πόνων καὶ γηρῶντες ὑπὸ τοῖς κράνεσιν—а сами подъявъ столько трудовъ и состарѣвшись подъ шлемами (Lib. IV, c. X, 3).

Не при рати токмо емлютъ ѡроужїе..нъ акы роднќшеса съ орѹжїемъ николи же не ѿлоучаютса. (л. 79). Οὐ γὰρ αὐτοῖς ἀρχὴ τῶν ὅπλων ὁ πόλεμος.... ἀλλ' ὥσπερ συμπεφυκότες τοῖς ὅπλοις οὐδέποτε τῆς ἀσκήσεως λαμβάνουσιν ἐκεχειρίαν—не война для нихъ—поводъ обращаться съ оружіемъ.. но они, какъ бы вскормленные на оружіи, никогда не имѣютъ отдыха въ упражненіи имъ (Lib. III, c. V, 1).

Луци напряжени............ **Акоже лѹкъ напраженъ** (л. 52). На Греч. нѣтъ.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень. Игорь къ Дону вои ведетъ.

Титъ же первое оударивъ конь и выеде на июдеа и по немъ вси кони бѡдри с кличемъ поехаша. Ο δὲ Τίτος πρῶτος τὸν ἵππον ἤλαυνε ἐις τοὺς πολεμίους καὶ σὺν κραυγῇ μετ' αὐτὸν οἱ λοιποὶ—Титъ первый погналъ коня, а за нимъ и прочіе съ кличемъ (Lib. III, c. X, 3).

Серебряно стружіе.

Римлане же приказывающе серпы съ стрѹжїемъ ѿрѣзывахоу мѣхи (л. 78 об.). Κοντοὺς μακροὺς καὶ δρέπανα δήσαντες ἐπ ἄκρων—длинные шесты и на вершинахъ

	ихъ прикрѣпивъ загнутые ножи. (Lib. III, c. VII, 20).
Нощь стонущи грозою.......	**Нощь бо баше безълунна и бурна и громна.** (На Греч. нѣтъ).
Орлы клектомъ на кости звѣря зовутъ.	**Орелъ птица наснана и всхытница есть** (л. 29 об.). На Греч. нѣтъ).
Волцы грозу въсрожатъ......	**Възъмратниша вьюще, акы вълци.** На Греч. нѣтъ. (л. 131).
Длъго ночь мркнетъ.......	**Приведе на насъ покровъ нощь.** (л. 271 об.). На Греч. нѣтъ.
Мьгли поля покрыла.........	**Мьглою не можаху видѣти.** (л. 90 об.). Ὁ μίχλη τὰς ὄψεις ἀπήμβλυνε πολλή — большой туманъ омрачилъ зрѣніе (Lib. III, c. VII, 34).
Потопташа поганыя плъки Половецкыя.	**Мнози потоптани быша другъ ѿ друга.** (л. 219). Πολλοὶ μὲν ὑπ' ἀλλήλων κατεπατοῦντο—многіе растаптывали другъ друга (л. 219). **Побѣжаша тъпчющеся.** (л. 101). На Греч. нѣтъ.
А съ ними злато и паволоки.	**Лежаша же ризы и паволоки** (л. 222). Ἄπειροι δὲ ἐσθῆτες—безчисленное множество одѣяній Lib. VI, c. V, 2).
Начаша мосты мостити.	**И помощенъ бо иорданъ троупіемъ и тако исполнися рѣка оутопшими. и ходахоу по нимъ, акы по мостоу** (л. 132). На Греч. нѣтъ.
Итти дождю.. стрѣлами съ Дону великаго.	**И стрѣлы на нѣ лѣтахоу, акы дождь** (л. 132). На Греч. нѣтъ.
Пороси поля покрываютъ.	**Прахъ оунима не дадаше видѣ-**

	ти (л. 186) ὁ μὲν κονιορτὸς τῶν ὀμμάτων.. ἐπεκράτει—облако пыли взоры охватило (Lib. V, c. XI, 6).
Поскепаны... шеломы..........	**Щиты искипани** (л. 85). На Греч. нѣтъ.
Свычаи и обычаи.........	**и обычая своего не ѡхабахоуѣ-ся, нъ на свою оустремляхоуѣся.** (л. 231 об.). Τὸ τε τοῦ φονεύειν ἔθος ἐκίνει τὰς δεξιὰς. Привычка къ убійству приводила въ движеніе руки (Lid. VI, c. VII, 2).
Минули лѣта..	**врѣмя прошенїа минꙋло** (л. 224). Ὁ δὲ τῆς συγγνώμης καιρὸν αὐτοῖς παρῳχηκέναι (Lib. VI, c. VI, § 1).
Тоже звонъ слыша..........	**ѡнимъ же, ꙗко и по вас боу-деть сь звон. ни же есми должни месть принати.** (271 об.). На Греч. нѣтъ.
Уши закладаше.............	**они же гнѣвомъ затвориша оу-ши** (л. 219 об.). Οἱ δε ὀργῇ περισπώμενοι—въ гнѣвѣ отклоняясь (Lib. VI, c. IV, 6).
Слава на судъ приведе........	**И тогда падеса соудомъ** (л. 200). На Греч. нѣтъ. (Lib. VI, c. I, 6). **И соудъ предасть его.** (Lib. VI, c. II, 10).
Ратаевѣ кикахуть..........	**На томъ версѣ земла мавка и доброплодна. и ѿда ю цр҃ь гражаномъ....** ἀνῆκεν εἰς γεωργίαν ὁ βασιλεὺς (Lib. VII, c. VIII, 3). **да тоу землю ѡрюще ѡбилїе имоуть.** (л. 268).

Врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче.	л. 24 об. Ови же ласкосердїи на златоманїе, ꙗкоже врани на трупъ. (л. 24 об.). На Греч. нѣтъ.
Кровію польяна..............	л. 220. кровъ же теүаше, акы рѣка и струа кровнаꙗ влеүаше троүпїа. αἷμα τε ἔρρει πολὺ—кровь текла во множествѣ (Lib. VI, c. IV, 6).
Давечя рано передъ зорями....	И пришеше нощїю прѣ зорами (л. 110). Περὶ τὴν ἑωθινὴν φυλακὴν — передъ утреней стражей (Lib. IV, c. I, 9).
Жаль бо ему мила брата.....	Всѣмъ бо ноүдеωмъ жаль бы по братоү. καὶ τὸν τῶν ὀρφανῶν ἔλεον ἐκ τοῦ ἔθνους—и было состраданіе къ сиротамъ со стороны народа (Lib. I, c. XXVIII, 3).
Сватовъ напоиша, а сами полегоша за землю русскую.	иже ꙗвишаса к то время храбрѣиша всѣхъ, акы на сваббу теүахоү, а не на рать. (л. 185). Καθάπερ γὰρ εἰς φίλους ἐκτρέχοντες οὐ πολεμίων στίφος—какбы перебѣгая къ друзьямъ, а не въ толпу враговъ (Lib. V, c. XI, 5).
Ничить трава жалощами....	оукрадоша во ны тогда жалощами. (л. 41). Δι' οἶκτον ἐκκλέψαν-въ силу сожалѣнія скрыли (Lib. II, c. VII, 1).
Пустыня силу прикрыла.....	л. 194. и аще кто древле видѣлъ июденскоү красотоү и грасоүю лѣпотоү и тогда приключиса емоү видѣти пустотоү. Οὐδέις τε τὴν πάλαι Ἰουδαίαν καὶ τὰ περικαλλῆ προάστεια τῆς πόλεως

ἑορακὼς ἀλλόφυλοι, ἔπειτα τὴν πτόε βλέπων ἐρημίαν—какой бы иноплеменникъ, давно видавшій Іудею и прелестныя предмѣстья города, и потомъ когда либо глядя на эту *пустыню* не восплакалъ (Lib. VI, c. I, 1).

Жля поскочи.............. **Вопль желенъ и плачъ оглушающь весь гра҃.** (л. 35 об.). Слову **желенъ** на Греч. нѣтъ соотвѣтствующаго (Lib. II, c. I, 2).

Θерора... ѡболкса въ желены ризы (л. 6 об.). Φανείη μελαίνῃ τε ἐσθῆτι—явился въ черной одеждѣ (Lib. I, c. XXV, 4).

Грозою бяшетъ............. **Мятежники же грозою оукроташе.** (л. 113 об.) ἀπειλαῖς ...τοὺς ταράσσοντας ἀνέστελλε — возмутителей угрозами удерживалъ (Lib. VI, c. II, 5).

Ѡнъ же съ грозою зра (л. 95). Στρατηγικώτερον ἐμβλέπων—взирая по военачальнически, т. е. бросая строгій властилинскій взоръ (Lib. III, c. VIII, 6).

И въ морѣ погрузиста....... **и иже кромѣ брани погрузиша грады послѣди** (л. 115). Καὶ δίχα τῆς, στάσεως ὕστερον ἐβάπτισαν τὴν πόλιν—кои, безъ мятежа, погрузили градъ въ злополучіи (Lib. IV, c. III, 3).

Погрузи жиръ въ Каялѣ рѣцѣ. **Везде бяше вопль и стенаніе оубиваемыхъ и кровь съ горы текущи погрузи весь градъ** (л. 110).

Ἄπειρος δὲ ἦν πανδαχοῦ φονευομένων ὁ στόνος καὶ τὸ αἷμα πᾶσαν ἐπέκλυζε τὴν πόλιν—всюду былъ необъятный стонъ убиваемыхъ и кровь потопила весь городъ (Lib. IV, c. I, 10).

Тъщима тулы..............

тъщими роукамн. (л. 245) κεναῖς χερσὶν—съ пустыми руками (Lib. VI, c. VIII, 5).

Тъщимъ словомъ (л. 37) на Греч. нѣтъ.

Себѣ славы искати........

Аще же мы мали соуще побѣдимъ толико множество и гра҃ възмемъ. кто славный на҃ боудеть (л. 101 об.). Φθάνειν δ' χρὴ... τὴν τῶν ἡμετέρων βοήθειαν, ἵνα πρὸς τῷ νικῆσαι τοσοῦτο πλῆθος ὀλίγοι καὶ τὴν πόλιν ἕλωμεν μόνοι—нужно предупредить поспѣшеніе на помощь нашихъ, дабы, сверхъ побѣды въ такомъ маломъ числѣ и надъ такимъ множествомъ, мы же одни еще и городъ взяли (Lib. III, c. X, 4).

Тіи бо... кликомъ пълки побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу.

И что г҃лю прадѣдскоую крѣпость нн҃ѣшнюю брань, юже въздвигаемъ на Римляны (л. 118 об.). Καὶ δεῖ τὰ τῶν προγόνων λέγειν—и что должно сказать о дѣяніяхъ предковъ (Lib. IV, c. III, 10).

Єпифанїи же, съвокоупивъ ї҃ коннікъ... прїиде къ Ологесоу ц҃рю, парфи́скомоу и «тотъ» сподоби а ц҃рьстїи чти и помна древ́нюю

славоу ихъ (л. 263). Послѣднихъ словъ на Греч. нѣтъ (Lib. VII, c. VII, 2).

А чи диво ся...

Ѵи кончинѣ братиѣ ʒабыхъ. (л. 28 об.). Ἢ τὸ τῶν ἀδελφῶν τέλος ἠγνόουν—или я не зналъ о кончинѣ моихъ братьевъ? (Lib. I, c. XXXII, 3).

Кощей по резанѣ.... поганою кощея.. сѣдло кощіево.

Савинъ.. черпъ ѡбраʒомъ и соухъ и кощенъ (л. 199). Ἰσχνός, τὴν σαρκὰ πεπιλημένος сухопарый и съ сжатымъ тѣлосложеніемъ. (Lib. VI, c. I, 6).

Дружина рыкаютъ, акы тури.

Асфалти... тольсти и велици акы волове и плаваютъ верхѹ, обраʒомъ подобни тѹромъ (л. 136). Τό τε σχῆμα καὶ τὸ μέγεθος ταύροις παραπλήσιαι—по виду и величинѣ похожи на воловъ (Lib. IV, c. VIII, 4).

Въ полѣ незнаемѣ.

И вса потребнаꙗ принесоутъ поутьми неʒнаемыми (л. 186) ἀφανεῖς ὁδούς—пути тайные (Lib. V c. XII, 1).

Храбрая мысль носитъ умъ на дѣло.

И всѣмъ оустремившимса на дѣло (л. 166). Καὶ τῆς στρατίας ἐπὶ τὸ ἔργον ὡρμημένης—когда и все войско ринулось на дѣло (Lib. V, c. VI, 2).

Заступивъ королеви путь.

Антонии же ʒастѹпи имъ вса поути. (л. 148 об.). Πρῖμος ὑποτέμνεται τὰς εἰσόδους αὐτῶν.—Примъ отрѣзалъ всѣ дороги. (Lib. IV, c. XI, 3).

Суть бо у ваю желѣзные папорзи подъ шеломы Латинскими.	**Того бо (Юліана) не могошѧ скоро оубити, ꙁане ѡблъченъ бѣ въ шеломъ и въ брони всюдѣ** (л. 202 об.) οὐδὲ γὰρ ἀνῃρέθη ταχέως, τῷ τε κράνει καὶ τῷ θώρακι, πεφραγμένος πάντα τὰ καίρια πρὸς σφαγὴν καὶ τὸν αὐχένα συνέλκων—онъ скоро не былъ умерщвленъ, былъ защищенъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раны смертельны, шлемомъ и нагрудникомъ а шею имѣя сжатою (Lib. VI, c. 1, 8).
А древо не бологомъ листвіе срони.	**Иже истлахоу ѿ глада въ градѣ и падахоуть, аки листвіе** (л. 213). На Греч. нѣтъ.
Достьли на брань....	**Тщаса, да скоро доспѣеть въ южныхъ странахъ** (л. 132). Οὐεσπασιανὸν δὲ ἐπήγειρεν εἰς τὴν ὁρμὴν τοῦ πολέμου τὰ ἠγγελμένα—Веспасіана же къ напряженію всѣхъ силъ на войнѣ, т. е. къ скорѣйшему довершенію ея, побуждало то, въ чемъ онъ извѣстился (Lib. IV, VIII, 1).
Власти расхытисте........	**Агрипа же възва оуеспасїана въ свою власть** (л. 97 об.). Κατὰ τὸν οἶκον—въ своей области (Lib. III, c. VII, 7).
Позвони своими острыми мечи.	**И позвенѣ ѡружие его и абїе възъвратнишасѧ на нь бѣгающїи** (л. 202). Μετὰ μεγίστου τῆς πανοπλίας ἤχου τοὺς φεύγοντας ἐπιστρέφει—звономъ всеоружія обра-

	тилъ на себя бѣгущихъ (Lib. VI, c. I, 8).
Обѣсися....................	**рѹцѣ ѡбѣси**, παρῆκε τὴν δεξίαν (Lib. VI, c. I, 6).
Утръ же.....	л. 190. **оутрь дрѹгъ дрѹга ѕваше ѡтаи, да не нѕвѣста боудеть рѣчь**, ὑπὸ τὴν ἕω τοὺς λοιποὺς τῶν ὑποτεταγμένων ἄλλον ἀλλαχόσε διεπέμψεν, ὡς μὴ φωραθείη τι τῶν βεβουλευμένων—а прочихъ ему подчиненныхъ, по утру разослалъ въ разныя мѣста, въ виду того, какъ бы не объявилось что либо изъ затѣяннаго имъ. (Lib. V, c. XIII, 2).
Снопы стелютъ головами.	Кн. III, VII, § 23. **и бысть видѣти падающа жиды, акы снопы съ ѕабрала** (на Греч. нѣтъ).
Часто бѣды страдаше.	**и има бѣда кыста въ Іерлимѣ.** (л. 137 об.). Ἐπανίστατο δὲ ἄλλος τοῖς Ἱεροσαλύμοις πόλεμος въ Іерусалимѣ возстала другая война (Lib. IV, IX, 3).
И потече къ лугу Донца.	**и на мѣсто потекоша** (л. 219) καὶ πρὸς ἄμυναν συνέθεον. Сбѣгались на защиту. (Lib. VI, c. IV, 5).
	инїи же къ езерѹ текахѹ. (л. 102) Ἐπὶ τὴν λίμνην καταθέοντες—иные же убѣгая къ озеру (Lib. III, c. X, 5).
Плачется мати Ростиславля.	л. 191. **їѡсипова же мти.. ѡтаи же рыдающи къ рабынамъ глаше.**

Предложенія подобныя по формѣ:

Лучи напряжени,
тули отворени,
сабли изострьни,
сами скачуть, акы сѣрыи влъцы.

храмы разграблены,
роди исѣчени,
жены желѣюща,
плачь и рыданїе по всемъ градоу (л. 213).

Два солнца помѣркоста,
оба багряная стлъпа погасоста.
Олегъ и Святославъ тъмою ся поволокоста.

симонъ съ Їωаномъ ωбнажиста а,
и кровь ихъ испиваашета
и жилы ихъ разелашета (л. 183).
Они другъ другу подносили кровь единомышленниковъ и дѣлили несчастныхъ трупы. Ἀντιπρούπινον δ' ἀλλήλοις τὸ αἷμα τῶν δημοτῶν καὶ τὰ πτώματα τῶν ἀθλίων διεμερίζοντο. (Lib. V, c. X, 4).

Это множество сходныхъ выраженій и оборотовъ показываетъ, въ какомъ ближайшемъ отношеніи стоитъ «Слово» къ переводу Флавія. При этомъ нѣкоторыя изъ выраженій и оборотовъ, отвѣчая буквѣ Греческаго текста, занесены въ «Слово» какъ будто изъ перевода. Другія же напротивъ, не имѣя для себя основанія въ Греческомъ текстѣ, попали сюда на оборотъ, како будто изъ Слова [1]. Столь близкое родство ихъ доказываетъ, что Слово носитъ на себѣ печать *стиля* той же *литературно-повѣствовательной школы* Кіевской Дружинной Руси, къ которой относится и переводъ Флавія.

[1] Таково напр. выраженіе: сь же звонъ и проч.

IV.

„СЛОВО" КАКЪ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Недостатокъ въ обществѣ яснаго сознанія историческаго и художественнаго значенія Слова.—Связь Слова съ культурой черниговскаго княжества.—Сходство Слова и Лѣтописи въ основныхъ воззрѣніяхъ и изображеніяхъ при—днѣпровской Руси XII вѣка.—Тождество въ понятіяхъ, отношеніяхъ, въ бытѣ и языкѣ этой Руси по Лѣтописямъ и Слову.—Особенности изображеній Слова въ сравненіи съ разсказами Лѣтописными.

«Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ «Слово о полку Игоревѣ»?—спрашивалъ А. Н. Майкова одинъ близкій его знакомый, услыхавшій, что онъ нѣсколько лѣтъ весьма усердно занимается этимъ памятникомъ. Признаемся, то же удивленіе и такое же откровенное недоумѣніе слыхали и мы отъ своихъ знакомыхъ, по поводу того же «Слова». Люди, учившіеся въ школахъ, иногда даже получившіе высшее образованіе, не могутъ дать себѣ яснаго отчета въ его научной важности и интересѣ. Это, безъ сомнѣнія, зависитъ оттого, что въ нашихъ школахъ, особенно въ послѣднее время, при его изученіи весьма много обращаютъ вниманія на его грамматическія и лексикологическія особенности и мало останавливаются на его исторической и художественной сторонѣ. Стóитъ только пересмот-

рѣть педагогическія изданія, чтобы убѣдиться, какъ мало помогаютъ онѣ ясной и отчетливой оцѣнкѣ историческаго и художественнаго значенія «Слова», тогда какъ здѣсь-то именно и таится то, что̀ дѣлаетъ его дорогимъ, безцѣннымъ и не замѣнимымъ памятникомъ для русской исторической науки и литературы.

Еще профессоръ Шевыревъ въ своей публичной лекціи о «Словѣ о полку Игоревѣ», какъ извѣстно [1], останавливалъ свое вниманіе на историческомъ значеніи этого памятника; но, обозрѣвая три эпохи, обнимаемыя «Словомъ», онъ, по собственному его признанію, «обозначилъ только важнѣйшія историческія лица», отразившія въ себѣ эти эпохи.

Но такое поверхностное обозрѣніе историческаго содержанія «Слова», очевидно, не даетъ надлежащаго понятія о всей его истинной важности въ этомъ отношеніи. Не въ лицахъ и не въ ихъ именахъ кроется его глубокое историческое значеніе.

Прежде всего Слово, какъ произведеніе относящееся къ литературно-повѣствовательной школѣ Кіевской дружинной Руси, даетъ замѣтить, когда *повѣсть*, (ἱστορία), получила общеобязательное и не отразимое значеніе въ Русской литературѣ. Связывая событія своего времени, эпоху Святослава и Игоря съ эпохой предшествующей— Олега и Ярослава, авторъ Слова указываетъ грань, съ которой начинается потребность строго-историческаго изложенія событій. «*Начнемъ повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря.* Тѣмъ, за старымъ Владиміромъ — слѣдуетъ уже Боянъ съ его замышленіями, сквозь призму котораго онъ излагаетъ все предъидущее прошлое. И такъ княженіе Владиміра и именно Мономаха, какъ доказано будетъ ниже, было тою гранью, отъ которой начинается уже *повѣсть по былинамъ*, тѣмъ моментомъ, съ котораго потребность изложенія строго историческаго стала господствующею и обязательною. Кіевскій Лѣтописный сборникъ, сформировавшій къ концу XI или началу

[1] См. сент. «Ж. М. Н. П.», цр. за 1876 г. Въ очеркѣ литературы «Слова» стр. 42. Лекцію Шевырева см. въ его «Исторіи русской словесности», М., 1842, стр. 253—332.

XII вѣка, по видимому, былъ событіемъ, совершившимъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на задачи литературнаго повѣствованія. Начиная съ Владиміра Мономаха уже было недостаточно въ образованной дружинной средѣ довольствоваться замышленіями Бояна, какъ бы ни были широки и раздольны его пѣсни и какъ бы ни было художественно струнное ихъ исполненіе. Авторъ «Слова» искренній почитатель Боянова пѣснотворчества, построившій свое произведеніе на основѣ его пѣсенъ, заявляетъ себя однако послѣдователемъ историческаго направленія дружинно-повѣствовательной школы своего времени. Какъ ни много подражалъ онъ стилю Бояновскаго изложенія, но онъ строго воплощаетъ въ своей повѣсти историческій фактъ и глубочайшимъ образомъ примыкаетъ къ лѣтописному повѣствованію.

Нельзя не замѣтить, что «Слово о полку Игоревѣ» глубокими корнями связано съ исторіею черниговскаго княжества. Авторъ «Слова» навсегда скрылъ для насъ свое имя, но онъ оставилъ въ своемъ произведеніи довольно прозрачные слѣды своего званія. «Слово», какъ и «Кіевская Лѣтопись», въ существѣ своемъ относятся, какъ увидимъ, къ одной и той же дружинно-княжеской средѣ приднѣпровской Руси. Знакомство автора «Слова» со всѣми современными ему князьями, съ отношеніями къ нимъ бояръ и дружинниковъ, далѣе— знакомство его со степью и ея отношеніями къ Руси, — наконецъ, изображеніе не столько подробностей похода Игоря, сколько, такъ-сказать, дымящихся ранъ, нанесенныхъ имъ приднѣпровской Руси,— все это указываетъ, что «Слово» явилось подъ свѣжестью впечатлѣній очевидца событій—и притомъ лица, близкаго къ дружинно-боярской средѣ. Живое же сочувствіе къ судьбѣ князя Игоря, которымъ такъ проникнуто «Слово», указываетъ намъ его автора именно въ «дружинѣ черниговскаго князя».

И дѣйствительно, Черниговъ не даромъ извѣстенъ былъ въ XII вѣкѣ, какъ городъ промышленный и богатый; черниговскіе князья, Святославъ и Игорь, какъ передаетъ «Кіевская Лѣтопись», особенно славились своими изобильными дворами, полными погребами, богатствомъ челяди, скота и коней. Даже Сѣверная былина донынѣ помнитъ, какъ отличительную черту, въ ряду тогдашнихъ городовъ,

«золоту казну Чернигова». Не удивительно, что въ такомъ городѣ развита была книжность и преданіе писать при дворѣ черниговскомъ было сильно. Черниговскія событія въ «Кіевской Лѣтописи» съ половины XII вѣка описаны съ такими же мелкими подробностями, какъ и другихъ приднѣпровскихъ областей, и, видимо, почерпнуты лѣтописцемъ изъ черниговскихъ дружинныхъ источниковъ. Замѣчанія лѣтописца: *«мы же и о семъ поглаголуемъ»*, *«мы же на предлежащая возвратимся»*—ясно даютъ понять, что онъ отдѣляетъ свои собственныя рѣчи отъ разсказовъ, взятыхъ имъ изъ свѣтскихъ источниковъ. Здѣсь же, въ Черниговѣ, явился и знаменитый «Изборникъ» Святославовъ (1073 года), съ изображеніемъ его семейства и съ усвоеніемъ ему всѣхъ тѣхъ похвалъ за любезность и собираніе книгъ, которыя приписаны были нѣкогда болгарскому царю Симеону. Подобно послѣднему, Святославъ Черниговскій *«тщательно наполнялъ книгами свои клѣти»* и, по своей начитанности, являлся предъ своими боярами, *«аки новый Птоломей»*. Изъ той же черниговской области былъ и знаменитый паломникъ XII вѣка—Даніилъ. Такимъ образомъ, Черниговъ—городъ промышленный и богатый—въ XII вѣкѣ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и центромъ тогдашней образованности. Понятно, какъ естественно могло явиться въ подобномъ центрѣ и такое произведеніе, какъ «Слово о полку Игоревѣ».

Изображая одинъ изъ походовъ черниговскаго князя, окончившійся бѣдствіями для всей приднѣпровской Руси, «Слово» даетъ намъ понять, что черниговскій столъ не былъ такъ обособленъ отъ этой Руси и далеко такъ не чуждался ея общихъ интересовъ, какъ принято представлять это. Напрасно полагаютъ, будто черниговскій столъ, не думая объ общемъ благѣ, лишь наводилъ только враговъ на русскую землю; такія подозрѣнія распустили о немъ приверженцы дома Мономахова. Изъ «Слова» видно, что понятіе *«о русской землѣ»* въ Черниговѣ было развито не менѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Не даромъ же и Даніилъ Паломникъ—черниговецъ—въ томъ же вѣкѣ, въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, поставилъ лампаду и свѣчу *«за русскую землю»* и вписалъ въ синодикъ имена разныхъ князей приднѣпровской Руси.

Но особенно сильно развита эта *идея единства русской земли* въ «Словѣ о полку Игоря». Носителемъ и средоточіемъ этой идеи авторъ дѣлаетъ кіевскаго князя, старца Святослава III — изъ дома Ольговичей, князей черниговскихъ. Онъ влагаетъ въ уста его воззваніе ко всѣмъ областнымъ князьямъ южной и сѣверной Руси, заклиная ихъ вступиться *за обиду сего времени, за землю русскую*, за раны Игоревы—и самое это воззваніе называетъ золотымъ словомъ, смѣшаннымъ со слезами.

Съ пыломъ молодаго сердца относится старецъ Святославъ къ этой великой идеѣ и глубоко сожалѣетъ, что другіе князья мало ей сочувствуютъ. «Старику,—говоритъ онъ,—помолодѣть не диво, но вотъ бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги».

Для историка особенно драгоцѣнно видѣть, что въ ту эпоху, когда государственная связь областей древней Руси, повидимому, не существовала, такой возвышенный взглядъ на *единство русской земли* раздѣляли политическіе люди не только въ Кіевѣ, *но и при столѣ черниговскомъ*.

При сравненіи «Слова» съ «Кіевскою Лѣтописью», нѣкоторые изслѣдователи видятъ большую разницу въ основныхъ воззрѣніяхъ лѣтописца и автора «Слова» на событія приднѣпровской Руси. Но это главнымъ образомъ происходитъ оттого, что при чтеніи «Лѣтописи» не отдѣляютъ выраженій лѣтописца отъ *дружинныхъ словесъ*, служившихъ для него источникомъ, хотя онъ самъ неоднократно, какъ мы уже замѣтили, отдѣляетъ свои рѣчи отъ разсказовъ, передаваемыхъ имъ съ чужихъ словъ.

При ближайшемъ внимательномъ изученіи «Кіевской Лѣтописи» нельзя не видѣть, что «Слово» и эта «Лѣтопись» представляютъ поразительное сходство въ своихъ основныхъ взглядахъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка.

Какъ «Слово», такъ и эта «Лѣтопись» рисуютъ для насъ собственно только высшій слой этой Руси,—именно княжеско-дружинную среду, лишь только мимоходомъ касаясь другихъ классовъ общества и народа.

Тамъ и здѣсь встрѣчаемъ одно и то же понятіе о князѣ, о дружинѣ, о степи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Любопытно, что князь и дружина кіевской Руси, по изображенію «Слова» и «Лѣтописи», являются предъ нами въ такихъ же очертаніяхъ, въ какихъ рисуются германскіе князья и ихъ дружины по сказанію Тацита. Да будетъ намъ позволено привести здѣсь нѣчто изъ этого сказанія для уясненія внутренняго уклада дружины, какъ служебнаго союза.

«У германцевъ,—по свидѣтельству Тацита,—князья были избираемы волостями въ народныхъ собраніяхъ, и при каждомъ изъ нихъ была дружина. И велико было соревнованіе между дружинниками, кому первое мѣсто послѣ князя, и между князьями, у кого храбрѣе и многочисленнѣе дружина; въ томъ достоинство, въ томъ сила, чтобы всегда быть окруженнымъ большой толпой избранныхъ юношей: въ мирѣ—это украшеніе; на войнѣ—защита; и не только среди своего владѣнія, но и въ другихъ волостяхъ тому извѣстность, тому и слава, чья дружина превосходнѣе числомъ и доблестію, ибо такихъ возвеличиваютъ посольствами и чтутъ дарами.

«Когда дѣло доходило до битвы, постыдно князю быть побѣжденнымъ доблестію; постыдно и дружинѣ не сравняться съ княземъ въ доблести; но уже на всю жизнь безславно и позорно выдти изъ строя, переживъ своего князя; защищать его, охранять, и даже собственные доблестные подвиги приписывать его славѣ—есть первѣйшее клятвенное обязательство; князья сражаются за побѣду; дружинники—за князя. Если волость, гдѣ родились, изнемогаетъ отъ долговременнаго мира и спокойствія, то большая часть благороднѣйшихъ юношей отправляется къ тѣмъ народамъ, которые въ то время ведутъ какую-либо войну, потому что и племени непріятно спокойствіе и легче прославиться среди случайностей. И дружину большую можно содержать развѣ только насиліемъ, да войною, ибо они требуютъ отъ щедротъ князя то браннаго коня, то кровавую и побѣдоносную фрамею; ибо пиры и хотя неприхотливые но обильные запасы идутъ вмѣсто жалованья, а средства къ пышности чрезъ войны и грабежъ. И не такъ легко убѣдить ихъ копать землю и ожидать годичныхъ

плодовъ, какъ вызвать врага и искать ранъ. Лѣнивымъ и бездѣльнымъ кажется пріобрѣтеніе потомъ того, что можно добыть кровію.

«Знатность рода и великія заслуги предковъ пріобрѣтаютъ и юношамъ уваженіе со стороны князя; степени были въ самой дружинѣ по приговору того, кому сопутствуютъ».

Точно въ такихъ же очертаніяхъ, говоримъ, «Слово» и «Лѣтописи» рисуютъ намъ князя и дружину кіевской Руси. Нѣтъ и слѣдовъ того, чтобы князь имѣлъ каку-либо собственность въ смыслѣ политическомъ или государственномъ, или землевладѣніе ставилъ для себя выше воинской доблести и славы. Князь является здѣсь собственно какъ оберегатель русской земли и правитель своей волости, какъ старшій представитель своей дружины, какъ самый доблестный герой среди ея. Точно такъ и дружина въ самоотверженныхъ подвигахъ ищетъ ему чести, и ея пожива связана съ походами и побѣдами князя. Князья соперничаютъ между собой въ волостяхъ и доходахъ ради своей дружины; дружинники же разныхъ князей соперничаютъ въ доблести и чести ради славы своихъ князей.

«*Поблюсти, постеречи земли русской* (1148), *утереть потъ* (1140), *умереть за землю русскую*» (1177)—вотъ что мы слышимъ изъ устъ князей кіевской Руси,—вотъ что ставили они задачей своей жизни, и вотъ къ чему обязывали другъ друга крестнымъ цѣлованіемъ. «Братья! пожальтеся *о русской земмѣ* и о своей отчинѣ и дѣдинѣ! Лѣпо намъ, братья, поискати отецъ своихъ и дѣдъ пути и чести», взывалъ Мстиславъ Изяславичъ (1170 г.) къ другимъ князьямъ, и угодна была рѣчь его всѣмъ братьямъ: «Самъ Богъ вложилъ эту мысль въ твое сердце», отвѣчали они, «а намъ, дай Богъ, *за русскую землю* головы своя сложити». Обращаясь къ дружинѣ, князья говорили вдохновляющія рѣчи, подымая упавшій духъ ея и наполняя ее своимъ мужествомъ. «Княже! сила (врага) велика, а у тебя дружины мало», говорили Изяславу его пособники: «не погуби насъ, ни самъ погыни; не твое нынѣ время, поѣди прочь». «Лутче, братья, измремъ здѣсь», отвѣчалъ онъ имъ, чѣмъ возмемъ на себя срамъ этотъ (1150). «Соромъ ны будетъ пуще смерти». «Братья и дру-

живо»! взывалъ онъ къ нимъ въ другое время (1152 г.), «Богъ всегда *русскія земли* и сыновъ своихъ въ безчестіе не положилъ есть; нынѣ же, братья, поревнуемъ тому вси предъ чужими языки, дабы намъ *честь свою взяти*». Какъ старые «мужи» хлопотали о томъ, чтобы «внуковъ и правнуковъ своихъ не срамляти», такъ юные вдохновлялись славою и мужествомъ своихъ предковъ.

Изображая нравственное распаленіе князя къ воинскому подвигу, «Кіевская Лѣтопись» обыкновенно выражается: «мужъ добръ и дерзокъ на рать» [1], «разжеся сердце его, бѣ бо храбръ и крѣпокъ на рать» [2], и «розъярився (1146), разжеся гнѣвомъ и роспалеся яростію» [3], «возострися на рать и бысть готовъ (1174) спѣшаше и тосняшеся на войну» 1254).

Во время самаго боя князь выступалъ впередъ и бился отчаянно въ рукопашную. «Взмя копье Андрей Юрьевичъ и ѣха напередъ и съѣхася переже всѣхъ, и изломи копье свое, и шеломъ спаде съ него, и щитъ на немъ отторгоша» (1151). «И въѣха Изяславъ предъ полки своими въ полки ратныхъ и копье свое изломи и оружья въ руку его не доста» (1185 г.).

Но особеннымъ богатыремъ-героемъ изображается въ лѣтописяхъ Романъ Галицкій. Онъ устремлялся на поганыхъ, какъ левъ, сердитъ былъ, какъ рысь, губилъ ихъ, какъ крокодилъ, облеталъ ихъ землю, какъ орелъ, ибо храбръ онъ былъ, какъ туръ.

Такимъ образомъ, не въ мантіяхъ только иноческаго смиренія и не съ молитвою только на устахъ за свои согрѣшенія рисуютъ намъ лѣтописи князей кіевской Руси, какъ воображаютъ нѣкоторые изслѣдователи, но и въ образахъ славныхъ героевъ и полководцевъ.

То же понятіе о князѣ, только въ болѣе осязательныхъ чертахъ, выражено и въ «Словѣ». Здѣсь являются князья точно въ такихъ же богатырскихъ образахъ, съ ратнымъ духомъ, закаленнымъ въ буй-

---

[1] Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, 1187 г.
[2] Изяславъ Мстиславичъ, 1146 г.
[3] Святославъ, 1180 г.

ствѣ и бояхъ: храбрыя сердца ихъ скованы изъ стали и въ буйствѣ закалены.

Вотъ предъ нами самъ Игорь, герой нашего «Слова». Полный ратнаго духа, не страшится онъ знаменій самого неба. «Братья и дружино», говоритъ онъ храбрымъ полкамъ своимъ, «сядемъ мы, братья, на борзыхъ коней своихъ, да поглядимъ синяго Дону. Хочу, говоритъ, переломить копье свое о край поля Половецкаго. Съ вами, русаки, хочу или сложить свою голову или напиться шлемомъ изъ Дона». Запальчивость въ князѣ, умъ охватила замѣчаетъ авторъ,—и тосненіе напиться шеломомъ изъ Дона знаменія мѣсто въ немъ заступило.

«*Ярымъ туромъ*» изображается Всеволодъ въ «Словѣ». Стоитъ онъ напереди, брызжетъ на воиновъ стрѣлы и гремитъ объ ихъ шлемы мечами булатными. Куда онъ ни скокнетъ, златымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая, лежатъ тамъ головы половецкія; расщепаны его калеными саблями шеломы Оварскіе. Онъ бился, не чуя въ себѣ кровавыхъ ранъ. Грозою рисуетъ «Слово» старца Святослава III-го кіевскаго. «Притоптал онъ холмы и овраги, возмутилъ онъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота и, словно вихорь, исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ поганаго ихъ Кобяка, и упалъ Кобякъ въ золотой его гридинѣ въ Кіевѣ. Ярославъ съ черниговскими былями кликомъ полки побѣжали, *звонячи въ прадѣднюю славу*.

Далѣе, мы видимъ какъ въ «Кіевской Лѣтописи», такъ и въ «Словѣ» одно и то же понятіе о дружинѣ.

Дружину, какъ видно изъ «Лѣтописи», составляли старшіе или первые мужи,—смышленные, т.-е. бояре (1093, 1147), и младшіе, т.-е. отроки или дѣтскіе (1149, 1169). Бояре и вся его дружина составляли всегда совѣтъ и думу князя (1147).

«Половцемъ же воюющимъ по земли рѣша *мужи смышленіи* (Святополку и Владиміру, 1093): «Почто вы распря имате межу собою, а поганые губятъ *землю рускую*, поидита противу поганыхъ любо съ миромъ, любо съ ратью». Кто будетъ читать «Кіевскую Лѣтопись», тотъ часто будетъ встрѣчаться съ подобными совѣтами дру-

жинниковъ своему князю. Дѣло, задуманное лично княземъ, безъ общаго совѣта, вызывало даже протестъ со стороны дружины: «О себѣ еси задумалъ, княже», говорили тогда дружинники, отказываясь идти съ нимъ на дѣло.

Далѣе, дружина, подобно князю, не имѣла наслѣдственной земельной собственности, но все ея значеніе состояло въ томъ, что она составляла *силу князя* и ради славы и чести его всегда готова была сложить свою голову. Такъ, въ 1150 г. дружинные мужи крестъ цѣловали, чтобы «*стеречи честь князей* (Изяслава и Вячеслава) и добра имъ хотѣти». «Княже! мы тебѣ добра хочемъ *и за тя головы свои складываемъ*», говорили бояре Владиміру князю Всеволоду (1177). Геройскій духъ дружины прекрасно очерченъ въ лѣтописяхъ: дружинники галицкаго Романа были словно львы или медвѣди, которые не слышали на себѣ ранъ, или же дружина подобилась орлу, летающему подъ облаками, или же это были ястребы, съ которыми никто не могъ одолѣть князя (Ник., II, 172). Дружина участвовала и въ дѣлежѣ добычи и полона. При недостаткѣ княжескихъ доходовъ для ея продовольствія, подобныя добычи доставляли особенное удовольствіе дружинникамъ и приносили радость въ ихъ домы. Тщательно были отмѣчаемы лѣтописцами подобныя удачи. «И бысть радость велика: дружина ополонишася, оружья добыша и кони, и колодники поведоша и возвратишася домой» (1185). «Василько Ярополковичь изби половцы на Руси и обогатишася дружина его оружіемъ и кони, и самъ има на нихъ искупа много» (Кіев., 1165). «И взяша вѣжѣ ихъ на Угрѣ рѣцѣ» (1170 г.). «И толко взяша полона, якоже всѣмъ русскимъ воемъ наполнитися до изобилія и колодниками, и чадами, и дѣтми ихъ, и челядью, и скоты многими». Любовь князя къ дружинѣ часто доходила до самоотверженной доблести. Такъ Святославъ Ростиславичъ, «имѣнія не щадяше, злата и серебра не збираше, но даваше дружинѣ» (1172 г.). Точно также, по сказанію лѣтописца, и Володиміръ Глѣбовичъ Переяславскій—«бѣ любя дружину, и злата не сбирашеть и имѣнія не щадашеть, но даяше дружинѣ, бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рать» (1187). Князь Давыдъ Ростиславичъ Смоленскій, тоснящійся на великія дѣла, также злата

и серебра не собиралъ, но отдавалъ дружинѣ, «бѣ бо любя дружину» (1197 г.).

Чѣмъ больше было полона, тѣмъ больше было поживы для дружины и тѣмъ больше было чести и славы князьямъ. Такъ, Георгій Володиміровичъ ходилъ на Болгары по Волгѣ, и взявъ полонъ многъ—*пріиде съ честію и славою* (1120 г.). Мстиславъ съ бояры новгородскими ходили въ Чудскую землю и ополонившись, челядью и скотомъ, возвратились во свояси *со славою и честію великою* (1178 г.).

О знаменитыхъ своихъ побѣдахъ князья давали вѣсть въ чужія земли и слава о нихъ широко распространялась. Такъ, въ 1111 г., русскіе князья Святополкъ, Владиміръ и Давидъ, побѣдивъ Половцевъ, взяли полона много и много колодниковъ изымали руками, и возвратились во свояси со славою великою къ своимъ людемъ «*и ко всѣмъ странамъ дальнымъ рекуще*, къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и *до Рима пройде на славу Богу*».

Точно такое же понятіе о дружинѣ и ея отношеніи къ князю проходитъ и въ «Словѣ о полку Игоря». Изъ «Слова» особенно видно, что дружина была того же закала, какъ и ея князья: въ ней жилъ тотъ же геройскій, воинственный духъ; сердце ея было сковано изъ той же стали и закалено тѣмъ же буйствомъ, какъ и въ князьяхъ.

То были искусные наѣздники, подъ трубами повитые, подъ шеломами взлелѣянные и концомъ копья вскормленные. Искать себѣ чести, а князю славы—вотъ что̀ было начертано на знамени этой дружины. Какъ сѣрые волки въ полѣ, рыскали они, ища себѣ чести, а князю славы. Въ геройскихъ и неудержимыхъ порывахъ это были настоящіе туры, раненые калеными саблями.

Вся воинская добыча—въ успѣшномъ дѣлѣ Игоря—пошла въ раздѣлъ его дружинѣ; лишь одно побѣдное знамя досталось въ руки князя. Русскіе—

Съ позаранку въ пятокъ потоптали,
Половецкіе поганыхъ полки,
И разнесшись стрѣлами по полю,
Половецкихъ дѣвъ красныхъ помчали,

Съ ними-жъ паволокъ, злата
И драгихъ оксамитовъ;
И мостить начинали мосты
Япончами, орницами, кожухами
По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ.

Багрянъ же стягъ
Хорутовь бѣла,
Багряна чолка,
Копье серебряно—
Хороброму Святославичу!

Такъ гомеровски выражена въ «Словѣ» принадлежность побѣднаго знамени князю — и такъ подробно описанъ здѣсь этотъ знакъ Русской славы и побѣды!

Изъ «Слова» также видно, какъ гласитъ и «Кіевская Лѣтопись», что побѣдная слава не оставалась только на русской землѣ, но разносилась и по дальнимъ краямъ:

Тутъ Нѣмцы и Венедицы,
Тутъ Греки и Морава
Поютъ славу Святославу,
А Игоря жалѣютъ.

«Слово», наконецъ, вводитъ насъ въ самую семью князя и дружины Кіевской Руси — и здѣсь даетъ намъ видѣть тоже понятіе о князѣ и дружинѣ. Вотъ плачетъ Ярославна о своей милой ладѣ,— и плачутъ жены дружинниковъ также о своихъ ладахъ. И какъ различны ихъ плачи! Какъ строго отвѣчаютъ они историческому своему значенію!

Ярославна оплакиваетъ въ своей ладѣ видимо героя — рыцаря, который ради своей чести пролилъ свою кровь; она видитъ дымящіяся его раны и желала бы облегчить его страданія.

Кукушкой горюя, она шлетъ ему слезы на море и готова бы своимъ бебрянымъ рукавомъ утереть его раны. Въ самой дружинѣ— въ вояхъ своей лады—она видитъ такихъ же героевъ и сочувствуетъ ихъ страданіямъ, самымъ томительнымъ и мучительнымъ, страданіямъ отъ жажды, подъ зноемъ солнца, въ мѣстѣ безводномъ.

Иныя мысли и чувства видимъ мы въ плачѣ женъ дружинниковъ: лишаясь ладъ своихъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ лишались и всѣхъ удобствъ въ жизни, всѣхъ радостей и удовольствій, которыя приносили они въ домъ, возвращаясь изъ похода вмѣстѣ съ добычей и полономъ.

Вмѣстѣ съ мужьями, вѣроятно, многія вдовы совсѣмъ лишались даже средствъ къ насущному пропитанію. Отголоски этихъ ощущеній мы слышимъ и въ ихъ плачахъ.

Восплакались русскія жены, говоря:

Не помыслить мыслію,
Не подумать думою,
Не видать очами—
Намъ милыхъ ладъ своихъ—
А златомъ и сребромъ
И подавно намъ не побрякивать!

Вотъ самъ великій князь, въ мирное время, у себя дома, на думѣ съ своей дружиной. Ночью приснился ему безпокойный сонъ—и онъ разсказываетъ его своимъ боярамъ. Онъ видѣлъ, между прочимъ, что доски на крышѣ «безъ князя» въ его теремѣ златоверхомъ. Видно, что княжій его теремъ походилъ на настоящую крестьянскую избу, надъ крышей коей донынѣ можно видѣть этотъ жолобъ, этотъ верхній гнѣтень, которымъ связываются тесины крыши и который донынѣ называется «княземъ». Самая примѣта—видѣть этотъ гнѣтень безъ досокъ, какъ недобрый знакъ, донынѣ живетъ въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ; донынѣ слабыхъ и больныхъ заставляютъ участвовать при его подъемѣ на крышу, и если при этомъ долго маются и крыша стоитъ безъ князя, то это вѣрный знакъ, что больной умретъ.

Бояре, явившіеся на думу, толкуютъ сонъ Святослава, и, описывая веселіе на берегахъ синяго моря, вызванное бѣдствіемъ Игоря и его спутниковъ, выражаютъ свою готовность идти на ихъ защиту. «А мы, дружина, — говорятъ они князю,—уже *жадни веселія*», т.-е. мы ужъ давно жаждемъ повеселиться, какъ веселятся на берегахъ синяго моря! Такъ кратко и такъ сильно выражаютъ они свою готовность идти на борьбу и вмѣстѣ увѣренность въ своей побѣдѣ!

Если лѣтописи и «Слово» передаютъ намъ одно и тоже понятіе о князѣ и дружинѣ, то, съ другой стороны, мы видимъ въ нихъ также тождество и въ понятіи о степи.

Борьба со степью была тѣмъ главнымъ поприщемъ, въ которомъ сказалось все историческое значеніе княжеско-боярской Кіевской Руси, которое оцѣнено русскимъ народомъ, воспѣто и увѣковѣчено имъ въ былинахъ. И что же мы здѣсь видимъ?

Съ одной стороны, это—вороги русской земли, разорители мирныхъ поселянъ, поганые, сквернители крестьянской святыни. На мѣсто древнихъ торковъ и печенѣговъ, на обширной луговой степи нашего юга съ XI вѣка появились новые кочевники, извѣстные подъ именемъ половцевъ. Они поселились у береговъ Чернаго и Азовскаго морей и оттуда стремительно нападали на русскіе беззащитные города и села, грабили и убивали жителей и истребляли огнемъ и мечемъ то, чего нельзя было захватить съ собою. «Начнетъ смердъ орати лошадью и пріѣхавъ половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и пойметъ лошадь ту и жену его и дѣти, и гумно его зажжетъ» (1111 г.). Города всѣ опустѣли, села опустѣли, поля отощали, нивы обратились въ жилища звѣрей, много было христіанъ страждущихъ, мучимыхъ, костенѣющихъ отъ холода, исхудалыхъ, почернѣвшихъ отъ голода и жажды: по незнакомой имъ сторонѣ шли они часто нагіе и босые, и ноги ихъ исколоты были терніемъ (Лавр., 1093 г.). Не разъ повторяется въ «Кіевской Лѣтописи», что много зла сотворили половцы русской землѣ. «И се попусти Богъ казнь на ны,—замѣчаетъ лѣтописецъ: онъ казнилъ насъ нахожденіемъ поганыхъ: *се бо есть батогъ Его*, да подвигнемся отъ злаго пути». Нападать на Русь для хановъ было историческимъ преданіемъ. Севенчь Бонякович, дикій половчанинъ, знаменательно выразилъ это словами: «хочу,—говорилъ онъ,—сѣчи въ золотая ворота, яко же и отецъ мой» (1151 г.). Въ виду подобнаго отношенія къ Руси половцевъ, срамно было для русскаго князя отказываться идти на поганыхъ. «Не дай Богъ,—говорилъ Игорь, — на поганыя ѣздя ся отрещи; поганый есть всѣмъ намъ *общій врагъ*» (1185 г.). Такимъ образомъ идетъ историческая борьба между Кіевскою Русью и Половецкою степью. То половцы на-

нападаютъ на Русь (1165 г.), берутъ множество селъ и множество полона съ людьми и скоты и коньми (1173 г.), иногда плѣняютъ даже много бояръ и дружины (1177 г.). То одолѣваютъ ихъ русскіе князья— берутъ ихъ вѣжи, скоты и кони, отнимаютъ плѣнныхъ (1153 г.) и уводятъ отъ нихъ множество чади (1173 г.). Но особенно половцы устремлялись на Кіевскую Русь, пользуясь, какъ говоритъ «Лѣтопись», *свадою въ русскихъ князьяхъ.* Въ этомъ отношеніи, какъ видно,— были особенно искусны половецкіе ханы Кончакъ и Кобякъ. О первомъ лѣтописецъ даже не можетъ говорить спокойно и называетъ его окаяннымъ, агаряниномъ, нечистымъ исчадьемъ самого сатаны. Кобякъ также много зла сотворилъ крестьянамъ и избивалъ на Руси даже младенцевъ.

Съ другой стороны эти самые кочевники, эти вороги русской земли, разорявшіе города и изъѣдавшіе села, изображаются въ «Лѣтописи» какъ старые знакомые князей Кіевской Руси, какъ добрые сосѣди и иногда благопріятели. Мало того, что ихъ принимаютъ, не дѣлая имъ насилія, и отпускаютъ, одаривъ дары (1151 г.); мало того, что за кресгьянское кровопролитіе разсчитываются съ ними лишь только «искупомъ» мало того, что окаянные Кончакъ и Кобякъ являются союзниками русскихъ князей въ ихъ взаимныхъ сварахъ (1180 г.); мало того, что между ними замѣтны какая-то пріязнь и побратимство; но всего замѣчательнѣе то, что не рѣдко взаимныя ихъ нападенія вели къ заключенію *родственныхъ и кровныхъ связей.* Такъ, въ 1094 году поялъ Святополкъ себѣ жену, дочь Тугоркана, князя половецкаго; въ 1117 г. Андрей, сынъ Мономаховъ, женатъ былъ на внукѣ Тугоркановой; въ 1183 г. привелъ Ростиславъ Бѣлуковну, дочь князя половецкаго, изъ Половецъ, за сына своего Рюрика; въ 1206 г. великій князь Всеволодъ женилъ сына своего Ярослава и «привели за него» Юрьевну Кончаковича.

То же самое понятіе о степи видимъ мы и въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Съ одной стороны, здѣсь изображается предъ нами борьба противъ поганыхъ, отъ которыхъ стонетъ Кіевъ и Черниговъ и разлилась тоска по землѣ русской: степь рисуется какъ зло, которое

усыпилъ-было Святославъ Кіевскій. Съ другой стороны, видимъ, что пораженіе Игоря оканчивается тѣмъ, что сынъ его Володиміръ *женится на дочери окаяннаго Кончака.*

Гзакъ Кончаку воспроговоритъ:
Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,
Соколенка разстрѣляемъ мы
Да своими стрѣлами злачеными.
А Кончакъ на то Гзѣ говорилъ:
«Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,
А и тогда соколенка
Дѣвицею красной
Опутаемъ мы».
И сказалъ да тутъ Гзакъ Кончаку:
Лишь только дѣвицею красной
Его да опутаемъ мы—
Не будетъ у насъ соколенка,
Ни красной дѣвицы не будетъ у насъ,
И птицы тутъ почнутъ
Да насъ бити
Въ полѣ половецкомъ.

Таковы были отношенія между степью и князьями Кіевской Руси. «Слово» и «Лѣтопись» одинаково даютъ понимать намъ какъ заклятую историческую вражду, такъ и побратимство и родственныя связи между поганою половецкою степью и православною дружинно-княжескою Русью.

Бытъ и культура этой Руси совершенно одинаковы по изображенію какъ «Лѣтописи», такъ и «Слова». Въ семейномъ быту нельзя не видѣть по лѣтописямъ нѣкоторой нѣжности во взаимныхъ отношеніяхъ; двоюродное родство называется сыновствомъ (1149 г.); не рѣдко читаемъ здѣсь ласкательныя слова: *милая тщерь* (1187 г.), *милые люди* (1157 г.) и т. п. Особенная любовь замѣтна между родными братьями: другъ друга они жалѣютъ (1146 и 1148 гг.) и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ другой оплакиваетъ (1151 г.). Иные князья выражали желаніе, чтобы ихъ хоронили непремѣнно въ Кіевѣ: «не могу здѣ лечи, —завѣщалъ, напр., Ростиславъ смоленскій,—

повезите мя къ Кіеву», Погребальная причеть надъ родными имѣла всю свою силу и при домахъ княжескихъ: какъ дѣти *плакали по отцѣхъ*, такъ и *родители по дѣтяхъ* (1126 г.). «И посла Миндовгъ по свою свѣсть тако река: се сестра твоя мертва, а пойди *карить* по своей сестрѣ» (1254 г.).

Всѣ эти черты семейнаго княжескаго быта сказываются для насъ и въ «Словѣ». *О мои сыновцы Игорь и Всеволодъ*, такъ начинаетъ Святославъ свое золотое слово, обращаясь къ своимъ племянникамъ. Всеволодъ называетъ Игоря братомъ своимъ единственнымъ, *свѣтомъ свѣтлымъ; оба*, говоритъ, *мы Святославичи*. «*Жаль мнѣ брата* Всеволода»,—восклицаетъ Игорь послѣ пораженія на Каялѣ. Ярополкъ повелѣлъ взять отца своего на угорскихъ иноходцахъ ко св. Софіи къ Кіеву. Плачетъ мать Ростислава по юношѣ князѣ:

«Уныли цвѣты отъ жалости
И дерево отъ туги
Къ землѣ преклонилось».

У князей; по изображенію «Лѣтописи», тѣ же доспѣхи и оружье, что и въ «Словѣ».

1) Шлемы называются здѣсь «золотыми», какъ и въ «Лѣтописи». Мономахъ «*пилъ золотымъ шеломомъ* Донъ». Шлемы половецкіе названы въ «Словѣ» *оварскими*; шлемы же Романа Галицкаго и Мстислава Храбраго названы *латинскими*.

2) *Щиты*. Они прозваны въ «Словѣ» *червленными*, т.-е. багряными или темно-красными; такими именно изображены щиты на миніатюрѣ въ древней харатейной рукописи (Типогр. Библ.) съ подписью: «Св. Борисъ ѣдетъ на Печенѣги».

3. *Сабли*. Сабли пришли на Русь отъ воевавшихъ съ нею азіатцевъ. Припомнимъ изъ «Лѣтописи» дань днѣпровскихъ полянъ козарамъ: *отъ дыма мечь*. «Рѣша старци козарстіи: не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіемъ одиною стороною, рекше, саблями, а сихъ оружье обоюдо остро, рекше мечь». Еще Максимовичъ замѣтилъ, что съ саблями въ «Словѣ» представлены только половцы а

Русь и Литва съ мечами. Изъ русскихъ только Всеволодъ и куряне съ саблями.

4. *Мечи*. Они называются въ «Словѣ» «харалужными», что указываетъ также на восточное ихъ происхожденіе. Достойно замѣчанія, что въ Олонецкой губерніи до нынѣ существуетъ слово «харалужный» и употребляется въ переносномъ смыслѣ для выраженія крайняго безстыдства: *харалужные глаза, харамуга*, и т. п.

5. *Сулицы*. Сулицею называлось остріе копья (αἰχμὴ δόρατος, въ лѣт. Манассіи) и самое копье. О сулицахъ упоминается въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ XIII вѣка (Изв. Ак. Н., т. X, 601). Сулицы Мстиславичей названы въ «Словѣ» «лядскими».

6. *Стрѣлы*. Стрѣлы именуются калеными: это постоянный, неотлучный эпитетъ стрѣлъ, какъ полю дается названіе чистаго, звѣрю—лютаго, коню—борзаго, дѣвицѣ—красной.

7. *Насады*, упоминаемые въ «Лѣтописи» и въ «Словѣ», были деревянныя лодки, въ основу которыхъ клались коряги, обшиваемыя тесомъ. Св. Іона Климецкій, новгородскій купецъ, торговавшій солью съ Бѣломорьемъ еще въ XVI в., ѣздилъ на такихъ «насадахъ» по Онежскому озеру. Въ лѣтописяхъ они также встрѣчаются нерѣдко.

Въ ряду культурныхъ предметовъ мы находимъ здѣсь также «*оксамиты паволоки и узорочья* разноличныя», упоминаемыя въ «Словѣ».

Князья послѣ побѣды или удачнаго исхода своихъ дѣлъ, въѣзжая въ Кіевъ, отправлялись поклониться св: Софіи и св. Богородицѣ Десятинной (1151 г.). Точно также Игорь, послѣ несчастной битвы и плѣна, получивъ спасеніе жизни, ѣдетъ по Боричеву къ св. Богородицѣ Пирогощей.

Отношеніе къ половецкимъ плѣнникамъ въ кіевской Руси, какъ и у половцевъ, было не для всѣхъ одинаково. Рядовые плѣнники продавались на торгу; когда было ихъ много, чага бывала по ногатѣ, а кощей по резани, т.-е. женщина стоила полтинникъ, а мужчина—

двугривенный [2]. Иначе принимали плѣнниковъ почетныхъ. Такъ изъ выраженія «Слова»: «и палъ Кобякъ въ гриднѣ Святослава», можно заключить, что этотъ ханъ былъ представленъ лично великому князю Святославу и изъявилъ покорность ему въ самомъ княжескомъ дворцѣ. Побѣжденные, выражая свое подчиненіе, по изображенію «Слова», сулицы свои повергали и главы свои наклоняли подъ мечи побѣдителей.

Языкъ «Слова о полку Игоревѣ», въ большинствѣ своихъ образовъ, выраженій и оборотовъ, есть обыкновенный языкъ той же дружиннокняжеской кіевской руси. Сближая эту боярскую Русь въ ея внутреннихъ стремленіяхъ и понятіяхъ, въ ея бытѣ и культурѣ, какъ изображается она въ «Словѣ» и «Лѣтописи», мы намѣренно приводили буквально многія мѣста лѣтописей, чтобы читатель могъ видѣть въ какой высокой степени «Слово» сходно съ лѣтописями, не только по изображеніямъ внутренняго уклада этой Руси, но и по языку, по тону рѣчи, по образамъ и выраженіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наша литература XII в. не стояла особнякомъ въ общей культурѣ тогдашняго міра; напротивъ, какъ мы видѣли, кіевская образованность въ значительной мѣрѣ отражаетъ въ себѣ слѣды славяно-византійскихъ воздѣйствій. Дружинно-княжеская приднѣпровская Русь, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, стояла на весьма значительной высотѣ тогдашняго общаго образованія. Но, допуская *книжную*, литературную стихію въ «Словѣ», мы видимъ здѣсь главнымъ образомъ ту обычную рѣчь, которая жила въ устахъ кіевской дружинной Руси, и, естественно, должна была подниматься на из-

---

[2] Въ гривнѣ считалось двадцать ногатъ или 50 резань; слѣдовательно, въ ногатѣ было 2 $^{1}/_{2}$ резани. Ногата на металлы (Карамз. И. Г. Р. II., пр. 79) равнялась нынѣшнему полтиннику, а резань—двугривенному. Для разъясненія отношенія ногаты къ новгородскому счету приведемъ здѣсь «*память, какъ торговали доселѣ новгородцы*». «Пять лобцевъ четверетца, а десять лобцевъ двѣ четверетцы, ино то мротка, а ногата полторы мротки. Три четверетцы, а двѣ векши лбецъ, а лбецовъ пять за четверетцу» (Выписка изъ Минеи мѣсячной 1494 г., библ. Солов. монастыря, нынѣ казан. Дух. Ак., № 518, обязательно сообщена намъ проф. А. С. Павловымъ).

вѣстную поэтическую высоту, какъ скоро приходилось говорить о предметахъ серьёзныхъ и возвышенныхъ.

Вспсти на конь (21, 50). *Ѣздить въ стремени* (73). *Пить шеломомъ Донъ* (15). *Трубы вструбить* (63). *Кликнуть полкомъ* (56). *Ѣхать по шеломени* (129). *Итти на судъ Божій* (62). *Видѣть судъ Божій* (54). *Стати на болоньи* (20). *Битися на чистомъ полѣ* (62). *Битися съ заутра до вечера* (36). *Изломить копье свое* (47, 63). *Добыть копьемъ* (214). *Добыть Кіева* (61). *Послужить копьемъ за обиду* (68). *Стоять за обиду* (39, 57, 217). *Оступить полки русскіе* (2). *Поверпнуть стяги и поскочитъ* (24). *Потоптать полки* (67). *Ходить по трупью, аки по мосту* (199). *Видѣть ломъ копейный, звукъ оружейный* (110), *щитъ скепанія* (177). *Сулицы кровавы, оскепище изсѣчено отъ удареніѧ мечнаго. Придти съ силою* (26). *Повоевать жизнь* (38). Разграбить *жизнь* князя и дружины (стр. 83). Пожечь всю *жизнь* (37). *Кметство и комони* (56). *Чолка стяговая* (24) и т. п.

Всѣ эти лѣтописныя выраженія, почти буквально повторяемыя въ «Словѣ», ясно даютъ понимать, что языкъ «Слова» есть языкъ той же дружинной Руси XII вѣка, съ которою такъ подробно знакомитъ насъ «Кіевская Лѣтопись». Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выраженій долго держались въ нашей письменности и послѣ упадка дружиннаго быта кіевской Руси. Выраженіе, напр., «*пить Дону*»—въ смыслѣ одержать побѣду—встрѣчаемъ въ оффиціальныхъ актахъ даже XVII вѣка.«

Тѣ же здѣсь предвѣстники неудачь, что и въ «Словѣ»: затменіе солнца (135), завываніе волковъ (115), играніе и клектаніе хищной птицы (115).

Тѣ же ббразы при описаніи битвъ: «и сразишася первое съ полкомъ и тресну, яко громъ» (2). «И бѣ гроза велика и сѣча страшна и сильна: блесташется оружіе яко свѣтяшеся молнія» (Лавр., 64). «Щитъ же ихъ яко заря бѣ шеломы же ихъ, яко солнце восходящее» (186).

Самое начало «Слова» какъ будто прямо взято изъ «Лѣтописи»: «а лѣпо ны было, братья» (стр. 97), *начнемъ же сказати* безчисленныя рати и великіе труды (166) Драматическія рѣчи однѣ и тѣ же: «И рече Святославъ Рюрику: азъ есмь, брате, готовъ» (134). «А се полкъ мой и дружина моя: ты ряди» (75). «А се есмы братья» (стр. 60). «А ты еси Ростиславу сынъ *любимый*» (74).—Упомянемъ и отдѣльныя выраженія, повторяемыя тамъ и здѣсь: «обаполы» (40, 63), «середь земли» (21), ночесь, почаша молвити» (113).—Наконецъ, достойно вниманія, что потомки Олега, какъ тамъ, такъ и здѣсь, *именуются по изотчинѣ*: они постоянно называются не иначе, какъ *Ольговичи*». Точно также Игорь и Всеволодъ—величаются по отчеству: «*Святославличи*» [1].

Изображая предъ нами дружинно-боярскую кіевскую Русь, какъ лѣтописи, такъ и «Слово» почти ничего не сообщаютъ о другихъ общественныхъ классахъ и о самомъ народѣ: всѣ свѣдѣнія о послѣднемъ сводятся лишь къ выраженію «Слова»: *тогда рѣдко пахари покрякивали, но часто вороны пограивали*. Нѣкоторые, впрочемъ, образы «Слова», хотя случайно, отчасти связываютъ его и съ народною жизнію. Такъ, напр., встрѣчаются здѣсь выраженія: «ратаи, снопы стелютъ, молотятъ цѣпами, вѣютъ»... Эти черты сельскаго народнаго быта, послужившія автору образами для кровавой битвы, служатъ для насъ указаніемъ, какъ глубоко корни «Слова» тянутся къ русской народности и до какой степени картины его живы и наглядны: онѣ какъ будто сейчасъ схвачены съ самыхъ обычныхъ явленій сельской народной жизни, которыя и теперь совершаются на нашихъ глазахъ.

---

[1] Изъ грамматическихъ формъ—укажемъ мы только на двѣ особенности: во-1-хъ, на дательный эстетич. мѣстоимени личнаго *ти*: «Си отецъ *ти* умеръ, а Святополкъ сидитъ *ти* Кыевѣ» (Лавр., 61). Въ «Словѣ»: «мои *ти* готовы, мои *ти* Куряне, тяжко ти». Здѣсь «ти» стоитъ вмѣсто частицъ: вѣдь, знамо и т. п. (См. Малор. пѣсня XVI в. Потебни, въ Филол. Запискахъ, 1877). Во-2-хъ, при *подлежащемъ собирательномъ* глаголъ употребляется во множеств. числѣ: «Дружина княжа сѣдяху»; въ «Словѣ»: «Дружина рыкаютъ» и т. п.

Мы такъ отвыкли отъ живой народной рѣчи, что многіе обороты и выраженія лѣтописей и «Слова» насъ поражаютъ необычностію и своебразіемъ, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ мы можемъ слышать и теперь, какъ скоро народная рѣчь коснется предметовъ серьёзныхъ, доступныхъ сердцу и разумѣнію народа и непосредственно поднимающихъ его на поэтическую высоту. Нѣтъ сомнѣнія, что живая народная рѣчь XII в. ближе подходила къ языку лѣтописей и «Слова».

Главное значеніе «Слова» сравнительно съ «Кіевскою Лѣтописью» состоитъ въ томъ, что оно рисуетъ предъ нами приднѣпровскую Русь XII в. въ цѣлой ея картинѣ и представляетъ намъ рядъ князей въ краткихъ, но характерныхъ очертаніяхъ.

«Слово» рисуетъ предъ нами цѣлое поколѣніе тогдашнихъ передовыхъ князей, и въ ихъ изображеніяхъ даетъ намъ разумѣть ихъ кипучую дѣятельность и политическіе замыслы.

Вотъ предъ нами Всеволодъ III (Большое гнѣздо). Удалившись на сѣверъ, онъ поглощенъ здѣсь своей государственной задачей, подбирая князей подъ свою мощную руку. Онъ можетъ веслами раскропить Волгу и Донъ вылить шеломами, но онъ уже не думаетъ о Кіевѣ и не несется туда мыслію издали поблюсти древняго златаго престола отцовскаго.

Вотъ предъ нами знаменитый Романъ Галицкій, котораго издали разглядѣлъ зоркій папа Иннокентій III и, угадывая его замыслы, предлагалъ ему королевскую корону надъ всей русской землей, подъ условіемъ, конечно, признанія его главенства. Высоко взлетѣлъ этотъ Романъ въ своихъ замыслахъ, говоритъ о немъ «Слово», какъ будто соколъ на вѣтрахъ ширяяся и готовясь въ буйствѣ одолѣть птицу.

Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Осмомыслъ Галицкій, что горы Угорскія подперъ своими желѣзными полками и стрѣлялъ солтановъ за землями. Грозы отъ его престола, говоритъ «Слово», по землямъ текутъ.

За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), имя котораго въ лѣтописяхъ стоитъ рядомъ съ богатырями, которые какъ львы и медвѣди не слышатъ на себѣ ранъ. Предъ нимъ и Романомъ (Галицкимъ) — отъ ихъ храбрости и оружія, говоритъ «Слово», треснула земля и многія страны... копья свои повергли и головы преклонили подъ ихъ мечи харалужные.

Помянутъ въ «Словѣ» и Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, съ золотаго престола былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и опять-таки добылъ Кіевъ. Онъ названъ здѣсь «буйнымъ»: шеломъ его плавалъ въ крови, какъ и шеломъ Давыда—и храбрая дружина ихъ рыкала, какъ туры, раненые калеными саблями.

Въ такихъ же яркихъ краскахъ изображены здѣсь и три Мстиславича: «*не худи гнѣзда шестокрыльцы*»,—и «всѣ внуки Всеслава, выскочившіе изъ дѣдней славы».

Уже въ XI вѣкѣ, какъ мы видѣли, слышался голосъ со стороны смысленныхъ мужей или думающихъ бояръ, что княжескіе раздоры наводили поганыхъ на русскую землю; а затѣмъ, по мѣрѣ усиленія раздоровъ, поганые еще болѣе радовались «княжеской свадѣ и которамъ» и устремлялись съ побѣдами на землю русскую. Въ XII вѣкѣ дѣйствительность была такова, что производила отрезвляющее дѣйствіе и давала чувствовать всю глубину зла, къ которому вели княжескіе раздоры.

Всѣ усобицы, по свидѣтельству «Слова», развились именно отъ того, что князья забыли великую идею *единства* земли русской, эту святыню, завѣщанную имъ исторіей, и, вмѣсто того, чтобы всѣмъ княжить подъ ея воздѣйствіемъ, стали водиться самолюбивыми цѣлями и мелкими побужденіями,—«*стали говорить: се мое, а то мое-же, и о маломъ стали говорить: се великое*». Вотъ историческій лучъ, который озоряетъ для историка разрозненность Кіевской Руси такими психологическими опредѣленіями, которыхъ напрасно сталъ бы онъ искать въ лѣтописяхъ XII в.

Всѣ бѣдствія русской земли, разоренія городовъ и страданія жителей происходили, по свидѣтельству «Слова», именно изъ-за этихъ мелкихъ и самолюбивыхъ княжескихъ интересовъ, столь противныхъ историческому преданію и завѣтной идеѣ единства народа русскаго. «И начали князи крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на землю русскую»... Съ этой стороны «Слово» есть настоящій «плачъ Іереміинъ», указующій истинную причину всѣхъ бѣдъ, разразившихся надъ русской землей.

Окончивъ золотое слово Святослава, авторъ какъ-бы изнемогаетъ при мысли о княжескихъ крамолахъ, и изъ стѣсненной души его какъ-бы невольно вырывается почти отчаянное слово: «О, стонать русской землѣ, вспоминая первую годину и перыхъ князей. Уже нельзя пригвоздить того стараго Владиміра къ горамъ Кіевскимъ. Знамена его теперь стали однѣ Рюрика, другія Давида, а разладивъ они дѣйствуютъ вкривь и вкось».

Что касается въ частности похода Игорева, то нельзя не замѣчать, что «Слово», сравнительно съ «Лѣтописью», не столько занято его подробностями, сколько передаетъ впечатлѣнія очевидца, подъ дѣйствіемъ гнетущей скорби за эти стоны и бѣдствія русской земли. Оно не распространяется о томъ, какъ проводили и что̀ затѣвали русскіе послѣ первой побѣды надъ половцами, въ пятницу, у р. Сюурлія, что сообщается въ «Кіевской Лѣтописи». Оно лишь кратко замѣчаетъ объ этомъ ночлегѣ: «Дремлетъ въ полѣ гнѣздо храброе Олега;.... далече залетѣло».

Точно также, опуская подробности битвы въ субботу, оно изображаетъ предъ нами лишь только князя Всеволода — въ его рукопашномъ бою... Бой русскихъ въ этотъ день былъ такъ страшенъ, что авторъ свилъ его съ старымъ временемъ Ярослава и Олега... «То было, — заканчиваетъ онъ эту картину, — въ ты рати, и въ ты полки, ни сицей рати не слышано... зачернѣла земля подъ копытами, костьми была призасѣяна и кровію полита».

«Что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано передъ зорами? Полки Игорь заворачиваетъ»... Такъ начинаетъ «Слово» описаніе 3-го

воскреснаго дня и, пропуская подробности несчастнаго боя и плѣна своихъ героевъ, подробно разсказанныя въ «Лѣтописи», изображаетъ только печальный конецъ его: «бились день, бились другой, а на третій ко полудню стяги Игоревы пали». Говоря короче, въ «Словѣ» читаемъ не разсказъ событія, но впечатлѣнія и думы дружинника, вызванныя этимъ походомъ.

Таково историческое значеніе «Слова». До такой степени оно связано съ понятіями, отношеніями, бытомъ, культурою, языкомъ и политическими стремленіями дружинно-княжеской приднѣпровской Руси XII вѣка. Возникнувъ лишь только въ этой дѣйствительной средѣ, оно могло отразить для насъ такъ наглядно и осязательно въ общей картинѣ историческій фактъ. Уже одно это значеніе, столь внутреннее и глубокое, должно сдержать порывы нѣкоторыхъ ученыхъ—для объясненія его уноситься мыслію въ старую и новую Болгарію и тамъ искать прототипа, по которому будто бы оно выкроено съ замѣтными и не всегда искусными спайками[1].

Стиль литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школы, къ которой относится «Слово», опредѣлялся, конечно, во многомъ самымъ *фактомъ жизни*, а не одною начитанностію. Не потому напр. въ «Лѣтописи» и «Слово» занесены «*плачи*», что встрѣчаются они въ Византійскихъ романахъ, но потому, что разсказывая о русской жизни, повѣствователь лицемъ къ лицу стоялъ съ фактомъ Русской причети, широко охватывавшимъ всю Русскую землю по поводу того или другаго разсказываемаго событія, бывшаго бѣдствіемъ для Русской земли. Не потому въ «Словѣ» и «Лѣтописяхъ» встрѣчаются «ласковые эпитеты», что занесены сюда изъ Болгарскихъ книжекъ, которыхъ начитались русскіе повѣствователи, но потому, что и въ

[1] Новыя 18 страницъ, замѣчаетъ г. Вс. Ѳ. Миллеръ, посвященныя разъясненію историческаго значенія «Слова», не вносятъ ничего *новаго*. Безъ новыхъ доказательствъ (?) толкуется о томъ, что живое сочувствіе къ судьбѣ князя Игоря, которымъ такъ проникнуто «Слово», указываетъ автора его въ дружинѣ Черниговскаго Князя. (а кто это доказывалъ прежде? Спрашиваемъ мы). «Оказывается, продолжаетъ нашъ критикъ, что и по «Лѣтописи» родители любятъ дѣтей, братья

дѣйствительности родители умѣли и на Руси любить своихъ дѣтей, братья братьевъ и т. п., и умѣли выражать свою любовь не словами Византійскихъ повѣстей, но своимъ собственнымъ языкомъ, тѣми самыми выраженіями, которыя и до нынѣ они выражаютъ свою ласку.

братьевъ... далѣе, и оружіе, которымъ дрались русскіе съ врагами одно и тоже Теперь въ этомъ никто не будетъ сомнѣваться, потому что все это подтверждено г. Барсовымъ цитатами изъ Лѣтописи». (Крит. обозр. 1879 г. № 3 стр. 22). Тотъ, кто изучалъ литературу «Слова», не можетъ не признать, что въ ней никогда не было разсмотрѣно «Слово» въ такой тѣсной связи съ внутреннимъ укладомъ и внѣшнимъ бытомъ Кіевской Дружинной Руси, какъ это сдѣлано нами. Приведенные факты сами по себѣ, конечно, всѣмъ извѣстны, но едва ли можно говорить объ архитектурѣ, что она не представляетъ ничего новаго, потому что кирпичи и камни всякому извѣстны, не обнаруживая при такомъ сужденіи слитности своего сознанія. «*Вѣстникъ Европы*», гдѣ впервые напечатана была наша статья о томъ, не имѣетъ обычая украшать свои страницы одними старыми избитыми фактами безъ новаго ихъ освѣщенія. Не забудемъ впрочемъ, что такой судъ произнесъ критикъ, который самъ въ предисловіи къ своему «Взгляду на Слово», заявилъ, что «изучать все, что когда-либо было писано о «Словѣ», уже само по себѣ представляетъ работу, для которой у автора нѣтъ времени, ни, *признаться*, *желанія* (стр. 11).

V.

„СЛОВО", КАКЪ ПѢСНЬ, ПОДОБНАЯ БОЯНОВОЙ.

Значеніе «Слова как памятника историко-литературнаго—Отношеніе его къ пѣснотворчеству Бояна, какъ къ своему прототипу.—Предположеніе о связи Бояновыхъ пѣсней съ классической поэзіей.—Гипотеза о Византійско-Болгарскомъ прототипѣ «Слова» и критическій разборъ ея.—Разсмотрѣніе миѳологической стороны «Слова» въ связи съ этой гипотезой.—Поэтическіе образы «Слова» въ связи съ эпическимъ его міросозерцаніемъ.

Но «Слово» не тѣмъ только важно, что оно освѣщаетъ для насъ Кіевскую Русь политической идеей и рисуетъ ее предъ нами и въ ея идеалахъ и въ ея дѣйствительности, но главнымъ образомъ оно драгоцѣнно для насъ потому, что представляетъ единственный памятникъ, проливающій свѣтъ на характеръ и направленіе литературы, предшествовавшей развитію повѣствовательной школы—по дѣяніямъ времени, по фактамъ историческимъ.

Въ Сказаніи Едигея на Русскую землю есть замѣтка о написаніи лѣтописи игуменомъ Св. Михаила Сильвестромъ († 1123) съ важной для насъ характиристикой его труда: «обрѣтаемъ начальнаго лѣто*словца* Кіевскаго, иже вся временнобытства не обинуяся показуетъ, яко же при Володимірѣ Мономахѣ оного великаго. Силиверста Выдобыжскаго, не *украшая пишущаго*, да аще хощеши, прочти прилежно». Въ этой замѣткѣ лѣто*словцу* противополагаются слова *украшающія*—и время Владиміра Мономаха отмѣчается эпохой, когда является лѣтословъ *не украшая пищущій*. Поясненіемъ этой замѣтки

можетъ служить слѣдующая аналогія въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго: «Яко же историци и вѣтія, рекше лѣтописцы и *пѣснотворцы* приклоняютъ своя слухи въ бывшая между цари рати и въплъченія, да *украсятъ словесы* и возвеличатъ словесы мужьствовавшая крѣпко... и тѣхъ *славяще похвалами вѣнчаютъ*». Отсюда видно, что *украшающія словеса*—составляли особенность повѣствованій *витій и пѣснотворцевъ*, прославлявшихъ геройство князей и воинскіе подвиги дружины. И если о Сильвестрѣ, описавшемъ *временнобытства* Владиміра Мономаха въ повѣсти объ Едигеѣ найдено нужнымъ замѣтить, что онъ лѣто*словецъ*, писавшій *не украшая*, то, очевидно, здѣсь сказывается уже намекъ, что до Владиміра Мономаха были писатели *словесы украшающіе*, каковыми по словамъ Кирилла Туровскаго, были *пѣснотворцы*. «Слово» о полку Игоревѣ—само по себѣ, какъ поэтическое произведеніе относится къ типу этихъ *украшающихъ словесъ*. Явившись въ послѣдней четверти XII вѣка, оно тѣмъ самымъ доказываетъ, какъ не смотря на развитіе и господство въ это время литературно-повѣствовательной школы въ направленіи строго-историческомъ—было еще живо и глубоко въ средѣ пишущей братіи сочувствіе и расположеніе къ предшествующему повѣствовательно-*украшающему*, пѣснотворческому направленію литературы.

Но главное историко-литературное значеніе «Слова» состоитъ въ томъ, что оно знакомитъ насъ съ однимъ изъ представителей этого направленія, жившимъ въ эпоху до Владиміра Мономаха и славившимъ князей *украшающими словесами*. Такимъ именно пѣснотворцемъ въ «Словѣ» является Боянъ.

Авторъ «Слова» опредѣленно указываетъ, какихъ князей прославлялъ онъ и какую эпоху обнимало его пѣснотворчество. Такъ, по его словамъ, онъ воспѣвалъ «стараго Ярослава († 1054 г.) брата его Мстислава († 1036) и въ частности единоборство его съ Редедей, и красного Романа Святославича Тмутораканскаго († 1079 г.). Кромѣ того въ концѣ «Слова» онъ прямо называетъ его пѣснотворцемъ стараго времени Ярослава и Олега († 1115 г.). Значитъ литературная эпоха, представителемъ которой является Боянъ, начиналась

отъ Ярослава Владиміровича и оканчивалась Олегомъ Святославичемъ, т. е. относилась къ половинѣ XI и началу XII вѣка.

Авторъ «Слова» зналъ Бояна не изъ письменныхъ источниковъ, а изъ живыхъ устъ. Характеризуя его, онъ между прочимъ вставилъ выраженіе: *рече*, т. е. какъ сказалъ нѣкто или по нашему: «какъ говорили, или, какъ поскажутъ». Говоряоратяхъ Ярослава и Олега, онъ также знаменательно прибавилъ: «а сицей рати *не слышано*».

Поэтическое благообразіе «Слова» и такъ-сказать его художественная сторона, симимъ его авторомъ поставлена въ зависимость отъ размысла Боянова и его «старыхъ словесъ». Авторъ не скрылъ своего необыкновеннаго уваженія къ этому пѣснотворцу и своего увлеченія его старыми словесами.

Заявляя, что будетъ имѣть дѣло лишь съ дѣйствительнымъ фактомъ и начнетъ повѣсть по «былямъ» своего времени, онъ не разъ возвращается къ Бояну и пользуется его рѣчью, его сильными выраженіями, его пѣвучими стихами и изреченіями мудрости, которыя изливались изъ его устъ, подъ его чарующей, волшебной лирой: онъ ему подражаетъ, онъ заставляетъ его пѣть вмѣстѣ съ собою.

Слово построено на основѣ Бояновскаго пѣснотворчества. Если Боянъ хотѣлъ кому пѣснь творить изъ князей своего времени, то уносился фантазіей ко временамъ отдаленнымъ и художественно сочеталъ въ своей пѣсни свое время съ временами древними. Слѣдуя той же формѣ и авторъ «Слова» написалъ свое произведеніе. Такъ, онъ не ограничился изображеніемъ былей своего времени отъ временъ Владиміра Мономаха, какъ заявилъ въ самомъ началѣ, но въ свое повѣствованіе ввелъ и разсказы о временахъ Ярослава и Олега, воспѣтыхъ Бояномъ. Эта Боянова эпоха есть для него *время старое*, а потому и словеса Бояна «*словеса старыя*» и самъ Боянъ называется соловьемъ «*времени стараго*»; эпоха же пѣвца Игорева есть эпоха *нынѣшняя*, потому въ «Словѣ» постоянно различаются князья *старые и молодые*. Ярославъ I называется *старымъ*, сынъ его Всеволодъ—*давнимъ*; Владиміръ Мономахъ также «*старымъ*» Игорь Святославичъ, братъ его

Всеволодъ и Владиміръ Игоревичъ—это князья *«молодые»*. Гранью раздѣляющею эти эпохи служитъ Владиміръ Мономахъ: онъ замыкаетъ собою рядъ первыхъ князей, надъ которыми растекались замышленія Бояна, но отъ него же начинается повѣсть «по былинамъ сего времени». *Свитіе* этихъ двухъ эпохъ, подобное Бояновскому, проходитъ чрезъ все «Слово» отъ начала до конца. Говоритъ ли авторъ о роковыхъ и отчаянныхъ битвахъ Игоря, онъ вводитъ въ эту картину и воспоминаніе о томъ, какъ было въ ты рати, и въ ты полки, при усобицахъ, пѣтыхъ Бояномъ. Обращается ли затѣмъ на Западъ Руси къ славному нѣкогда Полоцкому княжеству, онъ и здѣсь усобицы своего времени связываетъ съ усобицами времени стараго и рядомъ съ Изяславомъ, княземъ нынѣшнимъ, годины Святославой, изображаетъ Всеслава, князя прежнихъ временъ. Выдвигая самого Святослава, какъ носителя идеи *единой* земли Русской во время похода Игорева, при изображеніи бѣдствій вызванныхъ этимъ походомъ, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ и Владиміра Мономаха, который держалъ знамя этой идеи на тѣхъ жа горахъ Кіевскихъ, въ годину первую, при первыхъ князьяхъ пѣтыхъ Бояномъ.

При этомъ, авторъ какъ будто ничего не знаетъ, что было до Ярослава: для него, какъ и для Бояна, далѣе за Ярославомъ слѣдуютъ прямо цѣлыя вѣка называемыя Трояновыми, гдѣ уже властвуютъ стихійные боги. Свивая свое время съ эпохой Бояна, онъ даетъ вмѣстѣ замѣтить, что изображаетъ эту послѣднюю, какъ отразилась она въ Бояновскомъ пѣснопѣніи и удерживаетъ связь ея съ временами древними, обнимавшими цѣлыя вѣка. Такимъ образомъ «Слово» соткано на основѣ Бояновскаго пѣснотворчества и отражаетъ въ себѣ форму старой исторической пѣсни на героической основѣ.

Точно такое же подраженіе Бояну представляетъ «Слово» и въ «стилѣ» своихъ изображеній.

Фантазія Бояна на стѣснялась въ своихъ творческихъ полетахъ ни мѣстомъ, ни временемъ. Она носилась въ пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ, находя поэтическое освѣщеніе для настоящаго въ отдаленномъ прошломъ: творчество Бояна было живо и быстро, какъ пры-

ганіе бѣлки, широко и раздольно, какъ скаканіе волка, восторженно и возвышенно, какъ пареніе орла подъ облаками. Оно не подчинялось въ повѣствованіяхъ требованіямъ историческаго факта. Лишь одна стихія служила руководящимъ началомъ его пѣснотворчества: это было *«замышленіе»*. Основанія для обдуманности плана, расположенія частей, отдѣльныхъ художественныхъ изображеній давались не хронологіею или послѣдовательностію историческихъ событій, не содержаніемъ или дробностію историческаго факта, но эпическимъ преданіемъ, которое было такъ богато и давало готовыя формы для художественныхъ созданій.

Далѣе, по словамъ автора «Слова», пѣснотворчество Бояна имѣло характеръ не книжныхъ произведеній, а живой народной пѣсни: оно было творчество струнное. Боянъ не только создавалъ пѣснь, но и разыгрывалъ ее на струнахъ, и притомъ такъ, что его пѣніе затрогивало душу, словно пѣніе лебединое, и игра его была, какъ нечеловѣческая: струны подъ его перстами словно сами славу князьямъ выговаривали.

Такой характеръ живой народной пѣсни въ творчествѣ Бояновомъ выражался между прочимъ въ *запѣвахъ* и *припѣвкахъ*.

Запѣвы вполнѣ отвѣчали розмахамъ Бояновскаго замышленія. Необыкновенно мѣткую аналогію для характиристики пошиба этихъ запѣвовъ указалъ Ѳ. И. Буслаевъ, приведя слѣдующее мѣсто изъ народной пѣсни:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океянъ море,
Широко́ раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе!

Запѣвы, эти, судя по приведеннымъ образцамъ въ «Словѣ» были разныхъ поэтическихъ размѣровъ. Тоже нужно замѣтить и о тѣхъ *припѣвкахъ*, которыми заканчивались отдѣльныя части пѣснопѣнія.

Наконецъ въ пѣснотворчествѣ Бояновѣ имѣли мѣсто притчи и присловья, какъ выраженія вѣковой мудрости, коими закрѣплялъ онъ свои поэтическія думы о человѣческой судьбѣ и человѣческихъ дѣлахъ.

Авторъ «Слова», свивая эпоху Святослава и Игоря съ эпохой воспѣтой Бояномъ, слѣдуетъ также Бояновскому расположенію историческихъ фактовъ. Онъ не дорожитъ дробностію событія, не наблюдаетъ хронологіи, но подчиняетъ ихъ творческому замышленію. Онъ прямо начинаетъ повѣствованіе съ характеристики Игоря, ставитъ его на вражеской землѣ, въ страшную минуту солнечнаго затменія, когда само небо заставляетъ его воротиться и потомъ тотчасъ же переходитъ къ характеристикѣ другаго героя брата его Всеволода и пользуется совершенно другимъ моментомъ дѣйствія, происходившимъ ранѣе и въ другомъ мѣстѣ, именно моментомъ приготовленія ихъ къ походу.

Точно такъ, начертывая золотое слово Великаго Князя Святослава Кіевскаго, съ воззваніемъ ко всѣмъ прочимъ князьямъ вступиться за землю Русскую, за раны Игоревы, онъ вноситъ сюда уже совершившіеся факты: *се уже у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкими*, а *Володиміръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову*.

Изобразивъ горе, охватившее всю Кіевскую Русь, узнавшую о погибели Игоря и его дружины, заставивъ русскихъ женъ оплакать своихъ милыхъ ладъ, послѣ того какъ поганые Гзакъ и Кончакъ своими набѣгами уже опустошали Русскіе волости и осаждали Путивль, онъ рисуетъ образъ Ярославны, супруги Игоря, которая какъ будто ничего еще не знаетъ ни о судьбѣ Игоря, ни о всѣхъ послѣдующихъ событіхъ и причитаетъ на городской стѣнѣ того самаго Путивля, въ которомъ Половцы сожгли уже острогъ.

Эти быстрые и неожиданные переходы отъ одного момента дѣйствія къ другому, независимо отъ ихъ исторической послѣдовательности, подобные перелетамъ орла или рысканію волка, указываютъ на то, что авторъ «Слова», подобно Бояну, слѣдовалъ въ своемъ творчествѣ лишь *замышленію*, основаніемъ для котораго служило эпическое преданіе.

Явленія текущей жизни подчинены высшему порядку вещей. Солнечное затменіе и другія зловѣщія знаменія природы, таинственный откровенный сонъ, плачущая мольба къ стихійнымъ силамъ являются основаніями въ планѣ его произведенія и вмѣстѣ свѣточами

въ развиваемыхъ имъ картинахъ историческихъ событій. Имена языческихъ божествъ, поднимающія рѣчь автора «Слова» на поэтическую высоту и придающія его изображеніямъ не только прелесть, но и нѣкоторую священную важность почерпнуты имъ изъ того же источника старыхъ словесъ и Бояновскаго замышленія. Отсюда же имъ заимствованы, по всей вѣроятности, и всѣ тѣ художественные образы, которые преобладаютъ въ «Словѣ» надъ фактомъ и указываютъ на то, что авторъ не остался вѣренъ своей задачѣ, излагать только быль, а поддался вдохновляющему его Боянову розмыслу.

Авторъ «Слова» не предназначалъ для струнъ своего произведенія, относя его къ розряду историческихъ повѣстей; но въ силу подражанія Бояну, его повѣсть невольно приняла пѣсенный характеръ. Такъ, по собственнымъ его словамъ, слѣдовало бы начать разсказы о походѣ Игоря запѣвомъ Бояновскаго замышленія, но подобныя «старыя словеса» не мирились съ литературными требованіями современнаго ему повѣствованія: быть той пѣсни начинаться, по былинамъ сего времени, говоритъ авторъ, а не по замышленію Бояна. Желая прославить дружину Игоря, уже двинувшуюся въ походъ, и недоумѣвая, какимъ размѣромъ начать свое пѣніе, онъ приглашаетъ Бояна пѣть вмѣстѣ съ собою и приводитъ два запѣва Бояновскихъ размѣровъ:

1. Не буря соколовъ занесе, чрезъ поля широкія,
Галицы стады бѣжать къ Дону великому.

2. Чи ли пѣти, Бояне, Велесовъ внуче?
Комони ржуть за Сувою,
Звѣнитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ.

Точно также авторъ «Слова» въ концѣ отдѣльныхъ періодовъ своего повѣствованія повторяетъ слѣдующіе поэтическіе обороты:

1. Ищущи себѣ чьти, а князю славы.
2. О Русская земле! Уже за шеломенемъ еси!
3. Игорева плъку не крѣсити!
4. Вступита за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы.
5. Ярославна рано плачетъ.

Повтореніе этихъ оборотовъ—въ концѣ нѣсколькихъ періодовъ—получаетъ значеніе пѣсенныхъ *припѣвовъ*: являясь съ былевой исторической повѣсти, онѣ суть ничто иное, какъ подражаніе Бояновой пѣсни, которая раздѣляла этотъ эпическій пріемъ на равнѣ съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ.

Наконецъ авторъ «Слова» пользуется въ своемъ произведеніи, какъ завѣтомъ старины, пословицами и поговорками, имѣвшими мѣсто въ Бояновскомъ пѣснотворчествѣ. Такъ онъ приводитъ два подобныхъ изрѣченія Бояна: «тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути». Это изреченіе изначала было сказано какимъ-то мудрецомъ и лишь повторено Бояномъ въ отношеніи къ Всеславу. Въ XII вѣкѣ оно было въ ходу: его повторилъ и Даніилъ Заточникъ: суда де Божія ни хитрууму, ни горазду не минути (стр. 37). Или вотъ другое Бояновское изрѣченіе: «тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти- тѣлу, кромѣ головы». Эти присловья указываютъ на то, что Боянъ являлся въ своихъ пѣсняхъ не только современнымъ поэтомъ, но и носителемъ вѣковаго эпическаго преданія.

Такимъ образомъ «Слово» относится къ Бояновому пѣснотворчеству, какъ подражаніе къ своему прототипу. Подъ историческимъ слоемъ сквозитъ въ немъ поэтическая ткань Бояновыхъ пѣсенъ и явно отражаются основа, планъ, мотивы и стилистическіе пріемы Боянова пѣснотворчества.

Само собою разумѣется, что это подражаніе наиболѣе всего должно было сказаться на изображеніяхъ князей и событій той эпохи, которая для автора «Слова» есть эпоха старая и которая воспѣта была Бояномъ. Такъ, на счетъ Бояна должна быть отнесена наибольшая часть выраженій, которыя относятся къ крамолѣ Олега, къ рати давняго Всеволода, Владиміра Мономаха и Бориса Вячеславича—т. е. къ бою на Нежатиной нивѣ, *свитому* въ «Словѣ» съ послѣднимъ, отчаяннымъ и роковымъ боемъ Игоря. Въ особенности по Бояновски очерченъ образъ крамольнаго Всеслава, который является здѣсь въ родѣ былиннаго Вольги Всеславьевича. Можно предполагать

и, кажется, безошибочно, судя по тому увлеченію, съ какимъ авторъ «Слова» относится къ Бояну, что и при изображеніяхъ своего времени онъ пользовался выраженіями и оборотами Бояновыхъ пѣсенъ.

Основа, планъ и стилистическіе пріемы Бояновыхъ твореній указываютъ, что его пѣсни, какъ и «Слово» при всей своей внутренней и глубочайшей связи съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ, существенно отличались отъ этого послѣдняго. Если народныя пѣсни суть произведенія непосредственныя и безъискуственныя, то пѣснотворчество Бояново, судя по подражаніямъ «Слова» характеризуется *замышленіемъ*, обдуманностію плана и расположенія частей, идеальностію группировки историческихъ дробныхъ фактовъ. Это была поэзія—возвышавшаяся надъ народною, предполагающая художественное развитіе дружиннаго историческаго эпоса—на героической основѣ. Возникнувъ изъ стихій народныхъ, она обязана была своимъ развитіемъ знакомству съ поэзіей классической. На это указываетъ и Бояновскій стиль. Такія выраженія какъ: *крамолу ковать*, *стрѣлы сѣять, тьма свѣтъ покрыла* и т. п. встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ памятникахъ Греческой Словесности, какъ наслѣдіе классической поэзіи [1]. Подобно тому, какъ лѣтописный славяно-русскій стиль—развился подъ воздѣйствіемъ Греческой повѣствовательной литературы, такъ точно и стиль дружинно-историческаго эпоса могъ достигнуть своей художественности и значительной степени развитія подъ воздѣйствіемъ классической поэзіи.

Воззваніе къ Бояну за поэтическимъ вдохновеніемъ—едва ли не является въ «Словѣ» какъ подражаніе тому же Бояну, который могъ подобнымъ образомъ обращаться къ иному пѣвцу Русской древности или же къ самому Велесу; не даромъ же Боянъ называется при этомъ *«внукомъ Велеса»*. Давно уже было замѣчено, что подобныя воззванія напоминаютъ обращенія къ Музѣ въ классической поэзіи [2].

Нельзя не пожалѣть, что авторъ «Слова», уступая литературнымъ требованіямъ повѣствовательной школы своего времени, весьма

[1] См. о томъ въ «Лексикологіи Слова».

[2] См. Классическій образецъ въ изслѣд. Кн. П. П. Вяземскаго стр. 95—96.

мало внесъ Бояновыхъ словесъ въ свое произведеніе. Быть можетъ— нашъ Боянъ былъ въ дѣйствительности настоящій славяно-русскій Гомеръ.

Но вотъ не такъ давно появилась новая гипотеза, которая, въ ущербъ поэтическимъ достоинствамъ «Слова» предполагаетъ за нимъ Византійско-болгарскій прототипъ, давшій его автору матеріалъ для безъотчетнаго заимствованія и, видимо, не искусныхъ спаекъ.

По воззрѣнію этой гипотезы—эпическія, или Бояновскія мѣста въ «Словѣ» суть не больше, какъ дань увлеченія со стороны автора «старыми словесами» найденными имъ въ Болгарскихъ книжкахъ, которыя онъ вставилъ въ свое произведеніе, не давая себѣ яснаго отчета, на подобіе того, какъ въ наше время нѣкоторые авторы магистерскихъ и докторскихъ диссертацій пользуются иностранными источниками.

Гипотеза эта тѣмъ болѣе должна остановить на себѣ наше вниманіе, что нашлись ученые, которые или привѣтствовали ее своимъ сочувствіемъ, или же даже прямо записались въ число ея послѣдователей.

Вс. Ѳ. Миллеръ внесъ въ программу IV Археологическаго съѣзда три вопроса, «въ которыхъ, по мнѣнію г. Жданова [1], выразилась съ полной ясностью потребность новаго пересмотра «Слова о полку Игоревѣ». Вопросы эти были слѣдующіе: 1. Было ли «Слово о полку Игоревѣ» произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, въ послѣдствіи записанныя прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени? 2. Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ «Словѣ» русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ. 3. Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» выводить, что авторъ былъ

[1] Литература Слова о полку Игоревѣ. Кіевъ. 1880, стр. 18.

проникнуть языческимъ воззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найти иное объясненіе? Тому же съѣзду посвящена имъ книга, содержащая отвѣты на эти вопросы. Авторъ выходитъ изъ убѣжденія, довольно твердо уже установившагося, что «Слово» есть произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный. Какъ произведеніе книжное, оно должно носитъ признаки литературы ему современной, обнаруживать въ авторѣ знакомство съ книжною словесностью. Прежде чѣмъ указывать аналогіи для поэтическихъ оборотовъ «Слова» слѣдуетъ поэтому искать ихъ въ книжной словесности (стр. 11). Но какія же это книги, вліяніе которыхъ могло сказаться на Словѣ о полку Игоревѣ? Отыскивая произведенія, аналогичныя «Слову», естественно остановиться на отдѣлѣ старинныхъ повѣстей «исторій» и «сказаній» въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, о Троянской войнѣ, о дѣяніи Девгеніевѣ повѣсти о Соломонѣ и т. п. (стр. 12). Авторъ взгляда посвящаетъ цѣлую главу разбору одной изъ такихъ повѣстей, именно повѣсти о Дигенисѣ. (стр. 14—68). Дигенисъ Акритъ, разсуждаетъ авторъ, былъ для Грековъ среднихъ вѣковъ и новаго времени такимъ же блестящимъ представителемъ эллинизма, какъ Ахиллъ для древней Еллады Естественно, что и ближайшая сосѣдка Византіи, Болгарія, усвоившая. массу Византійскихъ произведеній, должна была познакомиться съ популярною личностію Дегениса *и въ свою очередь водворить эту личность на Русской почвѣ.* (стр. 36). Думая, что отыскивая образцы которымъ *могъ* подражать авторъ «Слова» мы поступаемъ научнѣе, нежели тѣ, которые считаютъ это произведеніе блестящимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Понятно, что дѣло идетъ не о содержаніи «Слова», а о формѣ, о поэтическомъ языкѣ, т.-е. о томъ, въ чемъ авторъ могъ подражать другимъ (стр. 50—51). Если мы, оговаривается авторъ, прежде всего обратили вниманіе на повѣсть о прекрасномъ Девгеніи, то отнюдь не въ убѣжденіи, что именно ее, а *не другое произведеніе* взялъ авторъ себѣ *образцемъ* (стр. 51). Далѣе проводится аналогія этой повѣсти съ «Словомъ», какъ въ общемъ характерѣ разсказа, такъ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ (51—63). Но какъ бы не оговаривался авторъ, для читателя, не одержимаго слитностію созна-

нія, очевидно, что вся сила гипотезы о Византійско-Болгарскомъ образцѣ для «Слова» снуется на повѣсти о Дегенисѣ именно на при водимыхъ авторомъ аналогіяхъ. Если эта повѣсть не могла имѣть вліянія на «Слово», если аналогіи ея съ «Словомъ» того не доказываютъ, то и положеніе, что существовалъ другой какой-то Византійско-Болгарскій образецъ для «Слова» останется лишь висящимъ на воздухѣ безъ всякой опоры. Послѣднее положеніе держится лишь на первомъ. Какъ бы ни оговаривался авторъ, базисомъ его гипотезы является именно Византійская повѣсть о Дигенисѣ въ Болгарскомъ изводѣ.

Въ виду этого критикѣ предстоитъ рѣшить два вопроса:

1. Точно ли извѣстный намъ списокъ повѣсти о Дигенисѣ, изъ котораго авторомъ дѣлаются аналогіи съ «Словомъ», представляетъ непремѣнно изводъ Болгарскій?

2. Когда появился у насъ этотъ изводъ—до или послѣ написанія «Слова»?

А. Н. Пыпинъ въ своемъ капитальномъ трудѣ «Литературной исторіи повѣстей и сказокъ Русскихъ» высказалъ предположеніе, что повѣсть о Дигенисѣ появилась у насъ чрезъ *южно-славянскій переводъ*, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: «*сухое злато*» обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ Сербской народной поэзіи; «*тисуща*» своимъ образованіемъ принадлежитъ южно-славянскимъ нарѣчіямъ; слово «*фарь*» встрѣчается также въ исторіи Александра Македонскаго и въ сказкѣ о Синагриппѣ, иногда въ формѣ «*фарижь*» и происходитъ отъ средне-Греческаго φάρας, также φάρυς, φάριον—equus arabicus (стр. 89). Но всѣ эти слѣды далеко не достаточны для того, чтобы переводъ этой повѣсти относить къ юго-Славянскимъ. Самъ же изслѣдователь отмѣтилъ, что слово «*фарь*» бытовало въ лѣтописномъ языкѣ дружинной руси (Ип. 52, 162, 170). Что касается образованія слова *тисуща*, то въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи изданномъ Археологическою Коммиссіей встрѣчаемъ его въ подобномъ же начертаніи: *тисуща*. Въ спискѣ той же Лаврентьевской Лѣтописи, XVI вѣка, принадлежащей нашему

Рукописному Собранію, на первыхъ же страницахъ встрѣчаемъ: **десѧ тисѧщь** (л. 1) **съ четыредесѧ тисащами** (л. 2). Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ не изучены мѣстныя нарѣчія и поднарѣчія и потому часто случается, что наши ученые видятъ признаки исключительно юго-славянскаго словообразованія тамъ, гдѣ могутъ сказываться лишь особенности мѣстныхъ говоровъ Русскихъ писцевъ. Выраженіе: «*сухимъ златомъ*» встрѣчается, какъ выше замѣчено, и въ переводѣ Флавія, который, по нашему изслѣдованію, есть переводъ несомнѣнно Русскій. Подобныхъ оборотовъ весьма не мало бытовало въ языкѣ литературно-повѣствовательной дружинной школы и сами по себѣ они ни какъ не могутъ служить вѣрнымъ указателемъ юго-Славянскаго происхожденія того или другаго перевода, если нѣтъ еще другихъ болѣе достаточныхъ къ тому основаній.

Но если отъ г. Пыпина, задавшагося необыкновенно широкой задачей литературной исторіи всѣхъ извѣстныхъ старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, нельзя было бы желать болѣе того, что сдѣлано его безспорно капитальнѣйшимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что и самый подлинникъ Греческой поэмы о Дигенисѣ не былъ тогда еще открытъ и изданъ, то отъ г. Всев. Ѳ. Миллера, поставившаго эту повѣсть исходною точкой для своихъ воззрѣній на «Слово», позволительно требовать болѣе строгаго и серьезнаго отношенія къ вопросамъ, относящимся къ появленію въ Россіи этой повѣсти и къ дошедшему до насъ ея единственному списку.

Но что въ изслѣдованіи г. Пыпина высказывается лишь какъ предположеніе, то въ книгѣ г. Миллера является, какъ вопросъ рѣшенный. Онъ положительно трактуетъ эту Русскую повѣсть, какъ переводъ болгарскій. Излагая ея содержаніе и желая отыскать новые признаки юго-славянскаго ея происхожденія, кромѣ указанныхъ г. Пыпинымъ, онъ отмѣтилъ *курсивомъ* еще нѣсколько другихъ словъ, которыя въ силу Болгарскаго ихъ правописанія въ дошедшемъ до насъ спискѣ онъ считаетъ также *болгаризмами*, но которыя въ сущности суть не болѣе, какъ слѣды правописанія позднѣйшей школы Русскихъ писцевъ. Болѣе сильныхъ и новыхъ доказательствъ своего мнѣнія г. Миллеръ не представилъ да и не могъ представить.

Сравнивая повѣсть со вновь открытой и изданной Византійской поэмой о Дигенисѣ онъ нашелъ однако, что она слишкомъ далеко отстоитъ отъ своего Греческаго оригинала и вынужденъ былъ склониться къ предположенію, что это или Болгарская передѣлка, или же, что, по его мнѣнію, всего вѣроятнѣе, существовала на Греческомъ языкѣ, кромѣ этой поэмы, еще прозаическая ея передѣлка, которая стояла ближе къ дошедшему до насъ Болгарскому изводу. При этомъ г. Вс. Ѳ. Миллеръ совсѣмъ опустилъ изъ виду предположеніе, высказанное еще А. Н. Пыпинымъ, что если существовалъ Болгарскій изводъ, то онъ могъ также далеко отстоять отъ извѣстнаго Русскаго списка, какъ этотъ послѣдній мало походитъ на вновь открытую и изданную Греческую поэму.

Итакъ, г. Вс. Ѳ. Миллеръ въ своемъ взглядѣ на Слово выходитъ изъ основанія, которое само является *гипотезою*, при *новой еще гипотезѣ*, съ *подгипотезою*.

Но если существованіе Болгарскаго перевода этой повѣсти является недоказаннымъ, если предположеніе какой-то прозаической передѣлки Византійской поэмы о Динегисѣ подлежитъ еще бо́льшему сомнѣнію, если тождество Русской повѣсти съ неизвѣстнымъ Болгарскимъ ея изводомъ лишь можетъ быть гадательно, то вотъ пока данныя, не подлежащія никакому сомнѣнію.

1. Извѣстный Русскій списокъ этой повѣсти представляетъ такого рода передѣлку, въ которой исключены всѣ романическія сцены, любовныя похожденія, свиданія и объясненія, и въ которой господствуетъ лишь *понятіе геройства и храбрости*, т.-е. то *понятіе*, которое было главнымъ возбудителемъ и двигателемъ въ укладѣ и жизни Кіевской Дружинной Руси, какъ указано нами выше.

2. Въ стилѣ этой передѣлки преобладаютъ выраженія и обороты общія произведеніямъ литературно - повѣствовательной школы Кіевской Руси.

«Сравнивая не многія тождественныя строки у Карамзина и въ Погодинскомъ спискѣ, можно, по видимому, вывести заключеніе, за-

мѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, что Дѣяніе Девгеніево не было переиначено до такой степени, какъ сказка о Синагрипѣ и въ позднемъ видѣ своемъ сохранило болѣе древняго, если не въ языкѣ, то въ изложеніи сюжета [1]. Тѣмъ важнѣе становятся для насъ нѣкоторыя выраженія уцѣлѣвшія въ дошедшемъ до насъ спискѣ, кои стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ Греческому подлиннику и потому могутъ быть отнесены къ изначальнымъ мѣстамъ древнѣйшаго своего извода: это не случайныя вставки, но именно *переводъ*, строго отвѣчающій Греческому оригиналу. Переживъ всю эпоху до нашего времени, и уцѣлѣвъ, такъ сказать, среди многочисленныхъ превращеній, онѣ даютъ намъ нѣкоторое понятіе о своемъ изначальномъ переводѣ. И что же мы видимъ? Всѣ эти мѣста передаются языкомъ дружинной повѣствовательной школы.

Греческое θηρία κυνηγῆσαι—охотиться за звѣрями (v. 865), въ повѣсти передается лѣтописнымъ выраженіемъ «*ловы дѣять*» (Ср. Лавр. л. 207).

Греческое: ἔνδοθεν εἰσῆλθον—вошли внутрь палатки (v. 100), переведено лѣтописнымъ: *поскочиша къ шатру ея.* (Ср. Ип. стр. 44).

Греческое: Ἦν δὲ ὁ ἵππος τοῦ θρασυς—(v. 1015) конь же его былъ храбръ, переведено: и *всѣдъ на борзый свой конь.* Ср. въ Лѣт.—Лавр. 132.

Греческое: ποιήσωμεν τοὺς γάμους—совершимъ браки (v. 1305)—и сотвориша *свадьбу* по 3 мѣсяцы (Ср. Ип. 169).

Греческое: τὸ δόρυ διδασκόμενος—обучаясь копію (v. 859), передано лѣтописнымъ: *и начаше копіемъ играти.* (Ср. Ип. 167).

Ἐσθῆτα—одѣянія (v. 995), переведено драгоцѣнные *порты* съ драгимъ золотомъ. (Ср. Лавр. 241).

Паволоки—отвѣчаютъ тому же Греческому слову. Ср. Лавр. (32, 37).

Κιθάρα—лира (v. 104) звончатыя *гусли.* (Ср. Лавр. 166, 187).

---

[1] Очеркъ литер. повѣстей стр. 89.

Нѣкоторые греческіе обороты переданы хотя и не совсѣмъ точно, но также въ стилѣ лѣтописномъ:

τὴν τένταν ἀνεσήκωσαν (v. 100), палатку взвѣсили переведено: *и шатеръ его на копья подняша.*

Иныя Греческія обороты переданы стилемъ живой народной рѣчи. Таковы напр.:

Καὶ ὁ 'Ακρίτης ἕτοιμος ἐις καβαλλικεῦσαι, καὶ ὁ ἵππος κατέπαιζεν ἐις ὄρεξιν τοῦ νέου. Акритъ былъ готовъ на брань и конь рѣзвился подъ стремленіемъ юноши. (v. 1015). Въ переводѣ же это выражено такъ: *Сяде на конь свой, рекомый на борзый фарь, и нача скакати, а подъ нимъ конь играть* (326).

Ειχε.... πρόσωπον ἄσπρον ῥοδινόν — лице бѣлое-розовое (v. 970). Въ переводѣ: *лице же его яко снѣгъ, а румяно, яко маковъ цвѣтъ.*

Κόμην ξανθήν—волосы желтые (ibid.). Въ переводѣ: *власы же его, яко злато.*

Καὶ ὄμματα μεγάλα—большіе глаза. (Ibid.). Въ переводѣ: *очи же его вельми великіи, яко чаши, пристрашно зрѣти на него.*

Достойно вниманія, что почти буквально эти послѣднія выраженія встрѣчаемъ въ «Богатырскомъ словѣ» гдѣ они относятся къ главному также греческому богатырю Идолу Скоропѣевичу.

ἀπὸ τοῦ δάσους—изъ темнаго лѣсу—переведено Русскимъ техническимъ выраженіемъ *«изъ острову»*. Видѣвъ же изъ *острову* бѣгуща изъ густаго лѣсу, лютый звѣрь (326). Видѣвъ же отецъ его изъ *острова* идуща (327). *Островомъ* въ народѣ называются высокой лѣсъ, окруженный со всѣхъ сторонъ болотомъ.

Въ самой передѣлкѣ, т. е. въ мѣстахъ не отвѣчающихъ Греческому оригиналу, господствуютъ выраженія также лѣтописныя; какъ напр.

И совокупи воя многа (стр. 330).

И воѣдоша на кони своя (317).

И пріѣхаша въ станъ свой (331).

И начаша кликати (стр. 319).

И начашася сѣщи саблями (стр. 320).

И ударишася межу собою копьями (стр. 320).

Иныхъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша (329).

И перескочи черезъ рѣку пѣшъ (стр. 329).

Изовлече мечь свой (стр. 306).

И взя мечь свой и поскочи (стр. 327).

И заправя копье хотяше пробости (стр. 329).

И нача молитися (стр. 330).

Братія моя милая (322).

Добыли есте (324) и т. п.

Мы уже достаточно привели выше примѣровъ, характеризующихъ языкъ литературно-повѣствовательной школы Кіевской Руси. Внимательный читатель не можетъ не видѣть, что всѣ эти выраженія относятся къ той же дружинной эпохѣ и къ стилю той же школы.

Далѣе, въ повѣсти преобладаютъ выраженія чисто народныя:

И начаша ихъ бити *яко добрые косцы траву косити* (218).

Кони же подъ ними, *яко летаху* (318).

Идемъ мы, сыне, *отъ сего лѣсу темнаго* (327).

Отъ поту звѣринаго и хля медвѣжая *порты на тебѣ изрудилися* (327).

И начаша меньшаго брата *крушить* (320).

И нача *по лѣсу ходить* и смотрѣти *каковъ звѣря* (320).

Воинства его *не можетъ земля держать* (329).

А воинству его и *смѣты нѣтъ*.

Таковы же выраженія: сумежье (323), втѣноры (319), въ дарововяхъ (321), оконце (331), угонить (317), унимать (330), и т. п.

Встрѣчаются обороты сказочные и былинные:

Амира царя шатеръ черленъ, и по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и сребромъ и жемчугомъ укаченъ и драгимъ каменьемъ украшенъ (319).

Многіе суть пріѣзжали къ ней цари и царевичи, короли и королевичи, а нихто въ очи ее не видалъ и живъ изъ царства его не выѣзживалъ.

Отразились наконецъ въ повѣсти и нѣкоторые черты бытовыя:

Есть въ семъ лѣсу источникъ водный, *а въ немъ солнца сіяетъ*: въ немъ многія чудеся творятся (327).

И нача скакать, а подъ нимъ конь играть, *звонцы же его начаша прегудать* (327).

Всѣ эти особенности живой народной русской рѣчи и быта могли быть, конечно, позднѣйшими видоизмѣненіями первоначальнаго чтенія повѣсти. Но достойно вниманія, что до насъ дошло не мало древнѣйшихъ Болгарскихъ переводовъ, и въ самыхъ позднѣйшихъ спискахъ они сохранили однако явные слѣды своего происхожденія, хотя въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: какъ напр. вмѣсто шатеръ встрѣчаемъ въ подобныхъ переводахъ (σκηνή) колимогъ; вмѣсто устремленіе (ὁρμή)—нарокъ; вмѣсто сѣкира (πέλεκυς)—брадва; вмѣсто копье (λόγχη)—ахонта или ахида; вмѣсто струны (χόρδα)—чревицы и т. п. Въ разсматриваемой же повѣсти не уцѣлѣло ни единаго подобнаго слова свойственнаго лишь Болгарскому нарѣчію; напротивъ отъ начала до конца—здѣсь языкъ и стиль чисто Русскій.

Что касается втораго вопроса, то Вс. Ѳ. Миллеръ ограничивается слѣдующимъ рѣшеніемъ. «Есть полное основаніе согласиться съ мнѣніемъ Г. Пыпина, что Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита, заключавшееся въ Сборникѣ, гдѣ найдено «Слово» или Слово о Акирѣ премудромъ, сказка изъ 1001 ночи, могли быть извѣстны въ XII вѣкѣ [1].? Начинаемъ съ того, что мнѣніе Г. Пыпина приведено здѣсь не точно. Вотъ его собственныя слова: «Вмѣстѣ съ Сказаніемъ о Синагрипѣ эта повѣсть дѣйствительно могла относиться къ XII—XIII в. Карамзинъ, говоритъ онъ, въ другомъ мѣстѣ, назвалъ это произведеніе ста-

[1] Взглядъ на «Слово». Стр. 13.

ринной Русской сказкой, сочиненной въ XII—XIII в. [1]. И такъ, и Карамзинъ и Г. Пыпинъ относятъ появленіе у насъ этой повѣсти къ XII—XIII вѣку т. е. или къ послѣднимъ годамъ XII или же къ первымъ XIII вѣка.

Обращая ближайшее вниманіе на *стиль* этой повѣсти, мы съ своей стороны отмѣтимъ здѣсь слѣдующія наблюденія:

Въ текстѣ дошедшаго до насъ списка уцѣлѣло одно древнее слово, которое показываетъ предѣлъ, не позднѣе котораго появилась у насъ эта повѣсть. Такъ здѣсь читаемъ: и рекоша ей три Срацыняне: мы, Госпоже, идемъ въ Греческую землю и отнесемъ.... *книги* ко господину своему Амиру. (324). Это слово *книги*, отвѣчающее Греческому γραφή—писаніе, занесено къ намъ югославянскими переводами вмѣстѣ съ принятіемъ Христіанства, но оно скоро было усвоено въ Славяно-Русскомъ языкѣ и держалось въ стилѣ дружинной повѣствовательной школы до XIV вѣка. Такъ въ Лѣтописяхъ встрѣчаемъ его подъ 1116 г. «написахъ книгы си лѣтописецъ [2]»; подъ 1224 годомъ читаемъ: «Еже притчею глаголютъ *книги:* не оставлешуся камени на камени [3]. Повторяется и въ XIV вѣка. Въ 1377 году монахъ Лаврентій называетъ свой трудъ *книгами*, а самую рукопись, съ которой онъ списывалъ Лѣтопись, называетъ *книгы* ветшаны [4]. Съ XV же вѣка это слово вышло изъ употребленія и во всѣхъ памятникахъ стало замѣняться словомъ: писаніе. Отсюда можно заключить, что первоначальный изводъ разсматриваемой повѣсти появился у насъ не позднѣе XIV вѣка.

Но съ другой стороны и ранній предѣлъ ея появленія нѣтъ основаній возводить ранѣе XIII вѣка. На это указываютъ нѣкоторые хотя и мало замѣтные, но весьма характерные слѣды, уцѣлѣвшіе.

---

[1] Очеркъ литер. исторіи повѣстей стр. 89.

[2] Ibid. Стр. 85.

[3] Въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти временныхъ лѣтъ.

[4] Ипат. Лѣтоп. стр. 163.

1. Въ характерѣ передѣлки этой повѣсти:

а) Общественная мораль у каждаго народа имѣетъ свою исторію и въ каждую эпоху преобладаетъ своя добродѣтель. Со времени нашествія Монголовъ отношенія поганыхъ къ русскимъ женщинамъ—создали съ ихъ стороны особую доблесть. Лѣтописцы начинаютъ отмѣчать женское геройство въ охраненіи своей чистоты по отношенію къ поганымъ. Та же черта отражается и въ передѣлкѣ разсматриваемой повѣсти. «Аще съ Амиромъ Царемъ сраму добыла еси», то мы отымемъ главу его—говорятъ братья своей сестрѣ, да не будетъ похвалятись, оскверни въ крестьянскую дѣвицу (321). «Никакоже, братія, не имѣйте ничего худого во умѣ своемъ; отвѣчала она, Амиръ царь всегда ко мнѣ пріѣзжаше единою мѣсяцемъ и издалече на меня смотряше; лице мое повелѣ сродичемъ моимъ скрывати, а въ шатеръ никто николи же схождаше». Одного она опасалась: боюсь, говоритъ, поношенія отъ людей, занеже бысть полоненица. (322) Повѣсть совсѣмъ въ иное отношеніе, чѣмъ Греческій подлинникъ, ставитъ свою героиню къ поганому царю Амиру и ограждаетъ ее отъ связи съ царемъ поганымъ. Въ этомъ характерѣ передѣлки Греческой поэмы для насъ сказывается самая эпоха ея появленія на Руси.

б) Со времени того же Монгольскаго нашествія—какъ въ лѣтописяхъ такъ и въ другихъ Русскихъ памятникахъ—повѣствованія нерѣдко прерываются молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу—о помощи противъ *поганыхъ*. Таже особенность сказывается и въ разсматриваемой повѣсти. «А гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тьма темно; братія же Ангельскую пѣснь къ Богу возсылающе: Владыко! не поддай созданія Своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуются поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу (стр. 320).

2. Въ стилѣ повѣсти:

а) Выше мы привели что Греческое выраженіе *δορύ διδασκόμενος*—обучаясь оружію, въ повѣсти передается образнымъ выраженіемъ: *копіемъ играше*. Образъ «*игранія*» оружіемъ—въ дружинномъ языкѣ, судя по лѣтописнымъ даннымъ, появляется въ повѣствованіяхъ лишь съ XIII вѣка.

Въ Галицкой Лѣтописи этотъ образъ является господствующимъ. Такъ, подъ 1230 годомъ читаемъ: Васильку, обнажившу *мечъ свой, играя* на слугу Королева [1].

Иному похвативши, *щитъ играющи* [2].

Скырт̑ъ рѣка *злу игру сыгра* гражаномъ, тако и Днѣстръ злу *игру сыгра* [3]. (Подъ 1229 г.).

Сію же нощь наричють Бѣлжане злу нощь, сія бо нощь *злу игру имъ сыгра* [4]. (Подъ 1221 г.).

б., Вышеприведенныя образныя выраженія какъ: лице его бѣло, *какъ снѣгъ*; румяно какъ, *маковъ цвѣтъ*; очи, *какъ чаши*, коими переданы голыя понятія Греческаго подлинника, указываютъ на туже эпоху появленія перевода. Такого рода стиль является преобладающимъ въ Галицкой Лѣтописи, которую самъ авторъ гипотезы называетъ продолженіемъ «Слова». Здѣсь постоянно встрѣчаемъ выраженія въ слѣдующихъ: И пустишася яко дѣти ко отцу, яко пчелы ко матцѣ, яко жажющи воды ко источнику [5] и т. п.

в., Выраженіе: «урва ми сердечное кореніе», которое автору гипотезы особенно кажется *болгаризмомъ*, встрѣчается въ лѣтописяхъ, но также позднѣйшихъ. Такъ Псковской Лѣтописецъ восклицаетъ: «Како ли зѣницы не упали со слезами вкупѣ! *Како ли не урвалося сердце отъ кореня*!

Въ виду безъ сомнѣнія такого сходства стиля этой повѣсти съ языкомъ позднѣйшихъ лѣтописей и Карамзинъ и Пыпинъ отнесли появленіе ея на Руси къ XII — XIII в. т.-е. ко времени уже послѣ написанія «Слова».

И такъ, нѣтъ достаточныхъ основаній, судя по дошедшему до насъ списку, считать ея первоначальный изводъ Болгарскимъ. Напро-

---

[1] Лаврент. Лѣт. стр. 463—464.

[2] Ипат. стр. 170.

[3] Ibid. стр. 170.

[4] Ibid. стр. 170.

[5] Ibid. стр. 163.

[6] Ипат. стр. 175.

тивъ—уцѣлѣвшіе слѣды переводнаго стиля даютъ болѣе право относить ея происхожденіе къ той же южно Русской литературной школѣ, къ которой относится и Лѣтопись. Не представляется и такихъ данныхъ, которыя позволяли бы относить ея появленіе у насъ ранѣе первой половины XIII вѣка.

При такомъ воззрѣніи на происхожденіе повѣсти о Девгенисѣ, аналогіи ея съ Словомъ, указанныя во „Взглядѣ" Вс. Ѳ. Миллера—ведутъ къ обратному *убѣжденію*, чѣмъ къ какому онъ пришелъ. Понятно, что явившись послѣ написанія «Слова», повѣсть эта должна была отвѣчать литературнымъ пріемамъ установившимся въ литературной дружинной школѣ, а никакъ не на оборотъ; не передѣлка Византійской поэмы должна была вліять на «Слово», а напротивъ стиль Слова вліять на передѣлку этой повѣсти. Въ этомъ отношеніи аналогіи представляютъ особенный интересъ.

Слово, какъ и повѣсть, состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія героевъ, но эта послѣдняя, подъ воздѣйствіемъ понятія о геройствѣ господствовавшаго какъ въ Словѣ такъ и въ Лѣтописяхъ, должна была лишиться всѣхъ входившихъ въ составъ ея романическихъ приключеній, свиданій, любовныхъ объясненій и т. п.

Въ повѣсти, какъ и въ Словѣ, есть картины природы—и эта природа раздѣляетъ радость и горе человѣка, но сравнительно съ послѣднимъ, въ повѣсти это сочувствіе слишкомъ ничтожно и изысканно, и если оно здѣсь удержано, то скорѣе въ силу стиля господствующаго въ Словѣ.

Въ обоихъ эпическій разсказъ прерывается иногда прямою рѣчью влагаемою въ уста дѣйствующихъ лицъ, но въ повѣсти эти рѣчи и разговоры лишь удержаны на столько, на сколько отвѣчали пріемамъ изложенія, господствовавшимъ какъ въ Лѣтописяхъ, такъ и въ Словѣ.

Припомнимъ отдѣльныя мѣста:

1. Въ «повѣсти» сны—характеристическая черта. Предъ прибытіемъ братьевъ за похищенной сестрой, Амиръ видитъ сонъ и разсказываетъ его своимъ *кметямъ*. Другой сонъ видитъ жена Амира: въ этомъ снѣ Амиръ является златокрылатымъ соколомъ, жена его

голубкой, Сарацины—воронами. Авторъ передѣлки Византійской поэмы для толкованія этихъ сновъ приглашаетъ не только волхвовъ, но и *книжниковъ* и *фарисеевъ*, и тѣмъ даетъ замѣтить, что эта литературная форма открывалась для него впервые не Византійскимъ источникомъ; напротивъ—сны Византійской поэмы лишь напоминали ему знакомую форму сновидѣній библейскихъ. Во всякомъ случаѣ, если эти сны удержаны въ передѣлкѣ, то конечно потому, что отвѣчали сочувствію къ нимъ самого автора и не стояли въ противорѣчіи съ стилистическою формою Русскаго повѣствованія: «Въ Словѣ о полку Игоревѣ Святославъ также видитъ сонъ и разсказываетъ его своимъ боярамъ». Что же касается *кметей*, то съ конницею въ дружинной Руси, бытовало, и это техническое ея названіе. О *кметямъ* какъ наѣздникахъ не разъ говорится въ Лѣтописяхъ. «Кмети» упоминаются и въ «Словѣ о полку Игоря» какъ лучшая и отборная дружина Всеволода. Вотъ почему авторъ повѣсти, передѣлывая Византійскую поэму, въ которой нѣтъ даже упоминанія о *кметяхъ*, заставилъ Амира разсказывать сонъ свой именно *кметямъ*, на подобіе того, какъ Святославъ разсказываетъ свой сонъ *боярамъ*.

Далѣе обратимъ вниманіе на сравненія, имѣющія мѣсто какъ въ «Словѣ» такъ и въ повѣсти. «Девгеній перескочилъ черезъ рѣку пѣшъ, яко *соколъ дюжей* отъ руку ловца». Соколъ вошелъ въ поэтическія сравненія какъ въ Византіи такъ и у насъ на Руси чрезъ любимую соколиную охоту: мы видимъ, что не разъ образъ сокола является въ литературно-повѣствовательномъ языкѣ дружинной школы. Его встрѣчаемъ мы въ Лѣтописяхъ, гдѣ «*стрѣльцы* называются *соколами*» и гдѣ читаемъ также: «сбиша Угры въ мячь, яко соколъ сбиваетъ галицѣ (Ип. 155). Подобныя сравненія обычны и въ «Словѣ». И если въ русской передѣлкѣ Византійской поэмы удержаны тѣже поэтическія сравненія, то не потому только, что онѣ являются въ Греческомъ подлинникѣ—въ передѣлкѣ опущено много поэтическихъ образовъ подлинника,—но главнымъ образомъ потому, что образъ сокола входилъ уже, какъ видно изъ Лѣтописей и Слова, въ установившійся—знакомый автору передѣлки — литературный стиль повѣствованій дружинной Руси. Тоже должны мы замѣтить и о поэтическихъ сравненіяхъ съ ястребомъ. Владиміръ Мономахъ говоритъ о себѣ, что онъ

самъ держалъ нарядъ *о соколѣхъ* и *ястребѣхъ*. Въ одной изъ Лѣтописей читаемъ: дружина же твоя, *аки ястребы*, и никто жь можетъ одолѣти тя. Не удивительно по этому, если и авторъ передѣлки Византійской повѣсти ввелъ ястребовъ въ свою повѣсть. Братья, бросившіеся отыскивать сестру, «поѣхаша, *яко златокрылатые ястребы*; Филипата называетъ Девгенія *златокрылатымъ ястребомъ*.

Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ житіяхъ Греческихъ отцевъ— и даже въ Лѣтописяхъ, гдѣ выражается похвала Святымъ и гдѣ рѣчь поднимается до смысла и значенія церковныхъ пѣсней, встрѣчаются выраженія, буквально отвѣчающія Греческимъ въ родѣ: *свѣтъ, очей моихъ* (φῶς τῶν ἐμῶν ὀμμάτον) *свѣтъ мой сладкій* (φῶς μου γλυκύ). Но эти изысканныя и видимо сочиненныя выраженія ничего не имѣютъ общаго съ подобными выраженіями, кои встрѣчаются въ тѣхъ же Лѣтописяхъ, гдѣ служатъ они отраженіями факта жизни и являются непосредственно, какъ обычныя формы Русской ласки и привѣта. Въ выраженіи, «Слова» *свѣтъ свѣтлый ты, Игорю!* трудно узнать ласкательное обращеніе въ Византіи, встрѣчающееся въ поэмѣ о Дигенисѣ, тому, кто знаетъ, что это есть обычное выраженіе ласки, до нынѣ живущее въ Русскомъ народѣ [1]. Кто не думаетъ, что авторъ сочинялъ свое «Слово», по готовымъ Болгарскимъ книжкамъ, тотъ не придетъ къ мысли, что авторъ «Слова» обязанъ этимъ ласкательнымъ обращеніемъ запасу своей начитанности. Тоже нужно сказать и о сравненіяхъ князей съ солнцемъ. Въ Лѣтописяхъ встрѣчается по отношенію къ князьямъ—эпитетъ «*свѣтозарное солнце*», (ἥλιε λαμπρότατε), имѣющій мѣсто и въ разсматриваемой повѣсти— но этотъ книжный оборотъ существенно отличается отъ того эпическаго значенія, въ какомъ употребляется онъ въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же лѣтописей, гдѣ затрогивается дѣйствительная жизнь и гдѣ этотъ эпитетъ не посредственно является, какъ фактъ русскаго народнаго сознанія [2].

---

[1] См. въ «Лексикологіи», подъ словомъ *свѣтъ*.

[2] См. въ «Лексикологіи» подъ словомъ *солнце*.

Что касается картинъ природы и стремленія автора «Слова» приводить ея состоянія въ соотвѣтствіе съ состояніемъ людей, то эта особенность такъ глубоко и всецѣло проникаетъ «Слово» что сравненіе его въ этомъ отношеніи съ поэмой о Дигенисѣ почти со всѣмъ невозможно: такъ ничтожно и въ такихъ натянутыхъ и изысканныхъ образахъ проявляется здѣсь соучастіе природы въ дѣяніяхъ людей. И если въ повѣсти удержано это сочуствіе, то въ той формѣ, въ какой въ подлинникѣ оно не встрѣчается: «а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ, аки солнце сіяетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тьма темно». Точно также обращеніе къ солнцу со стороны братьевъ, не нашедшихъ своей сестры могло быть удержано въ русской передѣлкѣ этой поэмы, лишь въ силу уже установившагося стиля, знакомаго автору ея изъ «Слова» и, быть можетъ даже иныхъ произведеній, подобныхъ «Слову», до насъ не дошедшихъ.

Другая характиристическая черта «Слова» та, что дѣйствующія лица не только *описываются*, но какъ бы выводятся на сцену; эпическій разсказъ прерывается часто рѣчами, обращеніемъ Игоря къ дружинѣ, разговоромъ между Всеволодомъ и Игоремъ, и т. п. Но эта манера разсказывать, этотъ драмматизмъ является и въ Русскихъ лѣтописяхъ едва не на каждой страницѣ. И если въ повѣсти о Дегенисѣ удерживается таже манера, то конечно лишь потому, что ея авторъ находилъ подъ воздѣйствіемъ господствовавшаго уже стиля литературно-повѣствовательной школы дружинной Руси XII вѣка. Этимъ объясняется и то, что рѣчи, влагаемыя въ уста дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти—суть рѣчи героевъ «Слова» и «Лѣтописей». Такъ, Игорь говоритъ, хощу главу свою приложити». «Положу главу свою за тя». (Лавр. 196) главы своя сложимъ за тя (Ib. 129, 380) это выраженія — обычныя и въ устахъ лѣтописныхъ героевъ. Тѣми же самыми словами авторъ передѣлки Византійской поэмы заставляетъ говорить и братьевъ сестрѣ: *главы своя положимъ за тя.*

Далѣе, какъ въ «Словѣ» читаемъ: «о моя сыновча, Игорю и и Всеволоде! *Рано еста начали* Половецкую землю мечи цвѣлити», такъ и въ повѣсти тѣмъ же стилемъ выражается мысль подлинника:

«чадо! *рано тебѣ* о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити» [1]. Или: *рано тебѣ* въ сильную рать ѣхать.

Что касается плачей и причитаній, то они приводятся не только въ «Словѣ» но какъ указано выше, и въ Лѣтописяхъ. Каждый разъ когда приходилось говорить о смерти того или другаго знаменитаго князя, лѣтописецъ прибавлялъ: «плакахуся по немъ все множество людей, плакахуся по немъ, аки по отцѣ, паче же плакахуся по немъ сынове его «княгиня же его безпрестани плакашеся» слезы отъ себѣ изливающи, аки воду. При этомъ лѣтописецъ неоднократно приводитъ и *запѣвъ* этихъ причитаній, изъ коего видно, что это былъ тотъ же самый народный плачъ, какой раздается и нынѣ по Русской землѣ предъ родными и близкими покойниками. Плачи эти входили въ литературное повѣствованіе, не какъ поэтическій пріемъ, а какъ жизненный фактъ не разлучный съ предметомъ повѣствованія: какъ лѣтописецъ, такъ и авторъ «Слова» заносили въ свои повѣсти эти жалобныя рѣчи, не потому, что читали о нихъ въ Болгарскихъ книжкахъ, но потому, что сами видали и слыхали подобныя плачи: причеть женъ, дружинниковъ, плачь Ярославны, занесенныя въ «Слово» вырваны, такъ сказать, изъ самой груди Русскихъ горемыкъ—и если въ Византійской поэмѣ встрѣчаются своего рода образцы плачущей поэзіи, это значитъ не больше, какъ то, что въ Византіи какъ и вездѣ, умѣли оплакивать смерть людей дорогихъ и близкихъ. И если въ «повѣсти» удержано упоминаніе о томъ, что мать *причитала* о похищенной дочери, братья, мужественные воины, *плакали* горькими слезами о сестрѣ, Амиръ *съ плачемъ* говорилъ съ будущими шурьями, когда они побѣдили его, то, конечно, въ силу того, что это входило въ стиль Русскаго повѣствованія уже въ XII и даже XI вѣкѣ.

---

[1] Въ Греческомъ подлинникѣ: πλὴν δὲ οὐ πάρεστι καιρός, δεινότερος ὑπάρχεί καὶ σὺ γάρ, περιπόθητε; δωδεκαετὴς ὑπάρχων οὐ δυνασάι; γλυκύτατε θηρία πολεμῆσαι—не настало еще время, опасность слишкомъ велика; ты мой, милѣйшій, еще двѣнадцати лѣтъ, и не въ силахъ сладчайшій, бороться съ звѣрями? По Болгарски переводъ былъ бы таковъ; нѣсть бо время; или же, не убо пріиде время и т. д.

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что нѣжность, проникающая женскіе образы «Слова», отнюдь не есть отголосокъ Византійской книжной сантиментальности. Г. Миллеръ заявляетъ, что это ему *представляется*, а что и какъ кому представляется, для того законъ не писанъ. Мы замѣтимъ одно: чѣмъ ближе народъ къ эпической эпохѣ, тѣмъ живѣе и глубже въ немъ идеальная нѣжность отношеній; не каждая образованная мать въ наше время умѣетъ такъ непосредственно и глубоко выражать свое материнское чувство къ дѣтямъ, какъ выражаетъ его крестьянская женщина съ эпическимъ направленіемъ сознанія. Женскіе образы «Слова» потому столько и привлекательны, что отзываются эпической простотой: будь они подражаніемъ Византійской книжности, тогда они претили бы художественному чутью своей сантиментальностію.

По свидѣтельству какъ «Слова» такъ и лѣтописей «не вспоминать ладу, а забыть ее на брани» считалось выраженіемъ истинной доблести. Въ этомъ отношеніи «Слово» слишкомъ далеко отъ любовныхъ похожденій рыцаря Дигениса и ни коимъ образомъ не можетъ быть поставлено въ соотношеніе съ разбираемою повѣстію.

Въ Греческой поэмѣ о Дегенисѣ сохранилось начало четвертой пѣсни, въ которомъ есть: 1) обращеніе къ читателю ὦ φίλτατε—о, любезнѣйшій 2) обозначеніе героя, имѣющаго быть воспѣтымъ и 3) воспоминаніе о другихъ герояхъ, которые впрочемъ, на взглядъ автора, уступаютъ воспѣваемому имъ герою. Но всѣ эти черты, общія даже житіямъ Греческихъ Святыхъ [1], не представляютъ существенной

---

[1] Такъ напр. начинается повѣсть о Васильѣ Великомъ:

„Любимицы, не бѣ нелѣпо благоразумнымъ сп҃о ѿуным поскорбѣти о житіи... (Ἀγαπητοὶ οὐκ ἦν ἀπεικὸς εὐγνώμονας). Нуждно вмѣнихомъ житіе и нравы и великія чюдеса нашего настыря и оучителя писанію предати. Не словеса бо, но дѣлеса подобаетъ показати.

Или же вотъ какъ начинается Сказаніе объ Ефремѣ Сиринѣ:

Братья, повѣсть хощу створити о василии бл҃женѣмь и ѡ ефремѣ соурииѣ... иже оубо ѡ ѡц҃ѣ нашемь василии, то сами видѣвше, и иже ѡ дивнѣмъ ефремѣ ѿ нелжимыхъ оустъ слышавше. (Изъ Паренесиса 1538).

аналогіи началу нашего «Слова». Обращеніе къ Бояну скорѣе и вѣрнѣе можетъ быть пріурочено обращенію къ Музѣ въ классической поэзіи—и во всякомъ случаѣ подобная аналогія будетъ гораздо соотвѣтственнѣе цѣли, чѣмъ сближеніе съ запѣвомъ поэмы о Дигенисѣ.

Авторъ гипотезы въ заключеніе говоритъ, что онъ не считаетъ именно поэму о Дигенисѣ образцемъ, которому слѣдовалъ авторъ «Слова». «Повторяемъ, замѣчаетъ онъ, мы далеки отъ этой мысли. Все, въ чемъ убѣждаютъ насъ вышеприведенныя аналогіи, только то что какое-то Византійское произведеніе въ Славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода, у него сложилась своя манера повѣствовать». Мы съ своей стороны должны повторить это заключеніе, но лишь въ обратномъ направленіи. Все, къ чему ведутъ разобранныя аналогіи, это только къ наблюденію, какъ стиль «Слова» и лѣтописей и вообще литературно-повѣствовательной дружинной школы отражался на Русскихъ передѣлкахъ нѣкоторыхъ Византійскихъ произведеній.

Скажемъ болѣе: мы не считаемъ своихъ изысканій законченными и своихъ выводовъ не преложными; въ данномъ случаѣ мы хотѣли лишь показать, какъ не прочно обоснованы самыя исходныя положенія гипотезы о Византійско-Болгарскомъ прототипѣ «Слова».

Основная мысль, которая доказывается аналогіями Слова съ Повѣстію о Дигенисѣ, хотя и слишкомъ поспѣшными, несомнѣнно вѣрная: что «Слово» отражаетъ въ себѣ книжную стихію и воздѣйствіе общей тогдашней литературы, это давно уже подмѣчено. Первый кн. П. П. Вяземскій началъ изучать «Слово» въ этомъ направленіи. Академикъ Срезневскій также указалъ на связь «Слова» съ древними подобными славянскими повѣстями. Мы, съ своей стороны, еще въ 1876 г. развивали эту мысль и привели даже нѣсколько примѣровъ однообразія языка «Слова» съ образами и выраженіями повѣсти Флавія о плѣненіи Іерусалима.

Но гипотеза идетъ гораздо дальше. Приводимыя ею аналогіи—суть лишь только зарядъ для дальнѣйшихъ выстрѣловъ въ «Бояна» и его пѣснотворчество.

Авторъ «Взгляда» не разъ даетъ замѣтить, что онъ не допускаетъ того, чтобы авторъ «Слова» зналъ Греческій языкъ: для дальнѣйшей цѣли гипотезы существенно было необходимо, какъ увидимъ ниже, чтобы въ кругъ начитанности автора «Слова», входило Византійское произведеніе непремѣнно въ *Славянской одеждѣ*, откуда могъ онъ почерпнуть эпическія мѣста входящія, какъ внутренняя стихія, въ художественную сторону «Слова». Другія произведенія того же рода хотя и не исключаются изъ круга начитанности автора «Слова», но онѣ получаютъ во «Взглядѣ» второстепенное значеніе [1].

«Литература Византійская, по его мнѣнію, вліяла на Русскую не прямо. Поставщицей къ намъ Византійскихъ произведеній *уже передѣланныхъ* (?) въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ (?) была для насъ Болгарія. Спрашивается, не сохранило ли «Слово» какихъ-нибудь слѣдовъ, указывающихъ на то, что образцами ему служили Византійскія произведенія, воспринявшія Болгарскую окраску»? И вотъ что оказывается:

«Никакого пѣснотворца Бояна, которымъ такъ восторгается авторъ «Слова», на Руси не бывало. Боянъ будто бы не историческое лицо, а маска (стр. 127). Болгарскій книжникъ нашелъ въ византійскомъ оригиналѣ возваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности, Гомеру, и подставилъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ (стр. 135). Такимъ бояномъ могъ быть одинъ изъ сыновей болгарскаго царя Симеона (927), извѣстный сво-

---

[1] Г. Ждановъ, при всемъ желаніи быть объективнымъ, не точно однакожъ передалъ ходъ положеній, разсматриваемой гипотезы. Г. Миллеръ, замѣчаетъ онъ, вовсе не думаетъ, что это именно поэма о Дигенисѣ имѣла вліяніе на «Слово» о полку Игоревѣ; вліяніе имѣлъ вообще *тотъ родъ произведеній*, къ которому принадлежитъ и Дигенисъ. (Литерат. Слова о п. Иг. стр. 20). Въ томъ-то и дѣло, что г. Миллеръ сводитъ свой взглядъ на «Слово» не къ памяти, какъ выражается А. Н. Веселовскій, о многомъ прочитанномъ и усвоенномъ его авторомъ, но именно къ готовому Византійско-болгарскому образцу, или шаблону, откуда авторъ «Слова» черпалъ поэтическія мѣста и безотчетно переносилъ въ свое произведеніе.

имъ кудесничествомъ и, по народнымъ преданіямъ, обращавшійся въ волка (стр. 132—133). Авторъ «Слова», найдя подобное болгарское произведеніе, не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе (134). Даждь-Богъ былъ также подставленъ въ какомъ-нибудь болгарскомъ произведеніи на мѣсто Геліоса или Феба, а авторъ «Слова» въ свою очередь воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета и украсилъ имъ своихъ князей (стр. 76—77). Имя Велеса онъ также взялъ на прокатъ, по выраженію гипотезы, изъ того же болгарскаго произведенія (стр. 77). Хорсъ въ «Словѣ» также отзывается болгарщиной. Дивъ и Троянъ попали сюда несомнѣнно изъ Болгаріи. Всѣ четыре мѣста въ «Словѣ», гдѣ рѣчь касается Трояна, не болѣе, какъ внѣшнія спайки, обличающія болгарскій прототипъ «Слова».

Считая маскою русскаго Бояна, въ виду между прочимъ того, что онъ въ «Словѣ» называется *вѣщимъ, внукомъ Велеса, соловьемъ стараго времени*, гипотеза въ тоже время нимало не смущается прямымъ свидѣтельствомъ «Слова», что этомъ самый Боянъ своими пѣснями и лирой служилъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу*, и преспокойно это фактическое указаніе обходитъ замѣчаніемъ, что имена этихъ князей явились въ «Словѣ» для того, чтобы *болгарскому Бояну* придать русскую окраску (стр. 134). Отрицая въ Боянѣ русскаго пѣснотворца во имя того между прочимъ, что о немъ не упоминается въ лѣтописяхъ, она пресерьёзно, въ замѣнъ его, предлагаетъ намъ *болгарскаго Бояна*, вѣщихъ дѣлъ котораго, по собственнымъ же ея словамъ, также не сохранила для насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція (133). Утверждая, что будто во всей характеристикѣ Бояна нѣтъ ни одной реальной черты пѣвца историческаго и притомъ русскаго, что, какъ увидимъ, невѣрно, она ставитъ однакожъ на его мѣсто *болгарскаго царевича*, волкодлачья натура котораго уже совсѣмъ не ладитъ съ прекраснымъ образомъ *пѣвца* и *гудца* нашего «Слова».

Спрашивается, умѣстенъ ли эпитетъ *«вѣщій»* для пѣвца, историческаго лица, разсказы о которомъ могли быть въ свѣжей памяти у

автора «Слова»? Конечно умѣстенъ если не навязывать ему значеніе *«мудраго чародѣя»*, какое произвольно усвояетъ ему авторъ гипотезы. Хищныхъ птицъ въ народѣ называютъ *вѣщими*; о дѣтяхъ говорятъ, что они *вѣщіи* конечно не въ томъ смыслѣ, что тѣ или другіе кобники и колдуны.

Могъ ли далѣе, историческій дѣятель, жившій съ небольшимъ за два поколѣнія до автора «Слова», быть названъ внукомъ божества? Конечно могъ, если произвольно не примѣшивать тутъ древнѣйшаго ученія о происхожденіи героевъ отъ смѣшенія боговъ съ тщерями человѣческими. Если каждый христіанинъ—есть сынъ Божій,—то это дѣйствительное вѣрованіе слишкомъ далеко отъ понятія о физическомъ рожденіи. Миѳы прежде всего отражаютъ нравственный смыслъ—и кто обладалъ необыкновеннымъ даромъ поэтическаго творчества, тотъ не могъ иначе представляться въ эпическія времена, какъ внукомъ божества—первоисточника лиры и музы.

Боянъ за тѣмъ носитъ въ «Словѣ» эпитетъ *соловья стараго времени*. Для автора гипотезы этотъ эпитетъ также не понятенъ и страненъ, какъ если бы мы назвали Державина *древнимъ* поэтомъ. Уже ли и это можетъ быть названо доказательствомъ, подвергающимъ сомнѣнію историческое существованіе нашего Бояна?» Авторъ гипотезы свое ученое представленіе *о старомъ и новомъ времени*, произвольно навязываетъ эпохѣ дружиннаго историческаго эпоса, который, по его мнѣнію, долженъ былъ измѣрять время такъ, какъ измѣряютъ его въ наше время. Да и въ наши дни народъ стоитъ совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ отжившимъ недалекимъ поколѣніямъ, чѣмъ какъ трактуютъ ихъ въ образованныхѣ классахъ. Для автора «Слова» какъ выше сказано, эпоха Ярослава и Олега есть эпоха старая; князей относящихся къ этой эпохѣ онъ называетъ *давними* и *старыми*—а потому и Бояна, который воспѣвалъ эту этоху и этихъ князей, онъ не могъ назвать иначе, какъ соловьемъ времени *стараго*.

Отказываясь отъ историческаго Бояна и считая его имя не болѣе какъ поэтическимъ украшеніемъ, авторъ гипотезы, указываетъ затѣмъ

почву, на которой слѣдуетъ его искать: 1. Имя *Боянъ*—народное Болгарское. *Многіе* Бояны, извѣстные по памяникамъ, были Болгаре (всего три). 2. Въ Болгаріи извѣстна рѣка *Бояна.* 3. Наконецъ звуковый видъ имени *Боянъ* напоминаетъ общеупотребительныя у Болгаръ имена на *анъ*: Велянъ, Вратанъ, Първанъ, Стоянъ и т. п. Не напоминаетъ ли Болгарскій кудесникъ царевичъ Боянъ обращавшійся по произволу въ волка, нашего *вѣщаго* Бояна, рыскавшаго волкомъ по землѣ? Неужели слишкомъ смѣло искать и Бояна на той почвѣ, гдѣ дѣйствительно жилъ Боянъ—чародѣй, въ той странѣ, гдѣ ходили мѣстныя преданія о Троянѣ, гдѣ звучало и звучитъ имя Велесъ и ходятъ разсказы о дивахъ и самодивахъ?» Вотъ всѣ опоры, на которыхъ снуётся разсматриваемая гипотеза, указывающая почву для Бояна «Слова» въ предполагаемыхъ, но пока не существующихъ Болгарскихъ книжкахъ. Читая подобныя указанія можно подумать что имя Бояна есть исключительно Болгарское, что въ Русскомъ языкѣ нѣтъ собственныхъ именъ, кончающихся на *анъ* и *янъ*, и въ Русской исторіи нѣтъ слѣдовъ существованія на Руси какого-бы то ни было Бояна.

Не смотря на шаткость своихъ положеній, гипотеза до того увлечена своимъ мнимо критическимъ анализомъ «*старыхъ словесъ*», что отзывается необыкновенною отважностію. Говоря объ установившихся взглядахъ на Бояна, именно, что его «старыми словесами», охарактеризованными въ «Словѣ», открывается для насъ предшествующій ему литературный періодъ, что авторъ «Слова», начиная собою поэзію гражданственности, не освободился еще отъ поэзіи Боянова вымысла, гипотеза выражается въ такомъ тонѣ: «считаемъ не лишнимъ пересмотрѣть всѣ эти *избитыя истины*, вошедшія уже давно *въ исторію литературы и учебники*» (стр. 117).

Но какъ не избиты эти истины, онѣ далеко не таковы, чтобы можно было однимъ почеркомъ пера вычеркнуть ихъ изъ исторіи, литературы, науки и школы. Чтобы видѣть ихъ дѣйствительное значеніе постараемся, въ свой стороны, привести ихъ въ связь съ русскими историческими данными.

Мы уже выше упоминали о томъ, что кіевскій лѣтописецъ часто отдѣляетъ въ своихъ разсказахъ собственныя прибавленія отъ разсказовъ своихъ источниковъ замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: «мы же на предняя возвратимся», «мы же о семъ поглаголуемъ».

1. Существованіе дружинныхъ пѣснотворцевъ при Русскихъ конжескихъ дворахъ давно уже доказано Д. И. Иловайскимъ, М. П. Погодинымъ и главнымъ образомъ Ѳ. И. Буслаевымъ..

Начиная съ XII вѣка, въ «Кіевской Лѣтописи» повѣствованія о князьяхъ и ихъ дружинахъ отмѣчаются такими мелкими особенностями и чертами кіевской Руси, что онѣ ясно обличаютъ свой первоисточникъ дружинныхъ «словесъ». Въ изображеніи этой эпохи историкъ не столько можетъ затрудняться недостаткомъ данныхъ, сколько обиліемъ мелкихъ подробностей, богатствомъ и разнообразіемъ сообщаемыхъ фактовъ. Для насъ важно, что рѣчь часто идетъ здѣсь краткими и иногда мѣрными предложеніями; встрѣчаются нерѣдко повторенія; разсказъ часто осложняется дробнымъ развитіемъ мысли и разговоромъ дѣйствующихъ лицъ.

Стóитъ только читать многія мѣста мѣрною рѣчью—и въ вашихъ глазахъ, если хотите, возсоздастся дружинная былина, служившая источникомъ для кіевскаго лѣтописца. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь образчикъ такого чтенія, чтобы читатель могъ видѣть, насколько замѣтенъ былевой складъ въ лѣтописномъ повѣствованіи.

Тогда же Ростиславъ
Позва Святослава
Къ собѣ на обѣдъ.
Святославъ же къ нему ѣха
Безо всякаго извѣта.
И бысть же радость въ той день.
Дà бо Ростиславъ Святославу
Собольми и горностàми
И черными кунами и пéсцы,
И бѣлыми волки и рыбьими зубы.

На заутріежъ позва
Святославъ Ростислава
Къ собѣ на обѣдъ.
И тако быст● весела
Паче вчерашняго дня.
Дà Святославъ Ростиславу
Пардусъ и два коня бóрза
У ковану сѣдлу.
И тако разидостася
У свояси (Кіев. Лѣт., стр. 86).

Вотъ другой примѣръ (на той же страницѣ):

И пойде Изяславъ ко Чернигову
Со всею силою Половецкою
На Святослава на Ольговича.
И сташа подлѣ Десну
По Крырову
Оли до устья,
А внизъ до Стояничъ.
И бьяхутся съ ними
Крѣпко о Десну
Ови на конѣхъ,
А ини въ насадѣхъ
Ѣздяче
И не пустиша ѣ
Черéзъ рѣку.
И стоявше,
Великую пакость сътвориша
Села пожгоша,
Люди повоеваша и т. д.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть характеръ и складъ тѣхъ дружинныхъ «словесъ», которыя видимо служили источникомъ для кіевскаго лѣтописца. Въ приведенныхъ примѣрахъ недостаточно живописной образности, которая стерта рукою лѣтописца, но мы уже видѣли, что здѣсь уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ и слѣды образнаго, securedанаго языка дружинно-княжеской кіевской Руси, вмѣстѣ съ честію и блескомъ ея воинской славы. Имена богатырей,

которыхъ до 70 пало на одной Калкѣ, также могли явиться въ «Лѣтописи», лишь подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же «дружинныхъ словесъ»; самое имя «богатыря» болѣе свойственно пѣснѣ, чѣмъ историческому разсказу.

Такимъ образомъ «Кіевская Лѣтопись» служитъ для насъ указателемъ, что «Слово» не было одинокимъ явленіемъ въ дружинно-княжеской средѣ и заставляетъ насъ предполагать многія подобныя ему, «дружинныя словеса». Вмѣстѣ съ этимъ мы приходимъ къ признанію такого историческаго факта, который дѣлаетъ для насъ необходимымъ существованіе какого-нибудь Бояна въ родѣ того, какимъ пользуется и такъ восхищается авторъ «Слова». Этотъ Боянъ самъ собою навязывается читающему «дружинныя словеса», уцѣлѣвшія для насъ въ «Кіевской Лѣтописи».

Были пѣснотворцы въ XII в., при Кириллѣ Туровскомъ; были они и въ XI в., во времена св. Ѳеодосія. Какъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ XII в. для насъ сказываются «дружинныя словеса», такъ и въ разсказахъ ея о древнѣйшихъ временахъ отдается для него тотъ же дружинный «эпосъ», только болѣе сказочнаго свойства. Олегъ приплывающій со множествомъ судовъ изъ Новгорода въ Кіевъ, выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на судно Аскольда и Дира и приказывающій убить ихъ—развѣ это не поэтическій разсказъ изъ среды дружинной? А походъ подъ Константинополь съ 2,000 судовъ, а суда его на колесахъ, на коихъ подплылъ онъ по суху при попутномъ вѣтрѣ подъ стѣны города, а ядъ, подосланный императоромъ и отгаданный кіевскимъ княземъ, а щитъ, какъ знамя побѣды на стѣнахъ цареградскихъ, а парчевые паруса, устроенные имъ на своихъ судахъ для возвратнаго пути—или все это взято не изъ дружинныхъ словесъ? Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказалъ ему кудесникъ; онъ велѣлъ ему держать этого коня въ удаленіи, и черезъ 4 года, по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотрѣть его кости, смѣясь надъ предреченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выскочила змѣя и ужалила князя. А разсказъ о мести Ольги: какъ она научила пословъ древлянскихъ

требовать, чтобы ихъ понесли кіевляне въ теремъ въ ладьѣ и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею, какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ, какъ покорила Коростень посредствомъ голубей и воробьёвъ, пустивши ихъ въ городъ съ огнемъ? Всѣ подобныя повѣсти могли выдти только изъ дружинной среды и отзываются ея замышленіемъ.

Такимъ образомъ, какъ авторъ «Слова» стоитъ въ самой внутренней связи съ дружинными лѣтописными словесами XII в., такъ и замышленіе Бояново не стоитъ внѣ лѣтописныхъ указаній на повѣсти дружиннаго эпоса. Напротивъ, мы видимъ, что подобные пѣвцы бывали еще въ эпоху наступательной борьбы кіевской Руси на Византію и слѣды ихъ сказаній уцѣлѣли для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ.

Все это говоримъ приводитъ къ тому, что существованіе сказателей «дружинныхъ словесъ» становится очевиднымъ, и пѣснотворецъ въ родѣ Бояна, которому подражаетъ авторъ «Слоза» находитъ такимъ образомъ оправданіе для своего существованія въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ.

Но вотъ намъ замѣчаютъ: кто же въ виду ясныхъ указаній лѣтописи, сомнѣвался когда-либо въ *возможности* типа древне-русскаго сказателя? Дѣло идетъ не объ этомъ, а о томъ существовалъ ли упоминаемый въ «Словѣ» Боянъ какъ лице историческое [1]? Постановка подобнаго вопроса предполагаетъ, что въ самомъ «Словѣ» есть такія основанія, которыя стоятъ *въ противорѣчіи* съ типомъ Русскихъ дружинныхъ пѣвцевъ, или же *вынуждаютъ* искать какого-нибудь Болгарскаго Бояна, которымъ увлекся авторъ «Слова», какъ литераторъ, начитавшійся неизвѣстныхъ намъ Болгарскихъ книжекъ. Но въ очертаніяхъ Бояна въ «Словѣ», какъ мы видѣли, нѣтъ ничего такого, что бы не мирилось съ типомъ русскаго пѣснотворца, нѣтъ ничего такого, что заставляло бы искать объясненій для него въ Болгарскомъ книжничествѣ. Не странно ли, послѣ того, признавая фактъ суще-

---

[1] Критич. обозрѣніе, 1879 г. № 3, стр. 25.

ствованія Русскихъ дружинныхъ пѣснотворцевъ, изощряться для объясненія Бояна «Слова» въ очень сложныхъ и хитрыхъ комбинаціяхъ. Жилъ—былъ въ Болгаріи царевичъ Боянъ, который занимался кудесничествомъ и могъ обращаться въ волка; въ Болгарскомъ народѣ слава Бояна, какъ вѣщаго чародѣя и оборотня, была широко распространена. Быть можетъ, съ теченіемъ времени, *народная фантазія* въ Болгаріи овладѣла *историческимъ* Бояномъ: историческія черты были стерты и преданія о Боянѣ слились съ другими. Быть можетъ, уже чрезъ нѣсколько поколѣній является Болгарскій книжникъ, воспитанный на красотахъ Византійской литературы и усвоиваетъ какое-то Византійское произведеніе своимъ соотечественникамъ. Быть можетъ, онъ встрѣтилъ тамъ воззваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности и вспоминая легенды о Боянѣ, подставилъ его имя. Быть можетъ, подобное произведеніе, съ рядомъ другихъ перешло на Русскую почву. Быть можетъ, оно папало въ руки русскаго литератора. Быть можетъ, это былъ человѣкъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго. Быть можетъ, онъ даже *не могъ* не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну найденнымъ имъ въ Болгарскомъ источникѣ и перенесъ его въ свое произведеніе т.-е. въ наше «Слово о полку Игоревѣ». Говоря откровенно: въ виду факта существованія дружинныхъ пѣвцевъ въ Кіевской Руси, признаваемаго авторомъ гипотезы, не постигаемъ, стоило ли предпринимать для объясненія Бояна «Слова» ученую прогулку на борзыхъ фарѣхъ въ далекую Болгарію и нагромождать такую кучу всевозможныхъ и не возможныхъ вѣроятностей, чтобы объяснить, какъ Болгарскій чародѣй—царевичь Боянъ могъ попасть въ Русскій памятникъ. Вѣщій Боянъ нашего «Слова» пѣснотворецъ стараго времени не имѣетъ ничего общаго съ Болгарскимъ кудесникомъ.

2. Характеристика Бояна въ «Словѣ» до такой степени опредѣленна, что въ дѣйствительномъ существованіи Бояна пѣснотворца, какъ лица историческаго, сомнѣваться не возможно. Характеристика эта даетъ намъ слѣдующія реальныя черты: во первыхъ, онъ пѣлъ и игралъ старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу; вовторыхъ, онъ вспомнилъ усобицы первыхъ князей

кіевской Руси; въ третьихъ, пѣсни его отличались замышленіемъ, по отношенію къ которому «Слово» есть былина, и, наконецъ, въ четвертыхъ, эти пѣсни имѣли за собой преданіе для той братій или среды, къ которой обращено «Слово», иначе такое обращеніе не имѣло бы смысла. Всѣ эти очевидныя для всякаго реальныя черты не позволяютъ видѣть въ Боянѣ только литературный поэтическій пріемъ: трудно выдуманнаго Бояна заставить пѣть историческимъ князьямъ; трудно, книжному повѣствователю къ несуществующему пѣснотворцу обращаться за размѣромъ своего пѣснопѣнія; а еще менѣе было возможно автору «Слова» говорить своей братіи, что будетъ пѣть только *сущую дѣйствительность*—и лгать въ ту же минуту, выдавая за пѣвца того, *кого совсѣмъ не было* и заставляя его при этомъ пѣть русскимъ князьямъ, столь извѣстнымъ его братіи.

3. Лѣтописныя указанія подтверждаютъ, что былъ дѣйствительно поэтъ, который воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава, и краснаго Романа Святославича, т.-е. именно тѣхъ самыхъ князей, которыхъ по свидѣтельству «Слова», воспѣвалъ Боянъ. Таковъ напр. по изображенію «Лѣтописи», бой Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ, ночью, во время грозы: это блистаніе молніи и блистаніе оружія, этотъ лѣпый Якунъ, потерявшій въ битвѣ свою луду златую—все это дошедшіе до насъ отблески пѣснотворчества того времени. Въ Патерикѣ Печерскомъ также упомянутъ этотъ лѣпый Якунъ, иже отбѣже *золотыя луды*, бившись по Ярославѣ съ *лютымъ* Мстиславомъ. «Извѣстный поединокъ Мстислава съ Редедею, по справедливому замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ въ «Лѣтописи», также сильно отзывается эпическимъ сказаніемъ; а по поводу смерти Романа мы читаемъ въ Лѣтописи: *суть же кости его и до селѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля.* Слова эти, замѣчаетъ историкъ, какъ будто взяты изъ пѣсенъ, которыя любятъ описывать, какъ дождь мочитъ въ степи богатырскія кости [1]. Эпитетъ «*краснаго*» данный ему въ «Словѣ» также отзывается пѣсен-

[1] О составѣ Русскихъ Лѣтоп. стр. 42.

нымъ характеромъ. Такимъ образомъ «Лѣтопись» отчасти подтверждаетъ автора «Слова», что былъ дѣйствительно Боянъ, какъ лице историческое, который воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава и краснаго Романа Святославича. Отвергая Бояна, какъ дѣйствительнаго пѣснотворца этой эпохи, приходится дѣлать неимовѣрныя натяжки; толковать напр., что если Боянъ пѣлъ старому Ярославу, это будто бы значитъ только, что онъ былъ пѣвцемъ *древнихъ* событій; пѣлъ храброму Мстиславу, который Редедю зарѣзалъ предъ полками Косоговъ, это значитъ только, что онъ былъ пѣвцемъ личнаго *мужества*; пѣлъ красному Роману Святославичу, это значитъ, онъ былъ пѣвцемъ *красоты тѣлесной* [1]. Такъ-то приходится извращать и калечить ясный и простой смыслъ «Слова» принося его въ жертву предзанятой мысли, будто Боянъ его есть не историческое лице, а маска.

4. Въ ряду лѣтописныхъ «дружинныхъ словесъ», мы встрѣчаемъ одинъ афоризмъ, совершенно анологичный тому, какой «Слово» усвояетъ Бояну. Здѣсь такъ же «князь», какъ въ «Словѣ», называется «*головою*». «Не-йдетъ то мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту»; «тяжко ти,—говоритъ «Слово»—головѣ безъ плечъ, зло и тѣлу, кромѣ головы». Но всего любопытнѣе, при этомъ замѣчаніе сказателя дружинныхъ словесъ, который, влагая эти слова въ уста князю, прибавляетъ «*яко же и переже слышахомъ*». Это замѣчаніе указываетъ, во-первыхъ на то, что эта пословица почерпнута изъ живыхъ устъ; во-вторыхъ, что она относилась къ *князю*, который имѣетъ значеніе «*головы*», и, въ-третьихъ, что для дружиннаго сказателя она была уже старая: «*яко же и переже слышахомъ*». Авторъ «Слова» относя это присловье къ своему времени, къ годинѣ Святославовой, замѣчаетъ, что его сказалъ Боянъ, *тотъ же пѣснотворецъ стараго времени Ярослава, Ольгова* [2]. Если можно за-

---

[1] Взглядъ на Слово, стр.

[2] См. Опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ мѣстъ «Слова».

крывать глаза отъ трехъ упомянутыхъ выше князей, которыхъ воспѣвалъ Боянъ и объяснять ихъ появленіе въ «Словѣ» эпическимъ числомъ *трехъ* внесенныхъ для характеристики поэта въ русской окраскѣ, то для *двухъ* князей стараго времени, котораго пѣснотворцемъ названъ Боянъ, не возможно отыскать какого-нибудь художественнаго пріема. Здѣсь нѣтъ характеристики поэта: здѣсь прямо указывается время, когда жилъ и пѣлъ Боянъ.

5. Наконецъ, если для доказательства того, что Боянъ попалъ въ «Слово» изъ Болгаріи, намъ указываютъ, что тамъ есть и собственныя имена «Бояновъ» и рѣка Бояна, то мы, кажется, въ правѣ для подтвержденія того, что Боянъ есть пѣснотворецъ русскій, указать на господство того же имени въ Русской землѣ. Если въ Болгаріи былъ царевичъ Боянъ, если есть тамъ рѣка Бояна, то не нужно забывать, что въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается и *улка Бояня* (въ Новгородѣ), и *волость Боянь* [1] (въ Можайскомъ княжествѣ); есть за тѣмъ *Бояново* въ Мазовшѣ и до нынѣ благополучно себѣ процвѣтаетъ *Бояновка* въ Калужской губ., въ Тарусскомъ уѣздѣ. Въ письменныхъ памятникахъ упоминаются еще *Боянь*-посолъ Крымскій (П. С. Лѣт. VIII, 283) *Бояновскіе* дворяне. (Арх. югозап. Р. ч. VII, т. I, стр. 449, Памятн. издав. Врем. Комм. для разбора древ. Акт. т. I, отд. 3, стр. 357. Курбск. Кіевъ. 1849, стр. 246.). Въ Межевыхъ книгахъ Спасо-Ярославскаго монастыря 135 и 136 г., издаваемыхъ И. А. Вахрамѣевымъ, читаемъ: на стр. 41. «Межа вотчиной земли Спасскаго монастыря

---

[1] Нашъ критикъ, Вс. Ѳ. Миллеръ замѣчаетъ: „едва отъ соображеній г. Барсовъ переходитъ къ фактамъ, какъ обнаруживаетъ крайное отсутствіе осторожности. Напримѣръ, въ доказательство существованія имени *Боянъ* на Руси приводитъ онъ «*волость Бояна*» въ Можайскомъ княжествѣ: по справкѣ оказывается, что волость называлась *Боянь*, а отсюда выводить имя *Боянъ* также произвольно, какъ производить названіе Коржань, Сызрань, Рязань—отъ именъ Коржанъ, Сызранъ, Рязанъ. (Крит. Обозр. 1879 г. № 3 стр. 25). Но въ 1-хъ за нами стоятъ такіе авторитеты, какъ Карамзинъ, С. М. Соловьевъ, Строевъ и др., кои волость *Боянь* производили отъ Бояна. Во 2-хъ имена мѣстъ въ древней Руси не рѣдко принимали прилагательную форму; въ томъ же «Словѣ» встрѣчаемъ «Тмуторокань» названіе, которое Ѳ. Е. Коршъ производитъ отъ Темутархана,

пустоши Кутиловой да деревни Жироховой съ помѣстною землею съ пустошью *Бояновою*»; на стр. 42: «ѣдучи отъ помѣстной земли Марка Шокурова отъ пустоши *Бояновой*, у *Бояновской* земли стоитъ ель» [2]. Русскихъ именъ оканчивающихся на анъ и янъ еще больше: Васильянъ, Троянъ, Стоянъ и т. п. [1].

Наконецъ если и можетъ казаться страннымъ, что лѣтопись не упоминаетъ о словесахъ Бояна, то было бы еще страннѣе, если бы трость церковнаго книжника-скорописца хотя что-нибудь начертала въ память родовъ о бояновскомъ замышленіи. Или христіанское чувство не должно было смущаться поэтическими старинными словесами, полными уча-

---

Половецкаго князя. (Моск. Унив. 1868, кн. 7 стр. 605—613). 3. Въ виду того не будетъ ни какого произвола и *Рязань* и *Сызрань* производить отъ собственныхъ именъ, какъ то и дѣлаютъ иногда мѣстные изслѣдователи.

[1] Авторъ гипотезы, самъ не увѣренный, что Боянъ «Слова» именно сынъ царя Симеона, но убѣжденный въ томъ, что Боянъ лицо Болгарское, обратился за поисками Бояна по другому пути. Г. Верковичъ извѣстный собиратель Болгарскихъ пѣсенъ, явившись въ Москву, представилъ ему на разсмотрѣніе свой огромный сборникъ—и вотъ занятія этимъ сборникомъ въ теченія недѣли вознаграждены были самымъ пріятнымъ образомъ. Въ Сборникѣ авторъ гипотезы нашелъ болгарскую пѣсню, въ которой упоминается—и царь Троянъ, и воевода Боянъ слагающій пѣсню о Троянѣ. Указывая, что и къ тѣмъ чертамъ «Слова» которыя объясняются *народными Русскими пѣснями*. (какъ-то: вѣщіе сны, сочувствіе природы, сравненіе съ соколами и т. п.) слѣдуетъ относиться осторожно, въ виду того, что тѣже черты являются въ Византійской героической поэмѣ, съ своей стороны онъ не счелъ *не осторожнымъ* для розысканія Русскаго Бояна обратиться къ Болгарскимъ пѣснямъ. Пріятная находка здѣсь Бояна мало сообщаетъ научной силы его гипотезѣ. Самъ же онъ говоритъ, что научное значеніе Сборника Верковича, которымъ онъ пользовался, есть еще вопросъ и вопросъ не рѣшеный. Славянскіе ученые, (какъ Иречекъ) ближе насъ стоящіе къ Болгарскому пѣснотворчеству, обозвали работы Верковича «подлогомъ». Тотъ, кто хорошо знакомъ съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ, просматривая пѣсни, собранныя Верковичемъ, не можетъ не замѣтить, что по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, нѣтъ ни стиха, ни поэзіи — и прямо сказывается книжная рука. Никто не отрицаетъ, что г. Верковичъ имѣлъ дѣло съ живымъ Болгарскимъ пѣснотворчествомъ, но пѣсня видоизмѣненная, присочиненная, и даже не точно записанная, въ наукѣ ровно ничего не стоитъ. Свободное же отношеніе къ записямъ г. Верковича простиралось до вставки въ пѣсни книжныхъ собственныхъ

стія языческихъ боговъ и полубоговъ? И если напрасно стали бы искать въ нашей древней письменности имена сказателей извѣстныхъ намъ былинъ, то возможно ли отвергать существованіе Бояна лишь на томъ основаніи, что лѣтопись не упоминаетъ его имени? Гораздо важнѣе его имени слѣды дружинныхъ словесъ, которые такъ прозрачны для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ и которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что существовалъ дружинный эпосъ.

Не находя ничего общаго между Бояномъ «Слова», гудцомъ и пѣснотворцемъ, и Бояномъ, болгарскимъ царевичемъ — вѣдуномъ и оборотнемъ, котораго подставляетъ здѣсь гипотеза, г. Веселовскій, однако, типъ этого пѣснотворца все-таки предполагаетъ въ болгарской книжности, которая воспроизвела въ немъ образъ такого же мудраго и хитроумнаго пѣснотворца Греціи (стр. 281). Но если гипотеза хватается еще за болгарскаго царевича—*вѣдуна* и *кобника*, то для предположенія еще новаго болгарскаго Бояна, мудреца и книжника, не остается уже рѣшительно никакого историческаго основанія. Если типъ нашего пѣвца Бояна и отражалъ въ себѣ черты еллинскаго витійства, то это могло быть привнесено столько же дружинникомъ кіевской Руси, сколько и болгарскимъ книжникомъ; какъ мы видѣли, Византійская письменность непосредственно доступна была дружинно-княжеской средѣ приднѣпровской Руси. Одни договоры съ Византіей Игоря и Олега показываютъ, какое общеніе было между кіевской Русью и Византіей. Пока Болгарія не явитъ въ своей книжности такого типа, до тѣхъ поръ совершенно не научно предполагать, что такой типъ былъ тамъ *непремѣнно*.

именъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Иречекъ, и потому дѣлаетъ его сборникъ самымъ *мутнымъ* источникомъ. Не удивительно, если въ пѣсню такого собирателя, какъ творецъ «Орфея» и имя Бояна попало изъ нашего «*Слова*». Наконецъ, если бы подобная Болгарская пѣсня оказалась подлинной, значитъ ли это, что на Руси не было своего Бояна, который является пѣснотворцемъ въ «Словѣ»? Имя Бояна встрѣчается и въ пѣсняхъ Тюркскихъ народовъ Но значитъ ли это, что Боянъ попалъ въ «Слово» изъ Тюркскихъ произведеній?

Гораздо сдержаннѣе въ этомъ отношеніи сужденіе г. Пыпина, который хотя также сочувствуетъ новой гипотезѣ, однако научную ея оцѣнку предоставляетъ спеціальной критикѣ.

Еще любопытнѣе критическіе пріемы этой гипотезы по отношенію къ именамъ боговъ, которые будто бы безотчетно явились въ «Словѣ», благодаря лишь какому-то болгарскому прототипу.

Взвѣсимъ этотъ молотъ, разбивающій миѳогогію «Слова».

Для насъ, заявляетъ гипотеза, авторъ «Слова»—христіанинъ, *не признающій* языческихъ боговъ и *упоминающій* имена ихъ съ такимъ же намѣреніемъ, какъ *поэты XVIII вѣка* говорили объ Аполлонѣ, Діанѣ, Парнасѣ и т. п. Но критика, не одержимая слитностію сознанія, не можетъ однако же опустить изъ виду безконечной разности внутреннихъ настроеній — писателей раздѣляемыхъ другъ отъ друга пятью столѣтіями. На сколько поэты XVIII вѣка были далеки отъ до-христіанскаго язычества и чужды его міросозерцанія, на столько авторъ «Слова» былъ къ нему близокъ и, состоя въ церкви, въ мірѣ своихъ вѣрованій могъ носить сочувствіе къ преданіямъ эпической старины и искренно восхищаться пѣснями Бояна на героической основѣ. Произведенія поэтовъ XVIII в. уже въ наши дни успѣли состарѣться и отжить свое время: самое направленіе ихъ называется уже *лжеклассическимъ*; между тѣмъ какъ миѳологическія имена—въ Словѣ такъ внутренно соединены съ его содержаніемъ и формой, что памятникъ до сихъ поръ не только не устарѣлъ, но напротивъ все больше и больше, какъ эпическое произведеніе, открываетъ своихъ достоинствъ и увлекаетъ своимъ изяществомъ. Это всего лучше показываетъ, какая безконечная разница между христіанскимъ поэтомъ XVIII в. и авторомъ «Слова»—христіаниномъ XII в. Если для перваго имена божествъ были лишь только риторическіе узоры, бьющіе внѣшнимъ блескомъ, то подъ перомъ послѣдняго они отражаютъ свою жизненность и являются какъ свѣточи эпическаго преданія и потому въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ не перестаютъ производить истинно художественное впечатлѣніе.

Авторъ «Слова» не вѣрилъ въ упоминаемыхъ имъ божествъ стало быть, заключаетъ гипотеза, старыя Бояновскія словеса, не голосъ

русскаго эпическаго преданія, но выраженія книжныя, взятыя изъ Болгарскаго источника. Но въ подобныхъ заключеніяхъ слишкомъ замѣтенъ логическій скачокъ. Если авторъ «Слова» пѣснотворецъ Святослава и Игоря, христіанинъ, не потерялъ сочувствія къ эпическому преданію, хотя и не раздѣлялъ полной вѣры въ языческихъ божествъ, то Боянъ пѣснотворецъ стараго времени Ярославова и Олега, словесами котораго онъ орудуетъ, несравненно ближе стоялъ къ язычеству и могъ искренно вѣрилъ въ языческія божества. Если авторъ «Слова» не считалъ Бояна непосредственно *внукомъ Велеса*, то отсюда еще ни какъ не слѣдуетъ, чтобы не было самого Бояна.

«Никто не отрицаетъ того, разсуждаетъ авторъ гипотезы, что Дажь-богъ было именемъ солнечнаго бога; слѣдовательно *внукъ Дажьбога* значитъ потомокъ солнца, *солнцеродный*. Этотъ эпитетъ соотвѣтствуетъ Византійскому ἡλιογέννητος—рожденный солнцемъ, и заключаетъ не больше миѳологіи, чѣмъ послѣдній въ Византійскомъ романѣ о Дигенисѣ, или же эпитетъ свѣтозарное солнце, которымъ въ «повѣсти» чествуютъ прекраснаго Девгенія». Если бы можно было указать, что въ Болгарской письменности дѣйствительно встрѣчается выраженіе «*внукъ Дажь-божь*», если бы можно было подтвердить, что оно въ какомъ-нибудь Болгарскомъ переводѣ дѣйствительно отвѣчаетъ Греческому: ἡλιογέννητος или γέννημα τοῦ ἥλιου, тогда подобное соображеніе имѣло бы нѣкоторое значеніе; но такъ какъ этого сдѣлать нельзя, то подобное гаданіе является произвольнымъ и стоитъ внѣ всякаго основанія.

«Не можемъ удержаться, продолжаетъ авторъ гипотезы, отъ другаго предположенія. Нѣтъ сомнѣнія, что Дажь-богъ былъ *Славянскимъ* божествомъ, но и нѣтъ прямыхъ указаній за то, что онъ былъ *популярнымъ* русскимъ именемъ солнечнаго бога. Это имя *помимо Слова и Несторовой Лѣтописи* упоминается въ одномъ мѣстѣ Лѣтописи Ипатской во вставкѣ изъ Греческой Хроники Малалы. Дажь-богъ переводъ Греческаго ἥλιος. Составитель Русской Лѣтописи пользовался не Греческимъ текстомъ Византійскаго Хронографа, а его Славянскимъ, Болгарскимъ переводомъ и Дажь-богъ, *по всей вѣроятно-*

сти, долженъ быть отчисленъ на счетъ этого древняго перевода, относимаго къ X вѣку, когда языческія вѣрованія были еще свѣжи у Славянъ. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажь-бога въ «Словѣ». Внукъ Дажь-богъ могло быть *Болгарской* передачей Византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ нибудь Византійскомъ произведеніи какому нибудь миѳическому или историческому лицу. Въ свою очередь авторъ «*Слова*», найдя этотъ эпитетъ въ Болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, *не отдавая себѣ въ немъ отчета* и украсилъ имъ своихъ князей».

Здѣсь также нѣтъ ни одного положенія, которое было бы доказано и выводъ снуется лишь на произвольныхъ гаданіяхъ. Во 1-хъ предполагается, безъ всякаго основанія, что въ «Болгаріи» Дажь-Богъ былъ *популярнымъ* Болгарскимъ именемъ и что въ Болгарской письменности есть *больше* указаній на эту популярность, чѣмъ представляютъ памятники Русскіе о чествованіи его у Русскихъ. Во 2-хъ предполагается, что Хроника Малалы, изъ которой сдѣлана вставка въ Лѣтопись, есть переводъ непремѣнно Болгарскій, что далеко не доказано; она извѣстна лишь по русскому списку XV вѣка. Въ 3-хъ предполагается, что появленіе въ Лѣтописи Дажь-бога должно быть отчислено на счетъ этого перевода, что подлежитъ еще бóльшему сомнѣнью. Выраженіе Дажь-богъ—отнюдь не есть переводъ Греческаго ἥλιος; это Греческое слово переведено буквально словомъ: *солнце*; выраженье же *Дажь-богъ* есть лишь коментарій къ Греческому ἥλιος. И по семъ царствова сынъ его именемъ Солнце (ἥλιος), *его же наричютъ Дажь-богъ*..... Солнце царь, сынъ Свароговъ, *еже есть Дажъ-богъ*.

Этотъ комментарій—мы находимъ лишь въ *Русскомъ спискѣ* перевода Малалы (XV в.) и во вставкѣ Ипатской Лѣтописи. Такъ какъ въ Несторовой Лѣтописи въ числѣ чтимыхъ на Руси языческихъ божествъ упоминается и Дажь-богъ, то всего вѣроятнѣе и этотъ комментарій принадлежитъ Русскому писцу или Лѣтописцу, а не Болгарскому переводчику, если даже относить этотъ переводъ Малалы къ Болгарскимъ. Всѣ дошедшіе до насъ переводы Болгарскіе X вѣка, какъ

выше нами замѣчено, отличаются лишь тяготѣніемъ къ буквѣ Греческаго текста и чужды какихъ бы то ни было комментаріевъ. Для характеристики Русскихъ переводовъ или передѣлокъ въ отношеніи къ Болгарскимъ, отмѣтимъ здѣсь слѣдующій примѣръ: Въ югославянскомъ переводѣ XI в. слова Григорья Богослова εἰς τὰ ἅγια φῶτα встрѣчаемъ выраженіе: **боүесть поутоша** (θρασύτητα). Въ Русской же редакціи это выраженіе осмыслено и здѣсь прямо выражается уже поклоненіе Мокоши (См. въ спискѣ Паисіева Сборника Соф. библ. XV в.). Въ виду этихъ данныхъ мы въ правѣ заключить, что если составитель лѣтописи заявляетъ себя сознательнымъ отношеніемъ къ Византійской хроникѣ Малалы, то тѣмъ менѣе мыслимо, чтобы авторъ «Слова» могъ отыскать выраженіе *Дажь-богъ* въ какомъ-нибудь Болгарскомъ произведеніи и «*безотчетно*» украсить имъ своихъ князей [1].

Еще слабѣе нить, которою связываетъ гипотеза *Велеса* нашего «Слова» съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ. Вотъ ея разсужденія: форма, извѣстная *русскому* лѣтописцу, не «Велесъ», а «*Волосъ*», между тѣмъ какъ въ «Хожденіи Богородицы по мукамъ», по рукописи XII в., произведеніи болгарскаго происхожденія, упоминаетя именно «*Велесъ*». У южныхъ славянъ находимъ гору Велесъ въ Босніи, городъ Велесъ въ Болгаріи; у насъ же, противополагаетъ она, встрѣчаемъ *Волосовъ-яръ* въ Винницкомъ повѣтѣ, *село Волосово* и станцію по балтійской желѣзной дорогѣ, *Волосову* улицу въ Новгородѣ и *Волосовъ* Никольскій монастырь, упоминаемый въ актахъ XIV в.

---

[1] Авторъ гипотезы «мимоходомъ» спрашиваетъ: если бы для автора «Слова» Дажь-богъ или Хорсъ былъ солнечнымъ богомъ, отчего Ярославна, обращаясь къ солнцу не называетъ его этими именами? Отчего она восклицаетъ: «свѣтлое и тресвѣтлое солнце!» а не свѣтлый Дажь-боже! Конечно потому, замѣчаетъ онъ, что авторъ-христіанинъ, не считаетъ солнце богомъ и чувствуетъ предѣлъ, у котораго поэтическій языкъ долженъ остановиться». (Взгл. стр. 75) Не отрицая возможности такого объясненія, мы находимъ болѣе вѣроятнымъ другое: плачь Ярославны—является здѣсь молитвой, заимствованной изъ общенароднаго источника: онъ вполнѣ отвѣчаетъ формѣ причети, которая и до нынѣ бытуетъ въ на-

Итакъ, вся опора гипотезы о болгарскомъ происхожденіи Велеса снуется на томъ, что форма *«Велесъ»* есть исключительно болгарская, а форма *«Волосъ»* исключительно русская. Но если бы авторъ гипотезы не уносился такъ поспѣшно въ Болгарію, а озираясь кругомъ, лучше познакомился бы съ русской землей, то—мы не сомнѣваемся, что собственными руками онъ порвалъ бы эту нить и не сталъ бы связывать ею Велеса нашего «Слова» съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ; тогда онъ узналъ бы, что имя Велеса донынѣ существуетъ на русской землѣ и что Болгарія дала намъ не Велеса, а Власія, который, намъ кажется, по созвучію съ Волосомъ, и поддерживалъ у насъ господство этой полногласной формы.

Но еще любопытнѣе предположенія гипотезы — относительно Хорса. «Въ виду болгарской формы *«Хръсъ»* въ «Словѣ», а не русской *«Хърсъ»* или *«Хорсъ»* и окружающихъ словъ, отзывающихся болгарщиной, мы,—разсуждаетъ она,—склонны думать, этотъ богъ занесенъ къ намъ книжнымъ путемъ и авторъ не нашелъ нужнымъ передѣлать его имя по русскому говору». Но если бы гипотеза побольше была знакома съ исторіей русской палеографіи, то воздержалась бы отъ подобной подкладки для своихъ заключеній. Въ XVI в., какъ извѣстно всякому русскому палеографу, писцы часто возвращались къ болгарскому правописанію и какъ употребляли безъ толку юсы, такъ и полугласныя ъ и ь ставили всего чаще по-болгарски. Эта палеографическая мода держалась между писцами даже въ XVII в., и ее можно замѣчать во множествѣ рукописей, списанныхъ съ оригиналовъ русскаго правописанія. Загляните въ великіе «Четіи-Минеи» Макарія; возмите хотя Библію Геннадія и сличите ее съ болѣе поздними списками,—и вы убѣдитесь, какъ не научно заключать по болгарскому правописанію «Хръса» объ его болгарскомъ происхожденіи.

родѣ. (См. 2-й т. собранныхъ нами «Причитаній Сѣвернаго края). Донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ обращается къ *солнцу*, какъ божеству. Это значитъ только, что въ народномъ сознаніи миѳъ не отдѣлился отъ тѣхъ стихійныхъ предметовъ, которые его вызвали—и авторъ «Слова» въ данномъ случаѣ т. е. въ плачѣ Ярославны лишь выдерживаетъ характеръ народной причети.

Неужели г. Барсовъ думаетъ, что этотъ фактъ мнѣ не былъ извѣстенъ раньше его ученыхъ указаній? спрашиваетъ Вс. Ѳ. Миллеръ и объясняетъ: «если пренебрегъ я въ данномъ случаѣ этимъ соображеніемъ, то имѣлъ достаточное основаніе. Начертаніе Хрусъ не единственный примѣръ болгаризмовъ въ «Словѣ. Раньше моей гипотезы, болгаризмы были указываемы другими изслѣдователями, при чемъ никто же изъ нихъ не счелъ нужнымъ объяснять палеографическими пріемами писцовъ. Не дѣлали этого по тому, что подобными болгаризмами изобиловалъ *Сборникъ*, въ которомъ было найдено «Слово», а этотъ Сборникъ составленъ изъ Византійско-Болгарскихъ статей. Къ чему же, спрашивается, имѣя прямыя указанія на происхожденіе этихъ болгаризмовъ, намъ объяснять ихъ такъ, какъ это нравится г. Барсову» [1]. Не во гнѣвъ будь сказано автору гипотезы: въ этомъ объясненіи мы не видимъ ничего, кромѣ слитности сознанія. Что многіе изслѣдователи прежде его указывали на особенности болгарскаго правописанія въ «Словѣ», это вѣрно; но видѣть особенности въ правописаніи тѣхъ или другихъ выраженій далеко не тоже, что заключать по нимъ о болгарскомъ происхожденіи тѣхъ или другихъ письменныхъ памятниковъ. Смѣемъ утверждать, что во всей исторіи литературы «Слова» нѣтъ примѣра, чтобы какой-нибудь ученый, прежде автора гипотезы, сдѣлалъ столь отважный шагъ въ своихъ заключеніяхъ. Не точно и положеніе, будто *Сборникъ*, въ которомъ найдено «Слово», состоялъ изъ Византійско-болгарскихъ статей. Напротивъ наибольшую часть его составлялъ русскій *Хронографъ*, обнимавшій отъ 500 до 700 листовъ и писанный Русскимъ письмомъ XVII вѣка, и лишь три небольшихъ статьи, въ томъ числѣ и наше «Слово» были приложены къ этому Хронографу и писаны болгарскимъ правописаніемъ, какимъ писались у насъ въ XVI вѣкѣ и Русскія Лѣтописи и Патерикъ Печерскій и житія Русскихъ святыхъ. Фактъ существованія школы Русскихъ писцевъ въ XVI вѣкѣ, утвердившей у насъ болгарское правописаніе, далеко не таковъ, чтобы его можно было обходить при объясненіи Русскихъ письменныхъ памят-

---

[1] Крит. Обозр. 1879 г. № 3, стр. 24.

никовъ и помимо его уносясь въ Болгарію въ подобномъ правописаніи видѣть Болгарскую руку. Всякій можетъ видѣть, что мы въ правѣ это говорить не потому, что это намъ *нравится*, но потому, что этого требуетъ историко-сравнительный методъ, если только авторъ хочетъ орудовать имъ съ строго-научнымъ безпристрастіемъ.

Но если относительно Дажь-Бога, Велеса и Хорса гипотеза выставляетъ хотя какія бы то ни было положенія, то уже о Стрибогѣ и Троянѣ приговоры ея—внѣ и послѣдней слабой нити, связующей ихъ съ Болгаріей.

Нѣтъ основанія думать, говоритъ гипотеза, чтобъ авторъ «Слова» о Стрибогѣ зналъ болѣе, чѣмъ мы (стр. 87). Говоря о «седьмомъ вѣкѣ Трояна», она также замѣчаетъ,—что «авторъ зналъ объ этомъ не больше нашего». Гдѣ находилась земля Трояна и когда былъ вѣкъ этого миѳическаго лица, конечно, не знаетъ и авторъ «Слова» (стр. 108). Всѣ четыре мѣста, гдѣ упоминается о Троянѣ, въ глазахъ гипотезы лишь только слѣды и пазы внѣшнихъ неискусныхъ спаекъ русскаго содержанія съ выраженіями неизвѣстнаго болгарскаго источника. Здѣсь, въ этомъ болгарскомъ неизвѣстномъ произведеніи, авторъ «Слова» встрѣтилъ выраженіе о «тропѣ», «землѣ» и «вѣкахъ» Трояна—и внѣшнимъ образомъ прикрѣпилъ ихъ къ русскимъ князьямъ, самъ не понимая ихъ значенія и спокойно оставляя въ томъ же недоумѣніи и свою братію, для которой предназначалъ онъ свое «Слово». Троянову землю пріурочилъ ни съ того, ни съ сего къ Дону; Трояновы вѣка поставилъ о-бокъ съ Ярославовыми; одну и ту же сербскую сказку о бѣгѣ Трояна приклеилъ къ двумъ князьямъ разныхъ историческихъ эпохъ. Заимствуя «старыя словеса» изъ Болгарскаго источника, *почерпнувъ изъ нихъ всю тираду отъ словъ*: о Бояне, соловью стараго времени—*до словъ*: не буря соколы занесе и т. д., словомъ, выписавъ изъ Болгарскаго источника все это лирическое отступленіе, авторъ «Слова», подставилъ Игоря на мѣсто какого-то другаго лица и такимъ образомъ Русскій князь оказался внукомъ Болгарскаго миѳическаго царя Трояна». (Взгл. стр. 109). Югославянскія преданія о Троянѣ послужили автору «Слова» прототи-

помъ для тѣхъ миѳическихъ деталей, которыми онъ облекаетъ Всеслава, или иначе, что на мѣсто Трояна былъ подставленъ Полоцкій князь [1]. Какое отношеніе можетъ имѣть троянъ, если это историческое лице къ Русскому Всеславу? Что представлялъ себѣ авторъ подъ седьмымъ вѣкомъ Трояна? Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки и можно *положительно* сказать, что авторъ «Слова» зналъ объ этомъ не больше нашего. Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, *непонявъ* его и, быть можетъ, даже *исказивъ* (Взгл. стр. 104—105).

Изъ этихъ разсужденій видно одно: авторъ гипотезы приложилъ къ пониманію «Слова» тотъ самый пріемъ, который практикуется въ наше время при составленіи магистерскихъ и докторскихъ диссертацій, въ которыхъ нерѣдко дѣлаются вставки изъ иностранныхъ источниковъ *«съ этихъ мѣстъ до этихъ»* и въ которыхъ употребляются выраженія, заимствованныя безъотчетно, безъ яснаго и точнаго ихъ разумѣнія; но позволительно сомнѣваться, чтобы тотъ же самый пріемъ практиковался и въ XII вѣкѣ, при созданіи такого художественнаго произведенія, каково «Слово».

Такъ-то творитъ и сочиняетъ тотъ самый авторъ, котораго гипотеза называетъ литераторомъ, надѣленнымъ замѣчательнымъ талантомъ и высокимъ чувствомъ красоты (стр. 49), человѣкомъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго (стран. 134), съ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ (стр. 136).

---

[1] По справедливому замѣчанію Александра Н. Веселовскаго, «сходство между разсказами о Всеславѣ и Троянѣ... не изчерпываетъ существенныхъ сторонъ послѣдняго: нѣтъ страха передъ солнцемъ, окаменѣнія подъ вліяніемъ его лучей; остается сходнымъ одно: что оба они ѣздятъ ночью. Что касается любы того и другаго, то представляется страннымъ, что метаніе жребія о милой дѣвицѣ могло быть приравнено къ посѣщенію любовницы, какъ ни многое отнесемъ мы на счетъ фигурнаго языка автора «Слова» (стр. 290). Какъ ни правдивъ этотъ критическій отзывъ, однако для г. Жданова замѣчанія гипотезы о Троянѣ не перестаютъ оставаться *особенно любопытными*. (Литература «Слова» стр. 21).

«Странно, замѣчаетъ еще г. Вс. Ѳ. Миллеръ, что авторъ «Слова» перебравшій въ своемъ произведеніи четырехъ языческихъ божествъ, нигдѣ не обронилъ

Какъ угодно, а въ сочетаніяхъ подобныхъ представленій недостаетъ внутренняго *логическаго элемента*—сродства понятій. Г. Веселовскій справедливо замѣчаетъ, что совершенно не къ лицу обвиненіе *талантливаго* автора въ такихъ *бездаланныхъ* снахъ. И не удивительно, что гипотеза съ какимъ характеромъ мысли ставитъ и автора «Слова» въ такое же внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою: именно, заставляя его пріурочивать болгарскаго Бояна X в., для русской окраски, къ русскимъ князьямъ XI вѣка, она вынуждаетъ его *лгать* въ ту самую минуту, когда онъ, обращаясь къ своей братіи, заявляетъ, что будетъ воспѣвать только *одну быль*.

Но странно, что не смотря на всѣ подобныя внутреннія противорѣчія и несообразности гипотеза эта была встрѣчена сочувствіемъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ. Поднимая ее на высоту гипотезы свѣтлой, А. Н. Веселовскій находитъ, что подъ ея призмой «Слово» является будто бы «памятникомъ поэтическаго возрожденія

ни слова о самомъ главномъ русскомъ богѣ, которымъ прежде клялись Русскіе язычники, о громовникѣ Перунѣ. Нельзя же думать, чтобы этотъ богъ былъ ему не извѣстенъ. Для объясненія этой странности можно предположить лишь то, что авторъ не нашелъ Перуна въ Болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ свою миѳологію (Взгл. стр. 87). На нашъ взглядъ совсѣмъ нѣтъ никакой надобности за объясненіемъ этой странности обращаться къ неизвѣстнымъ Болгарскимъ источникамъ. Само «Слово» разрѣшаетъ это недоумѣніе. Оно изображаетъ пораженіе Игоря и бѣдствія Русской земли, вызванныя его походомъ; оно насквозь проникнуто элегическимъ тономъ и потому здѣсь не умѣстно было бы упоминаніе о побѣдоносномъ Перунѣ; правда, здѣсь говорится о спасеніи Игоря но это спасеніе—обусловлено такими обстоятельствами, при которыхъ появленіе Перуна авторъ не нашелъ удобнымъ. Вообще пріемъ критики, сводящійся къ вопросамъ, почему авторъ не упоминаетъ о томъ или другомъ, приличный къ упражненіямъ школьниковъ, всего менѣе приличенъ при оцѣнкѣ такихъ художественныхъ произведеній, какъ «Слово». Пожалуй г. Голубинскій спрашиваетъ, почему авторъ заставляя Ярославну оплакивать своего мужа, заставилъ ее въ тоже время забыть своего сына, котораго она могла любить не меньше мужа. Пожалуй, онъ ставитъ такое умолчаніе въ недостатокъ художественности «Слова». Но ужели, говоримъ, подобный пріемъ критики можетъ имѣть какое нибудь научное значеніе?

въ стѣнахъ котораго заложены матеріалы, служившіе когда-то другимъ, болѣе древнимъ архитектурнымъ замысламъ». Поддаваясь мнимо-научному анализу божескихъ именъ въ «Словѣ» онъ также склоненъ видѣть въ «Словѣ» вмѣсто миѳа лишь Византійско-болгарскій субстратъ.

Даже Ор. Ѳ. Миллеръ, не признающій научнаго значенія въ методѣ и пріемахъ гипотезы, соображенія ея о богахъ находитъ многозначительными, будто бы поколебавшими значеніе «Слова» какъ источника Русской миѳологіи (стр. 47).

Мы уже видѣли, каковъ этотъ анализъ и какими живыми нитями сшита его канва. Въ полной силѣ остается взглядъ на «Слово» Ѳ. И. Буслаева, установившійся въ наукѣ и литературѣ:

«Поэтическое преданіе тянется туманною пеленою по всему произведенію, иногда вовсе заслоняя исторію, иногда же сливаясь съ нею. Если историческій фактъ далъ содержаніе «Слову», то поэтическое преданіе было для автора вдохновеніемъ, ибо Боянъ замѣняетъ ему Гомерову музу; миѳологическія же повѣрья составляютъ душу этого произведенія».

Эпоха, изображаемая «Словомъ», слишкомъ очевидно давала чувствовать причины бѣдствій русской земли; взгляды автора «Слова» слишкомъ трезвы и, такъ-сказать, гражданственны для того, чтобы предполагать въ немъ полную и живую вѣру въ упоминаемыхъ имъ боговъ. Онъ самъ даетъ понимать, что въ его время поэзія миѳа должна была уступить свое мѣсто поэзіи гражданственности. Авторъ «Слова» былъ христіанинъ и упоминаетъ о звонѣ церковномъ, о заутрени и храмѣ св. Богородицы Пирогощей въ Кіевѣ. Но въ то же самое время нельзя не замѣтить, что и поэзія вымысла не совсѣмъ потеряла для него свое значеніе; онъ невольно увлекается «старинными словесами» и историческій фактъ озаряетъ эпическимъ міросозерцаніемъ: «Слово» какъ мы выше сказали, соткано по основѣ Бояновскаго замышленія.

Разсмотримъ сначала упоминаемыя въ немъ имена боговъ сами по себѣ—независимо отъ общаго міросозерцанія «Слова». Если смотрѣть на нихъ даже лишь только какъ на художественные образы, то и въ такомъ случаѣ съ ними необходимо должны быть связаны такія живыя черты, которыя даютъ разумѣть себя непосредственно: иначе это не были бы художественные образы. Какъ поэтъ и какъ художникъ, авторъ «Слова» не могъ никакъ употреблять божескихъ именъ, безъ яснаго сознанія ихъ внутренняго осязательнаго качества. Эти-то живыя черты, связанныя съ именами боговъ какъ художественными образами, не потерявшія къ себѣ еще сочувствія и въ эпоху Игоря, и могутъ дать намъ отчасти понять качества этихъ божествъ въ эпоху болѣе отдаленную, въ ту эпоху, когда эти божества исключительно составляли достояніе души и вѣры русской земли и когда воздѣйствіемъ ихъ была опредѣляема вся ихъ жизнь и дѣятельность. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ эти черты, что онѣ служатъ для насъ путеводною звѣздою тамъ, гдѣ уже мы ничего знать не можемъ, о чемъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ ни въ книжности, ни въ пѣснѣ народной. Ни старая, ни новая Болгарія помня имена этихъ боговъ, не знаетъ даже и такихъ божескихъ качествъ, какія связаны съ ихъ именами и образами въ нашемъ «Словѣ».

Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи божескихъ именъ даже независимо отъ общаго эпическаго міровозрѣнія, проходящаго чрезъ все «Слово», имена эти не теряютъ миѳологическаго смысла, но лишь значеніе ихъ въ этомъ отношеніи переносится на болѣе древнюю эпоху русской земли. «Слово» является единственнымъ указателемъ живыхъ божескихъ качествъ,—не потерявшихъ еще сочувствія и въ эпоху пѣвца Игорева. Но, какъ увидимъ, миѳологическое значеніе «Слова» всего болѣе обусловлено общимъ его эпическимъ направленіемъ и міросозерцаніемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что старинная русская колонизація любила связывать названія поселеній съ именемъ *Бога вообще*. Уже въ «Кіевской Лѣтописи» въ XII в. встрѣчаемъ: *Божское*, *Божскій*, *Богу-*

славль. Въ настоящее время есть множество поселеній съ названіями въ томъ же родѣ; таковы, напр.:

Богово (Тульской губ. Ефремовскаго уѣзда). *Божки* (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). *Богаево* (Московской губ. Руз. уѣзда). *Боженки* (Смоленской губ. Бѣл. уѣзда). *Богуславецъ* (Полтавской губ. Золот. уѣзда и Екатеринославской губ. Павлогр. уѣзда). *Божковъ* (Полтавской губ. Пирят. уѣзда). *Богунино* (Тверской губ. Карчев. уѣзда). *Боганидское* (Енисейской губ. и окр.). *Божьеозерскій* (Енисейской губ. Ачин. уѣзда). *Божій удѣлъ* (Херсонской губ. Елиз. уѣзда и Екатерин. губ. и уѣзда). *Божій даръ* (тамъ же, Верхн. уѣзда). *Молибоже* (Ярославской губ. Углич. уѣзда). *Богъ-Миловка* (Екатерин. губ. Павлогр. уѣзда).

Эти столь разнообразныя и любопытныя названія русскихъ селеній, раскиданныхъ по русской землѣ, названія, связанныя съ именемъ *Бога вообще*, указываютъ, что въ ряду подобныхъ прозваній должны сохраниться для насъ и имена частныхъ языческихъ божествъ. Какъ съ введенія христіанства появились погосты съ названіями—*Ильинскій*, *Преображенскій*, *Ивановское*, *Покровское* и т. п., такъ и въ до-христіанскую эпоху, поселенія, естественно, могли называться именами того или другаго божества.

I. Велесъ. Имя Велеса—именно *въ этой самой формѣ*—не есть болгарское: если въ «Кіевской Лѣтописи» божество это и названо *Волосомъ*, то въ нѣкоторыхъ спискахъ «Новгородской Лѣтописи» оно удержано и въ формѣ *Велеса*.

Въ той же формѣ оно встрѣчается, какъ извѣстно, и въ житіи Авраамія Ростовскаго и начертано на древнемъ крестѣ, который усвояется этому ростовскому святителю: по преданію, имъ онъ сокрушилъ идола *Велеса*, которому поклонялся въ Ростовѣ чудской конецъ. Если у южныхъ славянъ находимъ мы гору *Велесъ* въ Босніи и городъ *Велесъ* въ Болгаріи, то эти указанія слишкомъ ничтожны для того, чтобы считать форму *Велеса* исключительно болгарской. Рус-

ская земля въ своихъ поселеніяхъ, связанныхъ съ этимъ именемъ, представляетъ намъ не мало свидѣтелей, что это имя не было исключительнымъ достояніемъ Болгаріи, и что, напротивъ, въ этой самой формѣ оно извѣстнѣе было у насъ, чѣмъ у южныхъ славянъ. Такъ мы имѣемъ:

Вѣлесово (Владимірской губ. и уѣзда). *Вѣлеса* (Смоленской губ. Порѣч. уѣзда). Велéса (лѣв. притокъ Западной Двины). *Вѣлегии* (тамъ же, Луж. уѣзда). *Велеша* городище на р. Лавѣ.

Въ русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ, что имя *Велеса* бытовало и какъ собственное имя историческихъ лицъ.

Такъ во вкладной грамотѣ Хутынскаго монастыря: (1192—1207 г.) въ числѣ жертвователей упомянутъ: **Вълесъ**[1].

Въ Архивѣ Юго-западной Россіи, въ актѣ 1596 г. также поименованъ: *Велесъ*[2] одинъ изъ козаковъ.

Находимъ далѣе мѣстность съ этимъ именемъ въ эпической формѣ. Такъ, въ Ярославской губерніи, въ Романовскомъ уѣздѣ, близь деревни Гавшино, есть возвышенность, имѣющая овальный видъ которая до нынѣ называется: *Велесово ребро*[3].

Преданій, въ которыхъ называется имя *Велеса* также оказывается не мало. Въ деревни «Ангелово» Ростовскаго уѣзда указываютъ мѣсто, которое называется *Велесово дворище*[4]. Въ селѣ Поклонахъ также, говорятъ, въ древности капище *Велеса*, около священнаго дуба обоготворяемаго язычниками[5]. Въ селеніяхъ близъ упраздненной

---

[1] Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 5.

[2] Арх. ч. II, т. I, стр. 102.

[3] Сообщено мѣстнымъ извѣстнымъ Археологомъ Вадимомъ Иванов. Лѣствицинымъ.

[4] См. Ростовская Старина, А. А. Титова. Вып. I, 1883 г. стр. 16.

[5] Ibid. стр. 43.

«Волосовой пустыни», Владим. губерніи существуетъ также легенда, въ которой является тоже божество съ именемъ «*Велеса*» [6].

Мы, конечно, привели здѣсь еще *не всѣ* подобныя названія, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы не соблазняться *Велесами*—горой и городомъ—у южныхъ славянъ и убѣдиться, что это имя, въ этой самой формѣ, едва ли не было извѣстнѣе русской землѣ, чѣмъ Болгаріи и вообще южнымъ славянамъ.

Наконецъ, стòитъ только заглянуть въ «Областный Академическій Словарь», и тамъ можно видѣть, что имя «Велеса» донынѣ слышится въ живой народной рѣчи. Въ рязанской губерніи иронически *Велесомъ* называютъ того, кто распоряжается и повелѣваетъ, не имѣя на то права: «ужъ не Велесъ ли ты, говорятъ въ насмѣшку такому человѣку: вишь какой «Велесъ!» [1]. Такимъ образомъ, до нашихъ дней бытуетъ имя *Велеса* и притомъ съ признакомъ властилинскимъ.

---

[6] Легенда эта намъ сообщена Іеромонахомъ Заиконоспасскаго монастыря О. Аммономъ.

[1] «Г. Барсовъ предполагаетъ, замѣчаетъ намъ антикритикъ, что мы не заглянули въ Академическій областной Словарь: не только заглянули, но заглянуль и въ «Дополненіе» къ нему (1858), куда нашъ критикъ не заглядывалъ, и тамъ нашли, что въ Рязанской же губерніи, говорится и *велецъ*. Это зналъ уже Даль и потому совершенно основательно отнесъ слова *велесъ* и *велецъ* къ глаголу велѣть (*видѣцъ: видѣть*—видѣцъ: видѣть). При томъ родит. пад. вельца указываетъ что ни велесъ, ни велецъ не имѣютъ ни чего общаго съ Велесъ, род. Велеса. При этомъ Вс. Ѳ. Миллеръ счелъ нужнымъ упрекнуть насъ въ недостаткѣ нашихъ свѣдѣній въ этимологіи». (Крит. Обозр. 1679 г. № 3, стр. 26—27). Но такъ какъ мы не были у него на экзаменѣ, то онъ рискуетъ ошибаться въ нашихъ этимологическихъ познаніяхъ. Строгій критикъ долженъ былъ бы подтвердить аналогическими примѣрами, что дѣйствительно отъ *велѣть* можетъ образоваться *Велесъ*, чресъ форму *велецъ*. Укаженный же имъ примѣръ доказываетъ противное. Отъ *видѣть* дѣйствительно происходитъ *видѣцъ* (очевидецъ), форма, встрѣчающаяся и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ и въ живой народной рѣчи; но что бы *видѣцъ* гдѣ нибудь и когда нибудь превратилось въ форму *видесъ* этого *не видано и не слыхано*. При другихъ случаяхъ критикъ не укрывался бы за филологическій авторитетъ *Даля*, а напротивъ замѣтилъ бы, что Даль далеко не авторитетъ въ области филологіи; въ данномъ же случаѣ самъ Даль выражаетъ

Не можемъ не отмѣтить здѣсь критическихъ пріемовъ нашего болгарофильствующаго комментатора «Слова». Для доказательства того, что божество Велеса проникло въ «Слово» чрезъ болгарскій *книжный* источникъ, онъ указываетъ, что въ Болгаріи есть и гора Велесъ и городъ Велесъ; но если мы замѣчаемъ, что это доказательство, при томъ единственное крайне не состоятельно, такъ какъ это имя не только въ формѣ *Волосъ*, но и въ формѣ именно *Велесъ*, бытовало на Русской землѣ, намъ отвѣчаютъ: «положимъ, что вся Россія была бы усѣяна поселеніями съ миѳологическими именами, говорило ли бы это хоть сколько-нибудь противъ того, что въ данномъ случаѣ, т.-е. въ «Словѣ» имена боговъ могли быть литературнаго книжнаго происхожденія? Весь вопросъ въ томъ, откуда миѳологическіе черты проникли въ «Слово» изъ народа или изъ книгъ». (Крит. Обозр. 1879 г. № 3, стр. 25). Очевидно гипотеза замыкается въ логическій кругъ, изъ котораго выхода нѣтъ и при которомъ дальнѣйшее разсужденіе становится не возможнымъ. Русскому факту она отказываетъ въ томъ значеніи, какое имѣетъ для ней подобный же фактъ болгарскій.

Есть даже основаніе думать, что не Велесомъ мы обязаны Болгаріи, а напротивъ, господство формы *Волоса* поддержалось

лишь недоумѣніе, отъ какого корня происходитъ слово *велецъ* и готовъ производитъ его не только отъ глагола *велѣть* но даже и отъ прилагательнаго, *великій*. Недоумѣніе его выражено въ такой формѣ: «*Велесъ* (*велецъ*, велѣть, великій?) *укорно* повелитель, распорядитель, укащикъ». Слово *велецъ* родит. п. имѣетъ *вельца* это такъ, но что бы туже форму въ родит. п. имѣло и слово *велесъ*, этого не говоритъ и Даль, который лишь замѣчаетъ только, что велецъ употребляется въ Раз. губ. въ томъ же значеніи, что и *велесъ*. Это этимологическое смѣшеніе принадлежитъ исключительно нашему антикритику. Но если словообразованія чрезъ переходъ *ц* въ *с* нельзя оправдать аналогическими примѣрами ни въ русской письменности, ни въ живой народной рѣчи, то вотъ примѣры, указывающіе на обратный переходъ *с* въ *ц* въ силу закона *уподобленія* въ народномъ словообразованія. Въ древнихъ актахъ встрѣчаемъ названія: *Луковесъ*, *Череповесъ* (т.-е. Весь, жившая при лукѣ, или на курганахъ); нынѣ же эти самыя названія бытуютъ въ формѣ: *Луковецъ*, *Череповецъ*; въ косвенныхъ падежахъ перваго словообразованія удерживается, *с*; послѣдняго же *ц*.

у насъ именемъ св. Власія, которое явилось къ намъ съ христіанствомъ изъ Болгаріи и притомъ съ тѣми двоевѣрными чертами, которыя бытуютъ въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ до настоящаго времени. Это двоевѣріе относительно Велеса дано намъ мученіемъ св. священномученика Власія епископа, мученнаго въ Севастіи градѣ (мѣсяца февраля въ 11-й день) въ болгарскомъ переводѣ византійскаго оригинала. Фактъ этотъ настолько важенъ и настолько любопытенъ, что мы считаемъ нужнымъ на немъ остановиться. Въ этой повѣсти Власій, между прочимъ, изображается какъ покровитель звѣрей и скотовъ и податель отъ Бога всякихъ даровъ, и всѣ эти разсказы о немъ стоятъ внѣ всякой внутренней связи съ исторіей его мученія; даже, напротивъ, они вносятъ несклодицу въ разсказы объ его мученіи и ясно даютъ понять, что они внесены сюда совсѣмъ другимъ авторомъ и для другихъ цѣлей. «За чистое его житіе во градѣ Севастіи Каппадокійской вѣрніи народи нарекоша его епископа; онъ же шедъ въ гору нарицаемую Араче, вселися въ пещеру и прихождаху къ нему звѣріи животьніи и аще впадаше единъ отъ нихъ въ болѣзнь, яко человѣцы пребываху у пещеры его, дабы возложилъ на нихъ руцѣ и благословилъ, и тако отхождаху отъ святаго во единъ же день». Далѣе идетъ разсказъ, какъ свирѣпый мучитель Агриколай повелѣлъ изловить этихъ звѣрей животныхъ; ловцы приходятъ въ гору, гдѣ жилъ св. Власій — и вотъ видятъ около его пещеры множество звѣрей «предстояще и глаголюще и рѣша собѣ: что се хощетъ быти»; въ самой же пещерѣ находятъ св. Власія—въ молитвѣ; возвѣстили о томъ игемону, который тотчасъ же туда отправилъ воиновъ, чтобы они привели къ нему кроющихся христіанъ. Идя съ ними—и увѣщевая чадъ, Власій на пути «цѣльбы творяше приносимымъ къ нему больнымъ и здравы отпущаше не токмо человѣки, *но и скоты.*·У одной жены было едино чадо, иже рыбы ядый, костью подавился и безгасенъ пребысть; мати же отрочати, слышавши о преподобномъ, несши сына своего поверже при ногу преподобному... и повѣда святому бывшее напрасно чаду ея». Святой Власій возложилъ руку на гортань отроку, молитвой исцѣлилъ его и отдалъ матери. Всѣ эти чудесныя повѣствованія, какъ мы замѣтили, не вя-

жутся съ разсказомъ о томъ, что воины уже ведутъ его вмѣстѣ съ другими христіанами къ свирѣпому Агриколаю, и здѣсь, въ самой молитвѣ, вложенной въ уста св. Власію, сквозитъ ясно цѣль, къ какой направлены эти повѣствованія, именно: «да помнятъ же имя его Власія и да призываютъ его въ подобныхъ случаяхъ, когда заболѣетъ безсловесное или человѣкъ». Но послѣдуемъ далѣе за повѣстію.

«На пути же грядущу святому, нѣкая нищая вдовица, единъ имуща вепрь у себе, его же волкъ восхити». Вотъ она приходитъ къ св. Власію и молитъ его о «звѣри». Святый же Власій, «осклабився рече ей: не скорби жено, будетъ ти вепрь»; когда же онъ шелъ по пути, вслѣдъ его идутъ вдругъ волкъ и вепрь—сохраненъ и невредимъ. «И даде св. Власій его вдовицѣ». Затѣмъ непосредственно слѣдуетъ разсказъ о появленіи святого предъ игемономъ, который ввергаетъ его въ темницу, судитъ и мучитъ его. «Слышавъ же вдовица терпѣніе его, заклавши вепря, его же бѣ отъ волка пріяла, и сваривши главу и ноги и возложивши на блюдо нѣчто отъ плода земнаго и зажегши свѣчу, принесе въ темницу и припаде къ св. Власію, молящися: «пріими отъ сего». Святый же похвали Бога, пріялъ отъ того, похвали ю и заповѣдалъ ей, глаголя: жено, понеже симъ образомъ память мою твориши, не оскудѣетъ же отнынѣ ничто въ дому твоемъ отъ благостыни Божьей, и въ грядущемъ кто уподобится тебѣ и память мою чтить будетъ, такожде благословенъ будетъ во вся дни живота моего и безъ оскудѣнія даровъ пребудетъ отъ Бога. Блаженная же вдовица, заповѣдь сію пріимши отъ св. Власія, всюду повѣда пишемая». Такъ церковь стремилась въ народномъ сознаніи утвердить св. Власія, какъ подателя всякихъ даровъ безъ оскудѣнія и, въ особенности, какъ покровителя скота и всякой домашней благостыни.

Явившись къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, св. Власій, по созвучію съ Волосомъ, могъ дѣйствительно содѣйствовать тому, что эта *полногласная форма* имени языческаго божества должна была очень рано въ значительной мѣрѣ вытѣснить древнее имя «*Велеса*», какъ мало созвучное христіанскому Власію, и потому болѣе отзывавшееся язычествомъ.

Но для насъ всего важнѣе знать, какія качества соединились у насъ съ именемъ этого божества и въ какомъ смыслѣ Боянъ называется внукомъ Велеса.

Въ новгородской губерніи, въ Череповскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Хмѣлинѣ донынѣ соблюдается одинъ жатвенный обычай, который довольно ясно и опредѣленно характеризуетъ народное и изстаринное понятіе объ этомъ божествѣ. Когда выжнутся, оставляютъ на полѣ небольшой кустикъ колосьевъ и говорятъ одной жнеѣ: «*завертй бороду Волосу*, или *Велесу, дружояко скажутъ*». [1] Та три раза ходитъ около куста и, захватывая серпомъ пряди по 30-ти колосьевъ, припѣваетъ:

Благослови-ка меня, Господи,
Да бороду вертѣть:
А пахарю-то сила,
А сѣвцу-то коровай,
А коню-то голова,
А Микулѣ—борода!

---

[1] Любопытно, замѣчаетъ Вс. Ѳ. Миллеръ, что въ Череповскомъ уѣздѣ и *больше нигдѣ* въ Россіи ходитъ рядомъ съ формой Волосъ форма Велесъ. Но вышеприведенныя примѣры доказываютъ, какъ-то, что форма Велесъ бытуетъ не въ одномъ Череповскомъ уѣздѣ, такъ и то, что г. Миллеръ мало знаетъ Россію. При этомъ онъ позволяетъ себѣ читать намъ слѣдующее нравоученіе: «конечно мы не пойдемъ переспрашивать бабу, сообщившую такое любопытное свѣдѣніе г. Барсову, но, откровенно говоря, не повѣримъ, пока не будутъ приведены несомнѣнныя доказательства. Вѣдь все зависитъ отъ того, какъ мы ставимъ вопросъ. Если вы спросите бабу: не говорятъ ли у васъ, матушка и Велесъ? то можете навѣрное услышать утвердительный отвѣтъ. Вѣдь бабѣ въ сущности все равно сказать ли Велесъ, сказать ли Волосъ: она не знаетъ, что для насъ то это не все равно». (Крит. Обозр. 1869 г. № 3, стр. 27). Авторъ, пріятно черпающій свои доказательства изъ мутнаго болгарскаго источника извѣстнаго творца «Орфея», считаетъ не достойными вѣроятія показанія русской крестьянской женщины, біографія которой нами напечатана. Что же касается того, какъ нужно обращаться съ народомъ, чтобы почерпнуть отъ него достовѣрныя данныя, то позволяемъ себѣ думать, что въ этомъ отношеніи мы опытнѣе г. Миллера и потому отсылаемъ ему его нравоученіе для собственнаго руководства на всякой случай.

Прядь, оставшуюся отъ верченія бороды, перевязываютъ въ узелокъ и укнутъ колосьями въ землю; затѣмъ всѣ жнеи сядутъ кругомъ того мѣста, гдѣ бороду уткнули, и станутъ теребить «тепенье», т.-е. дергать изъ земли злачные остатки и кидать чрезъ голову, припѣвая:

Нива, ты нива,
Вотъ твое поле!
Поле, ты поле,
Вотъ твоя жнива!
Жнива, ты жнива,
Отдай мою силу:
Я жала—въ тебя силу клала.

Затѣмъ — всѣ сидѣвшіе кругомъ припадаютъ къ землѣ спиной, для полученія потраченой силы, и, перекувырнувшись черезъ голову, всѣ поднимаются на ноги.

И этотъ замѣчательный обрядъ, и эта миѳическая молитва указываютъ на то, что въ народномъ сознаніи *Велесъ* былъ божествомъ сельскаго хозяйства—и борода его, какъ символъ его личной мощи, связывается съ землею, гдѣ таится «*тяга земная*», источникъ растительности, жизни и всякихъ силъ.

На то же значеніе его, какъ покровителя земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, указываетъ одна пословица, въ которой Велесъ является уже съ именемъ св. Власія. Когда около масляницы, на Власьевой недѣлѣ, куритъ снѣгъ—идетъ онъ большими хлопьями—тогда говорятъ, что это «*Власій бородой трясетъ*». Снѣгъ этотъ потому считается вѣстникомъ предстоящаго лѣтняго урожая хлѣба. То же понятіе о Велесѣ выражается и другой народной пословицей: «Власъ—всему богатству глазъ».

Св. Власій, не безъ воздѣйствія, конечно, двоевѣрнаго византійско-болгарскаго житія, слился въ народномъ сознаніи съ старымъ образомъ Велеса или Волоса.

Въ виницкомъ погостѣ (олонецкой губерніи) въ праздникъ этого святого совершается «треба». Женщины-хозяйки приносятъ въ цер-

ковь кашу и масло въ кринкахъ и ставятъ ихъ передъ иконою этого покровителя животныхъ. Послѣ обѣдни, священникъ служитъ молебенъ, по мѣстному выраженію, «*надъ кашами*» и благословляетъ ихъ; цѣлые ушаты каши достаются на долю причта и часть выдѣляется на нищую братію. Трудно сказать, есть ли эта «*треба*» — преданіе Велесова культа, или обычай, уже принесенный церковью; но для насъ важно то, что хозяйки, приносящія для этой требы кринки съ кашей и масломъ, называютъ св. Власія «*богомъ коровъ*».

Любопытно, что, по народнымъ вѣрованіямъ, вскорѣ послѣ Власовой недѣли — бо́льшею частью въ великомъ посту — появляется между людьми и спутница его *Мо́куша*: какъ Велесъ представляется покровителемъ земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, такъ и Мо́куша имѣетъ дѣло, ближайшимъ образомъ, съ овцеводствомъ, шерстью, пряжей и вообще собственно съ бабьимъ хозяйствомъ — и даже ихъ собственными косами. Овца, какъ долго не стригутъ шерсть,—то иногда и вытретъ: «ой,—говорятъ,—Мо́куша остригла овецъ»; иное — спятъ, веретено урчитъ, — говорятъ: «Мо́куша пряла: выходя изъ дома, она иногда пойдетъ, да обрусъ-отъ, о полати-то веретеномъ-то и щелкнетъ». Прино́симая ей треба состоитъ въ томъ, что когда шерсть стригутъ, тогда въ ножницы на ночь *по клоку шерсти* кладутъ; порожнія ножницы не кладутъ. До какой степени Мо́куша, спутница Велеса въ сельско-хозяйственномъ народномъ быту, имѣла дѣйствительное значеніе, видно изъ одного, имѣющагося у насъ «худого сельскаго номоканунца» XVI-го вѣка. Духовникъ долженъ былъ спрашивать пришедшую на-духъ женщину: «*не ходила ли еси къ Мокошь*».

Такъ какъ въ быту сельскаго хозяйства важную роль играетъ пастухъ и его труба, то и св. Власію, какъ богу коровъ, усвояется новое присущее ему качество, которое не указывается двоевѣрнымъ византійскимъ его житіемъ. Въ такъ-называемыхъ *обходахъ* рогатаго скота или пастушескихъ заговорахъ, пастухъ, въ ряду другихъ святыхъ, испрашивая покровительства своему скоту и у св. Власія, проситъ для своей *трубы вѣщей силы, чтобы на звуки ея сходилось*

все стадо, слушалось его, повиновалось ему и чтобы голосъ его былъ понятенъ и обворожителенъ для стада.

Итакъ, мы видимъ не только то, что Велесъ былъ богомъ русской земли, но и то, что онъ былъ покровителемъ сельскаго хозяйства, подателемъ силъ и даровъ, потребныхъ земледѣльцу — и, въ этомъ смыслѣ, былъ обладателемъ *«тяги земной»,* источающей всѣ блага земныя.

Но въ иномъ нѣсколько свѣтѣ должно было выступить это божество въ сознаніи дружинно-княжеской среды Кіевской Руси. По особенному укладу быта, для дружинниковъ, какъ оберегателей *пастуховъ* земли русской, это божество сказывалось тѣмъ своимъ качествомъ, которое держалось лишь въ *пастушескомъ* быту земледѣческаго хозяйства. Велесъ для нихъ являлся не столько покровителемъ *чуждаго имъ земледѣльческаго быта,* сколько подателемъ вдохновенія, очарованія, источникомъ вѣщей силы пѣсни и лиры, воспѣвавшимъ землю русскую, геройскія доблести ея оберегателей, ихъ славу и честь.

Изображая свое восторженное отношеніе къ Бояну, авторъ «Слова» называетъ его *пѣснотворцемъ, вѣщимъ внукомъ самого Велеса.*

Намъ кажется страннымъ, что нѣкоторые находятъ величаніе *«вѣщимъ»* не у мѣста въ отношеніи къ пѣвцу и гудцу. Имѣя въ виду живое народное употребленіе этого слова, нельзя не видѣть, что оно не означаетъ непремѣнно только кобника и колдуна (какъ изображаетъ гипотеза), не означаетъ также мудреца-книжника (какъ думаетъ А. Н. Веселовскій), — оно выражаетъ *«вѣдѣніе»,* къ какой бы области оно не относилось, но лишь обусловленное *таинственнымъ наитіемъ,* сверхъестественною силою. Пѣвецъ-гудецъ Боянъ въ этомъ смыслѣ прекрасно можетъ быть названъ *вѣщимъ,* по силѣ необыкновеннаго, нечеловѣческаго вдохновенія и очарованія, какими отзывалось его *вѣдѣніе и умѣнье пѣть и играть.* Въ этомъ смыслѣ и въ классическомъ мірѣ ᾠδή (пѣснь) внутреннимъ образомъ соединяло въ своемъ понятіи качество именно такого *«вѣщаго»* своего значенія: ᾠδή—не просто значитъ пѣснь, но именно пѣснь, полную не-

человѣческаго вдохновенія и очарованія, какъ даръ необыкновеннаго божескаго наитія.

Назвавъ Бояна *«вѣщимъ»*, авторъ «Слова» упомянулъ намъ и самое божество, въ коемъ, по дружиннымъ преданіямъ, таилась эта вѣщая сила его пѣсни и игры. Выраженіемъ: «внукъ Велесовъ» не указывается непремѣнно на внучатное отношеніе Бояна къ Велесу: слово внукъ въ лѣтописяхъ того времени означаетъ лишь вообще родственную связь. Боянъ названъ *внукомъ Велеса* — родственнымъ ему лишь по силѣ поэтическаго дара, которымъ такъ увлекся и восторгается авторъ «Слова».

Имя Велеса производятъ отъ разныхъ корней. Сабининъ производитъ его отъ Waul, Wöl, Wöld; кн. П. П. Вяземскій сближаетъ его съ греческимъ βελιὸς, ἀβέλιος, ἥλιος; но любопытно, что имя «Велесъ» встрѣчается уже между собственными именами вавилонянъ— *Belesys* (Diod., 2, 24) и аммонитянъ—*Велиса* (Iерем., 40, ст. 14).

Что касается космогоническаго значенія солнца, то понятіе, связанное съ нимъ на русской землѣ, лучше всего отвѣчаетъ солнечной его природѣ. Обладатель тяги земной, покровитель народнаго сельскаго хозяйства, онъ для дружинно-кіевской Руси былъ славянскій Аполлонъ, пасущій среброрунныхъ овновъ солнцевыхъ, съ своею пѣснію и свирѣлью, считавшійся праотцемъ дружинныхъ пѣвцовъ. Наше заключеніе о солнечной природѣ Велеса вполнѣ подтверждается и розысканіями г. Срезневскаго [1].

II. Хорсъ. Бытованіе *Хорса* на русской землѣ также не подлежитъ сомнѣнію, какъ и существованіе Велеса. Имя его донынѣ живетъ въ безчисленныхъ названіяхъ селеній, озеръ и урочищъ, связанныхъ съ колонизаціей русской земли. Такъ, мы находимъ:

Хоросино (Моск. губ. Серп. уѣздѣ). Хорошки (Полт. губ. Коб. уѣзда). Хорошково (Смол. губ. Порѣц. уѣзда). Хорошее озеро (Черн.

---

[1] Сравн. Ж. М. Н. П., LI, 11, 32.

губ. Борз. уѣзда и Том. губ. Барн. уѣзда). Хо́роша (Херс. губ. Тирас. уѣзда). Хо́роши. Хорославинскихъ—безчисленное множество.

И. В. Ягичъ слово *«хорошій»* производитъ отъ глагола *хоронитъ*, что въ древне-русскомъ языкѣ означало: приводитъ, въ порядокъ, обряжать. Но такое значеніе этого слова, не сомнѣнно, позднѣйшее: первичное значеніе его сказывается въ русской обрядовой игрѣ: *хоронить золото*, имѣющей связь съ солнечнымъ культомъ, при переходѣ лѣта на зиму. Значеніе обряжанія вытекло изъ похороннаго ритуала: хоронить и обряжать оба слова сдѣлались однозначущими. Нѣтъ кажется, основаній отвергать, что слово *хорошъ* могло произойти отъ *хоросъ*, точно такъ какъ отъ Борисъ явилось *Боришъ*. Если и теперь нѣкоторыя рощи и озера называются «святыми», то не удивительно, что въ языческой Руси онѣ были посвящаемы Хорсу.

Гораздо труднѣе различать, какъ именно качествовалось это божество въ сознаніи земства и кіевской дружинной Руси.

Что имя *Хорса* означаетъ солнце, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Происходя отъ зендскаго huar и персидскаго chur, hor [1], оно въ глубокой древности проникло къ семитамъ и здѣсь въ исторіи извѣстно подъ именемъ *cheres*, солнце. Съ такимъ именемъ встрѣчаемъ солнце въ книгѣ Іова (гл. 9 ст. 7) и въ книгѣ Судей (гл. 8 ст. 13), отсюда *charsa*, солнечный кругъ; отсюда Иліополь (Heliopolis, ir hacheres, градъ солнечный, Нав. 15, 11); отсюда врата хорсическія или солнечныя (Іер. 19, 2); отсюда, наконецъ, въ Новомъ Завѣтѣ названіе *вѣтра-сходника* при возвращеніи съ солнца, съ запада, называется Χῶρος (Дѣян. 27, 12).

Итакъ, мы видимъ, что у семитовъ съ глубокой древности имя *Хорса* было уже собственнымъ именемъ солнца.

Далѣе, мы видимъ, что съ представленіемъ его соединялось, также въ глубокой древности, не только *понятіе свѣта*, но и

---

[1] Аѳан., III, 538.

качество *движенія*. Въ книгѣ Іова читаемъ, что уже въ то время были еретики, мужи неправедные, которые, идя стезею древнихъ, учили, что божество ходитъ по небесному кругу и какъ скоро облака его заслоняютъ, то оно ничего не видитъ и не можетъ судить сквозь мракъ (Іов., гл. 22, ст. 13—15). Въ виду, безъ сомнѣнія, такой извѣстности Хорса у семитовъ, онъ въ нашихъ памятникахъ называется «*жидовиномъ*»[1].

Ограничившись этими историческими замѣчаніями о космогонической природѣ солнца, мы замѣтимъ, что данныя русской миѳологіи также представляютъ намъ это божество не съ *признакомъ* только *свѣта*, но и съ болѣе развитымъ *представленіемъ его движенія* въ нравственномъ значеніи.

Народный хороводъ именно изображаетъ это хожденіе божества по небесной орбитѣ. Въ своемъ движеніи онъ всегда образуетъ *ряды полукруговъ или* хоботовъ, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга и переходящихъ съ одной стороны на другую. Если эти полукруги или хоботы бываютъ велики, то и самый хороводъ называется *хоботистымъ*. Смотря на движеніе хоровода, на послѣдовательную смѣну этихъ хоботовъ, невозможно не видѣть въ немъ подобія хожденія божества, какъ сказано въ книгѣ Іова—*по небесному кругу*.

Но такъ какъ хороводъ непремѣнно связанъ съ весеннимъ временемъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ народномъ сознаніи съ образомъ Хорса соединялось собственно представленіе его благодатнаго *весенняго воздѣйствія*, съ каждымъ днемъ согрѣвающаго и животворящаго силы природы.

Но, кромѣ этого значенія, въ дружинно-княжеской средѣ кіевской Руси съ образомъ этого божества соединялось, повидимому, и представленіе другого еще качества.

---

[1] Въ апокрифической бесѣдѣ 3-хъ святителей читаемъ: «Отчего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная есть: еллинскій старецъ Перунъ и *Хорсъ жидовинъ*, два еста ангела молніина» (Изв. Ак. Н., IV, 134).

Пользуясь движеніемъ солнца по небесной орбитѣ для характеристики волкодлачьей натуры Всеслава, авторъ «Слова» солнце называетъ *великимъ Хорсомъ* и ставитъ съ нимъ въ соотношеніе *бѣгъ Всеслава*. Аналогическій чертой въ картинѣ того и другого ставится именно *«рысканіе»*. Всеславъ перерыскиваетъ путь Хорса; стало-быть и Хорсъ, въ глазахъ дружинника, не просто ходитъ *по орбитѣ*, какъ изображается онъ въ книгѣ Іова, онъ именно *«рыщетъ»*: съ образомъ его связано не представленіе главнымъ образомъ его согрѣвающей и животворящей силы, а лишь *представленіе* необыкновенной *быстроты его движенія*, его богатырскаго бѣга, съ которымъ сравнивается бѣгъ Всеслава. Съ другой стороны, Всеславъ, рыскающій ночью, въ виду ученія древнихъ, что «Хорсъ» сквозь мракъ ничего не видитъ, пробѣгающій путь его *«до куръ» вѣстниковъ его появленія*, даетъ намъ понимать, что съ богатырскимъ образомъ Хорса, рыщущаго по небесному кругу, въ дружинной кіевской средѣ связывалось представленіе дозиранія человѣческихъ дѣлъ, очей Божіихъ, отъ которыхъ укрывался волшебный Всеславъ, *бѣгая ночью до куръ*. Поэтому, намъ кажется, авторъ «Слова», указавши на соперничество его въ бѣгѣ съ великимъ Хорсомъ, не безъ причины счелъ нужнымъ прибавить къ его характеристикѣ: *тому и смысленній рече: ни хитру, ни горазду, ни птичю горазду, суда божья не избыть»*. Такимъ образомъ, если въ народномъ представленіи Хорса преобладаетъ его космогоническій характеръ, то въ образованной дружинной средѣ по преимуществу выступало на видъ его нравственное значеніе; тамъ онъ болѣе существо животворящее природу, здѣсь онъ — великій богатырь, рыщущій по небесному кругу и дозирающій дѣла человѣческія; тамъ онъ болѣе связанъ съ природой, здѣсь—съ судьбою человѣка. Такъ дружинный бытъ отпечатлѣвается на самыхъ понятіяхъ о богахъ!

III. Стрибогъ. Стрибогъ—есть божество чисто стихійное (стри— общаго корня съ греческаго στρήβοιος вихорь). Вѣтры въ нашемъ «Словѣ» прямо называются его внуками. На бытованіе его среди Руси указываютъ географическія названія: *Стрѣєво* (Калужской гу-

берніи, Боров. уѣзда). *Стрибожье озеро*, *Стрибожъ*. *Стригородъ* (Ж. М. Н. Пр. 1858 г., V, 242).

Въ народныхъ представленіяхъ вѣтеръ олицетворяется въ образѣ богатыря Ивана, вѣтрова сына. Въ царскомъ теремѣ сидѣла дочь во тьмѣ и мракѣ; но вотъ она провертѣла перстомъ небольшую скважину на бѣлый свѣтъ: подулъ въ нее вихорь и она зачала сына, котораго и назвала Иваномъ, вѣтровымъ сыномъ. Тѣсно стало ему богатырю, въ теремѣ—и онъ сразу его разрушилъ; тѣсно стало ему затѣмъ и въ царскомъ дворцѣ, тѣсно стало и въ цѣломъ царствѣ—и вотъ онъ пошелъ въ поле потѣшить свою силу: здѣсь онъ встрѣчается съ другими подобными себѣ богатырями—Дубиномъ Дубиновичемъ, Горыномъ Горыниновичемъ и Кощеемъ-безсмертнымъ. Такъ явилась на свѣтъ стихійная сила вѣтра; грозныя тучи, темныя, какъ лѣсъ, величавыя, какъ горы, не могутъ стоять передъ силою вихря; разгоняя ихъ, онъ побѣждаетъ и самаго Кощея, тогда какъ отъ щита его все истаиваетъ и исчезаетъ.

Не въ такой полнотѣ и широтѣ свободнаго очертанія,—тѣмъ не менѣе и авторъ «Слова о полку Игоревѣ» даетъ намъ понимать героическій характеръ вѣтровъ, называя ихъ внуками Стрибога. «Вѣтры Стрибожи-внуки», говоритъ онъ, «вѣютъ на море стрѣлами»: живописная черта, которою характеризуется здѣсь вѣтеръ; это есть именно *вѣяніе стрѣлами*—черта, которая всего скорѣе могла явиться въ сознаніи дружинника, при изображеніи героическаго облика вѣтра. Подобно тому, какъ Маркуты въ Ведахъ—эти божественные представители вѣтровъ—являются одѣтыми въ блестящіе панцыри, съ свѣтлымъ оружіемъ въ рукахъ, и стрѣляютъ изъ своихъ далеко-метательныхъ луковъ (Аѳан. I, стр. 321), и въ нашемъ «Словѣ» вѣтры Стрибожи-внуки являются въ воинственномъ образѣ—*вѣютъ на море стрѣлами*. Съ тою же живописною чертою олицетворяется вѣтеръ и въ плачѣ Ярославны, гдѣ онъ величается вѣтромъ-вѣтриломъ и называется *господиномъ*, *мечущимъ хиновскія стрѣлы*. Эта воинская черта—метаніе стрѣлъ, связанная въ нашемъ «Словѣ» съ образомъ вѣтра, можетъ служить для насъ намекомъ на воинскій ликъ миѳи-

ческаго Стрибога, такъ какъ она не потеряла еще значенія для автора «Слова», и онъ сочеталъ ее съ вѣтрами, называя ихъ его внуками.

IV. Дажь-богъ. Появленіе имени этого божества, не только въ «Словѣ», но и въ «Кіевской Лѣтописи», нѣкоторые объясняютъ, какъ мы видѣли, заимствованіемъ его изъ болгарскаго перевода византійской хроники Малалы, въ которомъ Дажь-богъ поставленъ на мѣсто Геліоса, но мы уже видѣли на сколько основательно подобное гаданіе. Есть прямыя указанія, что это болгарское имя не безызвѣстно было и русской землѣ и донынѣ живетъ въ народѣ, хотя, быть-можетъ, и не съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣло оно въ языческую эпоху. Но если нѣкоторыя географическія названія, указывающія на имя этого божества, каковы, напр.: *Богдаево* (Твер. губ., Весьег. уѣзда), *Божедаевка* (Херс. губ., Александровскаго уѣзда), *Богъ ми дàде* и т. п., можно еще и не относить къ нему, то нельзя уже отвергать тождества такихъ географическихъ названій, какъ напр.: *Дацъ-Боги* (въ Мазовшѣ), *Дажъ-Богъ* (въ Мосальск. уѣздѣ) (Аѳан., I, 65).

Имя этого божества можно слышать и теперь въ живыхъ устахъ народа, хотя оно и видимо утратило для него свое первоначальное значеніе: «Полно тосковать», говорятъ: «Дажь-Богъ все минетъ».

Если чего недостаетъ, говорятъ: «Что тужить-то, о Дажь-Богъ» [1]).

Или же:

«Покучись Дажь-Богу, управитъ по-немногу» [2]).

Любопытно теперь, какія качества соединялись съ именемъ этого божества въ дружинной средѣ кіевской Руси.

---

[1] Въ обоихъ случаяхъ *Богъ-дажъ* употребляется какъ-будто вмѣсто «Дай-Богъ», но для насъ важна здѣсь форма «Дажь-Богъ»; она удержалась, по нашему мнѣнію, въ силу изстариннаго господства «Дажь-Бога».

[2] Всѣ эти выраженія записаны въ деревнѣ Хмѣлинѣ, череп. уѣзда, новгор. губ. отъ крестьянки Ирины Калиткиной.

Въ двухъ мѣстахъ «Слова о полку Игоревѣ» встрѣчается имя «Дажь-бога».

1. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣятшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-божья внука, въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомь скратишась.

2. Въстала обида въ силахъ Дажь-божья внука, вступила дѣвою на землю Трояню.

Что подъ выраженіемъ «Дажь-божья внука» нужно разумѣть кіевскаго князя, объ этомъ толковалъ еще Шишковъ въ 1826 г. [1]. Однако мнѣніе его не было принято, и нѣкоторые стали утверждать, что подъ внукомъ Дажь-бога нужно разумѣть русскій народъ, и что, слѣдовательно, на Руси было преданіе о происхожденіи русскихъ отъ Дажь-бога. Но въ настоящее время, благодаря исторической критикѣ [2], приходится снова возвратиться къ мнѣнію покойнаго Шишкова. Итакъ, подъ внукомъ *Дажь-бога* въ «Словѣ о полку Игоревѣ» разумѣется «*кіевскій князь*».

Образъ *Дажь-божьяго внука* настолько знаменателенъ, что нельзя считать его однозначущимъ съ именемъ *князя* и видѣть здѣсь простую риторическую метонимію. Скорѣе всего этотъ образъ заставляетъ предположить, что въ кіевской Руси дѣйствительно было какое-нибудь поэтическое преданіе о происхожденіи княжескаго рода отъ боговъ; по крайней мѣрѣ историческое отношеніе кіевской дружины къ своему князю было таково, что оно само собою предполагаетъ подобное преданіе. Во всякомъ случаѣ образъ князя, какъ божьяго внука, скорѣе могъ родиться въ собственной душѣ автора «Слова», какъ дружинника, чѣмъ быть подысканъ въ какой-нибудь болгарской книжкѣ. Раздѣлять это послѣднее предположеніе—значитъ лишь обнаруживать свое малое знакомство съ бытомъ и характеромъ дружинно-кіевской Руси.

---

[1] Собраніе сочиненій и переводовъ Шишкова, ч. VII, стр. 74.

[2] См. «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ», Всев. Миллера, стр. 71—74.

Далѣе, этотъ образъ стоитъ лишь дополненіемъ при главныхъ мысляхъ. Погибаетъ *жизнь* Дажь-божья внука.... Встала *обида въ силахъ* Дажь-божья внука....

Чтобы понять общее значеніе этихъ мыслей, остановимся на тогдашнихъ понятіяхъ *жизни* и *обиды*. Въ «Кіевской Лѣтописи» очень часто встрѣчается дружинное понятіе *жизни*: «жизнь твою разграбихомъ и твоея дружины» (1159 г.), «не стойте на нашей землѣ, а *жизни нашея* ни селъ нашихъ не губите» (1149 г.). Подъ жизнію на дружинномъ языкѣ разумѣются: кони, скоты, овцы, колодники, челядь и все движимое имущество. Точно также часто встрѣчается здѣсь и слово *обида*. Въ народномъ поэтическомъ языкѣ «Слова» обида означаетъ нравственное униженіе, оскорбленіе и самую скорбь. На языкѣ же дружины оно означало *безчестіе и пораженіе*: а «ты самъ прави, съ кѣмъ ти обида есть» (1149 г.): оно всегда означало, какъ мы видѣли, *униженіе*, *оскорбленіе*, *пораженіе*.

Соображая значеніе этихъ понятій, мы видимъ, что погибель *княжескаго богатства*, пораженіе его *воинской силы* не случайно поставлены здѣсь съ образомъ «Дажь-божья внука».

Какъ внукъ Дажь-божій, обладалъ онъ избыткомъ всякаго имущества; какъ внукъ Дажь-божій, испытывалъ онъ доблестные успѣхи съ своей воинской силой. Но вотъ жизнь его гибнетъ (при Олегѣ Гориславичѣ), и *обида* встала въ силахъ Игоря, не сдерживающаго своей юности.

Таковы черты, по нашему мнѣнію, связаны въ «Словѣ» съ именемъ Дажь-бога въ дружинно-кіевской средѣ; онъ считался если и не праотцемъ князей, то покровителемъ ихъ богатства и наживы и доблестныхъ успѣховъ ихъ воинской силы.

V. Дивъ. Дивъ, какъ извѣстно (отъ корня diw — свѣтить, лат. Deus, литов. Dewes, санскр. Dewa), первоначально божество свѣтлое, но уже въ первобытныя времена, вслѣдствіе религіозной реформы, на почвѣ Эрана, низведенъ былъ на степень существа злаго и демоническаго (Diw—злой духъ).

Любопытно, что у семитовъ для выраженія хищнаго полета птицъ употреблялось слово того же корня—Daja (Втор. 28, 49; Іер. 48, 40, 49, 22); равно какъ тѣмъ же словомъ выражалось и движеніе божества полетѣ на крылу вѣтренюю (Псал. 18, 11). Существовало даже названіе того же корня для какой-то неизвѣстной хищной птицы (Втор. 14, 13).

Отсюда видно, что съ арійскимъ понятіемъ «дива», перешедшаго даже съ семитамъ, въ глубокую древность соединялось, между прочимъ, и «представленіе быстраго летанія»

На русской почвѣ Дивъ получилъ значеніе существа враждебнаго и представляется въ образѣ «миѳической птицы».

Такъ напримѣръ описываютъ его въ Олонецкой губерніи:

Дивъ—птица-укальница, сѣрая какъ баранъ, шерсть на ней какъ войлокъ, глаза какъ у кошки, ноги мохнатыя, какъ у звѣря; птица она вѣщая—сѣла на шеломъ—ожидай бѣду. Сидитъ она на сухомъ деревѣ и кличетъ, свищетъ она по змѣиному; кричитъ она по звѣриному; съ носа искры падаютъ; изъ ушей дымъ валитъ.

Это народное описаніе «Дива» вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ «Словѣ о полку Игоря»—Дива, сроднаго съ дивами персидскими».

Дивъ «Слова» существо, повидимому, именно «крылатое», такъ какъ сидѣлъ «вверху древа». Существо огромнаго размѣра, тяжелое и грузное, что видно изъ выраженія «вержеся на землю»: такъ нельзя говорить о птицѣ «обыкновенной и легкокрылой».

Но главное и отличительное качество, которымъ Дивъ характеризуется въ «Словѣ», это его богатырскій неистовый «кликъ», обращенный къ Волгѣ, Поморію и Посулію и Суражу и Корсуню и къ Тмутороканскому болвану.

Половцы земля невѣдома, и Дивъ подаетъ туда вѣсть, лишь бы накликать на Русскихъ бѣду. Нельзя не согласиться съ А. Н.

Веселовскимъ, что въ этомъ очертаніи олицетворенъ миѳическій образъ «злой судьбины».

Въ такомъ очертаніи является Дивъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Богатырскій его образъ весьма мало походитъ на «женственныя и слабыя натуры дивовъ» и самодивовъ южныхъ славянъ, которыя скорѣе смахиваютъ на наши «вѣдьмы-удѣльницы».

На русской землѣ не мало преданій о дивахъ и всѣ они безъ сомнѣнія были ближе къ «грозному и страшному Диву» «Слова».

На эти преданія прямо указываютъ многочисленныя имена селеній, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Каковы напр.: Дивіевъ-усадъ (нижег. губ. лукъян. уѣзда); Дивѣево (тамъ же, арзам. уѣзда); Дивная гора (яросл. губ. угл. уѣзда); Дивногорская пустынь (тамъ же); Дивинецъ (твер. губ. вышн. уѣзда); Дивиха, Дивисы, Дивасы и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что со многими изъ этихъ названій и теперь еще связаны въ сознаніи народа разныя преданія о дивахъ. Собраніе этихъ преданій гораздо лучше уяснило бы для насъ богатырскій образъ «Дива» нашего «Слова», чѣмъ южно-славянскіе разсказы о самодивахъ. Намъ остается только выразить желаніе, чтобы мѣстные изслѣдователи обратили вниманіе на эти преданія и записали ихъ въ возможной точности и буквальномъ пересказѣ.

VI. Дѣва-обида. Обида, какъ мы видѣли означаетъ оскорбленіе и униженіе и, на дружинномъ языкѣ, «пораженіе и гибель». Говоря, что «въ силахъ Дажь-божьяго внука встала обида», авторъ «Слова» живописуетъ предъ нами эту обиду, олицетворяя ее въ «образѣ Дѣвы» и описывая, какого рода времена пробудила она своимъ явленіемъ.

Сообразно внутреннему понятію обиды, и эта Дѣва является, съ одной стороны, Дѣвой раздора, а съ другой—пораженія и гибели.

Не такъ подробно описываетъ авторъ образъ явленія этой дѣвы, но за то весьма картинно и съ глубокимъ чувствомъ изображаетъ онъ губительныя и тяжкія послѣдствія ея появленія.

О ней самой мы узнаемъ только, что, соотвѣтственно обидѣ, возставшей въ силахъ Дажь-божьяго внука, она также вступаетъ на землю Трояню... Самое мѣсто и обстановка ея появленія, такъ-сказать, даютъ знать, что эта Дѣва выступаетъ здѣсь въ силу дружинныхъ преданій и сама принадлежитъ къ числу дѣвъ, являющихся на поляхъ брани.

Далѣе, это—«Дѣва съ лебедиными крыльями». Мало того, что авторъ обиду облекаетъ въ ликъ дѣвы,—образъ, повидимому, не соотвѣтствуетъ своей идеѣ,—но онъ еще украшаетъ эту Дѣву лебедиными крыльями. Красная дѣвица, лебедь бѣлая, является олицетвореніемъ нравственнаго приниженія и пагубы. Чтобы понять художественное значеніе этого образа, нужно только взглянуть на него съ точки зрѣнія эпической поэзіи, а никакъ не современнаго художества. Злыя силы, олицетворяемыя эпосомъ, часто, какъ-бы для обмана людей, носятъ обольстительный ликъ, и чѣмъ губительнѣе ихъ дѣйствія, тѣмъ скорѣе принимаютъ на себя обаятельные виды. Поэтому-то даже такая страшная и омерзительная сила, кака смерть, въ народной поэзіи не рѣдко олицетворяется также въ «образѣ красной дѣвушки» [1].

Послѣдній признакъ этой Дѣвы-обиды тотъ, что она своими лебедиными крыльями плещется «на синимъ морѣ у Дона». Даже донынѣ взволнованіе воды на рѣкѣ или озерѣ, безъ видимой причины, считается въ народѣ дурнымъ предзнаменованіемъ и приписывается «хлобыстанію какой-то зловѣщей рыбы» или даже просто нечистой силы. Вотъ все, что сказано въ «Словѣ» о самой Дѣвѣ-обидѣ. Но за то—какими трогательными чертами описаны здѣсь пагубныя послѣдствія явленія этой Дѣвы. Убудила она жирны времена, т.-е. настали для ней раздольные годы или, говоря нашимъ языкомъ, и на ея улицѣ сталъ разгульный, веселый праздникъ. Братъ сталъ говорить брату: се мое, а то мое же... князья стали крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ рыскать на землю русскую... Застоналъ отъ тучи Кі-

---

[1] См. въ изданныхъ нами «Погребальныхъ плачахъ».

евъ, а Черниговъ отъ напасти: потекла скорбь по землѣ русской и т. д.

Всѣ княжескіе раздоры, гибель дружины и всей русской земли является въ «Словѣ», какъ живое и осязательное свидѣтельсво того, какія жирныя времена пробудила эта Дѣва-обида своимъ плесканіемъ на синемъ морѣ.

Имѣя все это въ виду, не трудно, кажется, понять, что «Дѣва» «Слова о полку Игоревѣ» не имѣетъ ничего общаго съ «болгарскими дивами и самодивами» [1], которыя, бывъ одержимы страстію къ земнымъ юнакамъ, враждуютъ съ ними изъ-за земныхъ красавицъ: онѣ больше смахиваютъ на нашихъ вѣдьмъ живущихъ, подобно имъ, на деревьяхъ, и на нашихъ русалокъ, живущихъ въ водахъ и даже на финскихъ удѣльницъ, чѣмъ на Дѣву-обиду нашего «Слова». Эта Дѣва побѣдоносна, пагубныя дѣйствія ея неотразимы; болгарскія же дивы и самодивы—не болѣе, какъ классическія легіи (λέγιαι), слабыя, женственныя созданія, побѣждаемыя страстію и похотію.

Точно также и образъ Діаны [2] и образъ «дѣвъ суда Любуши» [3] нимало не подходятъ подъ картину нашей «Дѣвы-обиды». Умѣстнѣе и ближе къ дѣлу сравненіе Максимовича нашей «Дѣвы-обиды» съ литовской Дѣвой-чумой, которая огневымъ платомъ навѣваетъ смерть и заразу на землю.

Народъ Литовскій представляетъ себѣ заразу въ образѣ «дѣвы» предшествующей появленію этого бѣдствія. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что Дѣва эта прекрасно изображена въ пѣсни Мицкевича.

Когда въ Литвѣ идетъ зараза,
Для проницательнаго взгляда,
Она ужъ издали видна.
Тогда, коль вѣрить вайделотамъ,
По рвамъ кладбищамъ и болотамъ,

---

[1] Взглядъ на «Слово о полку Игор.» Всев. Миллера, стр. 93—98.

[2] Мнѣніе Шишкова.

[3] По мнѣнію Дубенскаго.

Шагаетъ Дѣва; то она!
Вся въ бѣломъ; ростъ подъ ростъ дубравамъ;
Та Дѣва въ огненномъ вѣнкѣ,
Идетъ—летитъ съ платкомъ кровавымъ,
Широко вѣющимъ въ рукѣ;
И часовой у замка кроетъ
Глаза подъ шлемъ тяжолый свой,
И песъ, врывъ морду въ землю, воетъ,
Почуявъ запахъ смерти злой;
А та подъ замками, дворцами,
Проходитъ лютыми шагами,
И гдѣ платкомъ своимъ махнетъ,
Дворецъ становится оврагомъ:
Гдѣ ступитъ, подъ тлетворнымъ шагомъ,
Могила новая растетъ.

Есть и еще оригинальное мнѣніе объ этой Дѣвѣ-обидѣ: князь П. П. Вяземскій разумѣетъ подъ нею прекрасную Елену, изъ-за которой греки бились подъ Троей; онъ утверждаетъ что Елена также навывалась лебедо-крылатой (190 ст.), что она также олицетворяла распри, насилія, обиду (192), что поклоненіе ей на Черномъ и Азовскомъ моряхъ не подлежитъ сомнѣнію (стр. 14, 99, 201—203).

Но такъ какъ всѣ эти мнѣнія въ изслѣдованіи почтеннаго автора связаны съ исторіею классическаго миѳа вообще, то подробное разсмотрѣніе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Здѣсь мы замѣтимъ только, что если бы авторъ «Слова», изображая Дѣву-обиду, находился дѣйствительно подъ воздѣйствіемъ именно образа Елены и вообще классическаго миѳа, то Гомеровы черты этой Елены, по нашему мнѣнію, сказались бы ярче, характернѣе—и образъ былъ бы полнѣе, осязательнѣе и, если можно, такъ-сказать индивидуальнѣе.

Наша Дѣва-обида, какъ мѣтко указалъ А. Н. Веселовскій, по своему характеру и не довольно опредѣленному облику, походитъ на образъ «Судьбы», какъ именуется она въ «Причитаніяхъ Сѣвернаго края»:

Судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосомъ водила;
Во длани Судинушка плескала
И до суженыхъ головъ да добералась.

Но почему Дѣва-обида является въ «Словѣ» «крылатою»?

Г-нъ Веселовскій объясняетъ это творчествомъ автора «Слова», говоря, что представленіе Дѣвы лебедью, по общему закону развитія миѳа, естественно вызвало его воображеніе и къ украшенію ея «крыльями». Однако знаменательно, что въ народной поэзіи красная дѣвушка всего чаще рисуется въ образѣ бѣлой лебедушки, но нѣтъ примѣра, чтобы сама Дѣва, оставаясь таковою, изображалась съ лебедиными крыльями.

Едва ли не вѣрнѣе думать, что образъ крылатой Дѣвы, вступившей на землю Трояню, взятъ изъ круга миѳологическехъ преданій дружиннаго цикла. Въ одномъ старо-русскомъ поученіи, въ рукописи XVI вѣка, мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: «Двца есть «крилѣ имущи» златѣ, бѣло имущи лице, «крылата есть» и легка. Оу прстола стоащи црьска внегде соумса внезапу прѣстоитъ и авлаѣса».

Не можемъ также опустить здѣсь изъ виду русскихъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ Дѣвы; таковы, напримѣръ:

Дѣвица смердячая (село Воронежской губ.).

Дѣвичьи горы (возвышенности на правомъ берегу Волги, Сарат. губ. Хвалын. уѣзда; начинаются отъ села Алексѣевки и тянутся до окрестностей Вольска).

Дѣвичьи дуброеки (село Пензенской губ.).

Дѣвичье городище (Курской губ. Путивльскаго уѣзда).

Дѣвій камень (гора, Пермской губ. Чердынскаго уѣзда, на правомъ берегу рѣки Колвы; на восточной сторонѣ горы, на рединѣ высоты ея, находится пещера, которая простирается въ гору на 200 саженъ и пересѣкается далѣе озеромъ; входъ въ пещеру имѣетъ видъ трещины до ½ аршинъ; гора состоитъ изъ извѣстняка и не обыкновенно круто падаетъ къ рѣкѣ Колвѣ; въ одной верстѣ отъ этой горы

находится другая *Дѣвья гора*, высотою до 560 фут. съ слѣдами древняго городища, въ которомъ, по преданью, жила Дѣва, управлявшая чудскимъ народомъ. (Поповъ, Опис. Хозяйств. Пермской губ. ч. 1, стр. 9).

Извѣстно, что въ спискѣ книгъ Константина-Порфиророднаго, которыя долженъ имѣть императоръ въ своей библіотекѣ, значится, между прочимъ, «Встрѣчникъ», т.-е. указатель разныхъ воинскихъ повѣрій и примѣтъ относительно удачъ и неудачъ похода. Имѣя въ виду строй и характеръ кіевской дружинной Руси и связь ея съ Византіей, не странно допустить, что и среди ея могъ обращаться подобнаго же рода «указатель удачъ и неудачъ походовъ». Изъ круга этихъ-то дружинныхъ преданій, хотя бы даже классическаго характера, и могла явиться въ „Словѣ" «Дѣва-обида съ лебедиными крыльями». Подобно тому, какъ въ классической поэзіи выступаетъ богиня Ἔρις—богиня вражды и распри, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми, наша «Дѣва-обида» тамъ, гдѣ рѣшается рокъ крамольнаго похода Игоря, также является какъ разжигательница княжескихъ страстей и усобицъ.

VII. *Троянъ.* Одно изъ самыхъ неопредѣленныхъ миѳическихъ именъ «Слова»—это, безъ сомнѣнія, есть имя Трояна. Имя это, какъ извѣстно, встрѣчается въ «Словѣ» четыре раза; здѣсь упоминаются «вѣка Трояновы» и «седьмой вѣкъ Трояновъ», «тропа Троянова» и «земля Троянова».

Имя Трояна—есть имя обычное у южныхъ славянъ. У сербовъ и болгаръ до нынѣ сохранились преданія о какомъ-то миѳическомъ существѣ Троянѣ или Троимѣ, связанныя съ мѣстными урочищами, извѣстными подъ именемъ «Трояновыхъ». По сербскимъ преданіямъ, Троянъ боится солнечнаго свѣта и выходитъ изъ дома только по ночамъ—и, наконецъ, погибаетъ, растопившись отъ солнечнаго жара: иногда онъ представляется съ козьими ушами, иногда съ тремя головами и восковыми крыльями, которыя тоже отъ солнца растаиваютъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ воспѣвается языческій городъ Троянъ или Троимъ, жители котораго поклонялись золоту и серебру.

Едва ли не такое господство Трояна у южныхъ славянъ и было главнымъ поводомъ къ построенію разсмотрѣнной нами гипотезы о византійско-болгарскомъ прототипѣ «Слова». Но въ данномъ случаѣ не мѣшало бы имѣть въ виду и то, какъ широко употреблялось имя Трояна и на русской землѣ.

Извѣстны «*Трояновы валы*» въ южной Россіи. Кіевскіе Трояновы валы берутъ начало ниже Кіева, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ рѣка Росъ изливаетъ въ него свои воды, и въ разныхъ направленіяхъ идутъ на сѣверо-западъ чрезъ уѣзды: Богуславскій и Васильковскій, Сквирскій и Кіевскій; изъ него входятъ въ радомысльскій, упираясь тутъ въ рѣку Звижъ, по другимъ—въ Припеть, впадающую въ Днѣпръ. Такимъ образомъ, Трояновы валы опоясываютъ Кіевъ. Не мало извѣстно на Руси и въ другихъ мѣстахъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ Трояна. Есть, напримѣръ, *Троянъ* въ Таврической губерніи и *Троянъ* же въ Бессарабской области. Есть *Трояны, Троянка, Трояново* въ Херсонской губерніи. Есть *Троя* и *Трояновка* въ Полтавской губерніи. Есть *Трояновка* въ Волынской губерніи. Есть *Трояново* въ Орловской губерніи—и есть, наконецъ, *Троянкова* въ Калужской губерніи,

Нѣтъ сомнѣнія, что со всѣми подобными географическими названіями связаны въ народѣ какія-нибудь миѳическія преданія. Въ ожиданіи о томъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ изслѣдователей, мы, съ своей стороны, можемъ лишь только замѣтить, что не даромъ же, конечно, и одинъ изъ кіевскихъ сосѣднихъ валовъ называется «*Змѣинымъ*».

Всѣ эти данныя должны сдержать порывы увлеченія болгарскими и сербскими именами Трояна и должны остановить вниманіе изслѣдователя прежде всего на значеніи этого имени на русской землѣ.

Въ Русскихъ историческихъ актахъ не мало является и лицъ съ именемъ *Трояна*; таковы: *Троянъ* Сулувскій (Арх. М. ин. д. 1649 г. св. 235, 80). *Троянъ* Піотровскій (Арх. югоз. Р. V, т. I, стр. 216—219).

Троянъ крестьянинъ (Ibid. VI, т. 1). Панъ *Троянъ* (Ibid. III, т. 1 стр. 280). *Трояновщина*—множество. Эта извѣстность имени Трояна на Руси достаточно показываетъ, въ какой мѣрѣ научно предположеніе, будто это имя принадлежитъ только южнымъ славянамъ и будто авторомъ «Слова» взято оно напрокатъ изъ болгарскихъ книжекъ.

Различны мнѣнія изслѣдователей объ этомъ Троянѣ. Одни разумѣютъ подъ нимъ римскаго императора Трояна (Карамзинъ, Максимовичъ и другіе), но такія выраженія, какъ «вѣка» Трояна, «седьмой вѣкъ» Трояна никакъ не могутъ быть объяснены лицомъ историческаго Трояна, какъ бы ни славна была его дѣятельность и какъ бы ни было грандіозно значеніе его въ славянской исторіи. Не бывало народа, который велъ бы свое лѣтосчисленіе отъ враждебнаго себѣ лица, отъ завоевателя и угнетателя.

Другіе (кн. П. П. Вяземскій) узнаютъ здѣсь въ имени Трояна преданія о тѣхъ Троянахъ, противъ которыхъ греки сражались подъ Троей. Сближенія кн. Вяземскаго сами-по-себѣ любопытны и много помогаютъ разъясненію смысла и всемірной распространенности древне-класическаго миѳа; но выраженія «Слова» о «вѣкахъ», «землѣ» и «тропѣ Трояновыхъ» такъ кратки и неопредѣленны, что едва ли могли явиться здѣсь и быть вызваны въ сознаніи его непосредственно преданіями Гомерова эпоса. Если бы дѣйствительно была такая генетическая связь выраженій «Слова» съ этими преданіями, то она непремѣнно, по нашему мнѣнію, отразилась бы здѣсь не въ такихъ туманныхъ намекахъ на Гомеровъ эпосъ, но въ болѣе полныхъ и грандіозныхъ, а главное—въ болѣе осязательныхъ и ясныхъ его слѣдахъ.

Не отрицая въ разбираемыхъ выраженіяхъ «Слова» указанія на такъ-называемыя троянскія событія въ обширномъ смыслѣ, А. Н. Веселовскій предлагаетъ новое и болѣе, такъ-сказать, мѣстное ихъ объясненіе. Онъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ факты, что Фредегаръ и неизвѣстный авторъ сочиненія: «Gesta Francorum», пріурочившіе, какъ извѣстно, къ Франкамъ культурныя преданія Рима, восходившія къ Энею и Троѣ, находятъ еще троянцевъ-тюрковъ: пер

вый—на берегахъ Дуная, а другой, анонимный авторъ заставляетъ пребывать ихъ нѣкоторое время у устьевъ Дона. Авторъ «Слова», по мнѣнію г-на Веселовскаго, знавшій объ азовскихъ готахъ, зналъ и объ азовскихъ тюркахъ, остаткахъ разбросанной здѣсь нѣкогда значительной хозаро-болгарской дунайской орды. «Надо предположить, — говоритъ онъ, — что автору «Слова» была извѣстна какая-нибудь историческая сказка, въ родѣ той, какую пріурочили къ франкамъ Фредегаръ и «Gesta Francorum», и тогда понятно будетъ, почему земля Тюрковъ на Дону явилась у него землею Троянскою и откуда взялось у него общее мѣсто о вѣкахъ Трояновыхъ». Съ своей стороны мы замѣтимъ, что въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ историческихъ сборниковъ вмѣсто названія Татаръ употреблено выраженіе «*Трояни улусы*».

Но какъ ни правдоподобно это предположеніе г. Веселовскаго, мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что выраженія въ «Словѣ»—«Троянъ», во-первыхъ, не представляютъ только одно общее мѣсто, но художественнымъ образомъ Трояна выражается извѣстное и опредѣленное качество, которое само-собою давалось непосредственному разумѣнію той братіи, къ которой обращено «Слово»; во-вторыхъ, вѣка Трояна, по связи мыслей, относятся къ старинной, до-Ярославовой «эпохѣ русской земли», а не къ донской землѣ Торхота,—и, въ-третьихъ, наконецъ, еслибы эти мѣста о Троянѣ были взяты изъ какого-нибудь предполагаемаго средне-вѣкового сказанія въ указанномъ родѣ, то трудно представить, чтобы это заимствованіе сказалось такъ неопредѣленно. Эта краткость выраженій указываетъ напротивъ, что для автора «Слова», какъ и всей его братіи, образъ Трояна—какъ и другіе подобные образы—вырваны изъ живого преданія и непосредственно давали себя понимать каждому живописной своей чертой и выражаемымъ ею качествомъ.

Гораздо ближе къ истинѣ, по нашимъ соображеніямъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ «Троянѣ» «Слова» видятъ «древнее божество славянъ». Представителемъ этого мнѣнія въ литературѣ «Слова» является Ѳ. И. Буслаевъ. Если оно и кажется нѣсколько

искусственнымъ, то лишь потому, что недостаточно выяснено то качество, которое дается образомъ этого божества. «Троянъ» представляется лишь только существомъ миѳическимъ, стихійнымъ, наравнѣ съ вилами, русалками и т. д.

Въ послѣднее время, однимъ изъ нашихъ почтенныхъ историковъ, Ив. Е. Забѣлинымъ, высказаны весьма оригинальныя соображенія о характерѣ и бытовомъ значеніи этого божества. Въ немъ видитъ онъ верховнаго «представителя трехбратняго рода», отъ котораго собственно и расплодилось русское славянство. Миѳъ о Троянѣ рожденъ именно народнымъ представленіемъ цѣлости и полноты рода въ 3-хъ сыновьяхъ и служитъ корнемъ развитія прочнаго народнаго быта [1].

Мнѣніе это далеко не такъ фантастично, чтобы на него не стоило обращать вниманія, какъ выразился о томъ В. Ѳ. Миллеръ [2].

Чтобы понять, какое именно качество соединялось съ именемъ Трояна въ кіевской дружинной Руси, нужно лучше всего обратиться къ Волохамъ, о которыхъ то-и-дѣло упоминаетъ «Кіевская Лѣтопись». Донынѣ этотъ Троянъ нигдѣ такъ не властвуетъ надъ умами, какъ въ Молдавіи, Малой Валахіи и Трансильваніи. Румыны,— говоритъ Убичини [3], — не могутъ ни на небо смотрѣть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть, безъ того, чтобы не представить при этомъ Трояна.

Нѣтъ сомнѣнія, что такою живостію представленій Трояна Румынія обязана историческому имени императора Траяна, завоевателя Дакіи, обратившаго ее въ римскую провинцію. Если его историче-

[1] «Исторія русской жизни» т. I, стр. 521—522.

[2] Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ», стр. 109.

[3] Ballades et chants populaires de la Roumanie, recueillis et traduits avec une introduction, par M. A. Ubicini. 1858. Paris.

скій образъ разукрашенъ чертами миѳическаго гиганта, исполина [1], то, съ другой стороны, уцѣлѣвшіе слѣды дѣятельности этого императора, предпринятые имъ для развитія и огражденія отъ степи этой провинціи (валъ Траяновъ, дорога Трянова, мостъ Траяновъ), въ свою очередь должны были поддерживать преданія о миѳическомъ значеніи Трояна.

Млечный путь (астрономическій) до сихъ поръ у румынъ называется «путемъ Трояна» (Callia luj Trajan).

Сугробы снѣга — донынѣ называются здѣсь «снѣгами Трояна» (Trajan de zpada). Зимою часто говорятъ здѣсь: не могу туда-то ѣхать потому, что Трояны (громадные снѣга) велики (die Trajanes sind zu gross) [2].

Широкое, необъятное поле называется «полемъ Трояна» (Campu luj Trajan). Курганы и высокія холмы называются «могилами Трояна» (Trajan de pament).

Итакъ, для потомковъ Волоховъ Троянъ видѣнъ донынѣ и въ млечномъ пути на небѣ, и въ широкомъ безводномъ полѣ, и въ высокихъ холмахъ, курганахъ и могилахъ. Величіе этого божества сказывается въ грандіозныхъ и поразительныхъ явленіяхъ природы, служащихъ по большой части преградами для силъ человѣческихъ.

Если мы представимъ при этомъ, что Кіевъ тяготѣлъ къ придунайской землѣ, какъ къ своей родинѣ, что Святославъ Храбрый

---

[1] Здѣсь, вѣроятно, родилось преданіе, которое дошло и до насъ въ одной изъ рукописей XVII в., подъ заглавіемъ «повѣсть Трояна Кесаря римскаго», будто Троянъ происходилъ отъ Унгровъ изъ Трансильваніи. «Какъ пришли Хоттеня 300,000 на нево, пали въ его государства и его самого загнали въ великую болоту; тутъ онъ скочилъ своимъ конемъ и потонулъ съ конемъ совсѣмъ и ни ево, ни коня его не нашли».

[2] За не пониманіемъ Румынскаго выраженія, мы попросили г. Точилеско, отъ котораго записаны эти данныя, передать намъ это выраженіе по-нѣмецки.

говорилъ даже: «хочу жить въ Переславлѣ на Дунаѣ, то бо есть среда земли моей», то для насъ совершенно будетъ понятно, какъ эти преданія о Троянѣ,—до нашихъ дней уцѣлѣвшія въ Молдавіи,—были близки представленіямъ кіевской Руси.

Припомнимъ теперь выраженія «Слова» о Троянѣ. Намѣреваясь воспѣть геройское движеніе къ Дону полка Игорева, авторъ «Слова» говоритъ: «Рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы,—пѣти было пѣснь Игореви того внуку».

Безполезно разсуждать о томъ, что называется «тропой»: смыслъ этого слова понятенъ всякому русскому крестьянину; какъ «тропать» значитъ оставлять слѣдъ, такъ «тропа» означаетъ дорожку, «протоpенную слѣдомъ скота или человѣка».

Авторъ «Слова» самъ объясняетъ почему называетъ онъ путь къ Дону—«тропою Трояна»... Тропа эта слѣдовала «чрезъ поле... а поле это, какъ говоритъ Ярославна, было безводно (campu Trajanus). Далѣе тропа слѣдовала «чрезъ горы»,.. Мысль о переходѣ чрезъ эти горы заставила автора воскликнуть «о! русская земля! Уже за шеломемъ еси!» (Trajan de pament).

Отсюда понятно, что̀ значитъ въ «Словѣ» «рища въ тропу Трояну чрезъ поля на горы»...

Воображенію поэта—путь, который предлежалъ полку Игоря, по безводности полей, по грандіозности холмовъ казался путемъ, гдѣ такъ сказывалась мощь Трояна: пройти этотъ путь—значило совершить необычайные подвиги, значило пройти поле Трояна (campu Trajanus) и «горы Трояна» (Trajan de pament).

Земля у Дона, земля приморская, своими вѣковыми валунами не иное впечатлѣніе могла производить на эпическаго человѣка, какъ и трудная дорога къ ней «чрезъ поля на горы». Здѣсь онъ долженъ былъ видѣть то же владычество Трояна, ту же мощь, какъ и въ горахъ, которыя вели къ ней. Дѣва-обида спустилась на землю Троянову,

т.-е. на «берегъ граней холмовъ вѣковыхъ» и сплескалась лебединымъ крыломъ на синемъ морѣ...

Но что значитъ «вѣка Трояна?»

Выше мы замѣтили, что мнѣніе о Троянѣ, какъ представителѣ трехбратняго рода, не такъ фантастично, какъ думаютъ другіе: въ Молдавіи донынѣ старшій братъ называется Трояномъ (badea Trajan): точно также и братъ особенно дорогой («badica Trajan»).

Но если въ патріархальную эпоху Троянъ и былъ миѳическимъ представителемъ славянскаго рода, то въ «Словѣ о полку Игоревѣ»— съ «вѣками Трояна» соединено, по нашему мнѣнію, нѣсколько иное представленіе.

Для лучшаго уясненія передадимъ это мѣсто въ общей связи мыслей. Свивая рать Игореву съ старымъ временемъ Ярослава и Олега, авторъ счелъ нужнымъ связать и это время съ болѣе древней вѣковой русской исторіей:

Были, говоритъ онъ, вѣка Трояновы,
Минули годы Ярославовы,
Были походы Олеговы.

То было въ ты рати и въ ты полки, но сицей рати не слышано.

Съ вечера до разсвѣта
Летятъ стрѣлы каленыя,
Гремятъ сабли о шеломы и т. д.

Нельзя не видѣть, что общій признакъ всѣхъ этихъ эпохъ— «брань и рать»— и всѣ онѣ ставятся въ относительное положеніе одна къ другой.

Допуская, что въ патріархальную эпоху Троянъ былъ представителемъ славянскаго рода, мы полагаемъ, что съ развитіемъ славянскаго племени и выступленіемъ его на историческое поприще, онъ сталъ

національнымъ покровителемъ, поборникомъ славянства, божествомъ его героической славы.

По крайней мѣрѣ,—для дружинной кіевской среды онъ, какъ видно, былъ «богомъ ратей и браней».

Затѣмъ, какъ извѣстно, слѣдуетъ описаніе самой брани

По видимому въ Бояновскомъ пѣснотворчествѣ этотъ миѳическій властиленъ славянства, полубогъ, былъ такимъ средоточнымъ лицемъ, какимъ является князя Владиміръ въ былинахъ Кіевскаго цикла. Къ его имени прикрѣплялись цѣлые вѣка славянской исторіи.

Что касается VII-го вѣка, въ который выступилъ Всеславъ на добываніе Кіева, то всего вѣроятнѣе, что это число имѣетъ эпическое значеніе и связано съ «хронологіей Трояна». Впрочемъ, такъ какъ вѣками Трояна авторъ «Слова» обозначаетъ дѣйствительную древнѣйшую эпоху русскаго славянства, то VII-й вѣкъ можно считать отъ начала выступленія славянъ на всемірное историческое поприще. Первое вторженіе Болгаръ во Фракію и Мидію было, какъ извѣстно, въ 500 г. по Р. Х. Кто бы ни были эти Болгаре, вторшіеся въ придунайскіе области въ концѣ V вѣка, важно для насъ то, что это вторженіе имѣло огромное значеніе въ исторіи Славянъ или Дунявянъ, какъ называли ихъ въ Византіи; (οἱ Σκλαβηνοὶ καὶ Φυσωνῖται, οἱ καὶ Δανύβιοι προσαγορευόμενοι) съ этого именно времени начинается Славяно-болгарская исторія. Вѣка, прошедшіе съ этого времени до времени Всеслава—равняются дѣйствительно болѣе чѣмъ шести вѣкамъ. Въ теченіи всѣхъ этихъ вѣковъ—много было браней, въ которыхъ сказалась героическая слава Славянства и потому они могли быть названы вѣками Трояна.

Впрочемъ мы не стоимъ за это соображеніе, и повторяемъ, что въ данномъ случаѣ число *семь*, по всей вѣроятности, имѣетъ скорѣе эпическое, а не историческое значеніе. Мы старались, по возможности, выяснить тѣ качества, которыя даются намъ именами боговъ, какъ художественными образами «Слова», по связи ихъ съ его мы-

слями; какъ ни скудны эти данныя, но все же проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ до-исторической русской космогоніи и драгоцѣнны уже потому, что являются единственнымъ указателемъ не только божескихъ именъ, но и нѣкоторыхъ ихъ аттрибутовъ, и единственнымъ не только въ русской письменности, но и во всемъ славянскомъ мірѣ.

Но что̀ особенно важно, эти божескія имена, какъ художественные образы, не стоятъ внѣ, такъ-сказать, общаго взгляда и направленія «Слова»; напротивъ, авторъ до того находился подъ воздѣйствіемъ старыхъ словесъ Бояна, что все свое произведеніе построилъ на «эпической основѣ». Чтобы вполнѣ оцѣнить художественность «Слова», для этого нужно изучать его не въ отдѣльныхъ только фразахъ и оборотахъ, но и въ цѣлой его картинѣ и въ свѣтовыхъ отливахъ этой картины.

Авторъ «Слова» не излагаетъ въ немъ цѣлой системы миѳовъ—но лишь касается ихъ на столько, на сколько они служили ему для освѣщенія и эпическаго объясненія факта. Миѳъ проникаетъ въ «Слово», какъ прагматическій элементъ въ историческое изложеніе событій.

Какъ ни прекрасны были Бояновы пѣсни, но дѣйствительность была такова, что трезвое отношеніе къ ней не позволяло давать слишкомъ много мѣста «Боянову замышленію».

Рядомъ съ развитіемъ въ «Словѣ» идеи единства земли русской развивается идея, что обычное теченіе вещей находится подъ воздѣйствіемъ верховныхъ силъ, правящихъ міромъ. На событіе походъ Игоря и на весь порядокъ дѣлъ кіевской Руси накинутъ, такъ-сказать, верховный порядокъ судебъ Божіихъ: изъ этого-то религіознаго освященія и вытекаетъ эпическій характеръ «Слова»—и здѣсь получаютъ всю свою важность историческія событія и здѣсь же таится объясненіе высокаго поэтическаго значенія «Слова»:

Событія открываются предъ нами вѣщимъ предзнаменованіемъ солнца. И если въ «Лѣтописи» описывается это предзнаменованіе,

какъ естественное явленіе природы: «и видѣ Игорь солнце, стоящее яко мѣсяцъ», то въ «Словѣ» солнце дѣйствуетъ какъ будто живое существо и загораживаетъ предъ нимъ дорогу: «солнце мракомъ ему путь заступало».

Какое властное и могучее дѣйствіе произвело это явленіе на дружину, объ этомъ говоритъ намъ лѣтописецъ: «и видѣша вси мужи и поникоша главами и рекоша: «княже, сѐ есть не надобро знаменіе се». Но, замѣчаетъ «Слово», рьяность въ князѣ умъ охватила и тосненіе напиться шеломомъ изъ Дона знаменіе мѣсто въ немъ заступило. Игорь идетъ вопреки знаменію солнца, но судьба непреложна: вѣщее предзнаменованіе должно оправдаться: его ждетъ неизбѣжная гибель.

Наступаетъ грозная ночь, которая приводитъ въ страшный переполохъ и птицъ, и звѣрей.

Выступаетъ на сцену какое-то страшилище—какой-то Дивъ, поднимается на вершину дерева и сзываетъ поганую силу: кликъ его раздается на Волгѣ и Поморьѣ, по Сулѣ и Сурожу и доносится, наконецъ, до Тмутороканскаго болвана.

Стрѣлы, ожидавшія Игоря, были губительны и смертоносны: ихъ навѣвали вѣтры, Стрибоговы внуки. Кромѣ Дива, созвавшаго поганую силу, на поле брани выступаетъ Стрибогъ, вѣя на Игоря смертоносныя стрѣлы.

Бывали же брани и усобицы при Олегѣ и Ярославѣ; прошли и цѣлые вѣка браннаго Трояна, родоначальника Славянства и его героической славы, но такой брани, какъ брань Игоря, не слыхано.

Какъ ни славно было геройство его и его дружины, однако, Игорь и чрезъ него вся русская земля должны были испить всю чашу бѣдствій отъ начатаго имъ похода вопреки вѣщему знаменію солнца.

Бились день, бились другой,
А на третій къ полудню
Стяги Игоревы пали!

Но откуда возникли эти княжескія крамолы? Гдѣ источникъ этихъ раздоровъ и связанныхъ съ ними всѣхъ бѣдствій русской земли?

Историкъ-прагматикъ сталъ бы отыскивать причинъ этого явленія въ ряду разныхъ историческихъ условій и фактовъ; лѣтописецъ видитъ причину ихъ въ дьяволѣ: то бо все дьяволе наученіе, говоритъ онъ; дьяволъ бо сваживаетъ ны; дьяволъ воздвиже котору нѣкую; но авторъ «Слова», находившійся подъ воздѣйствіемъ Боянова пѣснотворчества, не могъ иначе объяснить княжескихъ усобицъ какъ эпически.

Встала обида въ силахъ Дажь-божьяго внука,
Вступила Дѣвою на землю Трояню,
Всплескала лебедяными крылы на синемъ морѣ.
У Дону плещучись,
Убудила жирны времена.

Братъ сталъ говорить брату: се мое, а то—мое же, и про малое князья стали говорить: се великое.

Межъ собою стали они крамолу ковать,
А поганые со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
Приходили на землю русскую.

Таково прекрасное эпическое объясненіе всѣхъ княжескихъ усобицъ и раздоровъ, губившихъ русскую землю! Источникъ ихъ указывался въ порядкѣ высшихъ силъ правящихъ міромъ.

Подобно тому, какъ въ классической поэзіи выступаетъ богиня Ἔρις, богиня вражды и распрей, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми, и въ нашемъ драгоцѣнномъ «Словѣ»—на полѣ брани, гдѣ рѣшается рокъ крамольнаго похода Игоря—выступаетъ Дѣва-обида, разжигательница человѣческихъ страстей и браней и, спустившись на гранитные скалы великана Трояна лебединымъ крыльемъ плещетъ на синемъ морѣ. Она—эта Дѣва—пробудила въ князьяхъ усобицы и брани. Она навела всѣ бѣдствія на русскую землю: самъ Игорь съ полкомъ своимъ только несчастная жертва плесканья этой крамольной и губительной Дѣвы-обиды. О! далеко зашелъ ты, соколъ, птицъ бья къ морю. Но не воскресить уже полку Игоря!

Самый слухъ о несчастіи Игоря «Слово» изображаетъ намъ въ образѣ сна Святославова. Сонъ этотъ имѣетъ внутреннюю связь съ вѣщимъ солнечнымъ предзнаменованіемъ, предостерегавшимъ Игоря отъ его крамольной затѣи. Онъ самъ не что иное, какъ такое же вѣщее откровеніе объ исполненіи этого предзнаменованія.

Сдѣлавъ Святослава средоточіемъ идеи единства земли русской, авторъ «Слова» дѣлаетъ и душу его органомъ для таинственнаго голоса, вѣщающаго о судьбѣ крамольнаго похода Игорева.

Въ самомъ толкованіи этого сна выражается, на какой поэтической высотѣ стоитъ авторъ «Слова» и какимъ свѣтомъ освѣщаетъ онъ историческіе факты.

Сила темная возобладала надъ силами свѣта. Кликъ Дива, собравшій полчища поганыхъ, увѣнчался успѣхомъ: онъ кончилъ свое дѣло и съ вершины дерева повергся на землю. Игорь побѣжденъ, и Половцы ликуютъ свою побѣду. Таковъ смыслъ вѣщаго сна Святославова.

Въ подобномъ же внутреннемъ отношеніи къ вѣщему предзнаменованію солнца стоитъ и прекрасный плачъ Ярославны. Онъ есть не что иное, какъ заклинательная мольба къ богамъ о спасеніи любимаго и дорогого существа. Авторъ не просто разсказываетъ здѣсь, какъ лѣтописецъ, о бѣгствѣ Игоря, но самую удачу этого бѣгства изображаетъ слѣдствіемъ этой борьбы и путемъ спасенія, устроеннаго самимъ Богомъ.

Такъ всякій историческій фактъ авторъ «Слова» ставитъ подъ воздѣйствіе высшихъ, невидимыхъ силъ и причинъ. Идея судьбы, суда Божія, не разъ высказывается имъ прямо и относительно отдѣльныхъ князей. Такъ, говоря о Борисѣ Вячеславичѣ, павшемъ на Нежатиной нивѣ, онъ замѣчаетъ, что «слава его на *судъ привела* и на нивѣ зеленой погребальной покровъ постлала». Изображая волшебнаго Всеслава, онъ также прибавляетъ: «тому первое припѣвку смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицею горазду, *суда Божья* не минути».

Это-то эпическое міросозерцаніе, проникающее «Слово», какъ внутренняя его стихія, какъ душа историческихъ фактовъ, и служитъ, безъ сомнѣнія, основой его высоко-художественнаго значенія. Многіе образы прекрасны не сами только по себѣ, но въ ихъ соотношеніи къ этому эпическому міровоззрѣнію. Живописныя черты ихъ получаютъ особенную свою выразительность не въ силу только соотвѣтствія своему понятію, но въ силу верховнаго порядка, накинутаго на обычное теченіе человѣческихъ дѣлъ. При кликахъ Дива, при вѣяніяхъ стрѣлами Стрибога, при Дѣвѣ-обидѣ, получаютъ особенное поэтическое значеніе и карканіе вороновъ, и клекотъ орловъ, и завываніе звѣрей. Отсюда же, безъ сомнѣнія, вытекаетъ теплота и жизненность образовъ, выхваченныхъ изъ явленій природы, таковы, напр., «никнетъ трава отъ жалости, идутъ сморцы мглами; земля стучитъ, рѣки текутъ мутно; пыль поля покрываетъ». Подъ воздѣйствіемъ эпическаго міровоззрѣнія, вся природа является здѣсь какъ-бы одушевленнымъ лицомъ. Она полна сочувствія къ человѣку. Она угрожаетъ предвѣствіемъ—и она же откликается на радость. Всѣ явленія природы—здѣсь чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла. Только авторъ, находившійся подъ воздѣйствіемъ словесъ Бояна, могъ такъ живо и цѣльно понимать природу. Проглядываютъ здѣсь иногда картины природы сѣверной: таковъ напр., унылый образъ дерева, отъ туги къ землѣ наклонившагося: эта туга — едва ли не тяжесть снѣга, нагибающая къ землѣ древесныя вѣтви и дающая ему плакучій видъ. Но еще замѣтнѣе здѣсь картины природы южной. Онѣ схвачены и собраны воедино Максимовичемъ, обладавшимъ особеннымъ чутьемъ къ степной природѣ. «Стада вороновъ, галокъ, лебедей; орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и сороки проносятся въ «Словѣ»,—говоритъ онъ,—какъ по степямъ южнымъ. Трава зашумѣла, когда двинулись шатры половецкіе — не степная ли это трава? Земля тутнетъ, кликну-стукну земля,—не созданы ли эти выраженія поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзыву на всякое движеніе? Телѣги скрипятъ въ полунощи, какъ лебеди распуганныя, эта краска не снята ли со степей малорусскихъ, гдѣ и теперь еще скри-

пятъ обозы чумаковъ и этотъ скрипъ ярче отдается въ ночной тишинѣ ровнаго поля? Всѣ отголоски ярки въ этомъ «Словѣ», какъ въ степи: Овлуръ свиснулъ за рѣкою и черезъ свистъ переговаривается съ княземъ. «Слово» такъ же богато растительностію, какъ и южная природа: рѣки стелютъ зеленую траву на серебряныхъ, т.-е. бѣлопесчаныхъ берегахъ своихъ и теплые туманы поднимаются отъ волнъ ихъ; текутъ они своенравно и струги оставляютъ на кустахъ».

До такой осязательности русская природа отражается въ «Словѣ». Она, какъ и кіевская Русь, всецѣло прикрѣпляетъ его къ національной русской литературѣ.

И если «Слово» въ такой полнотѣ изображаетъ предъ нами дружинно-кіевскую Русь, какъ мы видѣли; если языкъ его воплощаетъ въ себѣ даже всѣ картины русской природы, то не наивно ли думать, что авторъ «Слова» лишь нѣсколько миѳическихъ выраженій взялъ изъ болгарской книжки, чтобы прикрѣпить ихъ къ своимъ прекраснымъ картинамъ, не понимая ихъ значенія, и не изучивъ этого миѳа по русскимъ даннымъ, для его объясненія предлагать византійско-болгарскій прототипъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ?

VI.

„СЛОВО" ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ „СЛОВАМЪ БОГАТЫРСКИМЪ".

Сближенія «Слова» съ такъ называемой великорусской былиной.—Взгляды ученыхъ на происхожденіе и существо былины.—Зарожденіе былины на богатырской могилѣ и развитіе ея на основѣ предшествовавшаго героическаго эпоса.—Кіевская дружинная Русь въ «Словѣ» и былинѣ.—Опытъ сближенія былины съ миѳологіей «Слова».

Есть и ещё наконецъ живой свидѣтель всецѣло - національнаго происхожденія «Слова»—это великорусская былина.

Уже одно наше намѣреніе сближать «Слово» съ былиною становится въ разладъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ. «Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», говорятъ, нѣтъ уже и тѣни чего-либо богатырскаго, мало даже и чисто эпическаго [1], и потому, казалось бы, не слѣдовало и дѣлать попытки подобныхъ сближеній. Но какъ ни различны эти памятники по идеѣ, складу и языку, они на нашъ взглядъ все-таки имѣютъ много общихъ сторонъ, и, исходя отъ разныхъ національныхъ слоевъ, рисуютъ предъ нами болѣе или менѣе одну и ту же общественную среду.

---

[1] «Илья Мур. и Кіев. богат.», О. Миллера, стр. XII.

Мы уже имѣемъ богатую литературу о великорусской былинѣ, но она далеко не исчерпываетъ всѣхъ существенныхъ сторонъ ея историческаго и литературнаго значенія.

Первый вопросъ, который представляется при ея изученіи, состоитъ въ томъ, какая самая существенная сторона въ былинѣ,— фактъ или миѳъ. Является ли здѣсь чудесное только прикрасою историческаго факта, служа лишь обычнымъ отраженіемъ народной эпической мысли, особенно когда она касается предметовъ возвышенныхъ и чрезвычайныхъ, или же этотъ фактъ былъ только формою выраженія космогоническаго миѳа и надъ былинными очертаніями носится ясное и опредѣленное религіозное вѣрованіе.

Представителемъ перваго мнѣнія является Л. Н. Майковъ. За миѳы же въ былинѣ выступили Ѳ. И. Буслаевъ и О. Ѳ. Миллеръ. Для послѣднихъ въ былинѣ является эпосъ героическій; первый видитъ въ ней лишь только эпосъ историческій.

Изслѣдованія г. Майкова весьма замѣчательны въ своемъ родѣ. Историческія данныя собраны у него съ большою обстоятельностію, сгруппированы съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ и даютъ слишкомъ осязательно чувствовать въ былинѣ присутствіе историческаго факта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго.

Но если еще и въ этомъ направленіи работы надъ былиной нельзя считать законченными, то изслѣдованія г. Майкова о стихіи чудеснаго въ былинѣ еще болѣе требуютъ новыхъ изысканій.

Положимъ, что чудесныя представленія былинъ служатъ здѣсь къ тому, чтобы придать болѣе идеальный характеръ богатырямъ и лишь только дополняютъ содержаніе, взятое изъ дѣйствилельнаго быта, но откуда, спрашивается, взялось это чудесное въ народномъ сознаніи?

Нѣкоторые образы возможно еще истолковывать, какъ гиперболическія сознанія фантазіи, но за то многіе изъ нихъ таковы, что не даются прямо дѣйствительностію и совершенно несообразны ни

съ видимой природой, ни съ природой человѣка. Подобнаго рода образы такъ обхватываютъ въ былинѣ фактъ, что представляютъ въ ней цѣлый слой иного порядка вещей и явленій.

Сама былина иногда прямо указываетъ на эту присущую ей стихію народныхъ вѣрованій и представленій. Таково напр., указаніе на миѳъ, связанный съ образомъ орла.

Мнѣнія Ѳ. И. Буслаева о миѳѣ въ былинахъ гораздо умѣреннѣе и сдержаннѣе, чѣмъ выводы О. Ѳ. Миллера.

Изслѣдованія перваго въ этой области основываются на почвѣ обще-арійскихъ преданій и направлены къ сближенію данныхъ русскаго эпоса съ эпосомъ различныхъ народовъ арійскаго корня—въ особенности германцевъ.

«Важнымъ недостаткомъ у Буслаева,—говоритъ О. Ѳ. Миллеръ,—является то, что у него съ недостаточною ясностію обособляются черты, роднящія насъ съ славянами, отъ чертъ, роднящихъ насъ съ арійцами вообще. Первыя должны быть слиты въ кругъ обще-славянскій, вторыя въ кругъ обще-арійскій. Отъ относительно позднѣйшаго осадка обще-славянскаго долженъ быть со всею яркостію отдѣленъ съ другой стороны и собственно русскій былевой слой, а равнымъ образомъ внимательно прослѣжены въ этомъ послѣднемъ всѣ обозначившіеся слои частные, осадившіеся отъ различныхъ періодовъ русской исторіи»[1]

Такъ опредѣлилъ и разграничилъ О. Ѳ. Миллеръ задачу—«сравнительно-критическихъ наблюденій надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса». «Только при этомъ,—говоритъ онъ,—могутъ обозначиться какъ эпическія черты нашего родства съ другими, такъ и эпическое отпечатлѣніе нашей народной личности»[2]).

Но эта самая сложная задача представляетъ и почти неодолимыя трудности. Читая былины, нельзя не видѣть, что космогоническій

---

[1] «Илья Мур. и Кіевск. был.», IX—X.

[2] Тамъ же, X.

миѳъ прямо и непосредственно не выступаетъ здѣсь въ своей яркости и характерной опредѣленности, что онъ сказывается здѣсь только въ отрывочныхъ эпическихъ картинахъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ образахъ и что онъ связанъ здѣсь съ живыми историческими лицами, которыхъ народъ какъ будто видитъ и знаетъ сегодня и съ такими иногда мѣтко подмѣченными историческими чертами, которыя прямо указываютъ на преобладаніе факта въ народномъ сознаніи. При такого рода построеніи и укладѣ дошедшей до насъ былины, изслѣдователю предстоитъ большая опасность увлечься ея неопредѣленнымъ миѳическимъ содержаніемъ и, благодаря отдѣльнымъ ея образамъ и картинамъ, хотя бы то на основаніи сравнительнаго метода всецѣло наложить космогоническій миѳъ на типъ, совершенно историческій.

Увлекаясь сравнительнымъ методомъ и богатствомъ обще-арійскаго миѳологическаго матеріала, О. Ѳ. Миллеръ поспѣшилъ всецѣло прикрѣпить къ этому богатству и смыслъ нашей былевой поэзіи. Но дѣло въ томъ, что былевые образы и картины сами по себѣ непосредственно не возводятъ сознанія къ обще-арійскому преданію: они представляютъ прежде всего смыслъ болѣе прямой и обыкновенный; отъ этихъ былевыхъ образовъ въ его «Кіевскомъ богатырствѣ» не перекинуто моста, по которому сознаніе переносилось бы отъ земли на небо, отъ горъ и холмовъ—къ облакамъ и тучамъ, отъ сошки къ молніи и т. п. Связывая былину съ обще-арійскимъ преданіемъ, изслѣдователь недостаточно связалъ ее съ русской землей и слѣдами живыхъ народныхъ вѣрованій. А между тѣмъ такія народныя преданія, какъ преданіе о «золотой сошкѣ», такія миѳологическія пѣсни, какъ пѣсня донынѣ распѣваемая «при верченіи бороды Волоса», разсказы о «мѣстныхъ богатыряхъ», представляютъ ближайшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ, на основаніи котораго прежде всего должна быть изучаема наша былина. Только подобнаго рода данныя могутъ указывать въ ней нѣкоторые слѣды дѣйствительнаго миѳа.

Такія явленія природы, какъ гроза, какъ борьба страшныхъ тучъ съ молніей, даютъ себя знать слишкомъ ощутительно; явленія эти

слишкомъ торжественны и величественны, чтобы сказываться въ народномъ сознаніи лишь въ образѣ тѣсныхъ похожденій Ильи Муромца—отъ Мурома до Чернигова и отъ Чернигова до Кіева. Замыкать народныя представленія о такихъ величественныхъ явленіяхъ въ кругъ подобныхъ похожденій, по такимъ знакомымъ и недалекимъ мѣстамъ, и укладывать борьбу небесныхъ грозовыхъ силъ въ картину борьбы Ильи Муромца съ поганымъ идолищемъ и съ разбойниками, это значило бы слишкомъ съуживать творчество фантазіи народа русскаго, который и донынѣ нѣмѣетъ предъ этими грозными явленіями природы и благоговѣйно созерцаетъ Громовержца, ублажая его христіанскими словами: «Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея!» Нѣтъ, въ богатырскихъ образахъ сквозятъ лишь слабые проблески космогоническаго миѳа, которые скорѣе даютъ намъ знать, что дѣйствительно существовалъ нѣкогда русскій героическій эпосъ, болѣе соотвѣтственный и явленіямъ природы, и бьющему донынѣ ключемъ народному творчеству.

Есть еще одна гипотеза тюрко-монгольскаго происхожденія великорусской былины. Вмѣсто отпечатлѣнія въ ней народной русской личности, В. В. Стасовъ увидѣлъ въ ней лишь отпечатокъ тюрко-монгольскихъ сказокъ. Не вдаваясь въ критику этой гипотезы, которая и безъ насъ достаточно оцѣнена и взвѣшена, съ своей стороны ограничимся замѣчаніемъ, что она доказала лишь то, въ какой мѣрѣ русскій человѣкъ не желаетъ имѣть дѣла съ своими прямыми русскими источниками. Не изучивъ былины въ связи съ Русскими лѣтописями, не собравъ былевыхъ памятниковъ письменныхъ, не принявъ во вниманіе народныхъ преданій о богатыряхъ мѣстныхъ, мы устремились для объясненія ихъ отыскивать данныя въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ и заранѣе отказавшись отъ присутствія въ былинахъ этнографической народной стихіи, подрывая существенное значеніе въ нихъ бытоваго факта, мы готовы были считать ихъ не только наслѣдствомъ отъ тюрко-монгольскаго племени, а даже жалкими копіями тюрко-монгольскихъ оригиналовъ. Порывъ углядѣть, какъ можно больше, чертъ нашей былины въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ увлекъ В. В. Стасова къ такого рода сравненіямъ, въ которыхъ сходство рѣшается не по

существеннымъ, а лишь по случайнымъ признакамъ, и даже иногда по одному общему слову. Та общеизвѣстная истина, что одинаковость представленій и образовъ часто является слѣдствіемъ одинаковыхъ условій природы и степени гражданственности, и указываетъ лишь на тождество законовъ развитія общечеловѣческой мысли—мало имѣетъ цѣны для этой теоріи. Ей нѣтъ дѣла до тѣхъ безконечныхъ различій, которые не позволяютъ отъ видимаго сходства предметовъ заключать къ ихъ генесису. Какъ эстетикъ, г. Стасовъ, увлекаясь мотивами и развитіемъ ихъ въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ и, забывая что эстетическое мотивированіе есть наипозднѣйшее явленіе въ развитіи миѳа, онъ прикидываетъ аршинъ этихъ сказокъ къ русской былинѣ, мѣряетъ имъ содержаніе и укладъ ихъ и приговариваетъ—тутъ урѣзано, тутъ укорочено,—и въ концѣ концевъ, при измѣреніи такимъ аршиномъ, выходитъ, что наша былина является лишь жалкой а иногда даже безсмысленной копіей тюрко-монгольскаго оригинала. Съ этой точки зрѣнія «наши богатыри не чувствуютъ ни стыда, ни ревности, ни любьви, ни удивленія, ни состраданія, ни радости, ни горя; не чувствуютъ потребности ни въ великодушіи, ни въ мщеніи, ни въ благодарности. Хотя противные всему этому факты указываются самимъ г. Стасовымъ, но ему хотѣлось бы, чтобы не эпически только выражаемы были эти ощущенія, какъ въ нашихъ былинахъ, а чтобы сами богатыри изрыгали то, что они ощущаютъ какъ въ восточныхъ сказкахъ: «мы де то— и то чувствуемъ» [1]. Далѣе смотря на былину, на русскую голову, на русскій народъ—изъ подъ угла зрѣнія этихъ сказокъ, г. Стасовъ и неотразимые факты русской исторіи объясняетъ въ былинахъ такимъ же заимствованіемъ. Оказывается, что если князь Владиміръ пируетъ въ былинахъ съ своей дружиной, если собираетъ и отправляетъ богатырей на бой, если онъ держитъ постоянный совѣтъ съ своими боярами—то все это взято въ былины изъ восточныхъ пересказовъ. Если здѣсь является поповичъ—хотя и не попъ, то это потому, что въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ часто выступаютъ на сцены

---

[1] См. подробнѣе въ отчетахъ о 12 присужд. наград. графа Уварова С.-Пб. 1870 г. въ отзыв. о сочин. В. Стасова—Ѳ. И. Буслаева (26—83).

брахманы. Если богатыри обыкновенно 7-ми лѣтъ были присажены за грамоту и притомъ сначала за чтеніе а потомъ за писмо, и грамота имъ въ толкъ пошла, то за объясненіемъ этого нужно обратиться не къ обычаямъ православной церкви, а къ брахманскимъ и зороастровымъ законамъ. Если богатыри мѣняются крестами и называются «братцами крестовыми» то это побратимство крестное и до сихъ поръ бытующее въ нашемъ народѣ не болѣе, какъ татарщина. Если для богатырей имѣло столь важное значеніе родительское благословеніе, то это не завѣтъ родоваго культа, освященный византійскимъ преданіемъ, а занесенный обычай, объясненія котораго нужно искать въ тѣхъ же восточныхъ сказаніяхъ. Если въ былинѣ упоминаются перины пуховыя, подушки и кровати задернутыя пологомъ, которыя и до нынѣ встрѣчаются почти у каждаго мужика и бабы,—то все это попало изъ восточныхъ сказокъ.

Характеристическія указанія на сѣверную природу и особенно замѣчательныя черты древне русскихъ городовъ, которыя помнитъ былина съ изумительною свѣжестію и въ краткихъ словахъ изображаетъ ихъ историческую роль—не имѣютъ для этой теоріи никакого значенія. Наконецъ, нѣкоторые факты въ былинахъ остаются непонятными для г. Стасова лишь вслѣдствіе недостаточнаго знакомства его съ народнымъ бытомъ. Грубый нравственный трагизмъ, обставленный въ былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ народными, бытовыми чертами, кажется ему смѣсью грубости, нелѣпости и чудовищности, лишь только потому, по нашему мнѣнію, что онъ оцѣниваетъ факты этой былины—не съ точки зрѣнія народной бытовой, а съ точки зрѣнія облагороженныхъ семейныхъ боярскихъ домовъ. Теорія г. Стасова была бы крайне сверхъобычнымъ и неожиданнымъ явленіемъ русской мысли, если бы она не была вызвана другими крайними мнѣніями.

Мы, съ своей стороны, придаемъ лишь отрицательное значеніе теоріи г. Стасова: она, какъ и всякая новая и смѣлая мысль, выступающая въ свѣтъ во всеоружіи, если и невѣрна сама въ себѣ, то вызываетъ критическую повѣрку данныхъ и наводитъ на болѣе

широкую потребность изысканій о миѳахъ вообще, коренныхъ законахъ ихъ развитія, и т. п. [1]).

На древность нашихъ былинъ отчасти указываютъ многія названія, связанныя съ разными селеніями и урочищами русской земли. Таковы, напр., *Былина* (Томской губерніи и округа), *Былины* (тамъ же), *Богатырь* (Маріупольской гр. и округа), *Богатыри* (Вятской губерніи, слоб. уѣзда) и мн. др.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ этими и подобными названіями были связаны въ народѣ какія-нибудь преданія, и намъ остается лишь пожелать, чтобы мѣстными изслѣдователями было обращено на нихъ болѣе серьёзное вниманіе. Эти преданія могутъ помочь разъясненію нашихъ былинъ гораздо больше, чѣмъ тюрко-монгольскія сказки.

При изслѣдованіи былинъ прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду фактъ богатырства и его историческое значеніе.

Главный и существенный мотивъ въ былинахъ Владимірова цикла, это—борьба русской земли со степью. Рѣшать бой, выдвигая силачей, было въ обычаяхъ степи; русская земля должна была противопоставить степнымъ «богатырямъ» своихъ собственныхъ героевъ:

Проситъ Батыга отъ Кіева,
Проситъ Батыга супротивника,
Проситъ Батыга поединщика.

Что дѣйствительно были такого рода «поединщики», выходившіе на брань съ «супротивникомъ», въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться. Вспомнимъ, что были Янъ Усмошвецъ [2], поборовшій печенѣжскаго богатыря-великана (1001 г.), Рагдай-Удалой [3], наѣзжавшій на 300 воиновъ, Мстиславъ Храбрый, зарѣзавшій Редедю предъ полками Косожскими (1036 г.). Былъ Александръ Поповичъ, кото-

[1] Попытка въ этомъ родѣ уже сдѣлана въ «Труд. К. Ак.» 1871 г., апрѣль мартъ, іюнь и іюль.

[2] П. С. Л., т. IX, стр. 68.

[3] Ник. Лѣт. IX, стр. 68.

раго лѣтописи упоминають даже въ разныхъ эпохахъ—такъ живуче было имя его въ народной памяти (Ник., подъ 1216 и подъ 1224 и подъ 1001 г.). Но вотъ и другіе богатыри, упоминаемые въ лѣтописяхъ: Демьянъ Куденевичъ съ слугою своимъ Карасомъ (Ник. л., подъ 1148 г.), слывшій за «человѣка Божьяго» [1], Нефедій Дикунъ при Константинѣ Ростовскомъ (Ник. л., подъ 1216 г.), Добрыня «златой поясъ» (1224 г., Ник. л.), Могута (Ник. 1, 112) Гаврило Олексичъ, Буслай Якуновичъ, Яковъ Полочанинъ, Миша Новгородецъ, отрокъ княжій Савва, слуга княжь Ротмищъ (Новг., т. 3, стр. 5, 178). Въ лѣтописномъ Сводѣ Ярославскаго Архіерейскаго дома упоминаются (подъ 1164 г.) еще два богатыря: Андрей Жирославичъ и братъ его Шварнъ.

Всѣ эти имена, занесенныя съ лѣтописи, указываютъ на то, что въ борьбѣ со степью выдѣлялись герои, которыхъ имена страшны были для враговъ и популярны на русской землѣ. Не всѣмъ, конечно, приходилось вступать въ единоборство съ степными богатырями, но всѣ они стяжали себѣ «славу на бою», геройскими доблестями, необычайною силою, храбростію, безстрашіемъ и твердостію. Иначе въ лѣтопись попасть они не могли.

Много, конечно, было въ теченіе борьбы со степью подобныхъ героевъ, но именъ ихъ не донесла до насъ лѣтопись и не сохранила народная память. На одной Калкѣ, по сказанію лѣтописи, погибло 70 богатырей. Были также и при Мстиславѣ Удаломъ мужи храбры зѣло и богатыри велици, яко львы и яко медвѣди, не слышавшіе на себѣ ранъ.

При такихъ свидѣтельствахъ едва-ли возможно, говоримъ, сомнѣваться въ томъ, что борьба со степью создала цѣлый разрядъ героевъ, составлявшихъ особую славу князей, честь дружины, и мощь и величіе русской земли.

Есть данныя, которыя указываютъ, что богатыри бывали въ *разныхъ* областяхъ земли русской, но главнымъ средоточіемъ бога-

---

[1] П. С. Р. Л., т. IX, 177—178.

тырства былъ безъ сомнѣнья Кіевъ съ его заставами, оберегавшими Свято—русь землю отъ поганой степи. Чѣмъ страшнѣе была эта поганая степь для русской земли, чѣмъ опустошительнѣе были набѣги ея на русскія «поселицы», тѣмъ сильнѣе и глубже должны были производить на народъ впечатлѣніе подвиги служилаго богатырства. Въ глазахъ народа эти герои должны были представляться дѣйствительно «божіими человѣками», какъ прекрасно называетъ лѣтопись одного изъ нихъ.

Имѣя въ виду этотъ фактъ, не трудно понять и то, какъ зародилась былина.

Въ одной рукописи Соловецкаго монастыря XVI в. сохранилась любопытная запись, имѣющая для насъ особенную цѣну въ данномъ случаѣ. «Переяславль русскій по противъ Кіева за Днѣпромъ по лѣвой руцѣ Олтополя, а на Олтополѣ церковь стоитъ мурована велика, на крови св. Бориса, а вокругъ его роща березова, а отъ русскаго Переяславля до Кіева 60 верстъ, *«а тутъ богатыри кладутся русскіе»*, а кругъ городища того по кладищу тому каменіа много великаго по вспОлью, а кругъ городища того озера Трупежъ, изъ негоже течетъ рѣка Мцица, и пала въ Днѣпръ» [1]. Эти богатырскія могилы знала и лѣтопись: Александръ же, (Поповичъ) выходя изъ города, многы люди Великаго князя избиваше, *ихъ же костей накладены могылы велики и до нынѣ* на рѣкѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну Усіи. (Твер. Лѣт. стр. 337). Вотъ здѣсь въ селѣ, на могилахъ, которыя помнили и знали еще въ XVI в., по нашему мнѣнію, зародилась русская былина, воспѣвающая этихъ «божіихъ человѣковъ», мощію своею отстоявшихъ Святорусь землю отъ поганой степи. Эти могилы воочію напоминали народу преданія о существованіи этихъ могутовъ, этихъ «божіихъ человѣковъ».

Борьба со степью началась при князѣ Владимірѣ—и преданіе всѣхъ послѣдующихъ богатырей одного за другимъ причисляло къ

[1] См. Сборникъ (№ 860), 8-ю, XVI в. на 452 лл. Въ статьѣ «о градѣхъ и о рѣкахъ и о земляхъ» (л. 164).

его времени. Благоговѣніе къ нимъ, какъ къ «божіимъ человѣкамъ» было первымъ возбудителемъ народнаго творчества, создавшаго въ честь ихъ былевыя пѣсни. Пѣсни эти явились, безъ сомнѣнія, по готовой уже сотканной основѣ и съ теченіемъ времени всѣхъ богатырей воспроизвели въ опредѣленныхъ типахъ. Чѣмъ скуднѣе своимъ содержаніемъ были преданія о дѣйствительныхъ богатыряхъ, тѣмъ больше должны привзойти сюда готовыя народныя стихіи божескихъ существъ и качествъ.

Имѣя въ виду такое происхожденіе былины, не трудно понять и то, почему она даетъ очень ограниченную и недѣятельную роль князю Владиміру и его дружинѣ.

Воспѣвая богатырей, какъ поединщиковъ—противъ супротивниковъ, она справедливо заставляетъ князя лишь отыскивать вездѣ такихъ героевъ, жаловать, угощать пирами и отправлять на бой; если отсутствіе богатырей наводило трусость на князя и его дружину, то это весьма понятно съ народной точки зрѣнія на богатырей, какъ *«божіихъ человѣковъ»*; эти бояре въ сравненіи съ ними могли казаться, «не болѣе иногда, какъ вороны». Притомъ же, по смыслу былинъ, и въ княжеской гриднѣ образъ богатыря властвовалъ надъ сознаніемъ такъ же, какъ и въ крестьянской хижинѣ.

Богатырство, какъ «явленіе божіихъ человѣковъ», не знало сословій; богатыремъ могъ быть всякій; имъ могъ быть такъ же князь, какъ и простой мужикъ; такъ же боярскій сынъ, какъ и поповичъ.

Изъ такого воззрѣнія на происхожденіе былины объясняется само собою и то отношеніе, въ какомъ стоитъ былина къ главному предмету нашего изслѣдованія—«Слову о полку Игоря». «Слово» есть произведеніе чисто дружинное. Былина же есть произведеніе народное и рисуетъ богатырскіе образы князя и дружинниковъ, какъ избранныхъ героевъ, какъ божіихъ человѣковъ. То изображаетъ одинъ изъ походовъ и съ нимъ бѣдствія русской земли отъ поганой степи, эта воспѣваетъ въ лицѣ богатырей ея непрерывную побѣду надъ этою степью. То рисуетъ предъ нами дружинно-кіевскую Русь въ цѣлой ея картинѣ; эта развиваетъ отдѣльные типы служилой дру-

жины съ тѣми или другими ея доблестями. Тамъ изображается фактъ внѣшній, здѣсь — фактъ внутренній русской исторіи. Отсюда и различіе въ самой формѣ изложенія: то написано по пріемамъ искусственнаго витійства, съ предисловіями, вводными повѣствованіями, съ лирическими разсужденіями и заключеніями, былина же свободна въ своихъ очертаніяхъ, какъ свободенъ богатырь въ своихъ дѣйствіяхъ: пошибъ очертаній ея размашистый; мысль развивается здѣсь въ дробномъ разсказѣ, съ эпическими повтореніями, однозначущими стихами, не говоря уже о тѣхъ сверхъестественныхъ чертахъ, коими по преимуществу и характеризуются укладъ и составъ былины.

Но при всемъ своемъ существенномъ различіи, уже потому, что богатыри вводятся въ гридню князя Владиміра и числятся на его службѣ, — уже потому, что «Слово» и былина своимъ содержаніемъ относятся къ одной и той же кіевской дружинной Руси, — они непремѣнно должны имѣть и общія черты.

Въ этомъ смыслѣ одна извѣстная намъ былина, записанная еще въ XVII вѣкѣ какъ будто въ соотвѣтствіе «Слову о полку Игоря», прекрасно названа «богатырскимъ словомъ»

Въ одномъ Лѣтописномъ сводѣ, принадлежащемъ Ярославскому архіерейскому дому уцѣлѣла для насъ въ самомъ сказаніи о походѣ Игоря драгоцѣнная вставка: «убиша бо тогда и диві богатыря *Доброю Судиславича*» (л. 118). Къ сожалѣнію былина о Добрѣ Судиславичѣ до насъ или не дошла или не записана. Если бы она была намъ извѣстна, мы могли бы наглядно и осязательно видѣть отношеніе былеваго творчества къ тому же историческому факту, которое воспроизводитъ и «Слово».

Идея единства земли русской, такъ блистательно проведенная въ «Словѣ», не чужда былинѣ; такое понятіе, какъ «Святорусь зем-

---

[1] Издана въ приложеніи къ XL тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ № 5, 1881.

ля» какъ «земля Святорусская», столь присущее былинѣ, глубокими корнями связываютъ ее съ «Словомъ».

Изъ «Слова» видно, что время князя Владиміра было идеаломъ времени, которое не повторится: «нельзя бѣ того стараго Владиміра пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ»; уже въ XII в. имя Владиміра связывалось съ идеею русской земли; на горахъ Кіевскихъ и въ это время виднѣлся еще Владиміръ съ знаменемъ «единой земли русской».

То же понятіе связывается съ именемъ Владиміра и въ народной былинѣ: онъ и здѣсь то же, что единое «красное солнышко» для земли святорусской. Къ нему стекаются богатыри изъ разныхъ областей: сюда тянетъ богатырскій острожекъ Ростовскаго поповича, сюда пробирается крестьянинъ Илья Тимоѳеевичъ изъ Мурома; сюда тянутъ и Волынь и Галичъ.

Говоритъ Дюкъ да таково слово:
Во всѣхъ градахъ у меня побывано
А всѣхъ князьевъ да перевидано

Въ одномъ Кіевѣ не бывано
Кіевскаго князя-то не видано.

Былинный образъ этого представителя земли русской вполнѣ отвѣчаетъ его историческому облику. Вполнѣ согласно съ исторіей пированіе его съ дружиной; извѣстно, что вслѣдствіе ропота дружины: не хотѣвшей ѣсть деревянными ложками, онъ вынужденъ былъ сдѣлать ей серебряныя ложки [1]. Но любопытны слова его при этомъ: «что дѣлать; серебромъ и золотомъ я не достану дружины, а съ дружиной добуду золото и серебро, какъ дѣдъ мой и отецъ мой доискивались дружиной золота и серебра.

Точно также и другая его былевая черта оправдывается исторіей, то бояре, то епископы руководятъ имъ въ дѣлахъ государственныхъ;

---

[1] Лавр. Л., подъ 996 г.

походъ на болгаръ остановилъ Добрыня; бояре и старцы—даютъ ему совѣты въ дѣлахъ вѣры; епископы заставляютъ его измѣнять наказаніе убійцамъ. Зависимость князя отъ дружины, не возможность выдержать безъ богатырей борьбу со степью также, какъ мы видѣли, имѣли свое основаніе въ древне-русской жизни.

Такимъ образомъ, былина, отражая въ себѣ эти историческія черты, лишь можетъ указывать на то, какъ вѣрно отразилась въ народѣ эта личность — князя Владиміра. Сдѣлавъ его представителемъ единой земли святорусской, пріурочивая къ его имени позднѣйшее богатырство, былина сохраняетъ и свѣжесть впечатлѣній, оставленныхъ имъ въ исторіи.

Странно, что И. Е. Забѣлинъ, на основаніи этихъ чертъ, находитъ противорѣчіе въ понятіи «былиннаго князя князю историческому»: князь — по исторіи, говоритъ онъ, долженъ быть предводителемъ войска, долженъ быть самъ героемъ, самъ начинать и оканчивать бой.

Но еслибы былина дѣйствительно имѣла своей задачей изображать укладъ дружинно-кіевской Руси, еслибы она сосредоточивалась на ея историческомъ значеніи, тогда мы въ правѣ были бы искать въ ней воинскихъ чертъ князя и его дружины. Но это значило бы понимать былину такъ же, какъ и лѣтопись, какъ и «Слово о полку Игоревѣ». Былина воспѣваетъ лишь только «избранныхъ героевъ дружинныхъ», лишь только они для ней дороги, лишь только въ нихъ слава князя, честь дружинная и мощь земли святорусской: она рисуетъ ихъ предъ нами «какъ божіихъ человѣковъ», стоящихъ выше князя и его дружины, властвовавшихъ въ гриднѣ Владиміра, какъ и въ хижинѣ народной своими необычайными доблестями, своею мощію, своею храбростію, своею ловкостію, своею твердостію. При этой существенной задачѣ изображать лишь только «типы святорусскаго богатырства» — было бы даже не естественно привносить сюда боевой характеръ «князя и его дружины». Очень можетъ быть, что историческая роль Владиміра здѣсь совпала еще и съ той эпической основой, на которой ткалась историческая былинная канва, о которой мы упомянули выше и о которой будемъ еще говорить ниже.

Еще страннѣе, что И. Е. Забѣлинъ въ лицѣ кіевскаго стольнаго князя Владиміра видитъ на томъ же основаніи лишь олицетвореніе города, общественнаго и нравственнаго его быта. Князь дѣйствительно имѣлъ связь съ городомъ, но далеко не такую, какую предполагаетъ г. Забѣлинъ. Дошедшіе до насъ «договоры города съ княземъ» указываютъ на то, что князь посягалъ «на земли и смердовъ» города: между нимъ и городомъ шла борьба изъ-за смерда. Но если въ народномъ творчествѣ прежде всего отражаются явленія высокаго нравственнаго свойства, то народъ долженъ былъ олицетворить не городъ съ его пирами и роскошью — «не купечество и боярскій торговый слой», — выжимавшій соки изъ своей земли и смердовъ, а скорѣе всего князя съ его дружиной, какъ живыхъ представителей охранной силы — какъ людей-героевъ, покупавшихъ себѣ довольство цѣною крови. Въ борьбѣ князя съ городомъ изъ-за смерда, этотъ самый смердъ скорѣе могъ становится своимъ сочувствіемъ на сторонѣ князя, точно такъ, какъ въ послѣдствіи народъ всегда искалъ въ своемъ царѣ защиты отъ барства и властей; по всей вѣроятности, это самое сочувствіе смерда вмѣстѣ съ степной силой и помогло князю одержать побѣду надъ городомъ.

Былинному образу князя Владиміра въ «Словѣ о полку Игоревѣ» — соотвѣтствуетъ Святославъ кіевскій, стоявшій внѣ войны, когда достаточно было увидѣть безпокойный сонъ, чтобы собрать бояръ, потолковать съ ними объ его значеніи; точно также соотвѣтствуетъ въ «Словѣ» былинному княжескому пированію замѣчаніе, невольно вырвавшееся изъ устъ бояръ, предъ Святославомъ: «а мы дружина жадни веселія».

Но, изображая представителя единой земли святорусской — не среди воинственнаго блеска, а среди мирныхъ заботъ и веселаго пированья, былина не выдаетъ этотъ образъ за исключительный идеалъ князя. Богатырство, какъ мы уже сказали, не знало сословій. Богатырство, какъ говоритъ сама былина, «братія наборная» (Кар. I, отд. IV, № 1, 4, № 2); и если были, какъ видно даже изъ «Слова», такіе князья, которые сами на бой не выходили, но посылали толь-

ко воеводъ, за то бывали и настоящіе «герои»: «божіи человѣки» выходили изъ княжеской гридни такъ же, какъ и изъ боярскихъ теремовъ и изъ крестьянскихъ хижинъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ то убѣжденіе ученыхъ, что въ былинѣ о Вольгѣ и Волхѣ Всеславичѣ — воспѣтъ не кто иной, какъ «вѣщій князь Олегъ» съ наслоеніями, быть можетъ, преданій о другомъ — «вѣщемъ князѣ Всеславѣ». Подъ воздѣйствіемъ былиннаго уклада, въ «Словѣ о полку Игоря» начертанъ образъ буй-тура Всеволода; авторъ не изобразилъ предъ нами подробностей сраженія войска Игоря на другой день на рѣкѣ Каялѣ, о которомъ подробно разсказываетъ лѣтопись: онъ ограничился при описаніи этого сраженія лишь картиной борьбы одного князя Всеволода: богатырскій его бой даетъ понять лучше всего картину сраженія цѣлаго войска.

Какъ въ былинѣ, такъ и въ «Словѣ», князь, предводитель дружины, одинаково вдохновляетъ войско своими рѣчами. Подобно тому, какъ Игорь говоритъ: «Братья и дружино... а всядемъ на свои борзыя комони, да позримъ синяго Дона», — и богатырь Волхъ Всеславичъ взываетъ:

Ай же сила моя дружина хоробрая
Сѣдлайте,—уздайте добрыхъ коней
Туго натуго и крѣпко накрѣпко

Но особенно ясно и наглядно дается намъ въ былинѣ то же понятіе о дружинѣ, какое и въ «Словѣ». Задача жизни богатыря изображена въ былинѣ буквально тѣми же словами, какъ она изображается въ лѣтописи и «Словѣ».

Богатырь величается здѣсь стоятелемъ, оберегателемъ этой земли святорусской. Подобно тому, какъ въ «Словѣ». — куряне были подъ трубами повиты и подъ шеломами взлелѣяны, и въ былинахъ богатырь Волхъ говоритъ своей матери:

А не пеленай во пелену червчатую
А не поясы въ поясье шолковое

Наденай меня, матушка, въ крѣпки латы булатныя
А на буйную голову клади златъ шеломъ.

(Рыб. о Волхѣ).

Подобно тому, какъ въ «Словѣ» — дружина рыщетъ, яко туры, ищетъ князю славы, а себѣ чести — и въ былинахъ богатыри движутся тѣмъ же нравственнымъ мотивомъ.

При обозрѣніи историческаго значенія «Слова», мы уже видѣли, какъ дорожила дружинная кіевская Русь своею славою въ иностранныхъ земляхъ. Указаніе на то читаемъ и въ былинахъ.

Когда Дунай сваталъ дочь ляговинскаго короля за князя Владиміра, король говоритъ: «за Владиміра можно дѣвку отдать, хорошій женихъ — во славѣ и почести (кн. III, 55)·

Изъ иностранныхъ земель былина знаетъ латиновъ, землю ляховецкую, по «Слову» — лядскую. Она помнитъ даже землю веденецкую (И. Д. 1), что́ напоминаетъ «венедицевъ» «Слова».

Илья Богатырь, отпуская разбойниковъ-подорожниковъ изъ-подъ Чернигова, заказываетъ подавать всюду вѣсть.

Что святая Русь не пуста стоитъ—
Много въ ней славныхъ могучихъ богатырей.

Распаленіе къ геройскому подвигу здѣсь также картинно, какъ въ лѣтописи и въ «Словѣ».

Богатырское сердце разговорчиво и не уемчиво:
Пуще огня огничка сердце разыграется.

Подобно тому, какъ святославъ III говоритъ въ «Словѣ»: «чи-диво старику помолодѣти», Илья Муромецъ выражается· «размотать развѣ старость богатырскую» (Г. 1158).

Понятіе былины о степи также тождественно понятію «Слова»· Какъ тамъ, такъ и здѣсь, это «сила поганая великая» — и если въ «Словѣ» представителемъ степи является какой-то «Дивъ» и «бол-

ванъ Тмутороканскій», то въ былинѣ, въ силу непосредственной эпической стихіи, степь преставляется въ видѣ разныхъ поганыхъ чудищъ, то въ образѣ лютой «Горынь-Змѣи», или Змѣя Горыныча или Тугарина Змѣевича, то въ образѣ «Поганаго-идолища» или одолища, то въ лицѣ «разбойниковъ» или въ образѣ «Кощея безсмертнаго». Отъ поганаго духу татарскаго не можетъ крещеный живымъ быть. Но рядомъ съ такимъ представленіемъ, какъ и въ «Словѣ», является и какое-то необыкновенное благодушіе и даже побратимство.

Вотъ Илья убиваетъ Соловья-разбойника, но не позволяетъ князю Владиміру воспользоваться его мнѣніемъ, а отдаетъ его «Соловьинымъ дѣтушкамъ».

Какой-то черниговскій князь хотѣлъ выдать свою дочь за степного хана, хотя и удалось ей выдти за русскаго богатыря.

Былина помнитъ даже и землю половецкую (Кир. III, 116—124), она знаетъ телѣги ордынскія [1] (К. Д. 222). Ей извѣстна знаменитая половецкая фамилія Шаруканей и имя Салтыка, вѣроятно, Солтана.

Всѣ богатыя черты дружинной кіевской Руси, передаваемыя «Словомъ», сохраняются и въ былинѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ также «терема златоверхіе» [2] и даже съ матицей (К. Д. 159—160) или князёмъ— черта, которой напрасно стали бы искать въ восточной архитектурѣ. Изъ покоевъ часто упоминается и гридня столовая, въ какой, по «Слову», преклонился Кобякъ предъ грознымъ Святославомъ. Встрѣчаемъ здѣсь и тесовую кровать, которая въ «Словѣ» называется «тисовой». Даже сонъ Святославовъ отчасти можемъ читать въ былинѣ.

Охота, которой занимался Игорь, по «Слову», часто упоминается въ былинѣ: «ѣздитъ богатырь по тихимъ по заводямъ и стрѣляетъ гусей, лебедей и пернатыхъ уточекъ» (Г. 1104).

---

[1] Въ Лѣтоп. о телѣгахъ и обозахъ татарскихъ, т. II, 144.

[2] Теремъ въ «Лѣт. Кіев.», т. I, 23, 35.

Выти завтрака и обѣда также встрѣчаются въ былинѣ (Рыб., 1, 112).

Семейныя отношенія отзываются здѣсь, какъ и въ «Словѣ», мотивами ближайшихъ родственныхъ привязанностей; кто старъ, тотъ отецъ («Пск. Лѣт.», изд. Погод., 16). Старики и старухи въ былинахъ—батюшка и матушка. Въ «Словѣ» Святославъ, какъ извѣстно, Игоря и Всеволода также называетъ «сыновцами».

Плачи женъ въ былинахъ встрѣчаются не рѣдко и даже съ характеромъ дружиннымъ: оставленная семья иногда какъ будто въ отчаяніи:

Садилася свекровушка да невѣсточки въ одно мѣсто,
Плачютъ убиваются,
Да молода Добрыню изъ чиста поля дожидаются,
Пріѣдучись не начаются.

Срокъ дружиннаго возмужанія, опредѣляемый былинами въ 15 лѣтъ, вполнѣ совпадаетъ съ годами Владиміра Игоревича, который былъ въ походѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ.

Мощеніе мостовъ по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ во время похода, которое въ «Словѣ» встрѣчается какъ поэтическій образъ, не рѣдко упоминается въ былинѣ:

Шла же эта сила въ Кіевъ градъ,
Мостили мосточки калиновыя.

Изъ культурныхъ предметовъ, привозимыхъ изъ-за границы здѣсь упоминаются «оксамиты», о которыхъ говорится также въ «Словѣ».

Воинскіе доспѣхи и оружіе здѣсь тѣ же самые, что и въ «Словѣ»: мечи, сабли, копья, луки, стрѣлы, колчаны, кони съ сѣдлами и сѣдла со стременами; стрѣлы какъ тамъ, такъ и здѣсь называются калеными (Рыб., 1, 6, стр. 113), сабли называются вострыми (въ «Словѣ» изъострены); пряжки у сѣдла красна золота (въ «Словѣ»

златъ стремень). «Засапожникамъ» въ былинѣ, кажется, соотвѣтствуютъ «ножища-канжалища».

Мы уже упоминали о томъ, что «кметство» развивалось искусствомъ и существовали даже воинскія состязательныя игры.

Для характеристики «свѣдомаго кметства» считаемъ не излишнимъ указать на соперничество въ былинѣ богатырей въ конскомъ ристаніи, стрѣльбѣ въ цѣль и въ борьбѣ (Рыб. 1 и 11. 4 Майкова, стр. 54).

Если богатырь Дунай, и притомъ еще не въ трезвомъ видѣ, вызвалъ на подобное состязаніе свою жену, то напрасно г. Стасову подобный вызовъ дамы на поединокъ показался крайнею нелѣпостію. Вѣдь въ крестьянствѣ это обычное явленіе жизни: тамъ и нынѣ не рѣдкость, если мужъ и жена соперничаютъ въ томъ, кто кого переборетъ и кто кого перетянетъ и т. п. А вотъ и пѣсня, которая указываетъ на подобныя явленія:

Вдоль по травкѣ,
Вдоль по муравкѣ
Тамъ ходилъ-гулялъ молодчикъ.
Молодецъ удалый
Кличетъ выкликаетъ
Красную дѣвицу:
Выйди, выйди, дѣвица:
Со мной парнемъ побороться!
А дѣвица къ молодцу
Парню выходила,
А дѣвица молодцу
Парню говорила:
Не хвалися, молодецъ,
Самъ ты собою,
Самъ ты собою
Силою своею!
А дѣвица молодца
Парня поборола.

Что касается политическаго уклада древней Руси, то былина въ какомъ-нибудь Заонежьѣ не только знаетъ города областей приднѣпровской Руси, но и еще помнитъ, что было самаго характеристичнаго въ каждой изъ этихъ областей; она знаетъ, что «наилучшіе богатыри были въ Кіевѣ» на заставахъ отъ поганой степи, а «золота казна въ Черниговѣ»—мы указывали уже на эту историческую черту его; «а хлѣбные запасы въ Смоленскѣ городѣ,»—средоточіи хлѣбной торговли между югомъ и сѣверо-востокомъ. Точность поразительная для народнаго эпоса.

Мы указывали также на тотъ упрекъ, съ какимъ Святославъ кіевскій обращается въ своемъ золотомъ словѣ къ князю Всеволоду, который, занявшись сѣверо-восточными дѣлами, мало обращалъ вниманія на югъ:

Не подумаешь ты, говорилъ онъ, поберечь золотого престола отецкаго?! Видно, что Кіевъ смотрѣлъ на сѣверъ свысока. Черта эта замѣтна и въ былинахъ: залѣсскій владимірскій край на богатую и боярскую кіевскую Русь производилъ впечатлѣніе края демократическаго, мужицкаго. Мужики отсюда называются въ былинѣ «залѣшане» (Рыб., 1, § 13) и трактуются «зѣваками».

Мужики залѣшане,—бѣда дремать,
Продремлютъ богатыря въ чистомъ полѣ.

Какъ «Слово», такъ и былина менѣе всего касаются народа, его быта и отношеній. Но если уже въ «Словѣ» рѣзко разграничивается боярство отъ «пахаря» или, какъ въ лѣтописяхъ, отъ смерда, то еще осязательнѣе сказывается это въ былинѣ:

Князь Владиміръ говоритъ Ильѣ:
Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхаешься,
Во глазахъ, мужикъ, ты надрыгаешься (Рыб., 1, 10).

Богатырь Микула Селяниновичъ—представитель крестьянства—и тотъ, по былинѣ, очень невыгодно трактуетъ мужика.

Или вотъ что говоритъ, напр., Чесова жена:

Мы есть роду богатаго именитаго,
Именитаго роду, княжескаго,
Вы есте роду нищетнаго, кошельчатаго.

Боярскіе роды хвастливые, замѣчаетъ одна былина (К., IV, 8).

Это понятіе дружинно-боярской Руси о своей родовитости нельзя считать позднѣйшимъ привнесеніемъ въ былину. Оно есть всеобщее явленіе и присущее всѣмъ передовымъ людямъ, стоящимъ во главѣ народовъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторіи.

Даже дочери Соловья-разбойника и тѣ не иначе говорятъ въ былинахъ о мужикѣ, какъ крайне презрительно; онѣ называютъ его «мужичищемъ-деревенщиной»; впрочемъ, иного, конечно, отъ степи и ждать нельзя.

Сдѣланныя нами сближенія «Слова» съ былиной показываютъ, насколько оно проникнуто народной стихіей. Чтобы еще болѣе видѣть сходство въ этомъ отношеніи мы сравнимъ ихъ по языку.

Оказывается, что здѣсь встрѣчаются не только одни и тѣ же отдѣльные образы, но и цѣлыя картины.

Для объясненія выраженія «бусый», въ былинѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: бусѣть, значитъ здѣсь—чернѣть.

Котора была мѣдь аравитская,
Никогда она не бусѣла, не ржавѣла.

Раны называются кровавыми.

Былина знаетъ также пардусовъ, какъ и «Слово» (въ числѣ звѣрей Волхъ убиваетъ пардусовъ) (въ «Словѣ» пардуже гнѣздо).

Шеломя встрѣчается также въ былинѣ, и называется окатистымъ. (К., Ш, 46).

Но вотъ и цѣлыя картины почти такія же, какъ и въ «Словѣ»

Измѣренія проѣханнаго пространства церковною службою, для обозначенія быстроты ѣзды, употребленное въ «Словѣ» (тому въ Полотскѣ позвониша къ заутренѣ, а онъ къ Кіевѣ звонъ слыша) являются въ былинахъ постоянною эпическою формою:

Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
Поспѣвалъ-то къ обѣденкѣ въ стольный Кіевъ градъ.

Игорь, возвратившись изъ полона, разговаривалъ съ рѣкою Донцемъ, подобный же разговоръ ведетъ и богатырь Сухманъ съ Нѣпрою рѣкой.

Въ «Словѣ»: «И рѣче Гзакъ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни наша будетъ сокольца, ни наша красной дѣвицѣ».

Въ томъ же смыслѣ старый казакъ Илья Муромецъ говоритъ кн. Владиміру на счетъ Данилы Ловчина и его жены, которую хотѣлъ себѣ присвоить Владиміръ:

Изведешь ты яснаго сокола
Не имать тебѣ бѣлой лебеди.

Въ «Словѣ»:

Солнце на небеси,
Игорь князь въ русской землѣ.

Въ былинѣ:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ
Одинъ казакъ на св. Руси,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

Число 7 въ былинѣ также встрѣчаемъ, какъ и въ «Словѣ».

Былъ я на семи бояхъ,
На семи бояхъ. на семидесяти
Все мнѣ старому удавалося.

Впрочемъ, главнѣйшія особенности языка былинъ связаны съ другой, присущей имъ стихіей, именно съ стихіей миѳической, которая здѣсь существеннымъ образомъ связана и перемѣшана съ бытовымъ фактомъ.

Всѣ былины Владимірова цикла, какъ мы уже сказали, выражаютъ собственно одинъ историческій фактъ, «борьбу русской земли со степью». Но кромѣ этого оберегательнаго, такъ-сказать, періода, былъ еще періодъ наступательный борьбы на Византію.

Выше мы говорили, что дружинныя словеса объ этомъ періодѣ сквозятъ на первыхъ страницахъ «Кіевской Лѣтописи». Здѣсь мы по-

зволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что этотъ наступательный періодъ не прошелъ безслѣдно и для народнаго творчества,—рядомъ съ дружинными словесами шла и народная былина. Даже дошедшая до насъ былина вспоминаетъ объ отношеніи Руси къ Царьграду: она знаетъ не только цареградскіе сыгришки (Кир., IV, 67), но и камку-хитрость Царьграда (Кир. IV, 101), и шляпу земли греческой (Кир. 11, 50); она знаетъ, что тамъ четье-пѣнье церковное и звонъ колокольный (Кир., IV, 22), что черезъ Царьградъ русскіе калѣки перехожіе ходятъ въ Іерусалимъ ко гробу Господню (К. Д., 227); былина знаетъ наконецъ, что тамъ былъ царь «Константинъ» Боголюбовичъ, что Царь-градъ обступила невѣрная сила и потому заставляетъ отправляться туда Илью Муромца и защищать его отъ враговъ, какъ защищаетъ онъ въ Кіевѣ князя Владиміра.

Принадлежащая намъ рукописная былина, о которой мы упоминали выше, прямо развиваетъ ту мысль, какъ ходили кіевскіе богатыри на богатырей цареградскихъ и учинили себѣ честь; на просьбу князя Владиміра поберечь Кіевъ, они отвѣчаютъ, что они сторожами не повадились быть и не придется имъ сторожами слыть. Наступательный характеръ составляетъ сущность этой былины и въ этомъ отношеніи ставитъ ее внѣ былинъ Владимірова цикла. Имена русскихъ богатырей тѣ же, что и въ дошедшихъ до насъ былинахъ; но побѣда надъ цареградскими богатырями, приводъ одного изъ нихъ къ Кіеву и затѣмъ отпускъ его въ Царьградъ: словомъ, начало и конецъ, связанные съ Царьградомъ и выраженные въ цѣлой особой былинѣ, указываютъ здѣсь подкладку болѣе древнюю, чѣмъ имена богатырей позднѣйшей эпохи.

Къ циклу былинъ этого наступательнаго періода на Византію мы относимъ и дошедшую до насъ былину о Волгѣ или Волхѣ Всеславичѣ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе другихъ изслѣдователей, что въ ней воспѣтъ Олегъ вѣщій.

Такимъ образомъ, если «Слово о полку Игоревѣ» лишь только упоминаетъ о грекахъ, говоря, что они пѣли Святославу, былина тянетъ къ Византіи болѣе глубокими корнями.

Но что̀ такое чудесное въ былинѣ и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ миѳологіи «Слова»?

Былина обязана своимъ происхожденіемъ, по нашему мнѣнію, историческому факту богатырства: нравственные подвиги дружинниковъ, подъятые за землю русскую отъ поганой степи, должны были производить на народъ глубокое впечатлѣніе и оставлять въ его душѣ столь же глубокіе слѣды. Богатырскія могилы, о которыхъ гласятъ рукописи и географическія имена бугровъ, должны были поддерживать и оживлять преданія объ этихъ необыкновенныхъ божіихъ человѣкахъ. Былина, по нашему мнѣнію, слагалась такъ же, какъ послѣ складывались житія святыхъ, о которыхъ преданіе мало сохранило біографическихъ под обностей.

За отсутствіемъ подробныхъ историческихъ данныхъ, біографы пріурочивали жизнь святого къ опредѣленной, уже установившейся рамѣ житія и обставляли его извѣстными эпическо-біографическими чертами, въ родѣ того, что «у родителей долго не быша дѣтей и святой былъ сыномъ молитвы, что уже груднымъ ребенкомъ по средамъ и пятницамъ отказывался отъ груди матери, что въ 7 лѣтъ онъ являлъ уже особенную премудрость» и т. п.

Подобнымъ же образомъ создалась и былина.

Прежде всего преданіе о богатыряхъ должно было прикрѣпиться къ готовому уже остову народнаго эпоса: иначе сказать, оно должно было принять форму народнаго эпическаго сказанія. Однообразіе и монотонность всѣхъ дошедшихъ до насъ былинъ Владимірова цикла прямо указываютъ на этотъ остовъ.

Въ нашемъ рукописномъ собраніи есть, между прочимъ, одно сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ съ особенностями малороссійскаго письма и говора, о которомъ мы заявили на III кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, поддерживая свое желаніе, чтобы кіевскіе ученые поискали подобныхъ рукописей въ своемъ краѣ и позаписывали уцѣлѣвшія тамъ преданія объ этой средоточной личности кіевскаго богатырства.

Сказанiе о которомъ мы говоримъ, носитъ въ нашей рукописи такое «заглавiе»: Исторiа ѡ славномъ и о храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о соловьѣ разбойникѣ». Въ данномъ случаѣ для насъ чрезвычайно важно то, что здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ «кiевскимъ княземъ»; во всемъ сказанiи «имени Владимiра» нѣтъ и помину. Отсутствiе этого имени въ сказанiи, записанномъ притомъ на югѣ Россiи, чрезвычайно важно: оно именно указываетъ на тотъ остовъ, къ которому приросла былина въ главѣ съ княземъ Владимiромъ.

Далѣе, при отсутствiи бiографическихъ подробностей, которыми, конечно, не богато было преданiе и которыхъ не могла восполнить богатырская могила, былина должна была брать содержанiе для нихъ изъ готоваго запаса представленiй «божiихъ человѣковъ». Такимъ образомъ мертвый эпическiй остовъ облекся въ историческую плоть и дружинники-герои получили въ народномъ сознанiи образъ «человѣковъ божiихъ».

По мѣрѣ того, какъ поганая степь возставала въ душѣ народа въ образахъ—«лютой змѣи и хоботастыхъ драконовъ», и богатырство земли русской должно было принимать въ народномъ сознанiи опредѣленныя очертанiя и выражаться въ типическихъ обликахъ.

Итакъ, русскiй народный эпосъ въ былинѣ является лишь формой отраженiя историческаго факта: самъ онъ уцѣлѣлъ въ ней лишь только, какъ курганный костякъ. Но какъ по могильнымъ костямъ трудно воспроизвесть живого историческаго человѣка, такъ и по миѳическимъ обломкамъ, сохранившимся въ былинѣ, трудно возсоздать полный космическiй миѳъ, видимо не наводя на нее искусственныхъ аналогiй.

Время князя Владимiра было не эпохой развитiя миѳа, а его упадка.

Въ исторiи развитiя миѳа выдаются три главныя послѣдовательныя ступени: 1) царство неба или «Сварога», греческ. Урана; 2)

царство Сварожича—солнца и небеснаго огня; 3) царство громовержца и тученосителя «Перуна», греческ. Зевса. Каждая послѣдующая степь представляетъ бóльшее количество боговъ,—а, слѣдовательно, и бóльшее дробленіе божественныхъ силъ, болѣе развитый антропоморфизмъ въ представленіяхъ о богахъ, болѣе выработанный культъ и лучше организованную жреческую іерархію.

Чередованіе царства боговъ обусловливалось чередованіемъ формъ гражданственности у народовъ. Божеству неба поклоняются народы звѣроловные и номады въ древнѣйшую пору: надъ кочевыми народами царитъ божество солнца съ своимъ братомъ — небеснымъ огнемъ; оно же, естественно, господствуетъ въ странахъ, мало орошаемыхъ дождемъ; культъ громовержца и тученосителя встрѣчается во всѣхъ умѣренныхъ странахъ въ эпоху земледѣльческаго и государственнаго быта. Причина такого чередованія понятна. Вступая на новую ступень гражданственности, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣняетъ свое отношеніе къ важнѣйшимъ дѣятелямъ природы. Дикарю мало дѣла до силы солнца, сожигающей и произращающей злаки; средства его пропитанія мало выигрываютъ или страдаютъ; не много нужды и до грозовыхъ явленій, которыя притомъ въ иныхъ странахъ и не грозны. Вся жизнь кочевника въ стадахъ, а жизнь стадъ въ обиліи сочныхъ травъ на степяхъ, всегда сухихъ и подверженныхъ дѣйствію солнца; попали засуха степи, изсуши источники, стада погибаютъ, гибнутъ и люди. Урожай хлѣба и благосостояніе хлѣбопашца наиболѣе зависятъ отъ благопріятнаго распредѣленія, по временамъ года, дождя—небеснаго сѣмени. Человѣкъ же въ окружающемъ его мірѣ наиболѣе любитъ то, чтó ему полезно и боится того, что для него вредоносно. Съ измѣненіемъ отношеній человѣка къ природѣ, измѣнялись въ его глазахъ способы, мѣсто и свойство проявленій «божества» и его дѣятельности. Оно, въ понятіяхъ дикаря покоющееся въ небѣ, кочевникамъ представлялось дѣйствующимъ въ произращающей силѣ солнца и въ борьбѣ съ Зимою и холодомъ, а земледѣльцамъ являлось въ грозовыхъ явленіяхъ. Иного совпаденія формъ религіозныхъ и формъ гражданственности исторія человѣчества не представляетъ.

Раздѣляя всѣ эти мысли г. Розова, мы однакоже не можемъ согласиться съ нимъ о героическомъ значеніи нашей былины.

Время Владиміра не могло быть той эпохой, въ которую бы миѳъ переносился на героевъ людей—въ силу народнаго стремленія, придать ему болѣе естественности и жизненности. Это была эпоха рѣшительнаго потрясенія культа Перуна-громовержца; онъ былъ, наконецъ, замѣненъ христіанствомъ.

Положимъ, что масса народа могла оставаться во многомъ вѣрна этому культу и раздѣлять старыя вѣрованія, но, съ другой стороны, и политическое значеніе новой вѣры и церкви съ ея правами и широкимъ воздѣйствіемъ на общественныя и семейныя отношенія,—менѣе всего могли благопріятствовать развитію героическаго эпоса. Степь также, съ своей стороны, имѣла слишкомъ отрезвляющее дѣйствіе. Эти политическіе перевороты въ самомъ народѣ скоро и сильно должны были окончательно поколебать въ народномъ сознаніи силу и власть громовержца.

Миѳическія преданія явились въ народномъ сознаніи лишь на подмогу для образнаго и живаго представленія историческаго факта и дѣйствительныхъ—необыкновенныхъ героевъ въ борьбѣ съ поганою степью—какъ «божіихъ человѣковъ».

Не усматривая прямаго миѳа въ дошедшей до насъ былинѣ, мы однакожь, замѣчаемъ здѣсь слѣды его настолько, что допускаемъ впереди ея существованіе цѣльнаго героическаго періода русскаго эпоса.

Прежде всего замѣтимъ, что въ былинѣ встрѣчаются такія черты, которыя указываютъ на обычные пріемы гиперболическаго изображенія и встрѣчаются наравнѣ съ былиной и въ бытовой поэзіи. Быть можетъ, черты эти и вытекали когда-нибудь изъ миѳическаго преданія, но въ настоящее время эта связь такъ отдаленна, что дѣлать какіе-либо выводы изъ подобныхъ выраженій насчетъ космогоническаго миѳа было бы крайне опасно.

Другія черты богатырства несомнѣнно отзываются миѳомъ, но въ былинахъ бо́льшею частію стоятъ отрывочно, лишь только какъ гиперболическія черты историческаго факта, а потому развѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возможно углядывать въ томъ или другомъ богатырѣ то или другое космогоническое божество.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, вошедшихъ въ былину изъ народнаго эпическаго міросозерцанія, для изображенія богатырей, какъ людей необыкновенныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, какъ «божіихъ человѣковъ».

Таковы напр.:

1) Сверхъестественное рожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ;

2) Чудодѣйственный напитокъ, который даетъ исполинскую силу. «Что чувствуешь въ себѣ, Илья?—спрашиваютъ его калѣки перехожіе, поднесши ему чарочку питьица медвянаго;

3) Чудодѣйственные кони, какъ конь Василья Буслаева;

Подобные кони вѣщаютъ и человѣческимъ голосомъ.

4) Киданіе палки подъ облака: палка у богатыря въ 30 пуд., а иногда и въ 50: «налита свинцу чебурацкаго», и металъ онъ ту палку подъ облака (Г., 1199).

5) Враги подобные же гиганты, и притомъ чудища: Соловей-разбойникъ—получеловѣкъ и полуптица (К. IV, 3). Поганое идолище въ долину 5 саженъ, межъ плечами—косая сажень.

6) Чудесные звѣри.

7) Чудесныя птицы: мы уже выше привели примѣръ, въ которомъ сама былина замѣчаетъ, что она касается не того орла, который по полямъ летаетъ, а того орла, который дѣтей выводитъ на синемъ-морѣ, на бѣломъ латыри на камени (Г., 1104).

8) Чудесная смерть богатырей: отъ крови Дуная потекла рѣка Дунай (Р., 1, 185, 186, 194, 197, 11, 51), отъ крови жены его Настасьи Королевишны—также потекла рѣка; Илья-Муромецъ каменѣетъ въ то время, когда строитъ церковь пещерскую (К. IV, 52).

Всѣ эти черты таковы, что подъ ними теряются человѣческіе образы и предъ нами выступаютъ уже «божіи человѣки». Этихъ чертъ нельзя считать произвольными созданіями фантазіи: онѣ явились въ былинахъ на помощь ей для отображенія историческаго факта изъ запаса надмірныхъ образовъ, такъ какъ они могли быть воззваны въ духѣ только величественными явленіями космоса, а не обычной исторіей человѣческихъ дѣлъ. Изъ космическаго міросозерцанія взяты онѣ—и лишь служатъ въ былинѣ къ характеристикѣ борьбы русской земли со степью.

На космическое ихъ значеніе наводитъ часто и сама былина своими сравненіями:

Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися,
Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ. (К., IV, 80—82)

Встрѣчаются въ былинѣ черты, которыя совершенно не мирятся съ образомъ богатырей, какъ «божіихъ человѣковъ» и отзываются чисто стихійнымъ характеромъ и дикаго доисторическаго быта: появленіе ихъ въ былинѣ указываетъ на то, что на помощь народной фантазіи для изображенія факта безразлично представлялись и космическіе образы божествъ, болѣе человѣчно-мотивированные, и вмѣстѣ съ тѣмъ образы болѣе отдаленнѣйшей эпохи—эпохи дикаго быта и первобытнаго миѳическаго олицетворенія.

Къ такимъ стихійнымъ олицетвореніямъ относятся всѣ превращенія. Къ такимъ же чертамъ мы относимъ способность ихъ пить заразъ—полтора, полтретья, или полпята ведра; далѣе, наклонность ихъ къ самымъ грубымъ и дикимъ шуткамъ.

Сюда же относится подобная расправа богатыря съ врагами:

Ухватилъ татарина онъ за ногу,
Да и началъ татариномъ помахивать;
Онъ гдѣ вѣдь махнетъ—тутъ и улица,
А назадъ отмахнется—переулочекъ. (Г. II, 297).

Или же другой богатырь кидаетъ враговъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго.

Гораздо цѣльнѣе и наглядпѣе космическій миѳъ дошелъ до насъ въ сказкахъ, чѣмъ въ былинахъ. Эти послѣднія, по нашему мнѣнію, никакъ не должны быть изучаемы отдѣльно отъ сказокъ.

Всѣ отмѣченныя нами черты, вошедшія въ былину для отображенія историческаго богатырства, существеннымъ образомъ совмѣщаются въ сказкахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и страшныхъ силачей, исполиновъ и «вѣщихъ коней» (Аѳ., 1, 74, 11, 74, 84), и воду, дающую силу (1, 31), и живую и мертвую воду (1, 125), и окаменѣніе людей и змѣевъ о двѣнадцати хоботахъ, и «превращенія», и чудесныхъ животныхъ, шутки отрыванія рукъ и ногъ и т. п.

Такимъ образомъ, сказочный эпосъ не только можетъ помочь разъясненію миѳической стихіи былинъ, но и послужить указаніемъ для представленія русскаго эпоса, котораго въ былинахъ видѣнъ лишь только остовъ, да кое-какія кости космическихъ божествъ.

Нагляднѣе всего обнаруживается связь былины съ сказочнымъ эпосомъ въ одной сказкѣ—и именно въ той, которая больше всего имѣетъ значенія для теоріи тюрко-монгольскаго происхожденія былины, а именно въ сказкѣ объ Еруславѣ Лазаревичѣ [1]).

---

[1] Эта сказка въ нашемъ спискѣ носитъ такое заглавіе: «Сказаніе храбраго витязя Еруслана Лазаревича, русскаго богатыря». Рукопись въ 4-ю долю листа,

Важнѣе всего для насъ въ этой сказкѣ то, что она явилась къ намъ на Русь не отъ тюрковъ и монголовъ. Въ нашемъ спискѣ есть неотразимыя на то указанія. Здѣсь встрѣчаемъ мы собственныя имена, несомнѣнно греческія; таковы, напримѣръ: царь-змѣй Ѳеодулъ (Θεοδούλος—января 19, марта 2, апрѣля 29, мая 18, іюня 7, іюля 4, сентября 2,—154, 7); царь Вахрамей (Βαρθολομέος—іюня 11, 30, августа 25); мать Еруслана называется здѣсь Епистимія (Επιςήμια—ноября 5); дочь Вахрамея царевна Настасія (Ἀναςάσια—марта 10, апрѣля 15, октября 20, 30, декабря 22); воительницы или поленицы носятъ названія: «Продора» (πρόδορμα—впредь бѣгущая-вѣстница); «Мандора» (μάνδρα—толпа дѣвицъ); «Легія» (λέγιαι-γυναικὲς—слабыя, невоинственныя женщины). Если о первыхъ двухъ именахъ и могутъ еще возникать недоразумѣнія, то послѣднее стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія—по самому значенію этой «поленицы» въ разсказѣ.

Въ виду такого преобладанія греческихъ именъ, мы склонны думать, что и конь Аращей есть не что иное, какъ конь браннаго Арія (ἀρηϊθόος—быстрый какъ Арій, или просто ἄραιος—бывшій предметомъ мольбы, желанный). Самъ Картаусъ угрожаетъ, такимъ образомъ, обратиться въ гомерическое державецъ—κρατυς, или κράτος (отъ κρατεω—владычествую, повелѣваю). Русскія сказки, дѣйствительно, всегда завязываются нарицательнымъ именемъ царя: «въ нѣкакомъ царствѣ жилъ былъ царь»—безъ указанія собственнаго его имени.

Но отъ кого бы ни пришла къ намъ эта сказка,—она въ русскомъ народномъ сознаніи нашла себѣ сродныя стихіи, прикрѣпилась къ общимъ съ нею эпическимъ представленіямъ,—получила форму, соотвѣтствующую народному характеру и быту, и такимъ образомъ—вмѣстѣ съ нашей былиной—она можетъ разъяснять не только общій миѳическій костякъ, замѣтный какъ у насъ, такъ и въ преда-

---

скор. 1753 г. Писалъ Михей Чаромскій,—село чаромское, въ череповскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи. Рукопись подарена мнѣ преподавателемъ олонецкой духовной семинаріи—Д. И. Любецкимъ.

ніяхъ Византіи, но и служитъ еще указателемъ русскаго мотивированія космическаго миѳа.

Теперь обратимся къ самому существенному вопросу для нашего изслѣдованія,—именно къ вопросу о томъ, «въ какомъ отношеніи миѳическія черты былинъ стоятъ къ миѳологіи «Слова»?

Существенный выводъ въ данномъ случаѣ тотъ, что Соловей-разбойникъ, Поганое-идолище и Лютая-змѣя разныхъ видовъ, въ былинѣ означаютъ поганую степь и, стало-быть, вполнѣ отвѣчаютъ Диву и Тмутораканскому болвану, которые въ «Словѣ» являются представителями степи. Посредствующимъ и сближающимъ всѣ эти образы звѣномъ служитъ «Дивище», сохранившееся доселѣ на фрескахъ кіево-софійскаго собора, въ борьбѣ его съ какимъ-то богатыремъ. Это Дивище представлено здѣсь въ видѣ «человѣка съ птичьей головой»—и оно уцѣлѣло, какъ-будто для того, чтобы видѣть намъ, какъ сходятся въ немъ былинный Соловей-разбойникъ—полу-человѣкъ и полу-птица—и Дивъ «Слова», сидящій на деревѣ, кличущій степи—и затѣмъ повергающійся на землю.

Представленіе степной силы—въ образѣ Дивища—крѣпко было даже и въ московскій періодъ. Вотъ какъ, напр., описывалось вступленіе въ бой Улуха Махмета съ войскомъ Василія Васильевича Темнаго: «Онъ же царь змій, видѣвъ войско московское, уже близь къ нему грядуще... и всѣдъ на конь свой и взя оружіе свое въ руку и поскрежета зубы аки дивій звѣрь, грозно посвиста, аки страшный звѣрь, и ожесточися сердцемъ на брань, яко левъ ревый, огнемъ дыша; противу многихъ воевъ великаго князя съ немногими вои напустися».

Въ подобномъ же образѣ представляется затѣмъ самозванецъ: «и паки мало почіютъ люди московскаго государства—и звѣрь воста горшій первыхъ» [1]. Затѣмъ всецѣло этотъ образъ усвоенъ былъ расколомъ въ его воззрѣніяхъ на представителей церкви и государства,

---

[1] Рук. Чертк. библ. $1^{8}/_{44}$ л. 17, 18.

Микула Селяниновичъ является преемникомъ Велеса: въ этомъ случаѣ соединяющимъ звѣномъ былины съ «Словомъ» служитъ приведенная нами миѳическая пѣсня, которая и нынѣ еще бытуетъ среди народа. Борода при обрядѣ завертывается въ честь «Велеса»,—а въ пѣсни, которая при этомъ поется, воспоминается имя «Микулы».

Связь Микулы съ Велесомъ видна изъ того, что ни одинъ святой не пользуется въ крестьянствѣ такимъ почетомъ и любовію, какъ Николай Чудотворецъ и имя его поминается въ каждой малѣйшей крестьянской нуждѣ. Очевидно, въ живомъ народномъ сознаніи въ образѣ Николая—живетъ тотъ, кому вертится борода на полѣ, кто считается обладателемъ земной тяги, или же тотъ, кто говоритъ о себѣ въ былинѣ:

А я ржи напашу
Да во скирды складу,
Во скирды складу—домой выволочу;
Длани надеру, да и пива наварю
Пива наварю, да мужичковъ напою,
И станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ

Николинъ день—дѣйствительно—пивной праздникъ по преимуществу,—по крайней мѣрѣ, въ Новгородской губерніи.

Есть въ былинѣ миѳическія черты, которыя близко подходятъ къ образу Хорса, упоминаемаго въ «Словѣ»:

Была у Ильи заповѣдь великая
Стоять-то у заутрени въ Черниговѣ
Поспѣть къ обѣдни въ Кіевъ градъ,
Перескоку ровно 300 верстъ.

Богатырь, ѣдущій на конѣ, изъ рта котораго пышетъ пламя, голова котораго подъ облаками, а хвостъ по землѣ разстилается, дѣйствительно соотвѣтствуетъ Хорсу, съ которымъ въ «Словѣ» соперни-

чаетъ въ бѣгѣ рыщущій Всеславъ: «ему же позвонили въ Полоцкѣ къ заутренѣ, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ».

Этотъ мотивъ, изображающій бѣгъ богатыря, аналогичный бѣгу великана Хорса, проникъ, какъ извѣстно, въ біографическую письменность и выраженъ въ поѣздкѣ Іоанна, архіепископа новгородскаго XII вѣка, изъ Новгорода въ Іерусалимъ между ранней и поздней обѣдней.

Если Игорь въ «Словѣ» называется «внукомъ Дажь-бога», по его жизни, по изобилію и богатству его земныхъ благъ, то съ этой стороны — судя по пирамъ и избытку въ хлѣбосольствѣ князя Владиміра — онъ по преимуществу является внукомъ этого божества. Основаніе для того дается живыми народными эпическими представленіями. Въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣненъ найденный А. С. Лебедевымъ въ Дѣлахъ Харьковской Духовной Консисторіи 1764 г. и обязательно сообщенный намъ *заговоръ*, въ которомъ *мѣсяцъ* сродникъ Солнца-Дажъ-бога прямо называется *Володимеромъ*: «*Мѣсяцу Володимеру!* Славенъ ты на небѣ и на землѣ и царямъ и князьямъ и попамъ и священникамъ и всему роду Христіанскому! Такъ бы и я славенъ былъ и царямъ и попамъ и всему роду Христіанскому».

Наконецъ, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» встрѣчаются слѣды оборотничества и стихійныхъ превращеній, которыя такъ часто являются въ былинахъ. Всеславъ князь, скакавшій лютымъ звѣремъ, ночью висѣвшій на мглѣ, а утромъ бронями разбивающій Новгородскія врата — по всей справедливости, можетъ быть сопоставленъ съ вѣщимъ Вольгой или съ Волхомъ Всеславичемъ, котораго вѣщая натура такъ прекрасно изображена въ былинѣ. Не даромъ, конечно, Волхъ называется Всеславичемъ и даже, какъ въ нашей рукописной былинѣ, — самъ Владиміръ величается также Всеславичемъ.

Мотивъ превращеній имѣетъ широкое значеніе въ сказкахъ и, конечно, имѣетъ связь съ космическимъ миѳомъ.

Таковы наши выводы изъ сравненія «Слова» съ былиной. Въ Лѣтописи и «Словѣ» — точно также какъ и въ былинѣ, изображается

одна и та же дружинно-княжеская кіевская Русь. Лѣтопись рисуетъ намъ эту Русь—въ ея историческихъ походахъ и дѣлахъ,—«Слово» рисуетъ эту Русь—въ ея политическихъ идеалахъ, думахъ и ощущеніяхъ, которымъ не отвѣчала горькая дѣйствительность. Былина же изображаетъ ее такъ, какъ развилась она въ народномъ сознаніи, и въ лицѣ необычайныхъ ея героевъ, и въ идеальныхъ типахъ историческаго богатырства рисуетъ намъ ту же борьбу русской земли съ поганою степью.

Итакъ, въ этихъ литературныхъ памятникахъ, мы видимъ дружинно-кіевскую Русь, какъ описалъ ее монахъ, какъ очертилъ ее бояринъ, и какъ воспѣлъ мужикъ.

VII.

„СЛОВО“ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ ПОЗДНѢЙШИМЪ ПОВѢСТЯМЪ.

Судьба Кіевской дружинной Руси и слѣды языка ея въ позднѣйшей повѣствовательной литературѣ.—Отраженіе «Слова» въ «сказаніяхъ» о татарскихъ нашествіяхъ и повѣсти объ Александрѣ Невскомъ.—Задонщина какъ подражаніе «Слову».—Отношеніе «Слова» къ сказанію объ Азовскомъ сидѣніи.—Слѣды языка «Слова» въ Русскихъ хронографахъ.

Съ нашествіемъ татаръ пала навсегда Кіевская дружинная Русь, но не вдругъ могли изчезнуть ея воинскія преданія.

Центръ русской политической жизни съ нашествіемъ татаръ перемѣстился въ Суздальскую землю, въ тотъ самый за-Окскій край, который знатной боярской Кіевской Руси, представлялся не иначе, какъ краемъ залѣсскимъ, гдѣ съ ея точки зрѣнія жили мужики-демократы, которыхъ и величала она надмѣнно «мужиками *залѣшанами*». Съ тѣхъ поръ какъ на берегахъ Калки рѣшилась боевая слава Кіевскихъ храбрыхъ мужей, въ этотъ самый край должна была переселиться и Кіевская знать, и, подъ давленіемъ татарской силы, отказавшись отъ славы оружія, должна была прикрѣпиться къ землѣ вмѣстѣ съ мужикомъ залѣсскимъ.

Но, говоримъ, преданія о славѣ Кіевской дружинной Руси не вдругъ могли изчезнуть и въ этотъ періодъ вотчиннаго сельско-хозяйственнаго уклада ея въ за-Окскомъ краѣ. Въ позднѣйшей повѣствовательной литературѣ блескъ оружія старо-кіевской дружинной Руси все еще играетъ яркими лучами; образъ *«земли русской»* не перестаетъ предноситься рыцарскому сознанію; слава князя и честь его дружины еще отдаются въ старыхъ выраженіяхъ и рѣчахъ героевъ. Языкъ Слова о полку Игоревѣ еще живетъ въ устахъ и подъ перомъ повѣствователей о дѣяніяхъ князей и героевъ Сѣверной Руси.

Указать слѣды языка, оставленные Словомъ о полку Игоревѣ въ позднѣйшей письменности значитъ изложить судьбу этого памятника на Сѣверѣ Россіи, воскресить отзвуки Кіевской рыцарской Руси— среди поколѣній, жившихъ и дѣйствовавшихъ подъ новыми началами общественнаго и государственнаго уклада.

Начнемъ съ повѣствованій о нашествіи Батыя. Вотъ въ какой формѣ обыкновенно начинается скорбный разсказъ объ этомъ событіи:

«Хощу рещи, о друзи, повѣсть, иже и самыхъ безсловесныхъ можетъ подвигнути на плачъ или представити словомъ на сущихъ тогда Христіанъ изліянную на нихъ чашу пелыни Божія Суда... И кто можетъ представити словомъ, Христе милостивый, постигшая тогда злая Христіанскій родъ, глаголю же безбожнаго Батыя нашествіе, еже бысть въ лѣто ҂ѕѱмє. Сей убо безбожный, молніина стрѣла, съ безчисленнымъ множествомъ Агарянъ, безвѣстно пріиде лѣтомъ».....

Читая разсказъ лѣтописей о боѣ съ татарами на р. Калкѣ (подъ 1223 г.) нельзя не замѣтить, что здѣсь сказывается тоже понятіе о *«земль русской»*, какъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ: этимъ именемъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, означается *«сила русская»*. Три Мстислава: Кіевскій, Галицкій и Козельскій, бывшіе тогда *«старѣйшинами»*, совокупили *землю русскую всю* противу татаромъ.

V.

СМѢСЬ.

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ Е. В. БАРСОВА.

1. Челобитная Нѣжинскихъ купцевъ Царю Михаилу Өедоровичу на Брянскаго воеводу князя Григорія Долгорукова. 1642 г.

Царю Государю и Великому князю Михаилу Өеодоровичу всея Русіи. Бьютъ чоломъ, являютъ у Свинскомъ монастиру купци и мещане Королевскаго величества з места Нежина найме Климентей Яковлевъ и Семенъ Өеодоровичъ, являютъ, Государь, на столника твоего и воеводу Бранскаго князя Григорія Данилевича Долгорукова: деялася, Государь, в семъ году во 150-мъ у Свинъской ярмарки намъ купцомъ иноземъцомъ отъ твоихъ людей Царского Величества стрелца Брянского и купца Левки Кровопускова, побралъ у насъ, Государъ, Левко напрасно товару нашого на сто рублей шубъ и габы, а мы ему ничево не винны и нѣ какое кабалы онъ, Левко, на насъ не маетъ, а насъ, Государъ, самыхъ иноземцовъ у везеню держали две недели, торгу намъ ярмалачного збавилъ, товаръ у насъ насилствомъ шубъ 40 болшихъ, габы штукъ петнадцать, взяли на сто рублей; а иный у насъ, Государъ, товаръ залежалъ, писмо неякое на насъ змыслилы; и насъ голова началникъ твой, Государъ, Григорій Евхимовичъ Веровкинъ насилствомъ примусилъ, чтобъ мы, Государъ, подъ ихъ писмо

руки подписали; а намъ, Государъ, той грамоты не давали; не вѣдаемъ, что въ той грамотѣ писано. Ино, Государъ, били мы чоломъ твоему, Государъ, столнику и воеводѣ Бранскому князю Григорію Данилевичу Долгорукому на голову началника твоего, Государъ, Григорія Евхимовича Веровкина и на стрелца твоего, Государъ, Бранскаго Ловки Кравопуска; ино, Государъ, намъ иноземцомъ Климентію Яковлеву и Семену Ѳеодоровичу купцомъ столникъ твой, Государъ, и воевода Бранской князь Григорей Данилевичъ Долгорукой суду и права никакое не далъ; и по договору вѣчному докончаню великихъ пословъ, помилосердуй, Государъ царъ и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всея Руси; пожалуй, Государъ, насъ пожалуй, иноземцовъ Королевскаго Величества, купцовъ з места Нежина, вели, Государъ, нашо чолобитье и явку записать. Царъ Государъ, змилуйсе, пожалуй насъ! А при томъ былъ месте панъ Янъ Бержанъскій дворянинъ Королевскій скарбнику Стародубскому и при пану Улановскому дворянину князя Радивила старосты Могилевскаго; осударови купчины, которіи были тогожъ ярмалку Свинского игумну в намастыре Пречистоя Богородѣцы игумну подали явку, а мы тогожъ числа были чоломъ Государю, подавали чолобитную у Брянску у Розрядѣ столнику и воеводе Брянскому князю Григорію Данилевичу Долгорукому, и насъ былъ пожаловалѣ, по той чолобитной и по твоему Гасударову вказу, велѣлъ отпустить у Нѣжина, што межи насъ виннаго не было; никакого писанія намъ не вказалъ.

2. Письмо Газскаго Архіепископа Паисія Царю Алексѣю Михаиловичу о замыслахъ Порты въ отношеніи Малороссіи. 1657.

Свѣтлѣйшій повелителю и превеличайшій князю Алексіе Михаиловичъ, царю сильнѣйшій всеи великія и бѣлая Россіи и проч.

Здравствуй во Іисусѣ Господѣ нашемъ купно со всею Палатою!

Друзи, аще когда полезни бываютъ, убо внуждахъ имутъ быти изряднѣйшіи, коея вины ради и азъ самъ смиреннѣйшій витія твоего Царскаго Величества наглиющую нужду видя, и Христіанскаго гражданства бѣду приближающуюсь, сердцемъ помысливъ благоключимъ времене отвѣтъ не хотѣхъ отврещи, но того всѣми силами прихищати у мыслихъ. Убо Турское Отоманское повелительство, яко мѣсячное

къ возрасту всегда дышущее сѣверныя страны опустошати усильствуетъ; сего ради во оныя уже впасти тщится вооруженною рукою силнѣйшею. Понеже Малая Козацкая Русія начали, аки поставленно видятся, тую первую нашествовати уставиша, юже аще священное твое Величество Царское скорѣйше не защититъ, безъ сомнѣнія погибнетъ, лѣпотнаго помощества обнаженна и пособій лишенная въ нѣчинныхъ; ибо яко со великимъ веселіемъ слышахомъ, яко Величество Твое Свѣтлѣйшее посла князя именемъ Петровича со осми десятъ тысящи воиновъ въ защищеніе и помощь козакомъ, но даю истинное провѣщало, безъ притворныя лести, настояніе наипаче нудитъ и притчею обще глаголется: иже не хощетъ да посылаетъ, а иже хощетъ, да идетъ лично. Турскій повелитель изъ сѣдалища своего изыде, да страхъ сосѣдомъ сотрясетъ; христіанственнѣйшее Твое Величество въ дому своемъ укоснитъ сѣдяще, да разсуждаетъ лучшее и что либо вышнимъ свѣтомъ освѣтится, уставомъ да уставляетъ, ибо мнѣ малосердому видится, въ Малую Росію пришествовати твое Священное Величество со премногимъ имъ же Божіею благодатіею обилуетъ, и доблѣственнѣйшимъ воинствомъ, яко во еже устрашити враги сопредѣльныя, тако во еже укрѣпити паче и паче сопримирѣнныя и во еже стяжати хвалу и славу вѣчную и у Бога и у человѣкъ. Глаголетъ же и Творецъ не худородный: «вся аще погубиши, славу хранити памятствуй». Глаголю доблественно, внеже слышахъ моими сими ушесы, казаки зане Величества Твоего грамотамъ и повелѣніямъ повиноватися не восхотѣша, ктому князя Седмиградскаго миръ уставленъ, на малѣ сотвориша и пренебрегоша весма, и славное оное древнее имя истощенное у всѣхъ языкъ изыде, еже и самихъ ихъ не мало утаяетца, но ктому вѣсть сего безславія въ ихъ уши пріиде, растетъ бо вѣсть идущи; ни сего ради обаче возбуждатися подобаетъ, но ктому усердствовати, да не паки втожде впадаютъ въ поблужденіе, дващи бо блудити по той же вещи мудраго человѣка не судится быти. Не приходитъ яко тогожде судъ благоговѣніе и вѣры, еяже ради согласія купно съ поляками, но съ Седмиградскими кальвинистами имѣти никогда же можаху, въ дѣлѣ душна и паче разстоящимися. Сіе латынскимъ реченіемъ въ болшее опаство писати умыслихъ. Величество Твое Священнѣйшее правымъ и благимъ сердцемъ да пріемлетъ, да живетъ паки же живетъ на лѣта Несторова, въ возвышеніе православныя вѣры и благодѣтельство христіанскаго гражданства. Изъ Букореста Волоского Заалпинского, 8 октяб. 1657 г.

Твоего Священнаго Царскаго Величества Витiя Архiепископъ Газскiй Паисiй.

3. Листъ Гетмана Мазепы о книгахъ Македонскаго Николаевскаго монастыря Архимандрита Дiонисiя. 1690 г.

Въ 198 году велѣно было гетману Ивану Степановичу Мазепѣ сыскать въ Нѣжинѣ Греческiя книги, которыя оставилъ Македонскiя земли, Николаевскаго монастыря Архимандритъ Дiонисiй у Гречанина у Зофиря, или у кого онъ Зофирь скажетъ, описать и прислать въ Сѣвскъ къ воеводѣ Леонтьеву и февраля 22 того же лѣта онъ Мазепа книги розыскалъ и прислалъ въ двухъ коробьяхъ—и о посылкѣ ихъ листъ, въ коемъ означено:

Въ коробьѣ первой слѣдующiя книги:

1. Законъ Царскiй рукописаннный.
2. Аристотелева рукописная о земляныхъ дѣлѣхъ.
3. Тогожде книга переведена.
4. Толкъ пяти гласовъ.
5. Житiе Григорiя Богослова.
6. Бесѣды Григорiя Селунскаго.
7. Аристотелева о небесѣ.
8. Алексѣева казанiя.
9. Омирова творца о Троадѣ.
10. Лукъяново двоесловiе.
11. Св. Григорiя нравоучительныя бесѣды.
12. Порфирьева входъ въ логику.
13. Три Ѳеодора о взятiи Троады.
14. Матѳеево сложенiе.
15. Никифоровы бесѣды праздничные.
16. Грамматика Ласкарева.
17. Грамматика рукописанная.
18. Книга Арихметика.
19. Планудiя осиндансисъ.
20. Другая книга Синопсисъ.
21. Клеомидова круглое зрѣнiе.

22. Литургія.
23. Грисанфа Пелопонисія.
24. Герасима Армоористика.
25. Предисловіе къ Философіи.
26. Двадцать семь связокъ разныхъ тетрадей.
27. Книга Лавсаикъ.
28. Двѣ книги Димостенова Греческая и Латинская.
29. Восемъ книгъ пѣвчихъ.

Въ другой коробъѣ:

1. Рукописаніи Казаніи.
2. Василья Великаго постническіе бесѣды.
3. Книга Практики.
4. Метаѳрастово о садахъ.
5. Прокловы бесѣды.
6. Феофилово на Матѳѣево Евангеліе.
7. Грамматика.
8. Григорьевы праздничные бесѣды.
9. Этимологикъ.
10. Иродотова исторія.
11. Порфирьева Входъ.
12. Грамматика Петрово.
13. Платоново житіе.
14. Влахово сокровище.
15. Діогеново житіе.
16. Діонисія Описаніе земное.
17. Діонисіево Прологъ.
18. Евстафіево Толкъ на Аристотеля.
19. Другая Греко-латинская.
20. Влахово сокровище.
21. Книга Коридалѣева.
22. Синесіева Бесѣды.
23. Петра Евангеліе.
24. Грамматика.
25. Васильевъ толкъ на Бытіе.
26. Киклопъ и Посидонъ.
27. Двѣ грамматики.

28. Коридалѣево о душѣ.
29. Житіе Апостоловъ.
30. Книга Латинская.
31. Двѣ грамматики.
32. Двѣ книги Греко-латинскіе.
33. Ермиса тріевеличайшаго.
34. Книги премудраго Пселла.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РОЗЫСКАНІЯ

ВЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ АРХИВАХЪ.

Амфіана С. Лебедева.

I.

АПИНОВСКАЯ ТРОИЦКАЯ ПУСТЫНЬ

Когда основана Апиновская Троицкая пустынь, свѣдѣній не имѣется.

Въ 1689 году, при жизни преосвященнаго Бѣлогородскаго Авраамія, она была приписною къ дому его преосвященства. При ней значилось тогда пашенной земли 63 четверти съ третникомъ, большой Семской лѣсъ и сѣнокосъ, мѣра котораго не означена. Издавна были приписаны къ ней и крестьяне; но потомъ вслѣдствіе *запустѣнія* монашеской обители отъ какихъ-то причинъ, въ документахъ не указываемыхъ, крестьяне разбрелись и строитель съ братіею въ 1687 году должны были просить преосвященнаго о дозволеніи розыскивать бѣглецовъ: «въ прошлыхъ де годѣхъ», писали они въ своей челобитной, «жили за тѣмъ монастыремъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ съ двадцать и больше, и тѣ де крестьяне разошлись по разнымъ городамъ, а иные живутъ въ Курскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ соборныя воскресенскія церкви за попомъ Исаемъ—Артюшка, Лупка, Мишка, Левка, Осиповы дѣти, да въ протопоповскомъ жеребьѣ живутъ Аѳонька Ломакинъ, да за попомъ Андроникомъ живутъ изъ трехъ дворовъ крестьяне»... Запустѣніе святой обители, во время котораго совершился этотъ

[1] Свѣдѣнія о Апиновской Троицкой пустыни, упраздненной въ 1767 году, заимствуются изъ архива Курскаго Знаменскаго монастыря, къ которому (монастырю) она была приписною. Пустынь находилась верстахъ въ 25 отъ Курска на границѣ нынѣшнихъ Курскаго и Льговскаго уѣздовъ.—Объ означенномъ архивѣ наша замѣтка въ «Древн. и Нов. Рос.». 1878 г. Декабрь.

разбродъ крестьянъ, было такъ велико, что въ ней, какъ видно, не стало вскорѣ уже ни братіи, ни настоятеля; службы Божіей пѣть было не кому и послѣдній оставлявшій обитель монахъ старецъ Іона, бывшій Лпиновской пустыни крестьянинъ, снявъ съ колокольни колокола, передалъ ихъ въ Курскій Богородицкій Знаменскій монастырь: «какъ де та Лпиновская пустынь безъ строителя запустѣла (давалъ онъ по этому предмету показаніе), и они де крестьяне разошлись по разнымъ городамъ, и онъ де Іона въ то время сшелъ изъ за того монастыря въ Курскъ и взялъ съ собою четыре колокола и отдалъ въ Курскій Богородецкій Знаменскій монастырь, а принялъ де тѣ колокола того монастыря черный попъ Варлаамъ»... Возстановляя пустынь, преосвященный далъ указъ крестьянъ розыскивать, а колокола, буде есть въ монастырѣ, возвратить въ ту Лпиновскую пустынь по прежнему къ церкви строителю старцу Тимону съ росписскою. Неизвѣстно, нашла ли пустынь свои колокола и еще важнѣе—своихъ разбѣжавшихся крестьянъ (что крестьяне были при пустыни и потомъ, это будетъ видно изъ послѣдующаго); но состояніе пустыни, и по возстановленіи въ ней начальства, безъ котораго, какъ объяснялъ старецъ Іона, она запустѣла, было по истинѣ печально. Грабило ее это самое начальство, грабили и разбойники. Въ челобитной преосвященному Иларіону (отъ 1 марта 1718 г.) Лпиновской пустыни монахъ Іосифъ изъяснялъ, что «строитель Варсанофій, присланный въ 1716 г., тратитъ пустынный хлѣбъ съ великою утратою, варитъ вино въ два казана; а у нихъ въ пустыни вину расхода никакого нѣтъ, токмо де ихъ трое монаховъ, а которые были монахи и тѣ разбрелись по разнымъ монастырямъ для того, что пища малая и одежды не даютъ, а работать заставляютъ, токмо де оные строители себѣ собираютъ, такожде варить даютъ стороннимъ людямъ за взятку... Да у той же пустыня въ пасѣкѣ было 15 ульевъ со пчелами, и онъ строитель медъ поломалъ, а иныхъ пчелъ побилъ и медъ къ себѣ побралъ, а на какой расходъ, невѣдомо; да онъ же строитель ѣздитъ въ Курскій Знаменскій монастырь для служенія и живетъ дней по десяти и больше, такожде и въ деревни отъѣзжаетъ для прошенія хлѣба, и кто что пожалуетъ на братію, и того онъ ничего не являетъ, и живетъ во отъѣздѣ дни по четыре и больше, а монастырь вѣдаютъ по его приказу келейники, и за отъѣздомъ его службы мало бываетъ. И онъ, Іосифъ, ему строителю про все то говорилъ, и онъ за то его билъ своими руками въ кельѣ».

Въ 1722 году, въ генварѣ, пустынь была въ конецъ разграблена разбойниками, о чемъ въ донесеніи строителя іеромонаха Николая преосвященному Епифанію значится такъ: «ѣздилъ онъ въ Обоянской уѣздъ въ село Сергіевское для взятія сборнаго хлѣба, а оную пустынь и свою келью приказалъ смотрѣть до своего пріѣзду той пустыни новопостриженному монаху Сергію, и оный монахъ послѣ него на другой день безъ отпуску и безъ спросу изъ той пустыни, покинувъ монастырь, изъ кельи уѣхалъ въ Курскій уѣздъ въ домъ свой въ село Куначи, гдѣ былъ попомъ, и тогожъ генваря противъ 23 числа въ ночи пріѣзжали въ пустынь нѣкакіе воровскіе люди, а сколько человѣкъ, того невѣдомо, наряднымъ дѣломъ и разбоемъ взяли изъ кельи всякую монастырскую и его келейную рухлядь, платья и посуду, и деньги, прилучившагося въ кельи соборнаго дьякона Ивана Смецкаго били смертнымъ боемъ, отчего онъ Смецкій лежитъ при смерти, а другихъ ограбя посажали въ конинъ». Строитель высказываетъ при этомъ подозрѣніе, что изъ среды самой братіи трое монаховъ съ этими напавшими на пустынь разбойниками были въ согласіи такъ какъ они «изъ келлій своихъ къ ворамъ выходили и съ ними говорили, и по монастырю ходили, и, въ томъ ихъ разбоѣ не кричали и къ бобылямъ на слободку вѣдомости никому не давали и во весь пріѣздъ воровъ были свободны, не биты и не граблены, а послѣ того, какъ воры, разбивъ пустынь, поѣхали, и онижь, забравъ свою келейную рухлядь, тогожъ часу въ той же ночи за ними ворами пошли вслѣдъ, а пустынь покинули впустѣ, и гдѣ они монахи живутъ того невѣдомо».

Отличнымъ поясненіемъ къ этому разбойничему нападенію на пустынь служитъ челобитная Лпиновской пустыни попа Ивана къ преосвященному Епифанію отъ 22 іюля того же 1722 года, слѣдовательно въ самомъ скоромъ времени послѣ нападенія, въ которой онъ изъясняетъ, что, посвященный въ попы къ оной пустыни къ Троицкой церкви преосвященнымъ Иларіономъ, онъ, *по челобитью той пустыни вкладчиковъ*, получилъ отъ него же преосвященнаго Иларіона грамоту на пользованіе землею, сѣнными покосами, угодьями и церковными доходами; но въ 1720 году строитель пустыни іеромонахъ Варсанофій, жившій въ пустыни безчинно, разогнавшій братію и прибравшій къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ и солдатъ, съ оными бѣглецами билъ его плетьми и дубьемъ и отъ церкви отказалъ, а самъ изъ пустыни бѣжалъ,

невѣдомо куда, а послѣ него былъ присланъ въ пустынь строителемъ изъ Бѣлгорода отъ архимандрита Аарона іеромонахъ Николай Девяткинъ, и упомянутые бѣглецы сошлись жить къ нему строителю по прежнему жъ, и ему, попу Ивану, начали угрожать разореніемъ и онъ, убоясь того, отъ пустыни отошелъ на время, а теперь проситъ о возвращеніи къ ней.—Если таковъ былъ контингентъ Липиновской братіи—бѣглецы и бродяги, немудрено, что нѣкоторые изъ нихъ были и въ сношеніяхъ съ ворами, посѣтившими пустынь.

Послѣ этого разбойничьяго погрома, пустынь была отписана въ вѣдѣніе Курскаго Знаменскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы сей монастырь, яко сильный уже и цвѣтущій, позаботился о благоустроеніи и сей несчастной обители.

Собравъ въ пустынь монаховъ, Курскій монастырь послалъ имъ изъ среды своей братіи строителя, іеромонаха Германа, снабдивъ его инструкціей: «надъ іеромонахи и монахи и бѣльцы смотрѣть, чтобы жили смирно, не пьянствовали, и отнюдь бы никакого въ той пустыни безчинія не происходило и въ церкви божіей безъ пѣнія не было-бъ, а пришельцевъ въ ту пустынь безъ вѣдома нашего не принимать, а въ пашнѣ, сѣвбѣ, въ ужинѣ, въ умолотѣ хлѣба имѣть усердное радѣніе, и нынѣ изъ монастырскаго хлѣба, который есть, кромѣ обыкновенныя повседневныя пищи, монахамъ и бѣльцамъ ни на какіе расходы не держать, и монастырскаго лѣсу беречь и заповѣдныхъ деревъ рубить не дерзать, а живущихъ тамо братію и бѣльцовъ вѣдать и межъ ними расправу чинить и отъ своевольства унимать и смирять, смотря по винѣ чинить наказаніе при братіи съ запискою и отправлять, что надлежитъ по письмамъ изъ Курска за нашею рукою; а ежели противъ вышеписаннаго въ чемъ явишься неисправенъ, или отъ недосмотру и небреженія твоего учинится какое дурно, или въ чемъ утрата, и то взыщется на тебѣ и будешъ истязанъ, какъ о томъ Его Императорскаго Величества указъ повелѣваетъ».

Какъ благоустроялъ пустынь, по сей инструкціи, отецъ Германъ, какъ смотрѣлъ онъ надъ монахами и бѣльцами, чтобы они жили смирно, не пьянствовали, не безчинствовали, и какъ унималъ и смирялъ своевольныхъ, свѣдѣній на этотъ счетъ въ документахъ не имѣется; дѣятельность же по этой части его преемника отца Александра отмѣчена довольно яркими и выразительными чертами.

1730 году марта въ 9 день въ Курскомъ монастырѣ къ архимандриту Михаилу явились изъ Лпиновской пустыни три монаха Савватій, Іовъ и Самсонъ и доносили.

Первый—что въ названномъ 730 году въ великій постъ, а именно съ 7 на 8 число, въ ночи пріѣхалъ той пустыни строитель Александръ отъ Курскаго помѣщика Григорія Авдѣева въ оную пустынь пьяный и, пришедъ въ хлѣбную, напалъ на него, Савватія, взявъ за волосы, повалилъ и таскалъ по земли и вырвалъ многое число волосъ, и потомъ билъ полѣномъ и уступками—отдыхалъ шесть разъ—билъ неповинно, безъ всякой вины, пьяный, и отъ того бою отнялъ его Льговской пустыни монахъ Ефимій, да крестьянинъ Димитрій Маяковъ, да на него же строителя неоднократно объявляли той пустыни монахамъ его строительскій келейникъ Леонъ, да Кирилла Пишкова жена Евдокея, что де онъ строитель живетъ блудно съ женками, а именно онъ Леонъ сказывалъ, что де онъ строитель живетъ блудно невѣдомо съ какою пришлою женою, а Кириллова жена Евдокея сказывала, что де онъ же строитель живетъ блудно той пустыни Черкашенина Дениса съ женою Ксеніею.

Вторый—что оный строитель въ той пустыни въ 729 году на праздникъ Рождества Христова, служа божественную литургію, въ трапезѣ при братіи, билъ его монаха Іова неповинно своими руками по щекамъ, и отъ того бою изъ носа его шла руда.

Третій—что въ 730 году на всеядной недѣли, какъ онъ жилъ вмѣстѣ съ строителемъ въ одной кельѣ, онъ строитель напалъ на него, Самсона, и бранилъ его и билъ по щекамъ своими руками и дралъ за бороду безвинно и потомъ еще угрaживалъ бить, и онъ Самсонъ, убоясь его смотрителя Александра—для того, что и до того времени онъ многократно бивалъ его, бѣжалъ изъ той пустыни въ Льговскую пустынь, а потомъ опять пришелъ въ оную пустынь съ 7 по 8 число, и онъ строитель просилъ у него Самсона письма, чтобы ему Самсону на него строителя въ церковныхъ доходахъ ни въ чемъ не бить челомъ, и онъ такого письма ему не далъ, и онъ строитель бранилъ его матерно и пошелъ служить обѣдню не простясь, а потомъ, пришедъ въ хлѣбную въ ночи, напалъ на него и билъ по щекамъ безвинно смертнымъ боемъ и сбилъ камилавку, таскалъ за бороду и билъ лежачаго уступками и подбилъ подъ лавку, и отъ того бою бѣжалъ

онъ Самсонъ отъ него строителя тою же ночью босой безъ камилавки въ лѣсъ, а какъ онъ его билъ, при томъ были монахи: Савватій, Іовъ, да Льговской пустыни монахъ Евфимій, да крестьянинъ Димитрій Маяковъ.

По этому доношенію марта 14 дня, 1730 г. Кирилова жена Евдокея предъ архимандритомъ съ братіею была допрашивана и въ допросѣ показала:

Въ прошломъ 729 году, по праздникѣ Николая Чудотворца третьемъ, строитель Александръ, ѣдучи изъ Курска отъ помѣщика Григорья, Петрова сына, Шидловскаго, заѣзжалъ въ слободку Лпиновской пустыни и говорилъ ей Евдокеи: «гдѣ живетъ Денисъ Черкашенинъ? Приходите де вы ко мнѣ съ его женою— мнѣ до ней есть дѣло», и потому она Евдокея ея Денисову жену Ксенію къ нему строителю звала и въ келлію ходила, а какъ пришли къ нему въ келлію, и онъ взялъ ихъ въ комнату и затворилъ двери, и подносилъ имъ вина по стакану, и она Евдокея пить не стала, и онъ насильно ей стаканъ вина въ ротъ вылилъ, и она выпила, а Денисова жена Ксенія тотъ же стаканъ вина выпила-жь, и онъ Александръ ее Евдокею поцѣловалъ и сказалъ: «мнѣ де келарь говорилъ «съ Киришкиной де ты женой не блуди», а потомъ ее Ксенію началъ цѣловать и хватать всячески, гдѣ ему не надлежитъ, въ причинныхъ мѣстахъ, и говорилъ: «я де никого не боюся—ни архимандрита, ни келаря, я де самъ архимандритъ, и келарь, и казначей, и строитель, только де боюсь одного человѣка, что де она Евдокея ему дочь духовная», а потомъ повелъ ее въ чуланъ и затворилъ чуланные двери, а она де Евдокея изъ той комнаты и изъ свѣтлицы хотѣла выдти, токмо было невозможно—того ради, что келейныя двери заперты были:—какъ онѣ вошли съ нимъ строителемъ въ комнату, онъ смотритель въ тожь число изъ келліи келейниковъ своихъ Леона да Ивана выслалъ и келейныя двери заперъ, а пришли онѣ къ нему строителю до вечерни, а вышли отъ него въ сумерки.

Сама Ксенія съ этимъ показаніемъ Евдокеи показала согласно.

Келейникъ строителя Леонъ Семеновъ, допрошенный марта 16 1730 года, разсказалъ про строителя другую, но въ томъ же родѣ исторію, какъ онъ строитель, ѣдучи съ нимъ келейникомъ о сырной недѣлѣ въ четвергъ подъ пятницу изъ Курска домой, заѣхалъ въ слободку Лпиновской пустыни на монастырской дворъ

ночью и, просидѣвъ въ томъ дворѣ съ часъ, взялъ оттуда пришлую жонку, которую онъ опредѣлилъ быть коровницею, да другую—Дениса Черкашенина жену Ксенію, и, посадивъ въ сани, привезъ въ пустынь и взялъ обѣихъ въ келлію, и въ то число прилучился быть въ его кельи монахъ Симонъ, и онъ строитель сталъ высылать его Симона изъ кельи, а онъ Симонъ идти не хотѣлъ, и онъ строитель за то билъ Симона всячески своими руками и разбилъ ему носъ до руды и изъ кельи его выбилъ, а также и его Леона выслалъ вонъ, а съ оными жонками остался въ кельяхъ своихъ, и онъ Леонъ пошелъ ночевать въ хлѣбную и, соснувши, часа за четыре до свѣта пришелъ опять къ нему строителю въ келью и онъ строитель въ то число былъ съ оными жонками въ кельѣ въ потьмахъ и велѣлъ проводить ихъ ему Леону въ слободку, и онъ ихъ проводилъ...

Таково было житіе и правленіе отца Александра по доношенію монаховъ.

А на преемника его Димитрія, крестьяне Лпиновской пустыни архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря Митрофану жаловались, что онъ смиряетъ ихъ слишкомъ уже нещадно, не унимая притомъ ихъ этимъ смиреніемъ отъ какого либо своеволія, а единственно по злобѣ на то, что они не оставались безмолвными зрителями его собственнаго своеволія.

«Въ прошломъ 1732 году, въ бытность во Лпиновской Троицкой Пустыни, Строитель Монахъ Димитрій чинилъ оному монастырю многія разоренія и тамо живущимъ крестьянамъ озлобленія, рубилъ монастырскій лѣсъ и отдавалъ келейнику своему Назару, да монастырскаго подаянія отъ многихъ людей всякаго хлѣба и соли изъ монастыря невѣдомо куда отвезъ: Петра Анненкова—двѣ четверти ржи, двѣ четверти овса; Ивана Константиновича—одна четверть ржи, одна четверть пшеницы; Захара Денисовича—одна четверть ржи, одна четверть гречихи; Ермолая Оширкова — два пуда соли; Григорія Петровича Щигловскаго — пудъ соли; Ивана Өедоровича — шесть четвертей; Аөонасія Долженцова—пудъ соли; Прохора Өедосѣевича — пудъ соли; Парасковьи Колпаковой—пудъ соли; помѣщика Якова Зыбина—20 четвертей ржи, 20 четвертей овса; Ивана Амносова—сорокъ копенъ ржи, да изъ Куровой мельницы 28 четвертей ржи, да изъ Рождественской пусытни три четверти ржи, да монастырскихъ трехъ быковъ продалъ,

взялъ три рубля; да монастырскаго воску продалъ въ разныя числа на 17 рублей, да отнялъ силою у повара Кирилы свѣтлицу цѣною четыре рубля съ полтиною и отдалъ келейнику своему Назару, да онъ же строитель Димитрій билъ крестьянина Евпата немилостивно палкою и батожьемъ, и какъ билъ, говорилъ: «не доноси на меня».

А чрезъ нѣсколько времени послѣ этой челобитной, послѣдствіемъ которой, повидимому, было лишь вящшее отягощеніе крестьянъ смирявшимъ ихъ *строптивость* строителемъ, они тому же архимандриту снова доносили:

«Жалоба, Государь пречестный отецъ, Троицкой Лпиновской пустыни на строителя Димитрія, что будучи онъ въ томъ монастырѣ, забывъ страхъ божій, нашу братію крестьянъ забираетъ и держитъ въ цѣпи, и посадя въ цѣпь, повадя и наступя своею ногою велитъ бить батоги, а самъ палкою, ей-ей, Государь, напрасно, только мстя за то, что на него доносили въ деньгахъ за продажу свѣчей, и во всемъ чинитъ непорядочно и говоритъ, что и всѣмъ де вамъ доносителямъ отъ меня то будетъ; а Евпата Маренца посадя въ цѣпь и повадя велѣлъ бить батоги и самъ билъ палкою, чтобы впредь не доносилъ, и нынѣ онъ Маренецъ отъ его бою скорбенъ и тѣмъ намъ отъ него строителя Димитрія чинятся великіе налоги и напрасный бой, что намъ и жить невозможно.— Милостивый пречестный отецъ архимандритъ Митрофанъ, прикажи, Государь, сіе наше доношеніе принять и о семъ учинить милостивое разсмотрѣніе, чтобъ намъ отъ него смотрителя напрасно въ конецъ не разориться и впредь бы изувѣченнымъ не быть. О семъ просятъ Лпиновскаго монастыря крестьяне Терентій Мошковъ, Андрей Маренцовъ съ товарищи и всею братіею».

Чѣмъ неустроеннѣе предъ взорами начальствующаго монастыря являлась пустынь, тѣмъ краснорѣчивѣе давались строителямъ инструкціи, какъ они должны благоустроять обитель.

Въ 1754 году архимандритъ Курскаго монастыря Гедеонъ іеромонаху этого же монастыря Серапіону, назначенному въ Лпиновскую пустынь строителемъ, въ инструкціи данной ему между прочимъ предписывалъ: «братія безъ твоего вѣдома за монастырь не волочилась бы, и внутри и внѣ монастыря не пьянствовала бы, а ежели который пьянствовать начнетъ, того бъ при всей братіи наказывать нещадно; братію же по деревнямъ и селамъ волочиться не пущать, а ежели который самъ пойдетъ такого наказывать,

и во всякихъ нестроеніяхъ и соблазнахъ и преступленіяхъ исправлять, а не хотящихъ исправляться наказывать безъ послабленія, дабы всѣ, какъ иноческому чину подобаетъ, цѣломудренно жительствовали и мірскимъ людямъ образомъ и зерцаломъ всякой добродѣтели и святыни были, и ты братіи образомъ и зерцаломъ всякой добродѣтели и святыни былъ бы. И тако васъ жительствующихъ Богъ и человѣки возлюбятъ и временными и вѣчными благами удовольствуютъ; братія, чтобы въ праздности не была, трудилась бы какимъ ни есть рукодѣліемъ, съ котораго могутъ себѣ особливыя профиты имѣть. Паче же стараться, чтобы въ церквахъ божіихъ чисто и благочинно было, зане дому Господню подобаетъ святыня»...

Подобныя инструкціи несомнѣнно свидѣтельствовали о благихъ намѣреніяхъ начальственнаго монастыря насчетъ благоустроенія Лпиновскаго пустынножительства; но симъ, по видимому, и ограничивалось все ихъ дѣйствіе.

Въ томъ же самомъ 1754 году, въ которомъ отцу Серапіону дана была такая внушительная инструкція, приглашавшая всю монастырскую братію быть образомъ и зерцаломъ всякой добродѣтели и святыни для мірянъ, а его строителя быть такимъ же образомъ и зерцаломъ для самой братіи—онъ Серапіонъ отправился съ своимъ Лпиновскимъ іеромонахомъ Паисіемъ въ Курскъ для испрошенія у компанейщика Григорія Михайлова церковнаго вина и прочаго. Прибывъ въ Курскъ, они взяли себѣ квартиру у какого-то плотника, въ которой однакожь, какъ сейчасъ будетъ видно, для нихъ никакой нужды не оказалось. Бывъ сначала по дѣлу у компанейщика Григорія Михайловича и порядкомъ угостившись, они пошли отъ него совсѣмъ уже пьяные, строитель Серапіонъ— къ купцу Григорію Венедиктовичу, у котораго и ночевалъ, какъ— хартіи монастырскія молчатъ; а іеромонахъ Паисій хотѣлъ идти на квартиру къ плотнику, но сдѣлавшись, по его собственному выраженію, весьма немощенъ, до квартиры не дошелъ, а зашелъ на монастырскій дворъ къ огороднику Леону, гдѣ и ночевалъ, какъ—объ этомъ хартіи говорятъ съ подробностями. Пріидя на монастырскій дворъ, отецъ Паисій, хотя вполнѣ уже и удовольствованный, вынулъ изъ кармана запасную стклянницу вина и пригласилъ распить ее съ нимъ огородника Леона, а также и какую-то подвернувшуюся тутъ бабу. Затѣмъ съ этой самой бабой от-

правился въ клеть для отдохновенія. Но отдохновенію помѣшали Курскаго монастыря крестьяне, бывшіе на этотъ разъ на нижнемъ монастырскомъ дворѣ для рубки въ монастырь капусты. Замѣтивъ, что отецъ Паисій отправился въ клеть не одинъ, они захотѣли учинить чернецу скандалъ и, не смотря на противодѣйствіе огородника Леона, силою ворвались въ клеть, били отца Паисія оглоблею, связали ему назадъ руки, у его ночной подруги отобрали балахонъ, сапоги съ анучами и кичку съ платкомъ, чтобы не могла уйти, а для большей вѣрности еще связали ее съ Паисіемъ—и о случившемся дали знать въ монастырь. По разборѣ дѣла, совѣтъ монастырскихъ старцевъ далъ слѣдующее любопытное опредѣленіе, любопытное въ томъ отношеніи, что оно выражало верхъ желаній монастырскаго начальства относительно пьянствующей братіи: «Іеромонаха Паисія за то, что онъ пьяный волочился и ночевалъ въ монастырскомъ дворѣ мимо монастыря, при братіи наказать плетьми, дабы впредь другимъ монахамъ пьянствовать и въ мірскіе домы, гдѣ не подлежитъ, ходить не повадно было; а когда монахъ гдѣ напился пьянъ, тобъ и шолъ въ монастырь, а за монастыремъ нигдѣ бы не ночевалъ и не спалъ; огородника же Леона наказать за то, чтобы онъ впредь монаховъ во дворъ монастырскій не принималъ, а во дворѣ имъ спать не пущалъ бы». И такъ возвышенное требованіе, чтобы иноки, по своему трезвенному и цѣломудренному житію были для мірскихъ людей образцомъ, въ печальной дѣйствительности сводилось къ тому, чтобы пьянствующая братія, никакъ уже и ни для кого не могшая представлять изъ себя назидательнаго зрѣлища, не была по крайней мѣрѣ на глазахъ у мірянъ, не соблазняла и не озлобляла мірянъ, которые не только не имѣли къ пьянствующимъ монахамъ ни малѣйшаго уваженія, но не наклонны были оказывать имъ и ни малѣйшаго даже снисхожденія.

На такомъ требованіи монастырское начальство имѣло достаточныя причины настаивать. Случай, приключившійся съ отцемъ Паисіемъ, по всему видно, далеко не былъ исключительнымъ. Изъ монастырской хроники видно, что нѣсколько прежде подобная же, или даже еще болѣе скандальная, исторія случилась съ однимъ іеромонахомъ въ самомъ Знаменскомъ монастырѣ, о чемъ въ постановленіи монастырскаго совѣта значится именно слѣдующее.

«1754 года генваря 10 дня. Въ Курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ нами нижеподписавшимися (намѣстникъ

и десять іеромонаховъ) усмотрѣно, что нашего Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря нѣкоторые монахи не содержатъ монашеской должности своей, въ неуказные часы безъ вѣдома онаго монастыря начальника по разнымъ мѣстамъ шатаются, такъ сего генваря противъ 3 числа ночнымъ временемъ монахъ Авксентій изъ монастыря самовольно безъ вѣдома и дозволенія настоятеля въ дворъ церковнослужителя монастырскаго Михаила Халезева отлучился и тамо команды господина Бригадира Полозова, здѣсь въ Курскѣ квартирующаго, гренадеры, нѣсколько человѣкъ, его Авксентія на скверномъ и богомерзскомъ блудномъ дѣлѣ поймавъ, до нага его ободрали и какъ въ избѣ онаго Халезева такъ и по улицамъ прямо къ монастырю волоча били, и сняли его чернеческую одежду, надѣвъ на него женское платье, и снявъ клобукъ и камилавку и на голову наложивъ женскій кокошникъ водили по тѣмъ же улицамъ, отъ чего происходитъ монастыря нашего всей братіи не малый афронтъ и конфузія воспослѣдовала. Таковое же непотребное скверводѣйствіе произошло съ единой онаго Авксентія шалости и въ неуказное время безъ вѣдома начальническаго изъ монастыря отлучки, ибо предъ симъ днемъ Авксентій многія чинилъ шалости и многихъ монаховъ въ монастырѣ билъ и сквернословилъ непотребными словами публично и не токмо на монаховъ, но и на самого настоятеля въ разныхъ неучтивыхъ нареканіяхъ нападки чинилъ безчестно, за которые его непорядочные поступки никакого ему наказанія и по нынѣ не учинено; того ради въ прекращеніе таковыхъ непорядочныхъ монаха Авксентія поступковъ въ Курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ опредѣлено: онаго Авксентія въ страхъ другимъ за то первѣе при собраніи всей братіи въ трапезѣ наказать плетьми нещадно, а потомъ для исправленія его отослать въ Коренную пустынь подъ началъ, а особливо и строителю оной пустыни съ прописаніемъ сего опредѣленія написать, чтобы его Авксентія содержать въ крѣпкомъ наблюденіи, дабы никаковыхъ шалостей и скверводѣйствій онъ долѣе не чинилъ».

Отецъ Авксентій и отецъ Паисій, очевидно, взаимно поясняютъ и дополняютъ другъ друга.

А вотъ теперь, за Лпиновскимъ іеромонахомъ, словленнымъ въ шалости монастырскими крестьянами, зрится предъ нами и самъ Лпиновскій строитель, не отецъ Серапіонъ, о которомъ мо-

настырская лѣтопись только то лишь и записала, что, получивъ инструкцію сіять, въ поученіе братіи, свѣтомъ добродѣтелей, онъ, послѣ пиршества у Григорія Михайловича, пьяный ночевалъ у Григорія Венедиктовича, а его преемникъ отецъ Іосифъ Лофицкій, о житіи котораго лѣтопись даетъ болѣе подробностей. Въ 1758 году четыре іеромонаха Лпиновской пустыни сдѣлали на него архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря Гедеону слѣдующее доношеніе:

а) Строитель Іосифъ Лофицкій въ церковь не ходитъ и въ трапезѣ съ братіею никогда не ѣстъ, а велитъ варить кушанье себѣ особо. Готовятъ же ему мясное—жареную баранину съ рѣпой и дикихъ утокъ, что кузнецъ Василій сначала забираетъ у дворницы Февроніи якобы для себя, а затѣмъ, улучивъ удобную минуту, носитъ къ нему, строителю. Братіи же строитель велитъ варить только борщъ да кашу ржаную и то безъ соли: а которая соль присылается для братіи изъ Курскаго монастыря, оной никогда братіи не даетъ, а токмо довольствуется самъ.

б) Неоднократно призывалъ къ себѣ въ келлію деревенскихъ бабъ, а именно: солдатку Дарью, Февронію, Степанову жену, и Матрену, Флорову жену, и билъ батожьемъ, а за что онъ ихъ билъ—тѣ бабы сами покажутъ.

в) Деньги, жертвуемыя отъ разныхъ людей (указано отъ кого именно и сколько) на поминовеніе—на свѣчи, ладанъ и вино церковное забираетъ къ себѣ, а братіи никому ничего не даетъ.

Изъ этихъ трехъ пунктовъ наиболѣе возбуждаетъ любопытство, конечно, второй. Поэтому пункту солдатка Дарья и крестьянка Февронія, допрошенныя іеромонахомъ Христофоромъ и діакономъ Товіею, дали не лестныя для строителя показанія, которыя они потомъ подтвердили и на очной ставкѣ съ строителемъ. Мы оставимъ эти показанія по ихъ крайней непристойности.

Строитель пытался было дать иное объясненіе жестокому наказанію бабъ. Онъ говорилъ, что солдатку Дарью на сор... его и нигдѣ ушей искать не заставлялъ и для учиненія съ нею блуднаго паденія къ ней не ломился; Февроніи, по призывѣ въ келлію, вина стаканомъ не подносилъ и съ нею блуднаго паденія также не чинилъ, а билъ онъ, Іосифъ, бабъ за непослушаніе, что не шли на монастырскую работу. Но судъ монастырскій (въ Курскомъ

Знаменскомъ монастырѣ) нисколько такимъ объясненіемъ не былъ удовлетворенъ. Донося о житіи строителя архіерею, Совѣтъ монастырскихъ старцевъ изъяснялъ, что онъ, строитель, «монастырю за таковые поступки несносенъ» и потому просилъ его перевести въ другой монастырь.

Въ своихъ попеченіяхъ о всестороннемъ благоустроеніи пустыни, Курскій монастырь не оставлялъ безъ вниманія и ея хозяйства. Тотъ же самый отецъ архимандритъ Геннадій, который, какъ мы видѣли, въ инструкціи, данной строителю пустыни, такъ краснорѣчиво поучалъ его и братію преуспѣнаію въ добродѣтеляхъ, давалъ имъ и хозяйственныя наставленія касательно разныхъ статей монастырскаго хозяйства: пашни, сѣнокоса, лѣсовъ, мельницъ, рыбной ловли, пчеловодства, дѣланія солода, маслобитія, кормленія свиней и поросятъ и проч. Наставленія несомнѣнно обнаруживаютъ въ отцѣ архимандритѣ знатока хозяйственнаго дѣла, съ любовію вникавшаго во всѣ подробности хозяйства. Вотъ самыя эти наставленія въ пространной, изъ 15 пунктовъ состоящей инструкціи.

«Лпиновской пустыни честному отцу.

Получа сіе, поручить тебѣ въ Лпиновской Троицкой пустыни іеромонаху Митрофану экономическую должность слѣдующимъ образомъ:

1) Имѣющихся тамъ монастырскихъ крестьянъ, сколько ихъ числомъ и сколькихъ лѣтъ и какого состоянія, то-есть имущественныхъ и неимущественныхъ и изъ нихъ майстеровыхъ и не майстеровыхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, и по разсмотрѣнію ихъ состоянія въ монастырскую работу велѣть употреблять добропорядочно, и оные крестьяне безъ вашего вѣдома вдаль никуда не отлучались бы, а на благословную отлучку давать имъ билеть со означеніемъ въ домъ возвращенію сроку, и приказать имъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ, матросовъ и рекрутъ, воровъ и разбойниковъ и имъ подобныхъ и ни чьихъ бѣглыхъ же людей и крестьянъ безпашпортныхъ и ихъ пожитковъ къ себѣ не принимать и не держать, а буде явятся, ловить и куда надлежитъ представлять; наблюдать, чтобъ они въ праздности не жили, но трудомъ и майстерствомъ своимъ хлѣбъ и прочія надобности сыскивали.

2) Объѣхать тебѣ и осмотрѣть самому съ экономомъ всѣ монастырскіе грунта и дачи по выписи и по урочищамъ и показать

монастырскіе грунта съ тѣмъ внушеніемъ, чтобы онъ монастырскихъ грунтовъ ни на пядень не уступалъ, также и чужаго не трогалъ.

3) Смотрѣть, чтобы онъ, экономъ и при немъ имѣющіеся объѣзчики, монастырскіе лѣса и рощи денно и нощно объѣздили и какъ чужихъ такъ и своихъ крестьянъ къ порубкѣ ростущаго сыраго лѣса не допущали, а кои тайно или явно по упрямству станутъ рубить, тѣхъ ловить и въ пустынь приводить и, по разсмотрѣнію, своихъ штрафовать, а чужихъ, куда и какъ надлежитъ, представлять, чтобы они ни подъ какимъ видомъ ни за какимъ лѣсомъ въ дачи монастырскія не въѣздили; для топленія келлій, поварни, хлѣбни, масленой избы, солодовни и бани, дрова собирать въ рощи и въ лѣсу порубленныя, валежныя, а буде тѣхъ недостало бъ, то стоячія съ пня сухія рубить и довольствоваться; на сторону лѣсу ни сыраго, ни сухаго никому ни подъ какимъ видомъ не давать, смотрѣть же за крестьянами монастырскими, чтобы они лѣсу монастырскаго сами не вывозили и постороннихъ для порубки лѣсу тайно не вводили, а буде такія явятся, своихъ нещадно, по достоинству винъ, наказывать, а съ посторонними, яко съ ворами поступать; крестьянъ рощу вырубливать и распахивать не допущать и всячески защищать и въ цѣлости для нужныхъ случаевъ соблюдать.

4) Справиться вамъ купно съ экономомъ, сколько за онымъ монастыремъ пахотной земли, и по препорціи крестьянамъ подъ озимый и яровой хлѣбъ распредѣлить, а для монастыря земли оставить, чтобъ ежегодно посѣять овса 12 четвертей, ячменя 5 четвертей, конопли 3 четверти; понеже жь не безъизвѣстно, что при ономъ монастырѣ земли монастырской мало, то на коштъ монастырскій крестьянамъ во удовольствіе у помѣщиковъ, по способности, какъ надлежитъ и нанять, только смотрѣть, чтобы крестьяне нанятую землю вспахивать и хлѣбомъ засѣвать не лѣнились, ибо они, какъ то уже многократно дознано, и малой монастырской земли для себя вспахать и засѣять хлѣбомъ лѣнятся, и для того ихъ во время угодное къ земледѣлію понуждать, и сколько кто вспашетъ и засѣетъ осматривать, и кто мало—наказывать, и стараться, чтобъ земля впустѣ за ними не осталась.

5) Мѣста сѣнокосу угодныя, которыя нечисты, велѣть вычистить, и всѣ луга сѣнокосныя съ весны до сѣнокосу охранять,

чтобъ посторонніе и наши люди скотомъ не выбивали и въ способное время, сколько надобно, травы на сѣно для монастыря выкашивать, да и крестьянамъ, сколько надобно, оставлять же, чтобы монастырь и крестьяне сѣномъ довольны были, и монастырское сѣно въ осеннее способное время съ луговъ въ монастырь перевозить, а въ зиму на лугахъ для расхищенія не оставлять.

6) Мельницы смотрѣть и содержать такъ, чтобы онѣ всегда въ надлежащей дѣйствительной исправности состояли, мельники при нихъ всегда были бъ безъотлучны, искусны и радѣтельны, снасть въ мельницахъ всегда бъ была исправная и для всякихъ надобностей всякихъ мастеровъ было бъ въ запасѣ довольно, закромы и всякая посуда были бы крѣпкія съ затворами и съ замками надежными и за печатьми твоею и экономскою; а какъ наполнятся, то цѣловальнику при тебѣ или при другомъ монахѣ отпечатать и отомкнуть и надлежащую часть по размѣру взять въ монастырь и мельнику надлежащую часть отдать же съ запискою, сколько съ которой мельницы и котораго мѣсяца и числа и по которое число въ приходѣ стало быть хлѣба; плотину всегда упруживать крѣпко и завременно, а наипаче противъ зимы; на протокѣ близъ Семи, гдѣ теперь два анбара скрыню, вновь крѣпкую сдѣлать и при ней одинъ мельничный анбаръ на два камня и третью толчею, и для того зимою брусья и прочія надобности въ бѣлгородскомъ уѣздѣ закупивъ вывезть, а другаго меньшаго анбара для цѣловальника, гдѣ, можетъ быть, и монахъ избу устроитъ, чтобы съ мельникомъ вмѣстѣ не жили и не согласовали.

7) Справиться, сколько въ дачахъ монастырскихъ по берегу рѣки Семи тоней и сколько озеръ съ рыбою и когда и коимъ образомъ рыбу въ нихъ ловить можно, и по такой справкѣ стараться неводомъ или иною какою посудою рыбы неупустительно ловить и братію довольствовать, въ чемъ не токмо крестьяне, но но и братія, которые могутъ, должны пособлять; а когда рыбы довольно уловится, и въ Курскій монастырь присылать; будежь озера заросли, или лѣсомъ завалены, стараться вычистить; постороннихъ въ дачахъ монастырскихъ рыбу ловить не допускать.

8) Въ пасѣкѣ справиться сколько ульевъ съ пчелою и сколько порожнихъ ульевъ, и буде противу пчелъ порожнихъ мало, то зимою къ лѣту побольше призапасить и пчелу расплодить; пасичникъ пожене старъ уже и немощенъ, то придать ему въ помощь

изъ тамошнихъ крестьянъ, а буде тамъ такого не сыщется, то требовать отъ монастыря съ вотчины.

9) Солоды ржаные и ячменные для монастыря и пустыни дѣлать безпрестанно хорошіе, рослые и добродушные, и для того смотрѣть, чтобы солодовникъ Иванъ Зубковъ съ пустыни не отлучался и въ солодовнѣ всегда ночевалъ, и въ водѣ и на землѣ не переквашивалъ, и часто на рукахъ, когда надобно, подымалъ, и умѣренно ростилъ, и на овинѣ не пережигалъ, но легкимъ духомъ высушивалъ, и на четыре четверти хлѣба съ приростомъ солоду пять четвертей давалъ съ запискою, онъ сколько принялъ хлѣбомъ и отдалъ солодомъ, а вы сколько хлѣба выдали и сколько солоду приняли, и къ среднимъ числамъ будущаго февраля для монастыря и пустыни солоду было бы сдѣлано довольно, ибо съ оныхъ чиселъ и въ монастырѣ и въ пустыни до полой воды вина варить надобно.

10) Понеже со всей вотчины конопля собирается и во оной пустыни на масло перебивается, а вамъ однимъ объ ономъ конопли на маслоперебитіи вѣдать иногда, за другими дѣлами, можетъ быть недосужно, то вамъ четвертей пять или шесть при себѣ велѣть высушить и перемалоть и на масло выбить и примѣтить, сколько съ четверти масла выбивается, и потому съ прочихъ всѣхъ четвертей масляники масла выбивали бъ и выдавали, а бочки всѣ прежь вымѣрять водою и означить печатью или другими признаками съ запискою, сколько въ которой будетъ государевыхъ ведеръ, и въ тѣ бочки масло собравъ, въ монастырь присылать при письмѣ, сколько ведеръ масла пошлется, а въ пустыни тожь мѣрою для братіи выдавать съ запискою безъ излишества.

11) Прежде масляными жмыхами кармливалось на убой на сало свиней по тридцати, что и теперь надобно не упустить; будежь тамъ столько свиней для корму на сало не имѣется, то требовать отъ монастыря съ вотчинъ, ибо лучше жмыхою свиней на сало у васъ укормить, нежели въ вотчинѣ хлѣбомъ, что иногда свинья больше хлѣба съѣстъ, нежели стоитъ; свиней молодыхъ большихъ, а наипаче бѣлыхъ, не бить, и поросятъ, бываемыхъ отъ нихъ, для расплода хранить и кормить, а престарѣлыхъ и негодныхъ къ плоду кормить и на сало бить, также и поросенки, кои негодные, работникамъ, когда нужда въ харчахъ, велѣть бить безъ излишества; а лѣтомъ свиней на день гонять въ лугъ за пасту-

хомъ, а на ночь паки пригонять во дворъ, для чего ихъ по малу и прикармливать и за счетомъ содержать, а сколько когда свиней прибудетъ или убудетъ записывать. Матокъ съ поросенками особливо, а холостыхъ особливо-жь въ теплыхъ сараяхъ содержать, також и съ прочею животиною и птицею поступать, чтобъ прибыль съ нихъ, а не убыль послѣдовала, съ дойныхъ коровъ дойво собирать и всегда въ монастырѣ сыръ и масло содержать и для того братіи и послушникамъ молоко временно и умѣренно на пищу употреблять.

12) Пеньку велѣть мочить исправно и начисто выминать, и которая годится на веревки, ту на веревки, а которая на холсты, ту на холсты, а которая на неводы, сѣти, бредни, вентери,—ту на то и употреблять.

13) Съ овецъ шерсть на сукна, а кожи на овчины, а съ рогатой скотины кожи для послушниковъ на коты и на прочее отправлять и въ палату отдавать съ запискою.

14) Для содержанія лошадей особливаго человѣка опредѣлить, чтобъ лошадей содержалъ на довольномъ корму и въ чистотѣ и въ теплотѣ и поѣздъ вамъ, когда куда надобно, по приличаю имѣть.

15) Въ пасикѣ и около овина садъ заводить изъ разныхъ овощныхъ деревъ, огородъ на земляные овощи распространять, вычищать и унаваживать и крѣпко огородить, чтобъ отъ скотины и отъ хищниковъ овощи въ цѣлости могли сохраняться, а сѣять въ свое время всякую огородину, то-есть—петрушку, пастернакъ, морковь, бураки, рѣдьку, росаду, рѣпу, огурцы, арбузы, лукъ, чеснокъ, капусту и прочее, и буде какихъ сѣмянъ нѣтъ, завременно доставать, а всякой овощи въ монастырѣ чтобъ было довольно лѣтомъ и зимою въ погребахъ, и впредь на всякую овощь сѣмена довольно имѣть; прочее, что на пользу святой обители и вамъ надобно, сами вѣдайте и промышляйте и имѣть неупустительно старайтесь, и тако при Божіемъ благословеніи отъ своихъ трудовъ во всякомъ обиліи пребудете; всѣжь эти послушанія подъ твоимъ строительскимъ вѣдомомъ и присмотромъ экономъ долженъ исправлять и для того вамъ строителю эконома ежечасно наблюдать,

что ему должно исправити, а когда что недоумѣніемъ или какимъ случаемъ экономъ упуститъ, вамъ не упустить исправить, и тако оба за свои труды отъ Бога примете благословеніе, а за неисправность истязаніе, чего не желаю, а для содержанія монастыря и братіи и для строенія обители особый дался вамъ меморіалъ, сей же меморіалъ всей братіи прочитать вслухъ, а эконому іеромонаху Митрофану дать копію для вѣдома и исполненія, въ чемъ взять съ него подписку.

По памятникамъ невидно, какъ въ дѣйствительности шло хозяйство пустыни, при такомъ авторитетномъ руководствѣ; но если оно и процвѣтало, то изъ хозяйственнаго изобилія, во всякомъ случаѣ едва ли многое перепадало на долю братіи. Кажется, безошибочно можно сказать, что ублаготворяя себя, въ мѣру души, на свой счетъ, или въ счетъ доброхотныхъ угостителей напиткомъ веселящимъ сердце, братія имѣла весьма мало утѣшенія въ скудной монастырской трапезѣ. Мы слышали уже на этотъ счетъ жалобу, поданную четырьмя іеромонахами Липиновской пустыни архимандриту Гедеону на строителя Іосифа, что сей послѣдній, услаждая себя разными скоромными явствами, для братіи велитъ взрить только борщъ да кашу ржаную, и то безъ соли. Но архимандритъ былъ не таковъ, чтобы внимать такимъ пустымъ и бездѣльнымъ жалобамъ. Въ томъ же году отставной поручикъ Козьминъ, бывшій на пропитаніи въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ, въ своемъ доношеніи Синоду на этого архимандрита, въ числѣ многихъ обвинительныхъ противъ него пунктовъ приводитъ, между прочимъ и то, что сей архимандритъ въ какой то праздникъ, при большомъ стеченіи въ монастырскомъ храмѣ народа, таскавъ іеродіакона за волосы по алтарю, яко свинью, сослалъ его потомъ въ Липиновскую пустынь, «гдѣ употребляется отъ него (архимандрита) пища весьма скудная и много безъ соли», и архимандритъ, отражая это послѣднее обвиненіе, въ своемъ отвѣтномъ показаніи могъ только очень сдержанно замѣтить: «и то неправда—въ той пустыни монашеское пропитаніе довольно и *не безъ соли*». Отецъ Гедеонъ, не любилъ даже и Курскихъ монаховъ баловать трапезой, по какому случаю святѣйшій Синодъ счелъ нужнымъ сдѣлать ему слѣдующее любопытное наставленіе—въ указѣ отъ 11 окт. 1766 года:.. «А понеже на васъ архимандрита Гедеона отъ Его Преосвященства, по жалобѣ бѣгающихъ изъ Курскаго монастыря монаховъ, представлено якобы о безмѣрной вашей суровости и о

разогнаніи почти всѣхъ монаховъ изъ онаго монастыря, кормя ихъ гнилымъ хлѣбомъ, того ради вамъ архимандриту подтвердить, чтобы вы, если вами они подлинно чинено, отъ того всячески воздержались и съ братіею поступали такъ, какъ слово Божіе, уставъ церковный и духовный регламентъ повелѣваютъ непремѣнно, имѣя снисхожденіе, яко отецъ къ чадамъ, какъ о томъ Павелъ апостолъ къ Солунянномъ въ главѣ 2 поучаетъ». Если о. архимандритъ выдерживалъ на такомъ строгомъ режимѣ и городскихъ монаховъ, то, понятно онъ никакъ не могъ быть расположенъ смягчать его для монаховъ пустыни.

Исчерпавъ матеріалъ, бывшій у насъ въ распоряженіи, кончаемъ повѣсть. Въ заключеніе—два, три слова о значеніи этого, сообщеннаго нами матеріала. Мы весьма далеки отъ мысли дѣлать какія нибудь произвольно широкія обобщенія. Очень можетъ быть, изъ другихъ монастырей нашей обширной Россіи, издавна преисполненной святыми обителями, многіе представляли совсѣмъ другія явленія—были истинными свѣтильниками для окрестныхъ народонаселеній. Очень можетъ быть, въ самой этой Лпиновской пустыни за отцами Александрами, Дмитріями, Паисіями, Серапіонами, Іосифами, возстававшими предъ нами изъ полуистлѣвшихъ монастырскихъ хартій, скрывались другіе смиренные подвижники благочестія, по самому смиренію своему *незримо* для міра (не только для потомства, но и для современниковъ) совершавшіе въ тишинѣ уединенныхъ келлій теченіе ихъ многотрудной жизни; такъ что, значитъ, матеріалъ, которымъ мы располагали, хотя и исчерпанный нами сполна, самъ однакоже не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ и всей глубины жизни обители, о которой идетъ рѣчь. Очень можетъ быть, наконецъ, что даже эти самые отцы Александры, Димитріи, Паисіи и проч., бывшіе предметомъ такого соблазна и вмѣстѣ—такого усерднаго глумленія для міряхъ,—другихъ лицъ, а не тѣхъ, которые ловили ихъ на скверныхъ и богомерзкихъ дѣлахъ, а можетъ быть даже и этихъ самыхъ лицъ—только въ другое время—*до* или *послѣ*, умѣли по своему, вразумлять, наставлять и утѣшать—это мы охотно допускаемъ, хотя, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, и не можемъ утверждать рѣшительно. Все это можетъ быть, и ни одному изъ этихъ предположеній матеріалъ, сообщенный нами, не помѣха. Онъ не имѣетъ ни малѣйшей претензіи стоять выше дѣйствительнаго своего значенія. Онъ хочетъ

быть лишь тѣмъ, что онъ есть, именно—ни болѣе, ни менѣе, какъ только матеріаломъ для исторіи монастырскихъ нравовъ, которая у насъ едва, едва затронута и которая можетъ быть освѣщена только путемъ широкаго и совершенно свободнаго извлеченія на свѣтъ и изученія относящихся сюда памятниковъ.

Амфіанъ Лебедевъ.

II.

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ БОРЬБЫ ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ СЪ НАРОДНО-РЕЛИГІОЗНЫМИ ОБЫЧАЯМИ

Духовный регламентъ вмѣнилъ истребленіе суевѣрій въ непремѣнную обязанность духовному чину. «Спроситъ епископъ священства и прочихъ человѣкъ»—читаемъ здѣсь въ главѣ о епископахъ,—« не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія? Не обрѣтаются ли кликуши? Не проявляетъ ли кто для сквернoприбытства ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ, при источникахъ? И прочая. И таковая бездѣлія запретитъ съ угроженіемъ клятвы на противляющихся упрямцевъ».

Извѣстно въ какомъ направленіи и съ какою настойчивостію поведена была эта борьба съ суевѣріями при Петрѣ: многіе освященные вѣковою древностію обычаи и вѣрованья, какъ напримѣръ поставленіе часовенъ съ теплящимися лампадами, публичныя хожденія по улицамъ съ иконами и св. водой, разныя привѣски къ образамъ и тому подобныя проявленія простодушнаго древле-русскаго благочестія, теперь прямо отнесены были въ область суевѣрій и потому строго воспрещались.—Изъ послѣдующихъ царствованій, по духу и характеру борьбы съ «таковыми бездѣліями», ни одно въ такой степени не напоминало времени Петра, какъ царствованіе Екатерины II.

Слѣдующее рѣшеніе Синодомъ при Екатеринѣ II спора двухъ монастырей, Курскаго-Знаменскаго и Кореннаго-Рождественскаго, изъ

[1] По документамъ—въ архивѣ Курскаго Знаменскаго монастыря.

за доходовъ отъ иконы даетъ намъ видѣть, какъ широко Синодъ этого времени понималъ и какъ рѣшительно примѣнялъ постановленіе регламента о суевѣріяхъ.

Курская Рождественская пустынь, основанная въ 1597 году въ память явленія на семъ мѣстѣ въ 1295 г. при *корени* дере́ва чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, бывшая до 1764 года приписною къ Курскому Знаменскому монастырю, въ которомъ посему, какъ начальственномъ монастырѣ, пребывала обыкновенно и самая эта икона, только разъ на одну недѣлю переносившаяся отсюда къ мѣсту ея явленія, въ пустынь,—въ означенномъ 1764 г. указомъ Ея И. В. отъ 24 Августа изъ вѣдомства Курскаго монастыря исключена и сдѣлана самостоятельнымъ штатнымъ монастыремъ, такъ чтобы «о той пустынѣ впредь тому монастырю никакого дѣла не имѣть». Монастыри такимъ образомъ раздѣлились. Но у монастырей раздѣлившихся оставалось общее тому и другому священное достояніе—названная икона: эта-то святыня и явилась предметомъ спора монастырей.

Въ прошеніи къ преосвященному Порфирію (отъ 3 марта 1765 года) Курскій Знаменскій монастырь, изъяснивъ, что изъ древнихъ лѣтъ имѣлась приписная къ Знаменскому монастырю Коренная Рождественская пустынь, состоявшая подъ единымъ вѣдомствомъ онаго Знаменскаго монастыря, и изъ того монастыря въ оную Коренную пустынь по древнему установленію имѣлось ежегодно о девятой пятницѣ хожденіе съ Чудотворнымъ Знаменія Пресвятыя Богородицы образомъ на богомоленіе, къ каковому богомоленію собирается премножество обоего пола разныхъ городовъ и уѣздовъ народа»,—со всею откровенностью выставлялъ на видъ затрудненіе, возникавшее для него изъ новаго положенія бывшей доселѣ подвѣдомственной ему пустыни; такъ, что «настоятелю и братіи теперь, во время бытія въ пустыни Чудотворной Иконы, по пренесеніи ея изъ Знаменскаго монастыря, невѣдомо (говорилось въ прошеніи) какъ и быть: въ командѣ тоя пустыни у строителя быть непригодно, отъ Чудотворной Иконы намъ отступиться невозможно, за богомоленіе, при оной богоматерней иконѣ отправляемое, подаяніе уступить обидно». Словомъ, монастырь находилъ положеніе свое невозможнымъ и потому со всенижайшею покорностію просилъ о бытіи подъ единымъ вѣдомствомъ показанной Коренной пустыни въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ по прежнему На этомъ прошеніи резолюція Преосвященнаго (отъ 5 марта того-же

года) послѣдовала, какъ и слѣдовало ожидать, таковая: «означенной Коренной пустыни, что нынѣ монастырь, въ вѣдомство Знаменскаго монастыря отдать по прежнему невозможно». А на изъявленное монастыремъ желаніе обратиться съ прошеніемъ по сему предмету въ Синодъ дозволеніе дано. Неизвѣстно, воспользовался ли монастырь этимъ дозволеніемъ; но вскорѣ послѣ даннаго Преосвященнымъ монастырю отказа по прошенію о возвращеніи пустыни въ вѣдомство монастыря по прежнему, архимандритъ Гедеонъ съ братіею обратился къ тому же Преосвященному съ просьбой (отъ 11 апрѣля 1765 года) о дозволеніи ему, архимандриту, во время девятой пятницы, по перенесеніи чудотворнаго образа изъ Знаменскаго въ Курскій Коренной Рождественскій монастырь, для благочинія въ томъ Коренномъ монастырѣ имѣть первенство и о подѣлѣ получаемыхъ отъ богомолія разныхъ доходовъ, какого бы оныя званія ни были (кромѣ къ чудотворному образу привѣсовъ), до послѣдней вещи пополамъ, дабы хожденіе и труды не вотще были.

По сей просьбѣ опредѣлено: «для прописанныхъ резоновъ, получаемыя во время богомоленія о девятой пятницѣ отъ доброхотныхъ дателей за молебное пѣніе деньги собирать въ ящикъ и тотъ ящикъ запечатать общими монастырскими и настоятельскими печатями, и высыпать тѣ деньги при настоятеляхъ и лучшей братіи обоихъ монастырей, и по окончаніи разные полученные доходы, какого бы оные званія ни были, дѣлить Курскому Знаменскому и Коренному Рождественскому монастырямъ по равной части, безъ всякой другъ предъ другомъ обиды, до привѣсокъ же полагаемыхъ на чудотворный образъ Коренному монастырю не касаться». На счетъ же первенства, о которомъ просилъ архимандритъ, не сказано ничего.

Въ тоже время и игуменъ Кореннаго Рождественскаго монастыря Исаія съ своей стороны просилъ Преосвященнаго (отъ 3 мая 1765 г.) «объ оставленіи въ томъ монастырѣ Чудотворной Знаменской Пресвятыя Богородицы Иконы впредь на двѣ недѣли, яко годовое богоматернее жалованіе въ награжденіе оному монастырю, мотивируя свое прошеніе тѣмъ, что теперь Коренная пустынь изъ вѣдѣнія монастыря исключена и учреждена монастыремъ и оставлена на одномъ точію мірскомъ содержаніи, гдѣ, кромѣ получаемой отъ пребыванія святой иконы въ ономъ Рождественскомъ монастырѣ прибыли, никаковыхъ болѣе къ содержанію братіи и монастыря приходовъ не имѣется и получить нечего». — Согласно прошенію резолюціею Преосвященнаго

положено: «Чудотворную Знаменія Пресвятыя Богородицы Икону въ означенномъ Коренномъ Рождественскомъ монастырѣ отнынѣ и впредь оставлять на двѣ недѣли».

Но архимандритъ Курскаго монастыря, не довольствуясь участіемъ Знаменскаго монастыря, согласно опредѣленію его Преосвященства, въ дѣлежѣ получаемыхъ отъ иконы во время пребыванія ея въ Коренномъ монастырѣ доходовъ, хотѣлъ еще здѣсь по прежнему и первенствовать. Въ жалобѣ, поданной на него игуменомъ Исаіею въ Консисторію отъ 23 мая 1766 года, такъ изображалось самовольное властительство архимандрита.

По перенесеніи въ Коренный Рождественскій монастырь чудотворной Пресвятыя Богоматери Иконы надлежало ему архимандриту, яко собою принявшему первенство, на другой день, яко въ нарочитое торжество, литургисать, а по литургіи Божіей съ святою иконою на кладезь, гдѣ явлена, сходить—какъ то всегда напередъ сего бывало; но онъ, архимандритъ, хотя якобы и готовился къ священнодѣйствію, и входное ему по чину, по пришествіи его въ церковь, прочли, по вшествіи въ алтарь, не знаемо чего для, не литургисалъ и по соборному священнодѣйствію быть отказалъ, почему одинъ точію его, архимандрита, іеромонахъ священнодѣйствовалъ; также и со святою иконою на кладязь архимандритъ идти не пожелалъ, отправивъ въ сію процессію одного его игумена.—Благовѣсту церковному архимандритъ безъ его благословенія быть не велитъ. По принесеніи иконы, на слѣдующій день назначилъ свѣчаря Знаменскаго монастыря іеромонаха Іустина священнодѣйствовать позднюю литургію, а на утріе, въ самое благовѣста къ поздней литургіи время, приказъ свой отмѣнилъ и священнодѣйствовать ему, Іустину, не велѣлъ. И если бы отъ него, игумена, для всякаго случая, по обыкновенію Рождественскаго монастыря, къ священнодѣйствію іеромонаха съ вечера не было приготовлено, то и литургіи поздней многое собраніе народа лишилось бы. Въ церковныхъ послѣдованіяхъ, гдѣ по чиноположенію прилично настоятельскому имяни быть въ молитвословіяхъ, Знаменскимъ своимъ іеромонахамъ и іеродіаконамъ, кромѣ своего одного имени, воспоминать не велитъ и тѣмъ Рождественскаго и Знаменскаго монастырей братіи подалъ поводъ чаять, что Коренной монастырь останется по прежнему въ вѣдомствѣ Курскаго, отъ чего произошло многое между монашествующими обоихъ монастырей нестроеніе и замѣшательство. По просьбѣ нѣкоего господина, архимандритъ приказывалъ ему, игумену, сходить

на кладезь съ чудотворною иконою, но случившаяся ему, игумену, немощь къ тому шествію его не допустила; на мѣсто свое, во удовольствіе оному господину, просилъ онъ, игуменъ, случившагося родителя своего игумена ратнаго Николая монастыря, для чего оный отецъ его, игуменъ, и пошелъ было въ церковь, и надѣвъ на себя ризы, хотѣлъ идти на кладязь; но архимандритъ, увидя, что облачился не самъ игуменъ Коренного монастыря, а отецъ его, и примѣняя сіе якобы къ преслушанію и презрѣнію чести своей, приказалъ чрезъ нарочно посланнаго своего съ отца игуменова сорвать ризы, каковаго нечаяннаго безчестія отецъ его не ожидая принужденъ самъ сложить ризы чѣмъ старости его отца и ему самому, игумену, не малую нанесъ обиду, а богомольцамъ—соблазнъ.—Вмѣстѣ съ архимандритомъ, по его примѣру, безчинствовала, какъ изображалось въ той-же жалобѣ, и монашествующая Курскаго монастыря тридесятичисленная, приведенная архимандритомъ въ Коренный монастырь братія (кромѣ многихъ разнаго рода послушниковъ), тоже изображавшая изъ себя начальство. Эти Знаменскаго монастыря монашествующіе во время отпѣванія позднихъ божественныхъ литургій въ соборной церкви, гоняяся за прибылью, приносили образъ святый на источникъ, чѣмъ слушателямъ божественныя литургіи подавали причину бродить изъ церкви въ церковь, отчего священнодѣйствію не малое препятствіе видимо чинилось. Когда же онымъ монашествующимъ игуменъ давалъ наставленіе, чтобы въ той святынѣ благочиннѣйше поступали, то они того и слушать не хотѣли, но еще ту предосторожность поносили и ей ругалися, именуя себя первенствующими, а за отправленіе молебновъ не точію съ простолюдинами, но и съ честными господами безчинно договоръ дѣлали, и даемаго отъ христолюбцевъ подаянія до ящиковъ сполна не доносили, отъ чего и прибыль видимо оскудѣвала, а соблазнъ не умалялся, и о томъ жалобы приносить было не кому, ибо архимандритъ, и самъ примѣчая то и видя неоднократно безчинство таковое, нималѣйшаго въ томъ запрещенія, яко злобою немоществуяй, дабы только игумена посрамить, не дѣлалъ.

Вслѣдствіе этой жалобы игумена Исаіи указомъ изъ Консисторіи его Преосвященства на имя архимандрита Гедеона опредѣлено: «въ прекращеніе вышеприсанныхъ отъ игумена Исаія оказанныхъ вами, архимандритомъ Гедеономъ, непорядковъ, дабы отъ того впредь болѣе въ священнослуженіи смущенія не происходило и народнаго соблазна быть не могло, въ братіи же развращенія отъ двуначальствующихъ властей и въ порядкѣ по двоимъ приказаніямъ нестрое-

нія не послѣдовало, вамъ, архимандриту Гедеону, какъ вы прошлаго года собою начальство въ прописанное время въ означенномъ Коренномъ Рождественскомъ монастырѣ имѣли, никогда отъ сего впредь, во время принесенія чудотворной иконы, въ ономъ Коренномъ Рождественскомъ монастырѣ не быть и никакого начальства, яко оный монастырь въ силу Высочайшаго Имяннаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія изъ вѣдѣнія Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря уже исключенъ и устроенъ въ числѣ оставленныхъ на своемъ пропитаніи монастырей настоящимъ монастыремъ, въ которомъ и начальникъ дѣйствительно опредѣленъ, не имѣть, а для препровожденія чудотворныя иконы въ Коренной монастырь изъ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря вамъ, архимандриту, съ братію за образъ совѣтныхъ и надежныхъ двухъ токмо іеромонаховъ и одного іеродіакона отправить, и изъ нихъ одному въ продажѣ свѣчъ и въ присмотрѣ кружки смотрѣніе имѣть поручить и быть имъ въ послушаніи объявленнаго игумена Исаія, а отъ раздоровъ и соблазна имъ воздерживаться, и первенствующими себя не именовать и прописанныхъ безпорядковъ отнюдь никакихъ не чинить, подъ опасеніемъ неупустительнаго штрафа и истязанія».

Между тѣмъ на соблазненнную вражду монастырей обратилъ строгое вниманіе и Синодъ, найдя со своей стороны за лучшее и болѣе правильное, для прекращенія монастырскихъ ссоръ и соблазна для народа, самое ношеніе иконы совсѣмъ запретить. Въ Синодскомъ указѣ по этому предмету отъ 7 іюля 1767 года къ преосвященному Порфирію было, между прочимъ, изображено: «что касается добываемаго иконы Богородичной во время ярмарки изъ Курскаго Знаменскаго въ коренной Рождественскій монастырь ношенія, то оное, какъ чрезъ происшедшія ссоры открылося, происходитъ больше для того, чтобъ въ оба тѣ монастыри доходу умножить; а въ самомъ дѣлѣ никаковой въ томъ ношеніи нужды и благопристойности не только не заключается, но еще и немалый народу соблазнъ, и противный духовному регламенту поступокъ происходитъ, въ томъ именно, что тотъ образъ, по просьбамъ разныхъ людей, изъ Рождествена монастыря, всякій день многократно и разновременно, съ церковною процессіей на кладезь носится, и тамо во всякое хожденіе водоосвященіе и молебны отправляемы бываютъ: того ради велѣно отъ того времени для пресѣченія противнаго духовному регламенту и архіерейской присягѣ поступка и отвращенія народнаго соблазна и происходящихъ притомъ между означенныхъ монастырей архимандритомъ и игуме-

номъ, такъ же и монашествующими обоихъ монастырей, упомяненной Богородичной иконы изъ Знаменскаго Курскаго въ Коренной рождественной монастырь какъ во время ярмарки, такъ и никогда, не переносить и при кладезѣ молебствій и водоосвященія отнюдь не отправлять, и его преосвященству имѣть въ томъ по пастырской своей должности и присягѣ *въ силу духовнаго регламента и указовъ* присмотръ.

Поставовленіе рѣшительное! въ виду особенно того обстоятельства, что тутъ Синодъ имѣлъ дѣло уже не съ одними иноками, враждовавшими изъ-за доходовъ, но и съ православнымъ людомъ привыкшимъ въ священномъ торжествѣ перенесенія иконы находить духовное утѣшеніе. Цѣлыхъ три года крѣпился этотъ людъ, снося духовный гладъ за грѣхи враждовавшихъ иноковъ. Наконецъ не выдержалъ и завопилъ. Именно въ прошеніи, поданномъ преосвященному Самуилу 1770 года марта 1 дня отъ курскаго дворянства, купечества и прочихъ чиновъ, числомъ *двѣ сотъ семи человѣкъ* объявлялось: «Имѣющаяся въ Курскомъ Знаменскомъ Монастырѣ икона Знаменія Пресвятыя Бого-Матери вдревле, по вѣрѣ и обѣщанію предковъ ихъ, и самихъ ихъ просителей, нашевана была со кресты ежегодно послѣ праздника Святыя Пасхи въ девятую седмицу для воспоминанія явленія той иконы, съ подобающею церковною церемоніею изъ оного монастыря въ состоящій небольшимъ разстояніемъ отъ города Курска Коренной пустынный монастырь, гдѣ оная чудотворная икона явилась, и бывалъ де за оною иконою Божія Матери съ благоговѣніемъ градскихъ, уѣздныхъ и прихожихъ людей, съ принадлежащими отъ духовнаго и гражданскаго правленія, чтобъ никакого безпорядка не было, присмотромъ, ходъ, отчего де они просители чувствовали изливаемую ходатайствомъ Божія Матери на нихъ милость какъ въ тѣлесномъ здравіи, такъ и въ изобиліи на поляхъ ихъ плодовъ земныхъ. А въ прошломъ де 767 году тотъ ходъ за иконою Божія Матери запрещенъ, чрезъ что-де они просители, имѣя то ежегодное ношеніе вышеозначенной чудотворной иконы во всегдашней незабвенной ихъ памяти, а нынѣ де будучи лишены онаго, чувствуютъ въ душахъ и сердцахъ своихъ уныніе и жалость; а потому и просятъ его преосвященство представить Святѣйшему Правительствующему Синоду о возстановленіи крестнаго хода съ оною чудотворною иконою Божія Матери изъ Курскаго Знаменскаго въ Коренной монастырь по прежнему, дабы де они просители, получа такое удовольствіе и лишась унынія и жалости, возчувствовали паки въ душахъ

и сердцахъ своихъ всѣмъ обществомъ духовное обрадованіе». Преосвященный Самуилъ, осторожно представляя (марта 17 дня 1770 года) такое прошеніе Святѣйшему Синоду на благоразсмотрѣніе, полагалъ, что «ежели Святѣйшій Синодъ заблагоусмотритъ учинить дозволеніе впредь оному ходу со кресты и съ чудотворною иконою быть, то, по мнѣнію его преосвященства, пристойнѣе назначить оный ходъ не въ пятницу, но въ воскресеніе, или предыдущее или послѣдующее девяти послѣ Святыя Пасхи седмицъ, для отвращенія того мнѣнія, которымъ простой народъ по непросвѣщенію своему о пятницѣ предупрежденъ; дабы же и межъ настоятелями и монашествующими обоихъ монастырей, не было никакихъ ссоръ, то въ пресѣченіе того всѣмъ доходамъ собираемымъ чрезъ дву—недѣльное время, когда оная чудотворная икона находится въ Коренномъ монастырѣ, быть въ ономъ Коренномъ монастырѣ для разныхъ его нуждъ, а паче для починки трехъ большихъ изрядныхъ каменныхъ церквей, яко оный монастырь на собственномъ содержаніи въ силѣ указовъ оставленъ: прочимъ же всѣмъ доходамъ, чресъ весь годъ въ Знаменскомъ монастырѣ получаемымъ, оставаться въ ономъ же Знаменскомъ Курскомъ монастырѣ» Неизвѣстно, какой отъ Синода послѣдовалъ отвѣтъ на такое представленіе. [1] Въ послѣдующее время крестный ходъ съ иконою былъ возстановленъ; но во всякомъ случаѣ запрещеніе его Синодомъ, хотя и временное, съ подведеніемъ притомъ ношенія иконы подъ категорію поступковъ противныхъ духовному регламенту, составляетъ фактъ, достойный вниманія.

Сообщилъ **Анфіанъ Лебедевъ.**

---

[1] Въ «краткомъ сказаніи о чудотворной Знаменскія Божія Матери Иконѣ, называемой Курскою». С.П.Б 1847 г., неизвѣстнаго автора, относительно обычая ношенія иконы находимъ лишь слѣдующее *краткое*, безъ указанія источниковъ сообщеніе. «Съ 1726 года икона Знаменія Божія Матери, въ воспоминаніе явленія ея въ Коренной пустыни, послѣ праздника Святыя Пасхи, въ пятокъ девятой седмицы, препровождаема была съ крестнымъ ходомъ изъ Курска на мѣсто, гдѣ явилась, въ Коренную пустынь, и тамъ оставляема была на двѣ недѣли, для удовлетворенія желанію приходящихъ туда христолюбивыхъ богомольцевъ, а по истеченіи двухъ недѣль, съ крестнымъ же ходомъ была возвращаема въ Курскій монастырь.

Въ 1806 г. именнымъ Высочайшимъ указомъ велѣно оную чудотворную икону изъ Курскаго Знаменскаго монастыря препровождать въ Коренный Рождествено-Богородицкій монастырь и имѣть ей въ ономъ пребываніе отъ пятка девятой седмицы до 12 сентября». (Стр. 14—15).

III.

ВЛАДѢЛЬЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ

СУМСКАГО УСПЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.[1])

Документы заключаются въ книгѣ, находящейся въ архивѣ Харьковской Духовной Консисторіи, оглавляемой: «1762 года, мѣсяца іюля 30 дня Сумскаго Успенскаго монастыря, которыя имѣются на грунта подлинныя грамоты—крѣпости и закладныя, съ тѣхъ грамотъ, крѣпостей и закладныхъ вѣрно переписаны копіи, которыя ниже сего слѣдуютъ». Документы любопытны по указанію тѣхъ способовъ, какими монастырь заботливо составлялъ, постоянно расширяя, свои владѣнія. Всѣхъ документовъ 56: 3—царскихъ грамоты, 27—купчихъ, (они идутъ отъ 1677 до 1762 года: покупались земли и у помѣщиковъ, и у казаковъ, и у поповъ и у вдовицъ), 12—поминовенныхъ, 8—мѣновныхъ или замѣнныхъ, 6—заемно-закладныхъ. Часть этихъ документовъ, именно: Царскія грамоты, 1 купчая и 6 поминовенныхъ (послѣднія—не въ полномъ впрочемъ видѣ, а въ краткомъ изложеніи), изданы преосвящ. Филаретомъ въ его «Историко-Статистическомъ Опис. Харьк. Еп.» (Отдѣл. 1, стр. 230—250). Изъ остальныхъ—пять издаются теперь. Изъ нихъ одинъ—поминовенная запись, любопытенъ по тому религіозному одушевленію, съ какимъ небогатый жертвователь завѣщаетъ святой обители, на поминъ своей души, послѣднее достояніе, совсѣмъ пренебрегая положеніемъ своей жены, которой предоставляется жить «на всей худобѣ, что есть, яко она вѣдаетъ». Два другіе останавливаютъ на себѣ вниманіе по интересному указанію, что у насъ и монахи пользовались (одинъ документъ 1738, другой—1757 года), не смотря на каноническія запрещенія,

---

[1]) Монастырь основанъ во второй половинѣ XVII вѣка знаменитымъ полковникомъ Герасимомъ Кондратьевичемъ Кондратьевымъ. Закрытъ въ 1788 году.

правомъ личнаго владѣнія недвижимыми имуществами. Четвертый документъ представляетъ закладъ монастырю Краснопольскимъ священникомъ значительнаго имущества (движимаго и недвижимаго) за 800 рублей. Пятый въ высшей степени любопытенъ по тому характерному извороту, которымъ монастырь подставляетъ себя на мѣсто своего монастырскаго подданнаго для присвоенія лѣса, который долженъ былъ принадлежать послѣднему по закладной.

1720 году октября 12 дня.

Я Павло Андреевъ зостаючи зараженнымъ болѣзнію Божіимъ изволеніемъ, а видячи себе ближе къ смерти, неже къ животу, распоряжаю зостаючую худобу мою напредъ на обитель святую монастырь Сумской Успенія Пресвятыя Богородицы: который лѣсъ половина наданъ за небожчина брата Лаврина, тогожъ лѣса и моя часть Павлова, на туюжъ обитель полецая вѣчно; а по желанію моему и по обѣщанію, аще Богъ позволитъ быти мнѣ въ чину монашескомъ за постриженіе, а по смерти моей и за поминовеніе двѣ кухвы горѣлки на туюжъ обитель отказую, а женѣ моей Еленѣ жити на всей худобѣ, что есть, яко она вѣдаетъ..., въ томъ чиню сію мою запись при людяхъ зацныхъ и вѣры годныхъ (перечисляются). А сію запись писалъ Андрей Тимофѣевъ, попъ нашей Сыроватки.

1738 года Генваря 2 дня.

2. Се азъ я монахъ Ипатій Сумскаго Успенскаго монастыря постриженецъ, будучи въ томъ монастырѣ на послушаніи полатномъ въ 732, 733 и 734 годѣхъ, и въ тѣхъ годѣхъ считали мене въ трапезѣ Игуменъ Иларіонъ съ братіею и недосчитали на мнѣ монастырскихъ денегъ 37 рублевъ, а что я бралъ у казначея на расходъ казенныхъ денегъ 383 рубля 30 алт. 2 деньги, которыхъ денегъ казеннымъ мнѣ старцу нечѣмъ уплатить, то я въ тѣхъ деньгахъ отдаю свою купчую на комору, которую я купилъ у тестя своего Семена, Трофимова сына... и отдаю такую купчую Отцу Игумену Иларіону съ братіею на монастырь вѣчно владѣть, дабы въ тую комору никто отъ сродникъ моихъ съ ближнихъ и дальнихъ не вступалъ, а буде кто смѣлъ бы вступаться, то будетъ проклятъ и разсудится со мною на второмъ пришествіи.

Въ подлинной подпись такая: «къ сей поступной записи Игуменъ Иларіонъ подписался. Къ сей поступной записи Сумскаго Успен-

скаго монастыря духовникъ іеромонахъ Аѳонасій по прошенію монаха Ипатія руку приложилъ. Къ сей поступной записи іеромонахъ Паисій руку приложилъ. Къ сей поступной записи іеродіаконъ Антоній свидѣтелемъ былъ и вмѣсто братіи руку приложилъ».

3. 1757 года мѣсяца Мая 2 дня, города Сумъ житель казачій подпомощникъ Герасимъ, Васильевъ сынъ, Курдюмовъ въ прошломъ 1746 году занялъ я на свои нужды, когда недорожай былъ хлѣба, у Сумскаго обывателя Самойла Задзоры, который уже нынѣ въ Сумскомъ монастырѣ находится въ монашествѣ, денегъ сто рублевъ на проценты, котораго проценту надлежало отъ мене взять по договору съ рубля въ годъ по девяти копѣекъ, и я до сего времени наличныхъ и процентныхъ денегъ за своимъ недостаткомъ отдать чѣмъ не имѣю, отдалъ ему Задзорѣ, кой монахомъ называется Самсонъ, въ городѣ Сумахъ въ великомъ отрозѣ.. надъ рѣчкою Сумскою купленый мой дворъ, въ которомъ намѣревалъ я имѣть пребываніе, а понеже таковыхъ заемныхъ и процентныхъ денегъ за своимъ недостаткомъ неимѣю чѣмъ отдать, уступилъ я ему монаху Самсону оный дворъ, на которомъ строенія двѣ хаты и една комора, а тотъ дворъ покупкою мнѣ достался отъ воскресенскаго попа Михаила Ставровскаго, да отъ Артема Верчеина и жены его Евгеніи, смежно оный дворъ съ одной стороны отъ шевца Федора Ильяшенка, а съ другой и третьей сторонъ отъ двора Сумскаго Успенскаго монастыря, никому и ни въ чемъ не пенный и напредъ сего никому не проданъ и не заложенъ, и на оный дворъ имѣющіяся у меня купчія отдалъ, и ему монаху самому вольно его кому отдать или продать, болѣе на мнѣ, на моей женѣ и дѣтяхъ не взыскивая мною занятыхъ денегъ ни процентовыхъ; а впредь мнѣ до того двора и строенія, также женѣ моей и дѣтямъ и родственникамъ дѣла никакого не имѣть; ежели бы кто въ тотъ дворъ началъ втручаться и хотѣлъ бы отъ него монаха отобрать, то мнѣ, женѣ моей и дѣтямъ въ томъ очищать и убытковъ ему не доставить, а буде ли не очистимъ, то ему монаху самому, или кому прикажетъ, тѣ свои деньги сто рублевъ съ процентомъ и съ убытки на мнѣ, на моей женѣ и дѣтяхъ взимать, въ томъ сію крѣпостную запись при свидѣтеляхъ далъ вышеписаннаго году и числа.

(Слѣдуютъ подписи: Курдюмова и трехъ свидѣтелей).

1757 года мѣсяца Іюля, сію запись и въ ней показанный дворъ со строеніемъ, яко симъ обители отдалъ я въ Сумской Успенскій

монастырь ради своего спасенія въ вѣчное владѣніе и въ томъ собственноручно подписался Сумскаго Успенскаго монастыря монахъ Самсонъ Задзора.

4. Лѣта тысяча семь сотъ шестидесятаго февраля пятаго дня Сумскаго Слободскаго полку города Краснополья житель, Николаевской церкви священникъ Иванъ Ивановъ сынъ Боровикевичъ Сумскаго Успенскаго монастыря архимандриту Іоакиму Боярскому, намѣстнику Лукьяну Сукачеву, духовнику Веніамину Флоринскому и того монастыря братіи далъ сію заемную и закладную запись въ томъ, что для своихъ крайнихъ необходимыхъ нуждъ и для расплаты долговъ занялъ у сумскаго архимандрита съ братіею денегъ восемьсотъ рублевъ, а въ тѣхъ деньгахъ, вмѣсто порукъ, до отдачи тѣхъ денегъ заложилъ собственное свое движимое и недвижимое имѣніе, состоящее въ Краснопольской округѣ въ нижеписанныхъ урочищахъ, а именно—подъ городомъ Краснопольемъ Черный лѣсъ, прозываемый Просѣковскій, съ Яромъ Омелковшиною, и близь того Яру Кутъ, называемый Павловъ сѣнокосные покосы и пахатное поле, да въ томъ Просѣковскомъ лѣсу хуторецъ — въ немъ жилыхъ поддайническихъ шесть избъ со всѣмъ дворовымъ и прочимъ строеніемъ, а смежность оному Просѣковскому лѣсу и Яру Омелковщинѣ и Куту съ одной стороны отъ Шляху Сагайдашнаго съ лѣсомъ умершаго дяди моего Николаевской церкви священника Андрея, Васильева сына, Боровикевича, съ другой стороны Просѣковскій по рѣчку Тонкую, съ третьей по землю Краснопольскаго сотника Василья Ямпольскаго и по Ярокъ, прозываемый Зеньковскій, а съ четвертой стороны къ лѣсу Гречаниковскому съ землею разныхъ краснопольскихъ жителей, да близь показаннаго хуторца по обѣ стороны онаго пахатное и сѣнокосное поле, и въ краснопольской дачѣ въ разныхъ рукахъ въ урочищѣ Подвашутиновщиною по обѣ стороны пахатное и сѣнокосное поле общаго владѣнія съ показаннымъ умершимъ дядею моимъ Андреемъ Боровикевичемъ половинную свою часть, да близь вышепрописаннаго лѣса просѣкъ на обѣжь стороны того лѣса поле, прозываемое Кладенковское и Калюжновское, и онагожъ Калюжновскаго по обѣ стороны рѣчки Тонкой сѣнокосную луку, и межъ лѣсами Просѣковскимъ да Гречанымъ пахатнаго поля Святошевскаго на четырнадцать дней, и внизу по рѣчкѣ-жь Тонкой сѣнокосную луку Чередниковскую и пахатнаго поля на два дня, да близь онаго Святошевскаго поля—Куриловскаго межъ лѣсами Просѣковскимъ и Гречаниковскимъ на два дня, и противъ того поля сѣнокосныя луки, Морозовскаго подъ Стелмаховымъ лѣсомъ пахатнаго поля на три дня,

въ степу на вершинѣ рѣчки Одавы, она же и Пѣженка, тогожь Морозовскаго на восемь дней, Оверковскаго смежно съ Морозовскимъ на той же рѣчкѣ Одавѣ у вершины на шесть дней, Падалковскаго подъ Лобуйцевымъ лѣсомъ на четыре дня, Хмѣлевскаго по той бокъ лѣса просѣкъ четыре дня Шабельниковскаго въ степу подъ Мизыновкою на три недѣли, у вершины Яру Омелковщины Сенецивскаго и Тарановскаго на недѣлю, да верхъ Ставу Григорья Поповича на пять дней, и оныя пахатныя поля и сѣнокосныя луки смежны съ землею разныхъ краснопольскихъ жителей, и тѣмъ заложеннымъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ ему архимандриту съ братіею до того сроку владѣть, а мнѣ Ивану, женѣ, дѣтямъ и наслѣдникамъ до того закладного имѣнія до отдачи денегъ дѣла нѣтъ, и никакими мѣры не вступаться и отъ вступщиковъ очищать, и буде тѣхъ занятыхъ восьми сотъ рублевъ не отдамъ и того имѣнія не выкуплю, то и вѣчно владѣть, въ чемъ и свидѣтели нижеподписавшіеся. (Слѣдуютъ подписи самаго священника Іоанна Боровикевича и свидѣтелей).—Писалъ сію закладную Сумскихъ крѣпостныхъ дѣлъ писецъ Яковъ Коровкинъ.— 1760 году февраля 5 дня сія заемная и закладная запись въ Сумахъ у крѣпостныхъ дѣлъ въ книги записана, оной пошлинъ отъ письма со ста рублевъ по десяти копѣекъ—80, отъ записки пять, за перехожу станицу пять же, на расходъ двѣ четверти по указу принялъ и закладную совершилъ Сумскихъ крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикъ Иванъ Пономаревъ.

5. 1763 года Марта 4 дня Сумскаго Успенскаго монастыря архимандритъ Іоакинѳъ Боярскій поданнымъ въ Краснопольскую сотенную ратушу доношеніемъ написалъ: въ давнѣхъ-де годѣхъ бывшій города Краснополья житель Петръ Степановъ сынъ Падалка означеннаго монастыря подданному прозываемаго хутора Чернечина жителю Самойлѣ Дузеватому отдалъ подъ закладъ на урочные года свой лѣсъ, состоящій въ Краснопольскихъ дачахъ близь показаннаго хутора Чернечины между владѣніемъ монастырскимъ, и денегъ взялъ рубль сорокъ копѣекъ, который лѣсъ то время былъ срубленъ; только де по прошествіи урочныхъ годовъ оный Петръ Падалка того своего лѣса не выкупя, съ дѣтьми своими съ города Краснополья сошелъ безвѣстно и оставилъ тотъ лѣсъ во владѣніе реченному подданному монастырскому, коимъ подданнымъ чрезъ многое время годовъ наблюденіе и бережение оный лѣсъ совершенно вырощенъ, и яко де тотъ лѣсъ въ способности состоитъ къ хутору монастырскому и между монастырскимъ владѣніемъ имѣется въ смежности, а особливо что предписаннаго

Петра Падалки и дѣтей его съ предпоказанныхъ давнихъ годъ въ городѣ не стало, и иному тѣмъ его Падалки лѣсомъ никому по неспособности владѣть не слѣдуетъ, а принадлежитъ по объявленному закладу оному монастырю, понеже и наслѣдія къ тому имѣнію не имѣется,—и тѣмъ доношеніемъ просилъ означенный архимандритъ Іоакимъ о дачѣ на владѣніе показаннымъ Падалкинымъ лѣсомъ Сумскому монастырю изъ Краснопольской сотенной ратуши, дабы въ помянутый лѣсъ изъ постороннихъ напрасно интересоваться никто не могъ, письменнаго вида; почему въ Краснопольской сотенной ратушѣ по взнесенныхъ о вышеписанномъ справокъ и по показанію Краснопольскихъ старожиловъ явилось, что упоминаемый лѣсъ въ давнѣхъ годѣхъ Краснопольскій житель Петръ Падалка, какъ архимандритъ въ доношеніи своемъ написалъ, реченному монастырскому подданному Самойлѣ подлинно въ закладъ отдалъ и не выкупивъ оставя во владѣніе оному Самойлѣ сошолъ съ дѣтьми безвѣстно, и никакого къ тому имѣнію наслѣдства не осталось; того ради въ Краснопольской сотенной ратушѣ, по согласію Краснопольскихъ казаковъ, определено: предпоказанный Падалчинскій лѣсъ, яко довлѣетъ оный по изображенному обстоятельству монастырскимъ быть, понеже реченному Падалцѣ подобнаго къ тому его имѣнію не имѣется и Краснопольскимъ обывателямъ безнаслѣдно никому по непристоинству тотъ лѣсъ имѣть во владѣніи неспособно, и для того что оный лѣсъ между владѣніемъ монастырскимъ состоитъ опричь обывательскихъ лѣсовъ одинъ—оному монастырю по способности къ хутору Чернечинѣ отдать вовсе во владѣніе, который и отданъ; а показанныя рубль сорокъ копѣекъ деньги предпомянутому подданному Самойлѣ Дузеватому съ монастыря сполна возвратить, и тѣмъ лѣсомъ Сумскому Успенскому монастырю владѣть вѣчно безпрепятственно, и въ оный лѣсъ, яко по нынѣ чрезъ прошедшіе многіе годы никѣмъ не выкупленъ впредь никому никакими мѣры не вступаться и не интересоваться, о чемъ за подписаніемъ сотенныхъ старшинъ и казаковъ рукъ данъ сей помянутому Сумскому монастырю для спокойнаго владѣнія зъ Краснопольской сотенной ратушы видъ.

В ъ подлинной подписано:

Краснопольскій атаманъ Денисъ Дейнека, сотенный хорунжій Никифоръ Балановъ, казаки Федоръ Храпковъ, Лукьянъ Савченковъ, Иванъ Шепотковъ, Степанъ Лесюковъ съ товарищы, а вмѣсто оныхъ

по ихъ прошенію Краснопольскій житель Демьянъ Голенновскій подписался.

Краснопольской сотенной ратуши писарь Федоръ Гулянскій.

IV.

Духовная Харьковскаго Преображенскаго монастыря іеромонаха Стефана Зашаловскаго.

(Изъ Архива Харьковской Духовной Консисторіи).

Тысяча семь сотъ двадесять осьмаго года декабря въ девятый день. Азъ рабъ Божій, бывшій города Ольшанаго, протопопъ Стефанъ Зашаловскій, а нынѣ Харьковскаго Преображенскаго монастыря іеромонахъ Селиверстъ пишу сію духовную въ цѣломъ своемъ умѣ и полномъ разумѣ и опредѣляю какъ движимому, такъ и недвижимому всему своему имѣющемуся въ городѣ Ольшаномъ имѣнію, наслѣдникомъ сына своего меньшаго Іосифа, Стефанова сына, Зашаловскаго, который меня въ домѣ моемъ, еще до иноческаго моего чина, такъ и по воспріятіи онаго, имѣлъ доброе смотрѣніе и неоставленіе меня родителя своего, и оному опредѣленному наслѣднику сыну Іосифу вначалѣ родительское благословеніе—отъ нынѣ и во вѣки, и вручаю ему въ вѣчное владѣніе недвижимаго имѣнія, а именно: въ городѣ Ольшаномъ дворъ свой, въ которомъ я жительство имѣлъ, со всякимъ хоромнымъ строеніемъ, да камора шинковная, посуда серебряная, оловяная, мѣдная и желѣзная, платья, что ни есть—все, недвижимаго имѣнія при городѣ Ольшаномъ имѣющіяся мои двѣ мельницы, первая на рѣкѣ Ольшаной, другая на колодези Песочномъ, со всею мельничною снастью, и при тѣхъ мельницахъ мирочницкихъ два двора, да при ономъ же городѣ Ольшаномъ по рѣчкѣ Ольшаной роспашная и нероспашная земля и сѣнные покосы со всякими угодьями, и на оной землѣ поселенный мой хуторъ четырьмя дворами со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ, въ которомъ имѣется всякій скотъ, да винница—въ ней винокурня въ три казана, пчельныхъ заводовъ—50 ульевъ со пчелами. И дѣтямъ моимъ, большому сыну—города Золочева Соборному Троицкому попу Василью, среднему—города Ахтырки Покровскому попу Ивану, которые опредѣлены особливыми дворами и отъ меня награжденіемъ, буди на нихъ мое родительское благословленіе отъ нынѣ и во вѣки; а опредѣленіе имъ отъ меня учинено такое: большому сыну Василью, тому будетъ двѣнадцать лѣтъ, въ ономъ городѣ Золочевѣ исканіемъ и ходатайствомъ

моимъ дана *парафія* (приходъ), и устроилъ его особымъ дворомъ, а хоромное строеніе—свѣтлицы и прочее перевезены на моихъ подводахъ изъ Ольшанаго, куплена роспашная и нероспашная земля и сѣнные покосы и всякія угодья изъ моего кошта, также дано ему въ надѣлъ отъ меня отъ посуды серебряной и оловяной и отъ всякаго скота опредѣленная часть; другому сыну, что въ городѣ Ахтыркѣ Покровскому попу Ивану награжденіе отъ меня учинено особливо же: тому будетъ лѣтъ пятнадцать купилъ ему всякаго товару и учинилъ его крамаремъ, а потомъ оный сынъ мой Иванъ стараніемъ моимъ и моимъ коштомъ посвященъ въ попы, да емужь, сыну моему попу дано отъ меня въ надѣлъ всякихъ пожитковъ, въ томъ числѣ довольное число книгъ и отъ денегъ и отъ посуды серебряной и оловяной; а что оный сынъ мой попъ Иванъ, не боясь Бога, пріѣхавъ ко мнѣ въ домъ съ женою своею, какъ я былъ въ болѣзни, меня обманулъ, яко бы его сотникъ Негребецкій отъ церкви и отъ прихода изгоняетъ и выманулъ у меня на половину мельницы моей, что на рѣкѣ Ольшаной, и въ Ольшаномъ приходу половину, письмо подъ видомъ такимъ, якобы хотѣлъ перейти въ Ольшаной на житье, и не перешелъ, оное письмо нынѣ ему, сыну моему попу Ивану, въ дѣйствительное не ставить и тому письму на оную половину мельницы не вѣрить, понеже какъ движимому, такъ и недвижимому всему своему имѣнію учиненъ наслѣдникомъ показанный сынъ мой меньшой Іосифъ еще до даннаго отъ меня на половину мельницы показанному моему сыну попу Ивану письма и по сей моей духовной означенному моему сыну съ женою и дѣтьми всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ владѣть вѣчно. (Далѣе говорится объ уплатѣ долговъ Ольшанскимъ жителямъ—300 р. и о погребеніи). А братьевъ Іосифа не обижать и въ челобитье не вступаться и не проторить и сей моей духовной не нарушать и никому ни въ чемъ не прекословить, но быть довольнымъ моимъ родительскимъ благословеніемъ и опредѣленіемъ; а ежели кто изъ дѣтей моихъ сію мою духовную нарушитъ и родительское благословеніе преступитъ и онаго моего наслѣдника сына Іосифа станетъ обижать, нѣтъ тому отъ меня прощенія и благословенія отъ нынѣ и во вѣки, и буди тотъ проклятъ и анаѳема, и разсудитъ таковаго преслушника, не сохранившаго заповѣди отца своего, нелицемѣрный Судія. (Слѣдуютъ подписи множества свидѣтелей).

Сообщилъ **Амфіанъ Лебедевъ**.

V.

ЗАВѢЩАНІЕ СВЯЩЕННИКА

Мѣстечка Тарановки (Зміевскаго уѣзда) зятю своему церкви и прихода.

«Я рабъ Божій священно-іерей Іоаннъ мѣстечка Тарановки, Архангельской церкви, чуючи себе ближше къ смерти, нежели къ животу, симъ моимъ тестаментомъ располагаю жену и дѣтей моихъ, первое: имѣющійся храмъ, въ мѣстечкѣ Тарановкѣ стоящій, Архангела Михаила Церковь и что имѣется въ ней—книги, опарадъ и всякія посуды и приходъ парафію владѣть Петру Антоновичу, зятю моему, а изъ онаго церковнаго приходу всякаго брать попадьѣ Устиньѣ отъ зятя своего Петра Антоновича половинное число ажь до смерти, и вольно ей попадьѣ Устиньѣ онымъ церковнымъ приходомъ половинное число кому хотя отдать, зятю Петру, или сыну своему Петру же»... Далѣе слѣдуетъ распредѣленіе надворнаго строенія, мельницъ, хуторовъ, садовъ, пасикъ, винницъ, земли пахатной и сѣнокосной. Въ заключеніе говорится: «и аще, кто могъ бы по смерти моей сію духовную запись *преставить*, тотъ да будетъ проклятъ-анаѳема. 1738 года октября 1 дня. При завѣщаніи перечислены свидѣтели: Атаманъ мѣстечка Тарановки и многіе мѣстные обыватели и трое священниковъ, которые и подписались.

На полѣ помѣчено: Харьковскаго полку полковой писарь Романовичъ.

VI.

Предписаніе духовенству Корочанскаго уѣзда въ 1779 проповѣдывать противъ народнаго суевѣрія относительно саранчи.

Учрежденнаго Курскаго намѣстничества Правитель Генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Свистуновъ въ присланномъ по секрету предложеніи въ Бѣлогородскую духовную консисторію писалъ:

Корочанскаго уѣзда частный смотритель сотникъ Лофицкій, увѣдомляя о налетѣвшей въ городъ Корочу саранчѣ, между прочимъ упоминаетъ, что простолюдины, именуя ту саранчу силою Божіею, въ случаѣ принужденія ихъ къ ея истребленію приставленнымъ для того противорѣчатъ и дѣтямъ своимъ, къ убіенію ея устремляющимся, дѣлать то запрещаютъ, разсказывая притомъ якобы въ прежнія времена истребляющіе саранчу иные ослѣпли, иные разслабленіе и другія болѣзни потерпѣли.—А какъ всѣ таковые разсказы—поясняетъ его превосходительство Консисторіи—происходятъ конечно не отъ послѣдовавшихъ таковыхъ случаевъ, а единственно отъ суевѣрія и сущаго невѣжества, каковая мысль, какъ примѣтно, во многихъ уже и закоренѣла, то можетъ послѣдовать не токмо неисполненіе Правительствующаго Сената указовъ объ истребленіи саранчи состоявшихся, но явное попущеніе той саранчѣ какъ нынѣ къ пожранію ею хлѣба и всего того на что она нападаетъ, такъ и впредь къ размноженію ея, если она сѣмена оставитъ, слѣдственно—къ неминуемому и всеобщему вреду—того ради бѣлоградская духовная консисторія, за отсутствіемъ его преосвященства, имѣетъ принять такія мѣры, чтобъ таковое суевѣріе было отвращено посредствомъ находящихся въ городахъ и уѣздахъ священниковъ растолкованіемъ онаго простолюдинамъ при всѣхъ случаяхъ, а паче во время искорененія той саранчи, причемъ духовенству накрѣпко подтвердить, чтобы они увѣщаніе свое на то обратили съ лучшею прилежностію и безъ малѣйшаго отлагательства, и что по сему Консисторіею учинено будетъ—его превосходительству дать знать.

Консисторія опредѣлила: всѣмъ бѣлоградской епархіи протопопамъ и священникамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобы они, принявъ всевозможныя и непремѣнныя средства какъ въ Божіихъ церквахъ—по отправленіи божественной литургіи, такъ и въ другихъ

пристойныхъ къ тому мѣстахъ простой и большею частію въ невѣдѣніи затвердѣлый народъ по долгу званія своего убѣдительными наставленіями, увѣщаніями, равно и примѣрами изъ священнаго писанія отъ поползновенія къ какому либо суевѣрія примѣчанію старательно пеклись, яко пастыри добрые и бодрые, отвлекать, вглубляя при семъ въ ихъ непросвѣщенныя мысли, что истинному Богу принадлежащее и силу Его относить и приписывать другимъ тварямъ, какъ то саранчѣ, будетъ суевѣрно и святой церкви противно...—и въ томъ обязали бы всѣхъ ихъ безъ упущенія времени подписками.

(Изъ архива Харьковской Духовной Консисторіи).

Сообщилъ **Амфіанъ Лебедевъ.**

VII.

Матеріалы къ исторіи сельско-хозяйственной и заводской промышленности на югѣ Россіи.

(Изъ Архива Курскаго Знаменскаго Монастыря).

а) Государственные овчарные заводы.—При Петрѣ I.

По указу великаго Государя Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря Архимандриту съ братіею. Февраля 18 дня сего 721 года Царскаго Величества въ указѣ за подписаніемъ руки господина полковника Петра Дмитріевича Кошелева въ Курскъ въ канцелярію воеводскаго правленія къ господину комисару и управляющему Өеодору Аөонасьевичу Бехтѣеву писано: понеже въ письмѣ въ канцелярію Бѣлогородской провинціи господина плац-майора Кологриваго объявлено, что де по вѣдомости изъ Кіево-Губернской канцеляріи велѣно овчарные заводы, которые заведены въ 715 году по упомяненному Его Царскаго Величества указу для покоя овцамъ построены станціи въ семи городахъ: въ Рыльскѣ, Орлѣ, Корачевѣ, Путивлѣ, Курскѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ, осьмая строится въ Бѣлгородѣ, на которыхъ заводахъ овчаровъ иноземцевъ тринадцать, учениковъ русскихъ пятьдесятъ одинъ, изъ черкасовъ пятьдесятъ четыре, овецъ двадцать одна тысяча семьдесятъ четыре, а впредь велѣно содержать пятнадцать тысячъ овецъ... И учениковъ по росписанію надлежитъ взять съ пятидесяти семи дворовъ по человѣку, а по справкѣ въ канцеляріи бѣлогородской провинціи въ Курскѣ монастырскихъ четыреста семьдесятъ шесть, помѣщиковыхъ тысяча девяносто четыре, церковныхъ девяносто четыре, итого — тысяча шесть сотъ четыре двора, съ которыхъ

опредѣлено взять двадцать девять человѣкъ.... А съ помянутыхъ монастырскихъ съ четырехъ сотъ семидесяти шести дворовъ крестьянскихъ взять опредѣлено восемь человѣкъ, въ остаткѣ—шестнадцать, и изъ оныхъ остаточныхъ Троицкаго дѣвичьяго монастыря пять дворовъ приписаны въ складку въ Обоянь, а одиннадцать дворовъ приписаны къ церковнымъ Курскаго собора крестьянамъ—девяносто четыремъ дворамъ, съ которыхъ опредѣлено взять на оную станцію два человѣка, къ нимъ же приписаны помѣщиковыхъ пять дворовъ, всего съ оныхъ монастырскихъ и церковныхъ взять опредѣлено въ овчары десять человѣкъ. И Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандриту Михаилу съ братіею по вышеозначенному опредѣленію означенное число въ овчары велѣть выбрать добрыхъ людей молодыхъ, которые могли бы принять способное обученіе и прислать оныхъ овчаровъ въ Курскъ въ канцелярію воеводскаго правленія и велѣть объявить господину комисару и управителю Ѳеодору Аѳонасьевичу Бехтѣеву сегожь марта 28 числа. Писанъ въ Курскѣ марта 22 дня 1721 года.

1721 года Февраля дня. По указу великаго Государя Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, Курскаго Бгородицкаго Знаменскаго монастыря архимандриту Михаилу съ братіею. Прошедшаго 720 года сентября 16 дня по присланному Царскаго Величества указу за рукою господина камерира Гавріила Володиміровича Плаутина велѣно мнѣ къ курской овечьяго завода станціи къ предбудущей осени 1721 года высылать въ доли моей для довольства овцамъ сѣна съ полтретья двора по возу зеленаго мелкаго съ листомъ, да на подстилку овцамъ соломы съ двадцати семи дворовъ съ полдворомъ, а присланнымъ ко мнѣ письмомъ отъ комисара Герасима Анненкова на кошарской станціи по высылкѣ въ доли моей съ сѣномъ и соломою явилось малое число, отчего въ томъ овцамъ есть нужда не малая. И архимандриту Михаилу съ братіею, по полученіи сего указа, велѣть съ монастырскихъ вотчинъ съ вышеозначеннаго двороваго числа съ сѣномъ и соломою выслать въ Курскъ къ комисарству сего февраля къ 9 числу для отсылки на кошарскую станцію и явиться къ господину комисару Борису Андроновичу Давыдову; а буде на помянутый срокъ съ сѣномъ и соломою означеннаго монастыря крестьяне не явятся, и за то выборнымъ старостамъ и рядовымъ крестьянамъ за преслушаніе ихъ учинено будетъ наказаніе; а кто именно съ сѣномъ и соломою посланы будутъ, о томъ прислать къ комисару вѣдѣніе. Сего февраля вышеозначеннаго числа.

Подлинный указъ за подписаніемъ руки господина комисара Бориса Давыдова.

Б) Смальчужные заводы князя Якова Крапоткина въ селѣ Должикѣ, Харьковскаго уѣзда.

Въ письмѣ отъ 11 декабря 1728 года владѣтель означенныхъ заводовъ обращался къ архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря съ просьбой слѣдующаго содержанія:

«Превелебный въ Бозѣ пречестнѣйшій отче Михаилъ Мартиновичъ, архимандритъ святыя обители Курскія Знаменскія,

Мой же особливѣйшій отче и благодѣтелю!

«Доношу вашей превелебности: сего декабря 10 дня пріѣзжали ко мнѣ въ маетность мою въ село Должикъ вотчины Курскаго Знаменскаго монастыря села Смородиннаго крестьяне Матвѣй Горбачевъ да Родіонъ Селезневъ и объявили мнѣ за рукою вашей превелебности подорожную; а по объявленіи оной договорились со мною они Матвѣй да Родіонъ съ заводовъ моихъ смальчужныхъ изъ Харьковскаго уѣзда поставить до города Орла 500 бочекъ смальчуга въ двѣ поѣздки предъидущаго, (то-есть *будущаго*) 729 года въ генварѣ да въ мартѣ мѣсяцахъ, но токмо для вѣрности надлежитъ мнѣ отъ оныхъ крестьянъ имѣть въ поставкѣ реченнаго числа бочекъ смальчуга договорное письмо, а въ какой силѣ оное письмо имѣетъ быть, таковый образецъ съ Матвѣева да Родіонова совѣту написавъ при семъ до вашей превелебности посылаю, а что за поставку онаго смальчуга имъ Матвѣю да Родіону надлежитъ мнѣ заплатить, о томъ изволите ваша превелебность усмотрѣть по оному договорному письму, о чемъ прошу дабы ваша превелебность благоволили онымъ крестьянамъ на сіе учинить позволеніе и такое договорное письмо повелѣли бъ написать и къ вышереченному сроку паки ихъ ко мнѣ отпустить. А за такое благосклонное къ намъ благодѣяніе долженъ превелебности вашей впредь возблагодарить; нынѣ же благословенія вашего желая, остаюсь капитанъ князь Яковъ Крапоткинъ. Декабря 11 дня 1728 г. Село Должикъ».
Въ припискѣ дополнялось:

«PS. Тутъ же доношу вашей превелебности: по сочиненіи показаннаго договора съ оными крестьянами Матвѣемъ да Родіономъ дано имъ въ задатокъ пять рублевъ; а для вѣрности данной имъ отъ вашей превелебности паспортъ взявъ у нихъ задержалъ при себѣ. При семъ же чрезъ оныхъ крестьянъ посылаю превелебности вашей барильце (боченокъ) водки украинской, которое прошу любительно приказать принять и дай Боже во здравіе употреблять».

Въ контрактѣ же, посланномъ при письмѣ къ архимандриту, значилось:

«1728 года декабря въ « Мы нижеподписавшіеся вотчины Богородицкаго Знаменскаго монастыря села Смородиннаго крестьяне Матвѣй, Трифоновъ сынъ, Горбачевъ да Родіонъ, Өедоровъ сынъ, Селезневъ съ товарищи, съ позволенія онаго монастыря отца архимандрита Михаила Мартиновича сочинили сей контрактъ съ капитаномъ княземъ Яковомъ Кропоткинымъ въ томъ, что съ заводовъ его смальчужныхъ, которые имѣются въ Харьковскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ его въ селѣ Березовомъ, поставить намъ Матвѣю да Родіону съ товарищы въ городъ Орелъ смальчуга пять сотъ бочекъ, а именно: подъ первую половину того смальчуга на оные заводы привести двѣсти пятьдесятъ подводъ нынѣшняго 728 года декабря въ послѣднихъ числахъ, да предбудущаго 729 года въ февралѣ или въ мартѣ мѣсяцахъ двѣсти пятьдесятъ же подводъ подъ другую онаго смальчуга половину, или что будетъ въ приготовленіи въ отпускъ той другой половины. А за поставку того смальчуга, по сему нашему контракту, взять намъ у него капитана князя Якова Кропоткина на всякую бочку по сту по тридцати копѣекъ, и когда мы положимъ на подводы онаго смальчуга по коликому числу бочекъ первой и послѣдней половины, въ то время намъ Матвѣю да Родіону съ товарищы въ уплату за провозъ до Орла принять на тѣхъ заводахъ у прикащиковъ его денегъ половину, а остальныя деньги взять намъ у прикащика его на Орлѣ предбудущаго 729 года въ Генварѣ и въ Мартѣ мѣсяцахъ по поставкѣ и по складкѣ того смальчуга въ пріуготовленные анбары въ цѣлости. А будетъ мы Матвѣй да Родіонъ съ товарищы противъ сего своего контракту на означенные сроки вышеписаннаго числа бочекъ смальчуга въ городъ Орелъ не поставимъ, или везучи въ пути какимъ образомъ тотъ смальчугъ попортимъ, что оный въ казну Его И. В. будетъ не годенъ, или другіе какіе въ

томъ ему капитану убытки учинимъ, то повинны мы Матвѣй да Родіонъ съ товарищы тѣ его убытки заплатить ему капитану всѣ сполна и въ томъ Матвѣй Горбачевъ да Родіонъ Селезневъ съ товарищы съ нимъ капитаномъ князь Яковомъ Кропоткинымъ сей контрактъ сочиня заключили».

В) Красочный заводъ на монастырской землѣ и монастырское противодѣйствіе.

(Изъ архива Курскаго Знаменскаго монастыря).

Іюня 13 дня 1759 года іеромонахъ Курскаго Знаменскаго монастыря Христофоръ архимандриту Гедеону доносилъ, что по приказанію Его Преосвященства, а по его архимандритову докладу, ѣздилъ онъ въ село Смородинное (вотчина Курскаго Знаменскаго монастыря—въ Фатежскомъ уѣздѣ) для отвода земли англичанину Григорію Григорьевичу, повѣренному графа Шувалова и компаніи (которую составляли съ Шуваловымъ оберъ-инспекторъ Шемякинъ и Новоторжскій купецъ, содержатель красочной фабрики, Антонъ Тавлѣевъ) на заводъ красочнаго дѣла, и по пріѣздѣ оному англичанину земли, по выбору его, гдѣ угодно и сколько ему было потребно отвелъ.

Земля англичанину Роберту Грипалю, переименованному іеромонахомъ въ Григорія Григорьевича, дана; но незванный гость, естественно, не могъ быть пріятенъ для монастыря. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ Гриналь въ своемъ доношеніи въ Курскую воеводскую канцелярію, указавъ на сдѣланныя правительствомъ распоряженія, чтобы какъ губернскія провинціальныя, такъ и воеводскія канцеляріи и прочіе управители оказывали новозаводимому дѣлу всевозможныя вспоможенія, сообщалъ, что, по подряду его Гриналя, села Поныровъ крестьянинъ Марко Самохваловъ, по самовольной его охотѣ, подрядился ставить потребную къ производству краски траву, называемую синель, за что изъ выданныхъ изъ казны Ея И. В. немалое число денегъ въ задатокъ ему дано, но только, не поставя той травы, незнаемо куда изъ дома своего скрылся, а небезъизвѣстно-де ему, Гриналю, что оный крестьянинъ, по приказу архимандрита Гедеона захваченъ и держится въ монастырской вотчинѣ—въ пасикѣ подъ

карауломъ, какъ по всему можно примѣчать именно съ тѣмъ, чтобы условленной поставкѣ травы помѣшать, чрезъ что въ красочномъ дѣлѣ учинилась крайняя остановка. Изъясняя затѣмъ, что его высокопреподобіе не могъ не знать, что отъ новозаводимаго красочнаго дѣла зависитъ важная государственная польза, почему и Правительствующій Сенатъ вспоможеніями тому дѣлу не оставить обѣщался, Гриналь просилъ означеннаго крестьянина Самохвалова, освободя его, прислать для выполненія условія безъ проволочки времени, дабы въ интересѣ Ея И. В. не послѣдовало убытка, а онъ не былъ бы вынужденъ на архимандрита Гедеона, куда слѣдуетъ, сообщить промеморіею. На основаніи сего доношенія, Курская воеводская канцелярія послала въ Курскій Знаменскій монастырь требованіе, чтобы, буде крестьянинъ Самохваловъ содержится подъ карауломъ или въ другомъ мѣстѣ гдѣ находится, прислать его въ канцелярію для отсылки къ англичанину—для поставки травы.

Жалоба Гриналя и основанное на ней требованіе воеводской канцеляріи произвели въ монастырѣ не малый переполохъ. Въ тотъ же самый день, когда получено это требованіе, монастырь спѣшилъ отправить въ канцелярію промеморію, въ которой изъяснялъ, что о сѣяніи травы на красочное дѣло и продажѣ оной англичанину Гриналю отъ архимандрита Гедеона съ братіею всѣмъ вотчиннымъ крестьянамъ своевременно было повѣщено и потому они—архимандритъ и вся монашествующая братія—много были удивлены, когда монастырскій писарь Воробьевъ іюля 1 дня имъ предъявилъ, что ему Курскій воевода коллежскій ассессоръ Ѳедосей Щукинъ выговаривалъ, якобы архимандритъ Гедеонъ съ братіею красочную траву крестьянамъ продавать запрещаетъ, а тѣмъ болѣе—когда означенный воевода и нарочитой депутаціи, отправленной къ нему для подлиннаго о томъ дѣлѣ увѣдомленія (депутація состояла изъ 4 человѣкъ: намѣстника монастырскаго, одного изъ городскихъ священниковъ и двухъ военныхъ, поручика и подпоручика, изъ монастырскихъ пенсіонеровъ) [1] также объявилъ, якобы крестьянамъ на счетъ поставки травы на красочное дѣло запретъ учиненъ; «а понеже—продолжаетъ промеморія—отъ архимандрита и братіи такого запрещенія крестьянамъ не было, и то взнесено на нихъ напрасно, того ради архи-

[1] О военныхъ этого рода наша статья въ Чтен. Общ. Люб. дух. просв: 1881 г., май, «Отставные военные на монашескихъ порціяхъ въ монастыряхъ».

мандритъ съ братіею посылали въ вотчину съ объявленіемъ, что архимандритъ съ братіею какъ прежде имъ крестьянамъ красочную траву сѣять и продавать не запрещали, такъ и нынѣ и впредь не токмо не запрещаютъ, но еще къ тому и увѣщеваютъ, и въ слышаніи ими такого объявленія взяты съ нихъ крестьянъ подписки, которыя въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ впредь для вѣдома содержатся, о чемъ и Курская воеводская канцелярія благоволи быть извѣстна».

Между тѣмъ о стѣсненіяхъ, какія архимандритъ чинилъ новоустроенному заводу, сообщено было и Шувалову, и графъ, какъ видно изъ дѣла, почтилъ архимандрита милостивымъ чрезъ письмо увѣщаніемъ.

Любопытенъ отвѣтъ архимандрита (отъ сент. 1759 г.) на это милостивое увѣщаніе:

Сіятельный графъ,

Милостивый Государь Патронъ!

Вашего высокографскаго сіятельства неусыпное о пользѣ государственной благопромыслительство всѣмъ, и мнѣ старцу, не безъизвѣстно, чего для всѣхъ благъ Совершитель—Богъ вашему сіятельству лѣта, славу и честь умножая да умножитъ; между таковыми промыслительствами признать нужно—и заводъ брусковой краски вашимъ сіятельствомъ, и къ поспѣшенію и въ совершенное онаго заводу приведеніе вашего сіятельства сынъ графъ Андрей Петровичъ той компаніи участникомъ, паче же предводителемъ учредился.. И я, отъ монастыря оной компаніи въ услужность, траву (красочную) въ вотчинѣ монастырской сѣять, собирать и продавать крестьянъ дважды повѣстилъ и въ томъ съ нихъ подписки взялъ и въ Курскую воеводскую канцелярію для вѣдома сообщилъ. На заводъ оной краски въ вотчинѣ монастырской мѣсто, съ вѣдома архіерейскаго, ибо безъ того было невозможно, англичанину Роберту, по его выбору, отведено; крестьянамъ, кои на томъ заводѣ послужить ему Роберту похотятъ, отъ монастыря свободно, а ледникъ на дворѣ монастырскомъ для содержанія съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ ему Роберту уступленъ; крестьянамъ, у которыхъ есть борзыя собаки, съ господиномъ Робертомъ, когда онъ потребуетъ, ѣздить на охоту не возбранено; квасъ, когда потребуетъ, со двора монастырскаго даютъ, и всякое ему почтеніе отдается,—и съ этихъ моихъ поступковъ но-

возаводимой фабрикѣ есть ли какое препятствіе, вашему высокографскому сіятельству ясно видно, и я за эти мои поступки къ вашему сіятельству отъ него Роберта доброй рекомендаціи надѣялся, однако онъ... не таковою наградилъ меня, а (какъ писаніе ваше прошедшаго іюля 31 дня пущенное, а мною сего сентября 9 полученное, изъявляетъ) противною, а именно—якобы я монастырскимъ крестьянамъ матеріалъ на фабрикѣ продавать запрещаю, и за то, что прежде продавали, иныхъ наказывалъ; но благодареніе Всевѣдущему, что это взнесено на меня напрасно; благодареніе же и вашему сіятельству, что по этой напрасности гнѣва на меня не положили, а только отъ того мнѣ престать милостивымъ писаніемъ увѣщали.

Къ оправданію моему, а къ уничиженію оныхъ на меня клеветъ, буде вышепоказанные мои поступки предъ вашимъ сіятельствомъ недовольны, то я Богомъ всевѣдущимъ клянусь, что ни тайно, ни явно, ни собою, ни другимъ кѣмъ матеріалъ на фабрикѣ продавать крестьянамъ не воспрещалъ, и за продажу никого не наказывалъ ниже словомъ; буде же и по этой клятвѣ недостоинъ я вѣроятія или сумнителенъ вамъ кажусь, то прошу приказать доносителямъ изобличить меня, которымъ я крестьянамъ именно матеріалъ на фабрику продавать запрещалъ и за продажу которыхъ наказывалъ; буде же и этого не послѣдуетъ, то я подъ суспиціею онаго запрещенія и наказанія останусь напрасно и тѣмъ крайне обиженъ буду неповинно. Но понеже ваше высокографское сіятельство всякія истины истецъ, защитникъ и покровитель, то и мое сіе истинное оправданіе не токмо пріятіемъ, но и защищеніемъ не оставите, и вѣру онымъ клеветникамъ не дадите, понеже я не того состоянія, чтобы пакости дѣлать, и въ милости своей обитель и меня богомольца своего содержать нижайше прошу. И обитель, и я со всею о Христѣ братіею о временномъ и вѣчномъ вашего высокографскаго сіятельства благосостояніи всемогущаго Бога молить вѣрно и усердно одолжаемся, въ чемъ съ глубочайшимъ вашея высокородныя особы почитаніемъ и остаюсь».

Архимандритъ однако лукавилъ, выражая въ письмѣ къ Шувалову сочувствіе новоустроенному заводу. Въ этомъ изобличаетъ его сохранившееся въ дѣлахъ монастырскихъ письмо, заготовленное въ слѣдующемъ 1760 году, отъ его имени къ монаху Христофору, бывшему въ Петербургѣ для ходатайства по разнымъ монастырскимъ дѣламъ. Заводъ, какъ видно, не давалъ покоя отцу архимандриту, и

онъ тонко соображалъ всѣ пути, какъ бы отдѣлаться отъ него. «Если ты не можешь исходатайствовать», значилось въ письмѣ, «чтобы фабрики не быть въ вотчинѣ монастырской, а понеже господинъ полковникъ Яковъ Ивановичъ Шубскій отъ Петра Ивановича, а отецъ Андрей отъ Ивана Ивановича Шуваловыхъ имѣютъ милость, то отвесть имъ по полпуду перепеловъ и просить, чтобы господинъ полковникъ Петра Ивановича, а отецъ Андрей Ивана Ивановича Шуваловыхъ попросили, и уже Иванъ Ивановичъ Петра Ивановича о томъ же, то есть—чтобы не быть фабрикѣ въ вотчинѣ монастырской».

Анфіанъ Лебедевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1884 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

III. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

IV. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

V. СМѢСЬ.

I. Изъ рукописей Е. В. Барсова.

II. Историческія розысканія въ южно-русскихъ Архивахъ Амфіана С. Лебедева.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги Г Спасскимъ. М. 1846 г., ц 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. пе... 2 ф.

...отека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россій-...ост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Прав...ской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г. ... 50 к., перес. за 2 ф.

...дованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Пого... М. 1846 г., томы: , 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

...ія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. ...6 г., ц. 1 р. 50 к. пер. за 2 ф.

...нисное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, ... рисун. М. 1847 г. ц. 2 р., перес. за 4 ф.

...рія Россійская, В. І. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я. ...48 г., ц. 1 р. 50 к, перес. за 4 ф.

...словіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха ...рскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

...годневъ составленый Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ. ...79. ц. 3 р.

...аніе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в. ... Андрея Попова. М. 1880. ц. 2. р.

ЧТЕНІЯ

... Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

...къ 2, 3 и 4 по 2 рубля каждая книга. **Годы** 1861—1880, по 4 ..., каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ ...одаются За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ВРЕМЕННИКЪ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ,

5 книгъ, каждая по два рубля, а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника» 4 фунта.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

при Московскомъ Университетѣ,

выходятъ трехмѣсячно, какъ повременное изданіе, *четыр*
въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печа
листовъ.

Подписка годовая—*семь рублей* серебромъ въ Москвѣ,
пересылкой въ другія мѣста—*восемь руб. пятьдесятъ ко*
Съ требованіями обращаться *въ самое Общество*, на Мохов
зданіи Университета.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Иванъ Егоровичъ **Забѣлинъ**,

На 3-й Мѣщанской, домъ Чанова.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ **Барсовъ**,

на Малой Никитской, въ Егорьевскомъ переулкѣ, домъ Липск

ВИВЛІОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ **Филимоновъ**,

въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Геннадій Ѳедоровичъ **Карповъ**,

на Большой Ордынкѣ, въ собственномъ домѣ.

АРХИВАРІУСЪ.

Александръ Николаевичъ **Зерцаловъ**.

КОМИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА

Николай Ивановичъ **Мамонтовъ**.

Книжные магазины: 1. *въ Москвѣ*, на Кузнецкомъ мос
д. Фирсанова. 2. *въ Петербургѣ*, Невскій проспектъ, № 46. П
писка на «Чтенія» и на всѣ прежнія изданія Общества принима
ся *исключительно* въ означенныхъ магазинахъ г. коммиссіоне